

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Центр интеллектуальной истории

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF UNIVERSAL HISTORY

Centre for Intellectual History

DIALOGUE WITH TIME

Intellectual History Review

13

URSS
Moscow • 2004

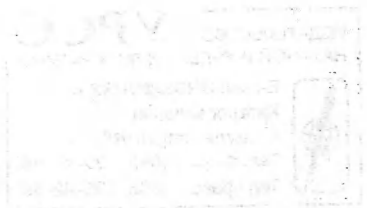
*Будем же измерять время
мерой духовной!*
(Р.Эмерсон)

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

Альманах интеллектуальной истории

13

УРСС
Москва • 2004

Главный редактор

Л.П.РЕПИНА

Рецензенты:

доктор исторических наук М.П.Айзенштат
кандидат исторических наук А.Г.Суприянович

Редакционная коллегия:

М.С.БОБКОВА, П.П.ГАЙДЕНКО, И.Н.ДАНИЛЕВСКИЙ, Г.И.ЗВЕРЕВА,
С.Я.КАРП, М.С.ПЕТРОВА (ответственный секретарь), Е.И.ПИВОВАР,
В.И.УКОЛОВА, С.А.ЭКШТУТ, А.Л.ЯСТРЕБИЦКАЯ

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ. Альманах интеллектуальной истории. 13.
М.: Едиториал УРСС, 2004. — 392 с.

Альманах «Диалог со временем» — научное периодическое издание, специально посвященное проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

DIALOGUE WITH TIME. Intellectual History Review. 13.
Moscow: Editorial URSS, 2004. — 392 p.

Dialogue with Time is the first Russian periodical specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Издательство «Едиториал УРСС». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Лицензия ИД № 05175 от 25.06.2001 г. Подписано к печати 01.12.2004 г.

Формат 60×84/16. Печ. л. 24,5. Зак. № 2-1687/844.

Отпечатано в типографии ООО «Рохос». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

ИЗДАТЕЛЬСТВО УРСС
НАУЧНОЙ И УЧЕБНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

 E-mail: URSS@URSS.ru
Каталог изданий
в Internet: <http://URSS.ru>
Тел./факс: 7 (095) 135-42-16
Тел./факс: 7 (095) 135-42-46

ISBN 5-354-01097-9

- © Коллектив авторов, 2004
- © Институт всеобщей истории РАН,
1999 (год основания), 2004
- © Едиториал УРСС, 2004

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

За последние годы произошли существенные перемены в развитии научных исследований и в преподавании исторических дисциплин в высших учебных заведениях России. Становится все более заметным стремление использовать в академической практике новые исследовательские подходы и методический инструментарий. Происходит обновление направлений и проблематики исследований, научно-педагогических кадров. По сравнению с серединой 1990-х годов, существенно выросло и продолжает расти число защищаемых кандидатских и докторских диссертаций. Постепенно восстанавливаются прежние и налаживаются новые связи между историческими кафедрами региональных и столичных университетов, а также академическими институтами.

Заметный вклад в эти позитивные процессы внесла целенаправленная деятельность научных фондов, в том числе международных. В первую очередь это относится к уже завершенной Программе поддержки кафедр в рамках Мегапроекта «Развитие образования в России» Института «Открытое общество». Благодаря финансовой и организационной поддержке Мегапроекта удалось не только радикально изменить ситуацию на семи выигравших конкурс ППК исторических кафедрах (в Воронежском, Казанском, Омском, Петрозаводском, Саратовском, Томском университетах), укрепить их материально-техническую и информационную базу, но и отработать успешную модель взаимодействия региональных вузов и столичных научных центров, восстановить связи внутри профессионального сообщества, придать импульс повышению качества образования и росту научного потенциала поддержанных кафедр, создать обширный и уникальный по дисциплинарному охвату и содержательным новациям комплекс учебно-методических изданий, соответствующий современному состоянию мировой исторической науки и образовательной практики. Многочисленные научно-методические семинары, регулярные «сезонные школы» междисциплинарного характера для молодых исследователей и преподавателей дали дополнительный толчок к оформлению на некоторых исторических кафедрах новых

направлений на стыке различных социогуманитарных дисциплин.

Многие исторические кафедры региональных университетов России, по существу, превратились за последние годы в современные учебно-научные центры с сильной материальной базой, позволяющей использовать в преподавании истории новые информационные технологии, создавать мультимедийные курсы и WEB-ресурсы. Вместе с тем, этот процесс еще не развернулся вширь. И в целом серьезные трудности в развитии исторической науки в региональных вузах, в продвижении научных достижений мировой и отечественной историографии в образовательный процесс сохраняются. Комплектация университетских и областных библиотек современной научной литературой, как зарубежной (особенно научной периодикой), так и российской (а тем более публикациями источников), совершенно неудовлетворительна. Высокая загруженность преподавателей препятствует эффективной научной работе, страдает языковая подготовка. Не восстановлена в полной мере система повышения квалификации профессорско-преподавательского состава. Из-за недостатка финансирования ограничены возможности командировок преподавателей, в том числе и для участия в важнейших международных научных форумах. Не решены проблемы организации регулярных стажировок и создания условий для работы преподавателей региональных вузов в центральных архивах и крупнейших российских книгохранилищах (кстати, в них новая научная литература, в том числе журналы по историческим наукам, поступают в ограниченном объеме и с большим опозданием). Малые тиражи и – в еще большей степени – отсутствие эффективной сети распространения региональных изданий отнюдь не способствуют обмену информацией. В результате постоянные научные коммуникации между региональными историческими сообществами остаются нереализованными.

Отрадно констатировать сохранение и развитие некоторых ведущих научных школ (например, медиевистики в Саратовском государственном университете или теории и истории историографии – в Томском), и даже тенденции к формированию новых (например, по отечественной историографии – в Омске). Но нельзя не заметить и то, что в ряде исторических дисциплин произошел разрыв в преемственности поколений ученых и педагогов, значительно уменьшилось число специалистов по изучению отдельных периодов всемирной истории, стран и регионов, по существу свернуто изучение экономической истории, история историографии все еще занимает полумаргинальное положение (в то время как в зарубежной историографии она достигла высокого статуса и

успешно развивается), а разработка проблем источниковедения ориентирована почти исключительно на отечественную историю.

В целом уровень образования в региональных университетах даже «с большим стажем работы» оставляет желать лучшего (не говоря уже об университетах «новорожденных»). Неслучайно, согласно проведенным социологическим опросам, лишь немногим более половины студентов исторических факультетов удовлетворены процессом обучения, а подавляющее большинство считает необходимым осуществление постоянного контроля за качеством преподавания в форме изучения мнения студентов, независимой экспертизы, конкурсности учебных курсов, контроля со стороны администрации и др.

В условиях глобализации и формирования единого информационного поля перед нами встают новые задачи. Интеграция российского исторического образования в европейское и мировое образовательное пространство отнюдь не обещает быть беспроблемной. Безусловно, обучение все более заметного числа наших студентов и аспирантов за рубежом, активное участие преподавателей российских вузов в международных конференциях и научных проектах (в том числе стимулируемое поддержкой Межрегиональных институтов общественных наук, в рамках программы, осуществляемой ИНО-центром), освоение ими междисциплинарных подходов, новых методов исследования и новых образовательных технологий будут способствовать продвижению по этому нелегкому пути. В позитивном ключе активно воздействуют на состояние профессионального исторического знания и образования возникшие в постсоветской России общественные организации – профессиональные исторические ассоциации (Ассоциация «Историк и компьютер», Общество интеллектуальной истории, недавно созданная Ассоциация всемирной истории и некоторые другие).

Наиболее актуальная проблема дня сегодняшнего и ближайшего будущего – это проблема интеграции науки и образования. Нередко ее сводят к структурно-организационным преобразованиям. Действительно, ситуация в России осложняется тем, что долгое время в советский период научно-исследовательские учреждения были отделены от системы высшего образования. Но все же следует признать, что это отделение производства исторических знаний от их трансляции вовсе не было абсолютным и не могло быть таким, по определению. Науке и образованию, что называется, «не жить друг без друга». Кооперация продолжалась практически в течение всего XX века. Многие выдающиеся ученые из исследовательских институтов читали курсы в университетах и других вузах. В значительном числе вузов существовали исследо-

вательские лаборатории и центры, велась научная работа на кафедрах. Однако в современной России проблема интеграции науки и образования была поставлена на новую базу. Речь идет, во-первых, о резкой интенсификации исследовательской работы в университетах, о создании в системе высшего образования десятков научных центров (по опыту западных стран). Известен опыт подобной интеграции академической и университетской науки в области отечественной истории в Новосибирском университете (с Сибирским отделением РАН) и в области всеобщей истории в Саратовском университете (с Институтом всеобщей истории РАН). Во-вторых, созданы образовательные институты в Российской Академии наук или под ее патронажем, как например Государственный университет гуманитарных наук (ГУГН).

Главная цель такой «академической» модели интеграции – не просто участие отдельных ученых-исследователей в учебном процессе, а полномасштабное, системное использование огромного потенциала академической науки в образовательных целях. Есть и второй, не менее важный аспект – возможность более целенаправленной, плановой подготовки будущего поколения ученых. Много делается в обоих этих направлениях, хотя резервы еще далеко не исчерпаны. Об этом говорят и события последнего времени – создание на базе исторического факультета ГУГНа и Института всеобщей истории РАН нового Научно-образовательного центра, открытие Саратовского филиала ИВИ РАН, а также заключение договоров о сотрудничестве ИВИ РАН с целым рядом региональных университетов (в сфере исследовательской, научно-организационной и образовательной деятельности и в переподготовке кадров). В целом роль институтов Российской академии наук в координации научных исследований и оказании действенной поддержки историческим факультетам региональных вузов в усовершенствовании системы межвузовского обмена и академической апробации научных исследований, содействии созданию в рамках вузов исследовательских институтов, научных центров и групп, должна существенно усилиться.

Речь идет о конкретных действиях, направленных на создание благоприятных условий для инноваций и в научных исследованиях, и в процессе преподавания. В связи с этим хотелось бы вернуться к более широкому и глубокому пониманию проблемы интеграции науки и образования. Не только в России, но и в западных странах, на которые у нас принято равняться, историки сталкиваются с трудностями, подстерегающими на этом пути – уже не на организационном уровне, а на содержательном, концептуальном, методическом. Мировая историческая наука во второй

половине XX столетия пережила глубокую внутреннюю трансформацию – теоретико-методологическую, концептуальную, содержательную, структурную. В России эти процессы происходят в сжатые сроки и со значительной деформацией. На мой взгляд, ключевая проблема интеграции науки и образования состоит в следующем: как перевести инновации историографической практики в образовательный процесс, как приобщить студентов и более широкую публику к современным достижениям исторической науки? Конечно, как справедливо отметил в свое время известный французский историк Морис Эмар, изложение истории никогда не будет сведено к системе уравнений. Но все же логика исследования и логика изложения, как правило, не совпадают, тем более когда речь идет об изложении истории в учебниках. Современному информационному, аналитическому, теоретическому и методическому состоянию исторической науки должна соответствовать новая практика обучения истории: новые принципы отбора, структуризации и изложения материала, широкое применение сравнительно-исторического (компаративистского) подхода, дающего целостное представление об истории человечества и стимулирующего развитие аналитических способностей студентов.

В связи с этим встает задача обновления содержания и структуры лекционных курсов, учебников, учебных пособий, учебных программ. Особенно это касается синтезирующих курсов, которые требуют достаточно высокого уровня обобщения. Отбор конкретно-исторического материала должен опираться на опыт современной исторической науки. Современный учебник невозможен без серьезного внимания к антропологическим аспектам истории и к индивидуальным судьбам. Он также должен опираться на современный концептуальный аппарат и методологический инструментарий исторической науки, с учетом накопленного ею опыта полидисциплинарных и компаративных исследований. Наконец, ему предстоит окончательно освободиться от однозначных суждений и оценок, последовательно представлять и сопоставлять разные интерпретации с их аргументацией и взаимной критикой, демонстрировать различия в постановках вопроса, возможности разных подходов и альтернативных решений. Рассмотрение различных истолкований отдельных событий и явлений составляет критически важную в мировоззренческом и познавательном отношении задачу курсов истории, в том числе и для непрофессионалов.

В полной мере проблемы высшего исторического образования в нашей стране нашли свое отражение на состоявшемся 29–31 января 2003 г. в Москве Всероссийском научно-методическом совещании «Проблемы методологии исследований, инновационные

подходы и координация научно-образовательной деятельности в преподавании истории в высшей школе», организованном Государственным университетом гуманитарных наук и Институтом всеобщей истории Российской академии наук при поддержке Института «Открытое общество» (в совещании приняли участие деканы исторических факультетов и заведующие кафедрами всеобщей истории и истории России из шестидесяти двух российских университетов).

В ходе совещания были затронуты конкретные вопросы (в частности, о государственном образовательном стандарте, о соотношении лекционных, семинарских и практических занятий в преподавании истории и о необходимых изменениях в организации учебного процесса; о том, какое место должны занимать базовые курсы в общей программе профессиональной подготовки, о вузовских учебниках по базовым курсам, о специализации студентов, аспирантуре и других формах повышения квалификации, о роли регионального компонента в преподавании истории России). Ответы на эти вопросы позволяют составить вполне определенное представление как о состоянии профессионального исторического образования в России, так и о его перспективах. Специальное обсуждение проблем исторического образования и интеграции академической и вузовской науки нашло свое продолжение и на научно-методическом семинаре «Комплекс "наука – образование" в исторической перспективе» (Москва, март 2003 г.).

Государственный образовательный стандарт для высшей школы, который был введен в 1993 и скорректирован в 1999–2000 гг., определил набор обязательных дисциплин, дисциплин по выбору студента и факультативных курсов и установил самые общие требования к содержанию высшего образования и к уровню подготовленности выпускников. Причем характерно, что в «минимум подготовленности» не были включены содержательные результаты фундаментальных сдвигов, произошедших в исторической науке второй половины XX века. Однако главная проблема исполнения стандартов по истории состоит прежде всего в том, что они воспринимаются в вузах не как минимум, а как нормативный максимум. Возможности, открываемые постановкой новаторских курсов по выбору и факультативов, используются явно недостаточно, хотя каждый факультет – при наличии соответствующего кадрового и материального потенциала – может строить более гибкие учебные планы с учетом своей специфики, самостоятельно решать вопрос о соотношении лекционных и семинарских занятий, распределять часы между блоками программ и внутри них. Дополнительное пространство для маневра могло бы дать снижение нормативов наполняемости групп для спецсеминаров и спецкур-

сов. Весьма важно было бы также разработать государственный стандарт обучения в аспирантуре и программу поствузовского исторического образования, создать институт аспирантской подготовки, позволяющий обеспечить стабильность и единство требований к уровню кандидатских диссертаций. В целом, по стандартам и программам нужна развернутая профессиональная экспертиза высококвалифицированных специалистов, имеющих богатый опыт исследовательской и педагогической работы.

Что касается форм учебного процесса на исторических факультетах, то оптимальное соотношение лекционных и семинарских занятий видится как 2:1 на младших курсах и 1:1 – на старших. Вместе с тем эффективность семинарских занятий и практикумов зависит от обеспеченности учебной и научной литературой. Вузы, которые располагают достаточным количеством специальной литературы и изданиями источников, отвечающих современным требованиям, отдают предпочтение практическим занятиям с источниками и семинарским занятиям, на которых студенты получают навыки профессионального анализа специальной литературы (в том числе подготовка курсовых, рефератов, докладов). Важнейшую роль в учебном процессе призвана играть самостоятельная и научная работа студентов (участие в конференциях, подготовка научных публикаций, работа в студенческих научных обществах). В вузах же, не имеющих достаточного учебно-методического обеспечения, современной научной литературы, периодических изданий и изданий источников, эти эффективные формы работы невозможны, и остается необходимость больше учебных часов отводить на лекции, транслирующие готовые знания (таким образом, проблема доступности литературы вообще и особенно учебно-методической сохраняет свое значение). К сожалению, такие нетрадиционные формы, как обучение с использованием компьютера и специального программного обеспечения, а также проблемно-ситуационные методы обучения, применяются крайне редко. Учебные программы, ориентированные не на простое усвоение объяснительных схем, а на применение знаний и навыков, на овладение методикой исследовательской работы, остаются остродефицитными.

Базовые курсы отечественной и всеобщей истории сохраняют приоритетные позиции в учебных планах, однако, в условиях перегруженности учебных планов, все более очевидной становится невозможность последовательного изложения всего необъятного и разнородного массива накопленных исторической наукой знаний. Структуру и содержание этих курсов предстоит радикально пересмотреть, придать им проблемный характер, вывести страноведче-

ский материал на уровень специальных курсов, сохранив при этом присущую российской университетской традиции фундаментальность профессионального исторического образования.

Следует навести мосты между «своим» и «чужим» прошлым: расширяя региональную составляющую в преподавании истории России, включить в учебные программы курсы, ориентированные на изучение других регионов, и курсы компаративной направленности, создать соответствующие учебные пособия. Региональная составляющая становится одним из приоритетных направлений научной работы преподавателей исторических факультетов (в свете их достижений отнюдь неслучайным выглядит высокий интерес, проявляемый за рубежом к историческим исследованиям в российских регионах). При этом особого стимулирования заслуживает как углубленная разработка общих вопросов истории России на местных материалах, так и развитие компаративных регионаловедческих исследований. Эта задача внутридисциплинарной интеграции представляется, пожалуй, самой сложной, требующей конструктивного взаимодействия и настойчивых усилий единомышленников — не только специалистов по отечественной и всеобщей истории самой высокой квалификации, но также лиц, ответственных за управление образованием.

В ряде университетов из-за отсутствия кадров практически не ведутся научные исследования по многим направлениям всеобщей истории, особенно по истории стран Азии и Африки. Важность этой проблемы обусловлена, в частности, геополитической ситуацией России. Согласно Госстандарту, преимущественное внимание в курсе всеобщей истории традиционно уделяется истории европейских стран, а не истории стран Азии и Африки, где живет подавляющее большинство человечества. Есть пробелы и по отдельным периодам отечественной истории. Большую помощь в решении этой кадровой проблемы могут оказать не столько вертикальные, сколько горизонтальные связи: возрождение региональных научных школ, профилирование кафедр и кооперация между региональными вузами — сосредоточение их усилий на подготовке специалистов по отдельным направлениям отечественной и всеобщей истории (в частности, отраслевая специализация по истории стран Востока в нескольких региональных университетах) для межрегионального обмена. Возможна, например, углубленная специализация некоторых региональных кафедр, сосредоточение их усилий на изучении истории какого-то одного географического ареала (скажем, история стран Юго-Восточной Азии) или одного направления (например, экономическая история) с тем, чтобы в дальнейшем при необходимости готовить соответ-

ствующих специалистов для нужд различных университетов России. Речь идет о конкретных действиях, направленных на создание благоприятных условий для инноваций и в научных исследованиях, и в процессе преподавания.

До сих пор неважно обстоят дела с обновлением корпуса учебной литературы. Все еще слабо представлены новейшие исследовательские подходы в учебных программах, в своем большинстве сохраняющих приверженность узко понимаемому предметному принципу представления исторического знания в ущерб междисциплинарным связям. В них плохо отражена современная структура исторических дисциплин и направлений, место и роль в исторической науке наших дней устной истории, истории частной жизни и повседневности, гендерной истории, микроистории, компаративной истории, концептуальной истории, культурно-интеллектуальной истории, постмодернистских течений и т.д.

Многие университетские библиотеки не располагают достаточным количеством экземпляров новых учебников по общим курсам и вынуждены довольствоваться учебной литературой, вышедшей в 1960–80-е годы. Нужен, видимо, какой-то новый механизм, который бы компенсировал разрушение прежней централизованной системы снабжения университетских библиотек. Огромная потребность существует в учебных пособиях, учебных программах, лекционных курсах, хрестоматиях.

Особенно это касается дисциплин так называемого познавательно-рефлексивного блока – прежде всего по методологии и истории исторической науки (по историографии вообще нет ни одного пособия, которое покрывало бы курс в целом). А ведь кафедры, как правило, не располагают специалистами, способными читать эти курсы на уровне современных требований. Часто для тех преподавателей, которые читают курсы по методологии и истории исторической науки, это – всего лишь обязательная нагрузка, а для подготовки такого курса нужен особый склад ума и обширный исследовательский опыт. Многие специалисты обоснованно подчеркивают значение практических занятий по методологии истории, на которые следовало бы, по их мнению, отводить от трети до половины учебного времени, уделяя особое внимание исследовательской лаборатории историка, пониманию того, как и какими методами происходит приращение исторического знания. С сожалением приходится констатировать, что в программах курсов по истории недостаточно освещены вопросы исторической теории и истории историографии, а также фундаментальные проблемы современной исторической науки. В новых условиях, когда произошло существенное расширение и

обогащение теоретических и методологических подходов в изучении прошлого, этот новый теоретический багаж и методологический инструментарий должен быть отражен и в учебной литературе, и в программах, и в стандартах. При отсутствии же в вузовских библиотеках необходимой литературы, подготовка такого курса превращается практически в невыполнимую задачу.

Необходимо создавать лаборатории и центры, специализирующиеся на разработке теоретико-методологических проблем исторической науки. В их задачи следовало бы включить: обобщение отечественного и мирового опыта в области теории исторического познания; подготовку общих и специальных курсов по проблемам теории и методологии истории, теоретических проблем современной историографии, междисциплинарных теоретических основ специальных исторических дисциплин; подготовку кадров в рамках аспирантуры в области теории и методологии истории; обобщение отечественного и мирового опыта применения в исторических исследованиях теорий и методов как смежных гуманитарных дисциплин, так и естественнонаучного знания; подготовку и публикацию учебных пособий по современным теориям исторического познания.

Представляется неадекватной и существующая модель историографических курсов, не говоря уже о сокращении вдвое часов на историографию. В то время как историографические курсы составляют важную часть профессионального образования, студентами и, похоже, авторами существующих стандартов она не воспринимается как профессионально необходимая. Вполне справедливая критика раздается в адрес разделенного курса историографии: на историографию всеобщей и историографию отечественной истории. Это разделение (а в некоторых университетах, как известно, оно еще более дробное) имеет следствием отсутствие у студентов целостного образа исторического знания, теряется общая нить развития исторической науки. Возьмем, к примеру, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова: в изданном в 1998 г. сборнике программ общих курсов, обязательных для всех студентов отделения «История» исторического факультета МГУ, независимо от их специализации, мы не найдем курса по истории исторической науки. Курс историографии читается по кафедрам специализации, а значит по историографии даже не всеобщей или отечественной истории, а отдельных периодов и разделов той или другой: антиковедения, медиевистики, новой и новейшей истории и т.д. Это все равно как если бы студентам-химикам, физикам или биологам читали не курс истории науки, а только, например, историю органической химии или физики твердого тела, или микробиологии. Проблемно-

тематическая историография, при всей ее практической пользе, не может заменить собой систематический курс истории исторического знания со всеми его составляющими: социокультурной, антропологической, теоретической, эпистемологической, методологической, мировоззренческой, науковедческой.

Встает вопрос и о курсе компаративной историографии как о более адекватном способе изучения истории исторической мысли и исторического сознания в век мультикультурализма, как способ преодоления европоцентризма. Еще один важный момент состоит в том, что помимо всего прочего материал историографических курсов создает богатое поле возможностей для фиксации и трансляции профессиональных конвенций, норм и ценностей, для усвоения будущими историками коллегияльной этики.

Вопросы, касающиеся перспектив специализации студентов и аспирантов и повышения квалификации преподавателей, оказываются весьма острыми для подавляющего большинства региональных университетов. Большую роль в повышении качества профессионального образования играют раннее приобщение студентов к научной деятельности, повышение качества преподавания, индивидуальный подход к студентам с различной подготовкой, улучшение материально-технической базы, компьютеризация, приглашение преподавателей из других вузов страны, а также такие формы повышения квалификации после окончания учебы, как стажировка за рубежом, аспирантура и стажировка в других вузах или в научно-исследовательских институтах. Прием в аспирантуру, по сравнению с 1995 г. существенно вырос (как и число докторантов). Однако преподаватели, которые не могут быть по формальным признакам причислены к категории молодых ученых и специалистов, фактически, оказались лишенными возможности повышать свою квалификацию в крупнейших вузовских и академических центрах страны. Существует насущная потребность в возрождении системы повышения квалификации для преподавателей старших поколений – с учетом новых условий, возможно с созданием новой сети межрегиональных семинаров. Произошел серьезный позитивный сдвиг в этом направлении, о чем свидетельствует обширная программа курсов повышения квалификации для преподавателей вузов, начатая в октябре 2004 г. Государственным университетом гуманитарных наук и Институтом всеобщей истории РАН.

Н.И. Девятайкина (Саратов)

ПРОБЛЕМА ВОЙНЫ И МИРА В ДИАЛОГАХ ТРАКТАТА «О СРЕДСТВАХ ПРОТИВ ПРЕВРАТНОСТЕЙ СУДЬБЫ»

21 июля 2004 г. культурная общественность отмечала 700 лет со дня рождения великого итальянского поэта и гуманиста Франческо Петрарки. Важность этого события была понятна значительно раньше: еще год назад десятки серьезных научных центров Европы и Америки, в том числе Комиссия по культуре Возрождения при Академии наук России, объявили о готовящихся конференциях, а крупнейшие библиотеки – о выставках рукописей, автографов, книг, принадлежавших поэту.

Несомненно, что славой в веках любой большой деятель культуры во многом обязан непреходящей актуальности своих произведений, которые каждая эпоха, каждое новое поколение прочитывают по своему, находя в них созвучное заботам и запросам своего времени.

В творчестве Петрарки остается востребованным и близким нам очень многое. Но ныне, возможно, прежде всего – его сочинения, сонеты, письма, речи, связанные с проблематикой войны и мира, политического изгнания, гражданских смут, армии и вооружения, роли властей во внутренних и внешних конфликтах.

Между тем, общественная позиция Петрарки, как и других деятелей первого этапа развития ренессансного гуманизма, еще не изучена всесторонне. Ее исследование уступает место лингвистическому, текстологическому, литературоведческому анализу его произведений¹. В последнее десятилетие в этой области по-прежнему больше всего делает ведущий итальянский специа-

---

¹ О результатах этих трудов дает представление огромный каталог, подготовленный Национальным комитетом по подготовке празднования юбилея Петрарки и включивший сведения по истории рукописных и печатных изданий произведений Петрарки, хронологии создания его произведений и пр. – См.: *Petrarca nel tempo. Tradizioni, lettori e immagini delle opere*. Catalogo / A cura M. Feo. Roma, 2003.

лист по раннему гуманизму Уго Дотти². В русской историографии на важность вопросов еще сто лет назад указал М.С. Корелин, но потом тема ушла в тень.

В центре внимания данной статьи находится проблема войны и мира. Она, как известно, привлекала внимание Петрарки, начиная с поэмы «Африка». Эта поэма, а затем трактат «О знаменитых мужах» определили основные оценки исследователей и заслонили собой диалоги трактата «О средствах против превратностей судьбы», связанные с политической проблематикой. Между тем оказывается, что с темами войны и мира напрямую или косвенно связан каждый пятый диалог трактата. Особенно плотно ими насыщена его вторая книга.

Напомним, что первый вариант трактата был написан в достаточно сжатые сроки – между 1354 и 1360 гг., и что свое окончательное завершение он получил в 1366 г. Трактат состоит из двух больших книг, включивших 253 диалога. В первой разговор ведут между собой Радость и Разум или Радость и Надежда, во второй – Страх и Разум, или Скорбь и Разум. Давая имена персонажам, Петрарка использовал прием стоиков. Гуманист начал трактат после своего возвращения в Италию из-за Альп, где (в Авиньоне и Воклюзе) он прожил до 1353 г. Первым местом его итальянской жизни стал Милан. И начальный вариант трактата был написан именно там.

Круг проблем, поднятых в диалогах трактата, очень широк. Это общие вопросы войны, мира и власти, сражения, победы и поражения, угрозы родине и защиты родины, воинское ремесло, оружие и снаряжение, воинская служба и воинская слава. Много специальных диалогов посвящено теме гражданских распри и войн, политического изгнания и смерти, тиранов и тирании.

Вернувшись в Италию и оказавшись лицом к лицу с ее проблемами, Петрарка буквально заболел этой темой. Да и было от чего. Вторая половина XIV в. будто взялась помогать чуме: человеческие жизни за Альпами уносила Столетняя война, в Италии – борьба папства за восстановление своего влияния, вечная война между Венецией и Генуей, соперничество синьорий и коммун в Тоскане и Ломбардии, сопротивление тираниям, гражданские и

---

² На только что прошедшей международной конференции в Италии, организованной Миланским институтом Петрарки, «Франческо Петрарка. Латинские труды: переводы и судьба» (Кьянчано-Пьенца, 19-22 июля 2004), доклад У. Дотти был также посвящен политической позиции Петрарки. Кроме этого, только мой доклад тоже был напрямую связан с анализом общественно-политических взглядов гуманиста.

партийные распри. Из личных обстоятельств надо отметить смещение с поста главы государства друга юности Петрарки Аццо да Корреджо в феврале 1354 г. в Вероне в результате восстания граждан. Ему Петрарка посвятил трактат, высказавшись в предисловии и по поводу данного события.

В это время война как феномен культуры вышла на первый план в философских и политических трактатах, в произведениях литературы и искусства. Как выявил Филипп Контамин и другие авторы, война обосновалась в глубинах коллективного сознания, стала одной из главных тем искусства, служила кладезем литературных метафор и сравнений, поставляла художественную символику. Трактатов о войнах и военном искусстве писалось гораздо больше, чем о мирных трудах, ремеслах, деяниях³.

Петрарка отложил в сторону большие сочинения о войнах и героях прошлого, забросил «Африку». Он обратился к злобе дня.

Итак, Петрарка начал трактат в мае 1354 г. Как раз в это время между Генуей и Венецией разразилась очередная война. 28 мая 1354 г. Петрарка обращается к венецианскому дожу Дандоло с уже не первым письмом, в котором пишет о проблеме мира. Автор безоговорочно осуждает войну, считает, что результаты победы могут быть худшими, чем поражения. Он предупреждает, что война «заразительна» и редко остается локальным делом: в частности, вся Ломбардия теперь на стороне Генуи. А главное – такая война может разорить Италию; если же страна будет разорена, то и Венеция не избежит подобных последствий⁴.

Петрарка предельно четко обозначил политические и исторические последствия столкновения Генуи с Венецией. Кроме того, обнажил по сути дела национальный момент: что в гражданских войнах не бывает победителей, и что победа неизбежно обрачивается общими бедствиями. Тем самым гуманист подходит к вопросу о природе гражданских войн, их отличии от тех, что ведутся с внешними врагами.

В письме гуманист сделал еще одно политическое заявление: оружие может быть использовано при защите от иноземных врагов, но не может и не должно служить делу разрешения внутренних конфликтов. Вскоре после этого письма Петрарка (по просьбе правителей Милана Висконти) отправился в Венецию сам – во главе дипломатической миссии, чтобы лично призвать к заключению ми-

³ Контамин Ф. Война в средние века / Пер. с фр. Ю.П. Малинина, А.Ю. Карачинского, М.Ю. Некрасова. СПб., 2001. Гл. X.

⁴ *Petrarca F. Familiarum rerum* // Edizione nazionale delle opere di Fr. Petrarca. Firenze, 1926-1942. XVIII, 5.

ра с Генуей. Его «Речь» перед Советом и дожем, главой правительства республики, была записана и сохранилась⁵. Думается, что письмо и речь можно рассматривать как своего рода пролог к диалогам трактата «О средствах против превратностей судьбы».

Вернемся к трактату. Уже упомянутое выше предисловие-посвящение Аццо Корреджо выказывает важность проблем войны и мира. Там идут многозначные рассуждения о роли фортуны, ее силе, судьбах людей, внезапных поворотах событий. Тема войны обозначена прежде всего метафорически, в обычном гуманистическом противопоставлении судьбы и доблести, судьбы и мудрости («мы ведем с судьбой вечную войну и нас победителями может сделать только доблесть»; «ты должен быть вооружен этими краткими и сжатыми сентенциями, словно верным и надежным оружием против любого натиска»; «мы ведем с судьбой сразу две войны: одну – против враждебной фортуны, другую – за счастливую; шансы и на победу, и на поражение равны» и т.д.).

Однако и в буквальном смысле слова тема войны становится единственной, которая обозначается в связи с характеристикой «нынешних», т.е. петрарковских времен. Он с горечью говорит об «обстановке гремящей кругом войны», упоминает королей, которые в плену. (Речь явно идет о французском короле Иоанне Добром, плененном в эпоху Столетней войны в сражении при Пуатье, в 1356 г.)⁶. Заметим попутно, что Столетняя война словно эхо, отражается в ряде диалогов.

Но, конечно, в центре внимания Петрарки оставалась Италия. Классическим стало сравнение в «Письмах без адреса» современной ему раздробленной и воюющей Италии с чудовищем «о тысяче разных голов, кусающих друг друга и поочередно враждующих с самими собой». Напомним, какой Петрарка видит выход: «Если голов много, то должна быть одна, которая сдерживала бы всех ... этой главой должен быть Рим»⁷. Письмо написано незадолго до начала работы над трактатом «О средствах», в 1352 г. Давно выяснено, что речь идет о необходимости национального объединения Италии вокруг Рима.

В начале 1350-х гг. в роли объединителя и умиротворителя

⁵ Она опубликована в кн.: Petrarca a Milano. Documenti milanesi. 1353-1354. P. 176-179.

⁶ Петрарка Фр. О средствах против превратностей судьбы // Петрарка, Франческо. Сочинения философские и полемические, Сост., перевод с лат., коммент., указат. Н.И. Девятайкиной, Л.М. Лукьяновой. М., 1998. С. 134-135. (Далее: «О средствах»).

⁷ Petrarca Fr. Sine nomine. Bari, 1974. P. 42.

Петрарка видел императора Карла IV. Он встречался с ним как раз в то время, когда начал писать диалоги (1354, 1356). Очевидно, встреча и ответы императора на письма Петрарки разочаровали гуманиста. О настроениях Петрарки после них ясно говорят два диалога первой книги: *De regno et imperio* (I, 96) *De adventu principis* (I, 116)⁸. В последнем беседуют между собой Радость-принцес и Разум. Разум заявляет в лицо собеседнику-императору, что прихода современных принцесов, скорей надо бояться: вместе с ними приходят войны, разногласия, беспорядки, вредные новшества.

В первом из названных выше диалогов «О правителе и императоре», гуманист также ни словом не обозначает его миротворческой или объединительной миссии. Более того, в диалоге содержится целый ряд характеристик-упреков в бездействии, даже «великом бездействии», и нерадивости «многих» прежних императоров, темных делах. Радость-император совершенно отчетливо обозначает интересы современных Петрарке принцесов: мечтает о мести, бесконтрольных тратах, богатстве. В конце диалога затевается трудный разговор относительно того, является ли император «господином мира». Из горячей речи Разума ясно, что в таковой роли гуманисту он не видится. Более того, он, приведя ряд излюбленных философских аргументов относительно краткости срока жизни, малости земли, тленности и слабости человека («точки на жалкой точке»), неизвестности конца земного бытия каждого, упрекает императоров в том, что они совершают грабежи, насилия, мучения; создают... «флот и армии для ведения войны». Иными словами, гуманист не только не видит в императорах реальной силы, способной действовать на благо мира, но и усматривает в их усилиях прямую угрозу ему.

Впрочем, и на самое империю как форму организации европейского сообщества Петрарка, судя по всему, начал смотреть совершенно иначе, нежели прежде, иначе, чем в свое время Данте. Он сравнивает ее состояние с заброшенным поместьем, «которое долго находилось в небрежении у многих нерадивых хозяев». Он полагает, что в его времена империя есть нечто «упавшее», «рассыпанное», «утерянное», «изуродованное»⁹.

Один из самых ярких диалогов трактата называется «О надежде на мир» (1, 105)¹⁰. Создается впечатление, что он был на-

⁸ *Petrarca Fr. De remediis utriusque fortunae*. Bern, 1610. P. 288-297; 345-346.

⁹ *Ibid.* P. 289.

¹⁰ *Ibid.* P. 314-315.

писан вскоре после миссий в Венецию (1354 г.): в любом случае, в нем много созвучного по содержанию и настроению с письмом к Дандоло и «Речью» перед Советом и дожем.

Но в диалоге Петрарка свободней и смелей в выражениях. В лице «Радости» представлен некий правитель, синьор, глава правительства. Имен нет, потому дипломатический этикет не сдерживает размышлений вслух. «Радость» монотонно повторяет: «Я надеюсь на мир», на что «Разум» отвечает репликами раз от разу более горячими и содержательными. После первой фразы «Радости» он говорит: «Лучше миру служить, чем на него надеяться, ...лучше всеми силами его укреплять». Разум словно бы ловит собеседника на политическом лукавстве; ему понятно, что заявления «Радости» – популизм чистой воды, ни к чему не обязывающий.

И он публично изобличает этот маневр такими словами: «Те самые, кому сладко имя мира, сам мир горек; мира помогающиеся, миру противостоят». Петрарка сформулировал суть позиции многих сепаратно настроенных правителей: прикрываясь словами о мире, искать поводов к войне, несущей новые прибыли, территориальные присоединения, политическую гегемонию. Он призывает перейти к мерам, которые могли бы этот мир обеспечить. Высказывается убеждение, что бесполезны абстрактные надежды на мир, надо действовать во имя его установления, тогда мир и наступит. «Очень редко к миру не приходят, если его ищут с доброй волей».

Петрарка называет в диалоге некоторые причины войн: алчность, ненависть, высокомерие. Еще Августин обозначал эти грехи как причины несправедливых войн, а в XIV в. знатоки гражданского права, вроде Пьеро Бальдо деи Убальди, включали все их в один из пяти главных критериев несправедливых войн – т.н. критерий духа (*animus*). Войны из-за таких причин Контамин относит к экономическим и одновременно порожденным амбицией¹¹.

Петрарка констатирует еще два характерных для позднего средневековья момента: ничтожность поводов для объявления войны (необдуманное слово, военная стычка) и – хрупкость, непрочность самого мира: оружие нередко прерывает миротворческие речи.

Отклоняет Петрарка и традиционную формулу, что «мир укрепляется после окончания войны». «Разум» произносит горячий монолог: «Насколько полезнее было бы укреплять его перед началом войны? Сколько потерей и смертей мог бы избежать современный мир... Лучше бы мир предшествовал войне; путь ей может быть прегражден» (*bello iter obstructura*).

¹¹ Контамин Ф. Указ. соч. С. 323.

Тема мира и войны, гражданской и внешней, в диалоге пересекаются. Вопрос настолько жгучий, что гуманист вопреки себе почти не прибегает к исторической или философской аргументации. Он ограничивается одним-двумя примерами из эпохи любимого Сципиона, над очередной редакцией «Жизни» которого он в это время работал.

Казалось бы, пафос диалога ясен, пацифизм гуманиста тоже. И вдруг в последних двух репликах Разум заявляет, что иной раз мир бывает пагубным. Он почти не разворачивает аргументации, словно только дает заявку на тему, но главный тезис формулирует четко: мир пагубен, если он пришел вместе с тираном и принес собой тиранию. Тогда лучше воинственная свобода, чем мирное рабство.

Тема тирании напрямую ведет к проблеме гражданских противоречий и войн. Специально ей посвящены два «зеркальных» диалога (соответственно в первой и второй книге) – *De occupata tyrannide* (I, 95) и *De ammissa tyrannide* (II, 81)¹². Напомним, что исторически, в реалиях XIV века во многих городах-государствах были уничтожены или начинали уничтожаться коммунальные порядки синьорами, кондотьерами, власть которых чаще всего обрела характер тирании. Эта власть, как известно, попадала к ним в руки разным путем: через избрание на народном собрании или в Большом Совете, когда на правителя возлагались надежды на смягчение внутренней или внешней напряженности; особые полномочия могли дать синьорам папы или императоры; наконец, при сохранении формальных прав старинных правителей города она могла достаться по наследству. Результат был примерно одинаков: синьор присваивал всю полноту власти, издавал и отменял законы, распоряжался финансами, войском, назначал должностных лиц; права коммуны либо резко сокращались, либо уничтожались. На место закона вставал произвол, на место справедливости или милости – жестокости, на место свободы – подчинение и раболепие.

Диалоги Петрарки рисуют нам картину социального напряжения в таких ситуациях. Радость, говорящая от лица тирана, объявляет много раз одно и то же: «Я присвоил тираническую власть над моими гражданами». И дальше: я захватил, я добился, я получил, я завоевал оружием. Итак, тирания может быть результатом вооруженного переворота. Но главное не в этом: граждане и тиран превращаются во врагов, ухудшается общая атмосфера в государстве: друзьями становятся враги, врагами – граждане. А значит, возникает ситуация, которая может привести

¹² *Petrarca Fr. De remediis...* P. 285-288; 564-569.

к заговору, пролитию крови, малой гражданской войне. Гуманист постоянно подчеркивает неизбежность враждебного отношения граждан к правителю-тирану.

При этом Разум-Петрарка сурово упрекает тиранов в пролитии крови соотечественников, но считает справедливой и закономерной вооруженную борьбу с тиранами. По существу, Петрарка относит борьбу против тирана, вслед за Августином, к справедливым войнам, которые карают за несправедливость, а восстание против тирании – к особому виду гражданских войн, где все-таки могут быть победители и побежденные. И он в данном случае – на стороне победителей. Гуманист и его читатели приходили к выводу о закономерности, справедливости, необходимости борьбы с тиранами с целью их изгнания и даже убийства.

Теперь обратимся к специальному диалогу под названием «О гражданской войне» (П. 74)¹³. Петрарка начинает диалог фразой, вложенной в уста Скорби: «Мы страдаем от гражданских войн». Затем добавляет, что войны вовлекают всех в свой оборот, что они не знают жалости и доводят государство до крайности. Оценка полностью совпадает с тем, что высказывалось в письмах и речах на злобу дня. Теперь она звучит как гуманистическое обобщение.

Диалог представляет собой один из немногих случаев, когда Разум не опровергает высказывания Скорби, а рассуждает вслух. Он несколько раз повторяет, что гражданские войны – это общая беда (*publicum malum*) и вина. На вопрос, кто виноват, ответ краткий: все вместе и каждый по отдельности. Кто-то приходит в ярость, и она зажигает всех, кто-то совершает ошибки, и они тоже ведут к войне. Чем вызывается ярость, что именно за ошибки, не говорится. Но призывы к Скорби очень красноречивы. Скорбь-гражданин должен приложить все силы, чтобы остановить бедствие: кричать, мешать, критиковать одних, успокаивать других, призывать к покаянию всех, добиваться всем способами мира. Даже оставшись в полном одиночестве, защищать свободу и справедливость. Скорей всего, тот, кто рвется к власти, и обещает в обмен на свободу и справедливость сильную руку и твердый порядок.

Итак, Разум не советует Скорби следовать нормам стоического поведения, затаиться, отойти, не вмешиваться. Напротив, активно, даже в одиночестве бороться за восстановление утраченного. Наступление тирании, характерное для XIV века, ощутили в диалогах. Оно воспринимается крайне негативно, настороженно.

Разум взывает к Скорби как к активному гражданину, которому

¹³ Ibid. P. 548-550.

дороги прежняя свобода и правосудие. Скорбь олицетворяет активного гражданина. Ему дается совет начать с примирения противников. Если не получится – выбрать сторону тех, кто за свободу и справедливость. Значит, Петрарка еще верит, что пополанская республика не до конца исчерпала себя? Верит, и одновременно констатирует устами Скорби, что война стала явлением масштабным, непрерывным, трагическим, общественным бедствием.

«Долгом» каждого гражданина объявляется «спасение родины» от гражданских смут. Сами войны названы «тяжелыми болезнями», поражающими «тело общества». Петрарка призывает употребить все возможные миротворческие усилия, все виды посредничества, дабы избежать гражданских распрей.

Таким образом, перед нами еще один диалог, который доносит до читателя накаленную атмосферу города-государства той эпохи.

Суждения о разного рода политических смутах, распрях, сложных ситуациях, социальном напряжении встречаются в диалогах второй книги постоянно. Становится понятна одна из причин, почему он не сделал диалоги «зеркальными»: слишком много хотелось вложить в уста Скорби общественно-значимого, оставив в стороне многие этические и эстетические темы первой книги.

Пожалуй, наиболее выразительным свидетельством того, что культура Петрарки ничем не обязана военным рыцарским ценностям, а его взгляды выражают устремления иной общественной среды, иных социальных групп, служит ряд диалогов о воинском достоинстве, вооруженном войске, осадных орудиях. Один из диалогов первой книги так и называется «О воинском достоинстве» (*De militari dignitate*)¹⁴. Радость являет там образ знатного рыцаря, инициатора многих сражений, победителя, о чем раз за разом заявляет. Разуму-Петрарке сомнительны уже самые претензии рыцарства на исключительную важность и значимость для общества их занятий. Его характеристики рыцарства явно ироничны, воин приравнен к интригану, диалектику, судье.

Да и главное дело жизни всего средневекового дворянства – военное ремесло, воинское достоинство потеряло в глазах гуманиста свой ореол славы, благородства, геройства. Совершенно лишены романтической дымки описанные Петраркой воинские будни. «Ты будешь ловить шлемом ливень, укрываться щитом, спать на голой земле, по сигналу трубы вскакивать на ноги».

Конечно, гуманист и здесь не упускает повода осудить использование вооруженных отрядов в решении внутренних дел.

---

¹⁴ Ibid. P. 186-188.

Он словно заставляет читателя, в первую очередь рыцаря, задуматься: стоит ли в условиях, когда речь идет не о защите родины от грозного врага, а о внутренних распрях, ставить на карту собственную жизнь?

От первой до последней реплики диалога Разум стремится доказать, что лучшие времена рыцарства позади, а его современное положение и занятия весьма мало соединимы с понятием достоинства и не могут претендовать на высокую оценку в глазах большей части общества. В любом случае, в отличие от традиционного средневекового взгляда, рыцарская доблесть перестает быть чем-то сверхчеловеческим, служба теряет свою духовную ценность, благородство.

Попытается подвести некоторые итоги. Один из самых интересных вопросов – к кому Петрарка обращает свои политические диалоги. Если припомнить, кого олицетворяет Радость или Скорбь, получается, что прежде всего – к сильным мира сего: императорам, тиранам, синьорам, т.е. к правителям разного ранга. Получается, что даже в диалоге с императором Петрарка оставляет решающее публичное слово за собой.

Если анализировать литературную специфику диалогов, то собеседники Разума ни разу, ни в одном из них не произносят фразу типа «Я согласен». Они до конца остаются на своем. Аргументы Разума могут быть более или менее развернутыми, яркими, тон – эмоциональным, часто до язвительности, литературная культура – блистательной. Но все напрасно, если иметь в виду реакцию собеседников. Может быть, гуманист нарочито обозначает «упертость» своих персонажей, чтобы реальный читатель тоже захотел с ними подискутировать... Но главное, весь пафос диалогов, конечно, порожден уверенностью в широком круге понимающих и разделяющих убеждение автора читателей.

Диалоги показывают, что с середины 1350-х гг. Петрарку особенно волнуют проблемы гражданских войн. Сквозь их строки проступает и общеполитическая позиция гуманиста: признание ценности мира и бесценности каждой человеческой жизни, ради чего он и призывает к одолению себя человечностью.

Диалоги демонстрируют и глубокое гуманистическое убеждение в возможности словом повлиять на политику: он надеется найти в читателях, в том числе правителях, своих сторонников, способных к усвоению уроков прошлого. Уверенность в возможности проявления доброй воли, достижение мира, согласия отличается не только данный, но и все другие диалоги. Он, в любом случае, настраивает на добрую волю.

Следует специально отметить степень исторической и по-

литической объективности, реализма Петрарки в диалогах. Он вдумчиво анализирует настоящее, сравнивает его с прошлым и делает очень взвешенные оценки. Рубежные 1350-е годы открывают ему истинную цену многого, происходящего в Италии и за ее пределами.

Итак, не только в письмах на злобы дня, но и в одном из главных философских сочинений Петрарка не оставлял в стороне вопросы общественной жизни Италии. В его работах они получили глубокое осмысление, обрели четкие формулировки. Проблема мира осталась ключевой и в политических диалогах.

Без сомнения, понимание необходимости мира для благосостояния, процветания, единения Италии было важной составляющей частью рождавшейся национальной идеи. Она отчетливо видна уже в «Речи», произнесенной гуманистом в Венеции в 1354 г. Петрарке пришлось побывать в Венеции в качестве дипломата еще раз в 1373 г., за несколько месяцев до смерти, когда заключался мир между республикой святого Марка и Падуей. Последняя потерпела поражение, миссия была не из легких, во главе ее стоял сын правителя города, но именно Петрарка, а не он произнес «Речь». И вновь в ней – уже как политический наказ, предостережение – звучали горячие призывы к миру, справедливости, заботам о благе всей страны. Этими же идеями наполнилось его письмо к правителю Падуи Франческо Каррара «О наилучшем управлении государством», которое многими признается политическим завещанием Петрарки. Мир представлен там как главный фундамент и основа справедливого и доброго правления.

Осуждение войны как силы разрушительной, истребляющей нацию в целом, прославление гражданского и внешнего мира как наиболее нормального состояния, времени созидания, является важнейшим вкладом Петрарки в гражданские идеи гуманизма.

Франческо Петрарка

**ДИАЛОГИ ИЗ ТРАКТАТА
«О СРЕДСТВАХ ПРОТИВ ПРЕВРАТНОСТЕЙ СУДЬБЫ»¹**

**Книга 1. Диалог XLVIII
О воинском достоинстве**

Радость: Я украшен воинской перевязью (*militari cingulo*).

Разум: Видно, тебе кажется, что в жизни мало бедствий, если ты не добавишь к ним воинскую службу, из-за которой тебе всегда будут грозить или беспокойства, или бесславие, или опасности, или презрение.

Радость: Я объявляю своим делом воинскую службу.

Разум: Это вы от рождения объявляете своим делом, а что если будет потребность в других занятиях? Один вооружает железом тело, другой – лукавством душу, третий – остроумием свой язык. Никто из вас не безоружен: один – рубит, другой – строит козни, третий – разглагольствует; тот ведет судебное дело, этот движется пешком, тот на лошади или в повозке; этот едет, тот плышет, один повинуется, другой командует. Все при деле (*Nemo vestrum ociosus*). Каковы же нововведения в эту службу? Кто проводит жизнь в военных лагерях, кто – на кораблях, кто – в диспутах, кто – в рощах, кто – в поле, кто – в море, кто – во дворце, кто – дома, кто – в чужих краях: все служат, как говорит Флакк². Но служат не только люди, но и охотничьи собаки в лесах. Много есть родов служащих. Жизнь человека на земле – та же самая военная служба (*militia una est vita hominis*), только тот, кто давал определение военной службе как таковой, добавил к ней слово «сражение».

Радость: Я приписан к вооруженной службе.

Разум: Что с того, что ты снаружи вооружился? Внутри, в душе война идет, ее атакуют и осаждают пороки. Что для души железо? Ведь оно дается для украшения тела, а не для охраны души. Иные же говорят, что ничего нет прекраснее, чем вооруженный муж. Вот уж не считаю, что грудь и голова, закрытые железом, лучше, чем мирные (*pacificum et inermis*) и не защищенные железом. Если же

---

¹ Перевод сделан по изданию: *Petrarca Fr. De remedies utriusque fortunae*. Bern, 1610.

² Гораций. Оды, IV, 2, 2.

снедает эта страсть, действуй, опоясав тело железом. Ты будешь ловить шлемом ливень и солнце, покрывать тело щитом, расположившись прямо на земле, по сигналу трубы подниматься на ноги. Если тебе кажется, что ты обрел нечто великое, – ошибаешься вдвойне: ты избрал кровавое занятие. Есть много лживых надежд и цепей, которые влекут к гибели души человека из-за необузданной жадности и всевозможных вымогательств.

Я не отрицаю, что некоторых военная служба привела к богатству или даже к высшей власти. Но, поверь мне, многие этой дорогой приходили к нужде, к тюрьме, к рабству, к оскорблению, к внезапной смерти. С того времени, как ты избрал в качестве занятия военную службу, ты всегда должен держать душу наготове, если не хочешь обесчестить свое ремесло. И всегда должно звучать в твоих ушах известное восклицание Цезаря: учишься убивать, учишься умирать (*disce ferite, disce mori*). Один короткий слог³ определяет твоё деяние: или убьешь, или умрешь.

Показывай, что ты в любое время готов и к тому, и к другому. Эти искусства – твои утехи. Не зря Сатирик⁴, перечисляя преимущества военной службы, сказал: предполагая приобрести неисчислимое, едва ли получишь самое малое, среди которого первое и главное – свободу совершать ошибки: награда, клянусь Гераклом, не слишком желанная для людей справедливых.

Радость: Я приписал сына к военной службе.

Разум: Весьма часто случается, что сын военного становится военным. Не может же отец сыну не передать в наследство того, что имеет: лук, щит, меч и военные занятия, и то, что наживет в состязании, – позолоченные шпоры. То, что мы сказали об отце, пусть знает сын.

Радость: Я – вождь на войне, прославленный победами.

Разум: Сколь лучше быть вождем мира (*pacis dux*), прославленным доблестями (*virtutibus clarus*)!

Радость: Я был инициатором многих битв.

Разум: Значит, ты отнял покой у себя, а также у других, нечего сказать, – благое дело!

Радость: Я прославлен победами и триумфами.

Разум: Часто зло известнее добра, и страшный ураган знаменитее ясной погоды; и, наконец, ты приготовил для могилы титулы и росказни толпы, но ничего – для себя.

³ Лат. «ferire» – убивать на один слог длиннее «mori» – умирать.

⁴ Сатирик – Ювенал (60-127), римский писатель, резко критиковавший нравы и пороки современного ему общества, автор 16-ти сатир в 5 книгах.

Книга 1. Диалог ХСVI О царской и императорской власти

Царская власть это море трудов и большая забота;
И не стремится совсем к скипетрам царским мудрец.

Радость. Вот я законный царь.

Разум. Этого, конечно, долго не скроешь. А я уже тебе говорил, какая разница между царем и тираном. И если царь – это тиран, то, что же, тебе приятно называться царем? Царское достоинство заключается не в громком названии, но в истинном благочестии царя и царской власти. Думаю, зло будет меньшим, если ты улучшишь приобретенную власть, а в дальнейшем покажешь себя настоящим царем и не станешь опустошать доставшееся тебе по праву царство, которое ты справедливо наследовал от родителя. Ведь истинная слава больше видна в ходе царствования и в его исходе, чем в начале.

Радость. Я царь.

Разум. Тебе было бы лучше и спокойнее жить под властью справедливого царя, чем самому быть царем.

Радость. Я взошел на царский трон.

Разум. Место далеко видное и открытое взглядам всех, и потому бездействовать там опасно, а быть добродетельным трудно, и это требует больших усилий. Ведь хороший царь – общественный раб.

Радость. Я вознесен на трон царской власти.

Разум. Смотри, чтобы это было по заслугам. И забудь и о своих делах, и о себе самом, а думай о государстве. В тот день, когда ты стал царем, ты умер для себя, и стал жить для других (что очень нелегко), а эти другие неблагодарны и несправедливо оценивают твои труды.

Радость. Я вступил в царский дворец.

Разум. Может, там ты и найдешь сколько-то преходящей славы, но покоя – никакого.

Радость. Я справедливо царствую.

Разум. И хорошо делаешь, это самое важное для Бога дело. Но знай, что ты служишь тем, кто вечно недоволен, и они отплатят тебе неблагодарностью еще до твоей кончины. Редко случалось так, чтобы даже при справедливом царе народу не был милее преемник. Уже в тот момент, когда приходит один царь, хотят другого. Таково свойство толпы – ненавидеть настоящее, желать того, что наступит, прославлять прошлое. Жалоб всегда хватает: всякое настоящее

благо кажется ничтожным, нет ничего, что было бы по душе всем.

Радость. Я получил предназначенный судьбой скипетр и диадему.

Разум. Ты получил блестящие кандалы и исходящий от этого блеска страх. Если бы все понимали это в полной мере, поверь, было бы больше царств, чем царей.

Радость. Я одет в пурпур.

Разум. Царя создает не одеяние, а внутреннее состояние и свойственный царю ум. Римский принцепс Александр¹ сказал, что власть состоит в добродетели, а не во внешнем украшении.

Радость. Я возвышаюсь до царской власти.

Разум. Теперь положение подданных сомнительное, счастливы ли они или несчастны, и что здесь представляется счастьем. Без сомнения, хороший царь – преходящее счастье царства. А тебя в этом сомнительном положении ожидают тяготы и тяжелый труд.

Радость. Я царь, а царю все дозволено.

Разум. Нет никого, кому было бы дозволено меньше; мало того, даже то, что когда-то было можно делать, теперь нельзя. Если же ты ожидаешь от царской власти вседозволенности, то увидишь себя не царем, а тираном.

Радость. Я царь и все могу.

Разум. Вот уж несколько; разве только то, что приличествует царю, возможности которого (как я уже сказал) меньше, чем возможности частного человека. А если ты на этом пути хочешь добиться наслаждений – ты обманываешься и, как говорят, все время идешь не той дорогой. Наслаждения остались далеко позади; а этим путем идут к труду и славе.

Радость. Я царь, и уж теперь у меня будет настоящее спокойствие.

Разум. А на самом деле, если оно когда и было, то теперь исчезнет. Глуп тот моряк, который, покинув гавань, направляет паруса в открытое море, чтобы найти там спокойствие.

Радость. А я был сделан римским императором.

Разум. Славнейший титул, но тяжелейшая обязанность. Трудно усмотреть за многим: что сделать, чтобы поднять упавшее, собрать рассыпанное, найти утерянное, восстановить то, что было изуродовано. Ты взял на себя уход за заброшенным помещением, которое долго находилось в небрежении у многих нерадивых хозяев. Для затвердевшей земли нужно много мотыг; иссохшие луга нуждаются в поливе; тебе придется переносить стужу и зной, если ты возьмешься за эту работу. И в этом труде ты приобретешь славу; остальное пожнет твой преемник – для него ты сеешь. Жатва будет поздней – через много лет.

Радость. Я достиг императорской власти и уж теперь-то заживу спокойно и беспечно.

Разум. Это мнение ошибочно. Здесь меньше всего покоя. Разве ты будешь подниматься на высокую гору, чтобы спастись от ветров и молний? Ты что же не читал известные строки Горация:

Ветер гнет сильней вековые сосны,
Падать тяжелей высочайшим башням,
Молнии удар поражает чаще
Горные выси²

И совершенно иначе думали о таком высоком положении те принцепсы, которые хорошо знали его на личном опыте, Август и Диоклетиан³. Один из них (как мы читали) подумывал об оставлении императорской власти, а другой оставил ее и не дал согласия вернуться, когда его вновь пригласили. Так же думали Марк Аврелий и Пертинакс⁴, из которых первый, будучи усыновленным, чтобы впоследствии занять императорский трон, стал серьезнее, чем обычно, и, к удивлению друзей, много рассуждал о том плохом, что связано с императорской властью. Второй, став императором, всегда помнил, что эта власть связана со страхом.

Тяжел подъем к такой власти, тяжелы труды императора, и тяжело падение с вершин власти, когда ты ее достиг. Если мне не веришь, спроси Юлия Цезаря, а также Гая Калигулу, Клавдия и Нерона, Гальбу и Отона, Вителлия, Домициана, Коммода и Пертинакса, о котором только что сказано. Кроме того, спроси Бассиана и гнуснейшего Макрина с сыном Диадуменом, спроси Гелиогабала и совершенно не похожего на них Александра, и даже (удивись!) мать обоих. Спроси Максимов, Максимианов и Максиминов, Гордиана и Филиппов, Деция и Галла, Волюсиана и известного своим исключительным несчастьем Валериана и равнодушного к отцовским бедствиям Галлиена; спроси, наконец, Аврелиана и Проба, Юлиана и Луциния, Констанция и Валента, Грациана и Валентиниана⁵ – их можно перечислять до отворачивания. Обратись ко всей веренице тиранов и принцепсов, и они тебе в один голос скажут: «Одной и той же стопой идут и к императорской власти, и к падению». А ты помышляешь о покое и беззаботной жизни там, где всех ожидали опасности и труды, и многие нашли там плачевный конец жизни.

Не об этом ли говорили и те четверо, которых я назвал тебе в начале? Не об этом ли говорил дед по матери принцепса Антонина Пия⁶ Арий Антонин, человек святой (так называют его историки, и я согласен с ними) и разумный, убеждавший Нерву⁷ принять императорскую власть. Так что нет оснований завидовать принцепсам, их скорее надо пожалеть.

Радость. Я император и могу всем отомстить.

Разум. Врагам государства ты, может, и в силах отомстить, но не своим личным. Ибо первые, если ты взошел на престол законным путем, успокаиваются; а если ты захочешь отомстить своим личным врагам, когда они ослаблены, твою месть сдержит уста общественного благочестия. Ты не можешь быть врагом ни того, ни этого – ведь ты удостоился стать отцом всех. Принцепс имеет по отношению к гражданам такое же право, как отец по отношению к сыну. Справедливый (законный) принцепс – отец отечества. Величайший из принцепсов Август из всех своих титулов ни одного не принимал с большей благодарностью, чем этот. Он решил принять публично имя отца, когда был еще молодым человеком⁸. Следовательно, те, которые были для тебя врагами, теперь становятся сыновьями.

Радость. Я император и смогу мстить.

Разум. Ты не должен пользоваться этой возможностью. Поступай так, чтобы, обладая высшей властью, ты искал повод к прощению, а не к мести – и по отношению к тем, кто так же удачлив, как ты. Чем ничтожнее и малодушнее человек, тем он кровожаднее. По этому поводу полезно вспомнить принцепса Адриана⁹, который (как пишут), став императором, одному человеку, который был его смертельным врагом, сказал: «Ты спасся». Очень великодушные и благородные слова, и поистине достойные Цезаря.

Радость. Я император и теперь буду иметь средства, соответствующие моим тратам.

Разум. Эти слова говорят о том, что ты готов и чужое присваивать. Кому ничего не хватает, тот и в тратах, как и во всем другом, как бы несется по течению в бездну. Было бы долго сравнивать в этом отношении безумства простых смертных; расскажу преимущественно о безумствах римских принцепсов. Коснусь немногих из них, но то немногое, о чем я скажу, говорит о многом.

Самое известное из этих безумств – это безумство Гая¹⁰, соединившего мостом Байи и ПUTEОЛЫ и триумфально проехавшего через залив при бурном море сначала на лошадях, а потом на квадригах¹¹. И как не упомянуть об огромной цене жемчужинах, растворенных в уксусе? Или о предложенных пирующим закусках, поданных на золотых блюдах? Этот пир был затеян не для того, чтобы, как обычно бывает, утолить голод гостей, но чтобы растрачивать богатства империи и возбудить алчность пирующих.

Добавь к этому швыряние денег в толпу, огромные глыбы для плотин, сброшенные в глубокое море; скрытые крутые берега; долины, сравненные с горами, а горные хребты – с долинами: туда добавлена земля, оттуда удалена. Это чудо, заставившее

природу терпеть такое насилие; делалось с невероятной быстротой – ведь ценой промедления могла быть смерть. Растратив за год огромные сокровища своего предшественника Тиберия¹² и все богатства империи, доведенный до нужды Калигула занялся позорнейшими грабежами. К подобным безумствам я не стану относить его намерение прокопать в Коринфе гору Истм, чтобы соединить два моря. Хотя это весьма дорогостоящее дело, однако (как утверждают) полезное для тех, кто плавает из Брундизия в Афины, в Халкиду или в Византий¹³, так как укорачивает путь, позволяя избежать огромного изгиба вокруг Ахайи:

В подобных делах его последователем стал Нерон, которого в сумасбродстве никто не превзошел. Никакой меры в его огромных тратах не было, особенно в строительстве; здесь он затмил в строительстве всех и себя самого. О нем пишут, что на постройки он тратил больше, чем на что-либо другое. Коснусь только одного из тысяч его безумств. Он строил дом, тянущийся от Палатинского холма до Эсквилинского¹⁴; этот дом занимал такую большую часть города, что среди откровенных насмешек, которыми по заслугам осыпал его в негодовании народ, было и такое:

Строится в Риме дом; квириты, переселяйтесь в Вейи,
Если сам дом не займет и Вейи¹⁵.

Нерон захотел, чтобы этот дом назывался золотым, и на это были основания: название говорило о его цене, ибо он был облицован золотом и усеян звездами из драгоценных камней; высоты он был такой, что в передней помещался колосс¹⁶ ростом в сто двадцать футов. Внутри были портики и покои со штучными золотыми потолками и перекрытиями из слоновой кости, со сводами наподобие неба, которые сами по себе медленно вращались днем и ночью. Здесь был искусственный бассейн, соперничающий с морем, окруженный строениями наподобие города; кроме того, здесь были поля, пастбища, виноградники и леса, в которых находились животные всех видов. Взорам тех, кто собирался войти в этот дом, представлялось то, что обычно называется колоссом; обломки этого колосса даже теперь изумляют всех, кто их видит.

Необычность этого мероприятия увеличивает еще и то, что он уничтожил все строения (здания) в центре Рима, в результате чего императорский дом стал возвышаться над всеми, ни одно другое здание не достигало его высоты. Но более удивительным было то, что, освящая дом, он одно только сказал: «Наконец-то я начинаю жить по-человечески».

Не говорю уж о той малости, что ни одну одежду он не надевал дважды, что у его мулов были серебряные подковы, что путешествовал он не меньше, чем с тысячько повозок, что рыбу он ло-

вил позолоченной сетью из красивых пурпурных веревок. Много и другого невероятного и вызывающего отвращение. А кто без изумления прочитает и с еще большим изумлением увидит то, о чем я сейчас расскажу? Остались развалины купальни, которая начиналась от Мизенской горы и должна была идти до Авернского озера, окруженная причудливыми портиками. Он начал и водоотводный канал от Аверна до самой Остии¹⁷, обходя встречающиеся на пути горы; канал должен был быть такой, чтобы, плывя по подведенному туда морю без происшествий, избежать и трудностей сухопутного путешествия, и неприятностей морского. Его длину измерили тамошние жители, и она всем известна; Светоний называет ее в 160 миль. А ширина такая, что две идущих навстречу квинкверемы, могли бы разойтись не задев друг друга. Если бы это было исполнено, он истощил бы и Италию, и всю империю.

Примеру Нерона следовал и Аврелий Вер¹⁸, который (о прочем не стану говорить) закатил такой обед, что, если бы он захотел устроить такой же завтрак, не знаю, хватило ли бы всех средств государства. Услышав об этом, его брат Марк Аврелий, человек умеренный в такой же степени, как Вер расточителен, говорят, вздохнул, сожалея о государстве и о гибели императорской власти (империи).

Оставлю в покое других: их слишком много. Вам может показаться, что спасительные лекарства в этом случае будут получены нескоро, хотя я и обещал быстродействующие средства¹⁹. Но иногда человеку благоразумному, образованному или занимающемуся наукой полезно послушать бредни глупцов. Эти бредни для умного человека являются как бы сигналом, что мнение должно быть прямо противоположным, и он видит, что отсюда (как говорится) надо бежать на всех веслах и парусах. В отношении предмета нашего рассуждения они хотят, чтобы ты еще раз подумал, соответствуют ли твои запасы твоим расходам; ибо как человек бережливый и умеренный не нуждается в слишком больших богатствах, так расточительному и привыкшему жить в роскоши не хватит никаких сокровищ и даже императорской власти. Эта причина неизбежно толкает на разбой и грабежи не только простых людей, но и принцепсов – я говорю о тех, которые стремятся к роскошной жизни. Эта же причина многих привела к преждевременной и бесславной смерти.

Радость. Разве для трат одного человека не хватит сокровищ всех городов?

Разум. Пусть на это тебе ответят те, о которых я уже так много сказал, и целый ряд других, которых подобный губительный порок довел до рокового конца (подобная чума довела до заслу-

женной гибели).

В общем же яма, поглощающая богатства это самая бездонная яма. Некогда Курций²⁰ сказал, что ее нельзя никогда наполнить, поэтому нужно обуздывать себя и сдерживать добродетелями, прежде всего умеренностью. При этом в первую очередь полезно помнить: то, что ты тратишь, не твое и чаще повторять одно высказывание Адриана, которое он неоднократно повторял на заседаниях сената: «Тот, кто собирается управлять государством должен знать, что оно не является его собственностью, а принадлежит народу». Высказывание, достойное лучшего принцепса.

Радость. Я царствую, и отмщение в моих руках.

Разум. Меньше всего в твоих. Тот, кто утверждает это, ошибается. Настоящему царю меньше всего подобает мстительность, а больше всего – снисходительность. О, если бы природа сделала безвредным жало пчел. Теперь она дала свободному существу способ мстить и не отняла свободы выбора. Я думаю, она не принуждает мстить, а убеждает не мстить. Взгляни на это маленькое божественное существо и отложи жало мести прежде, чем ты нанесешь рану. Ибо мстительность свойственна плебею, а снисходительность – царю. К тому же без снисходительности, как и без справедливости, ты будешь не царем и даже не человеком, а львом с короной на голове, как обычно он изображается в баснях.

Радость. Я римский император.

Разум. У тебя есть выбор, кому следовать: Августу, Нерону или Вителлию. К этим трем сводятся характеры, не только всех принцепсов, но и вообще всех людей. Если же тебе по душе те, которые ближе к нашему времени, то из людей того же звания возьми Траяна, Деция и Галиена²¹.

Радость. Я римский император, господин мира.

Разум. Когда-то так и было, и можно было, не кривя душой, сказать это. А до чего сейчас дошло, ты видишь. Хотелось бы понять, насколько безопасно поручать великие дела глупцам и трусам. Что это за великая предусмотрительность, впадающая в великое безумие, и что это за великий труд и великое усердие, оказывающееся на деле великим бездействием. Римская императорская власть больше не является предметом радости, но стала доказательством бренности и изменчивости судьбы.

Радость. Я славен императорской властью.

Разум. Титул-то славный, да дела темные: по отношению к миру – ложь, по отношению к людям – жестокость. Императоры живут в роскоши, поэтому со всех сторон тянутся к этой власти нестойкие души. Прекрасно название императорской власти, прекрасно название царской власти, но сама эта власть представля-

ет самые трудные обязанности, если исполнять ее как следует. К тому же власть опасна и, вообще говоря, смертоносна. И не без причины о власти говорят так: «Диадема – это яркая, но не приносящая счастья тряпка; она наполняет жизнь заботами, опасностями и множеством несчастий. Тот, кто сознает это, не только не наденет ее или не станет радоваться, когда она уже есть, но даже не примет предложенную и не поднимет брошенную на землю». Поэтому проснитесь, наконец, смертные, откройте глаза и не ослепляйтесь ложным блеском. Измерьте свое жалкое тело и оцените его; оглянитесь вокруг и посмотрите, какими трудностями вы окружены. Не пренебрегайте мнением геометров и философов, которые говорят, что вся земля – точка, что вы тленны и слабы, что конец вашей жизни неизвестен, будь вы здоровыми или вы сопротивляетесь смерти; и когда вы думаете, что восходите наверх, на самом деле вы спускаетесь; и когда вам кажется, что вы прочно стоите, на самом деле вы стремительно падаете. Ни одно животное не обманывается больше в отношении своих сил. А вы, полумертвые черви, часто грезите царской и императорской властью. Но помните, что вы незначительная точка или, вернее, точка на жалкой точке; мало того, вы не владеете даже тысячной частью точки. Пока вы живы, вы самоуверенно давите на нее, но вскоре сами будете раздавлены, и от вас останется только иссохшее и бледное тело. Поэтому, слепые безумцы, надменные и изнеженные, ограниченные природой, освободитесь от высокомерия и, будучи связанными, подумайте о бессмертном.

И при такой ничтожности вы стремитесь к смехотворным и безумным излишествам на краткое мгновение стремительно бегущего времени. При этом вы совершаете грабежи, насилия, мучения; вы живете в тревожном ожидании всяких почестей, наконец, в своем безумии вы стремитесь к удовлетворению ненасытных страстей; вы создаете царства, принципат, империи, флот, армии для ведения войн. Но как бы сильно вы ни безумствовали, кем бы вы ни были, императорами или пахарями, врагами или богачами, тело ваше станет прахом земным, путь ваш станет ничтожным дымом, развеянным сильным ветром: и наконец-то, думаю, вы поймете, что ваша жизнь была дорога, а не постоянное местонахождение, и что царская и императорская власть – это только фальшивое имя.

Радость. Я сделался императором.

Разум. Когда глупцы становятся императорами, они перестают помнить, что они люди или были ими. Как тебе нравятся слова Тиберия Цезаря²², который прервал друга, желающего напомнить о каких-то прежних приятельских отношениях, как только

тот, едва открыв рот, произнес всего одно слово: «А помнишь?», а он не позволил закончить то, что начал друг, но неожиданно сказал: «Я не помню, кем я был». Ответ бессовестный и высокомерный, показывающий, что Тиберий забыл не только о дружеских отношениях, но и о всяком человеческом достоинстве.

Радость. Я взошел к римской императорской власти.

Разум. И чему тут радоваться? Встают и на дыбу, и на крест, а опускаются на ложе и на кресло и чаще всего именно внизу находят покой. Для некоторых людей подниматься – позор, для многих – мученье и для всех – тяжелый труд.

Примечания

¹ Александр Север (208-235) – римский император с 222 по 235 гг.

² Гораций. *Satirae* II, 10, перевод А. Морозкиной.

³ Август Октавиан (63 до н.э. – 14 н.э.), римский император; однажды после долгой болезни собирался стать частным лицом и передал сенаторам книги государственных дел; Диоклетиан (245-316), римский император с 284 по 305 гг.; в 305 г. отрекся от престола.

⁴ Марк Аврелий (121-180), римский император с 161 г.; в 138 г. был усыновлен дядей Антонином Пием. Пертинакс (126-193), римский император с 193 г.

⁵ Петрарка перечисляет имена императоров, умерших не своей смертью: Юлий Цезарь (100-44) был убит в результате заговора; Гай Калигула (12-44) был убит участниками заговора трибунов преторианской гвардии; Клавдий (10-54) был отравлен своей женой Агриппиной; Нерон (37-68) покончил с собой; Гальба (3 до н.э. – 69 н.э.) был убит во время восстания преторианской гвардии; Отон (32-69) покончил с собой; Вителлий (12-69) был убит солдатами; Домициан (51-96) был убит в результате заговора; Коммод (161-192) был убит вольноотпущенником и преторианским префектом; Пертинакс (126-193) был убит преторианцами; Бассиан (218-222) был убит преторианцами; Макрин (164-218) погиб в результате мятежа; Диадумен, сын императора Макрина, казнен в 218 г.; Гелиогабал – имя, которое принял Бассиан, став императором; Александр Север (208-235) был убит вместе со своей матерью недовольными солдатами; Максимиан (250-310) покончил жизнь самоубийством; Гордиан (159-238) покончил с собой; Филипп (382-336), царь Македонский, был убит во время подготовки войны против персов; Филипп Аравитянин (200-249) пал в битве с Децием; Деций (195-251) был убит в битве с готами; Галл (251-243) погиб во время мятежа; Валериан (193-260) умер в тюрьме у персов; Галлиен (218-268) был убит во время мятежа; Аврелиан (214-275) был убит по подстрекательству своего секретаря; Проб (232-282) был убит недовольными солдатами; Юлиан (332-363) скончался от ран; Лициний (265-325) был убит по приказу Константина; Констанций (317-361) погиб во время похода; Валент (328-378) был убит вестготами; Грациан (359-383) был покинут своими отрядами в Британии и пал от руки убийцы; Валентиниан (371-392) был убит франкским военачальником.

⁶ Антонин Пий (86-161), римский император, отличавшийся благочестием и миролюбием.

⁷ Нерва (30-98), римский император, кроткий, справедливый и бережливый.

⁸ Pater patriae – отец отечества, римское почетное звание, которое после Августа присваивалось только императорам.

⁹ Адриан (76-138), римский император, известный своим благородством и образованностью.

¹⁰ Речь идет о Калигуле; Байи – город в Кампании с теплыми сернистыми источниками; Путеолы, приморский город в Кампании.

¹¹ Квадрига – колесница, запряженная четырьмя лошадьми.

¹² Тиберий (42 до н.э. – 37), римский император.

¹³ Брундизий – торговый город на юге Итальянского полуострова; Халкида – город в Греции; Византий – город на месте нынешнего Константинополя; Ахайя – сначала область на севере Пелопоннеса, римляне подразумевали под Ахайей всю Грецию.

¹⁴ Палатинский и Эсквилинский холмы – два из семи холмов, на которых был расположен Рим.

¹⁵ Строчки этих насмешливых стихов сообщает Светоний (Жизнь двенадцати Цезарей. Нерон. 39). Вейи – этрусский город, расположенный недалеко от Рима.

¹⁶ Колосс – статуя, размеры которой значительно превосходят натуральную величину.

¹⁷ Мизена – стоянка римского флота; Аверн – озеро в Кампании; Остия – порт в устье Тибра.

¹⁸ Аврелий Луций Вер (130-169), римский император, правивший совместно с братом Марком Аврелием; совершенно отстранившись от государственных дел, проводил жизнь в наслаждениях.

¹⁹ Это намек Петрарки на название своего трактата «О средствах против превратностей судьбы».

²⁰ Курций – римский историк при императоре Клавдии.

²¹ Для Петрарки Август и Траян были образцами благоразумия и умеренности, Нерон и Деций – образцами жестокости, а Вителлий и Галиен – образцами самодурства и чревоугодия.

²² Тиберий (42 до н.э. – 37 н.э.), римский император.

Перевод с латинского. Л.М. Лукьяновой

Книга 2. Диалог LXXIV О гражданской войне

Нет ничего разрушительнее гражданской войны;
Следует постоянно стараться,
чтобы ты сам не стал причиной какого-либо зла.

Скорбь. Мы страдаем от гражданской войны.

Разум. Повод для неё привносится в сообщество граждан, а ты – один из них. Так подумай же, не ты ли – один из тех, кто подбрасывает горючие материалы в этот пожар и вполне ли ты свободен от той части вины за всё это, которая может быть вменена одному отдельному человеку. Ибо таково свойство людей: один другого воспламеняет до тех пор, пока из отдельных вспышек ярости не возгорается пламя общей беды. Именно когда ярость распалает одних более, нежели других, она ввергает всех в бедствие. Ибо никакое общее бедствие само по себе не начинается: оно возрастает и увеличивается в силу неких привнесённых кем-то обстоятельств и заражает всё общество в целом; оно может даже и ниспровергнуть его основы.

Однако если ты хочешь найти первопричину – она коренится в ошибках отдельных людей. И более всего я призываю остерегаться, чтобы именно ты не оказался одним из тех, кто либо горючее подбрасывает в общественный пожар, либо раздувает его. Ведь многие делают то, на что потом сами жалуются, скорбя о ранах, нанесённых самим себе собственными руками, как бы о причинённых им кем-то другим. Да, многие гибнут в огне, разожжённом ими самими.

Если ты сам ни в чём подобном не соучаствовал, то страдание твоё свято, как и у любого достойного человека и гражданина в минуту общественных бедствий и смут. Такие люди, впрочем, обычно и пребывают невиновными. Но среди зол, терзающих человека, нет ничего злее, чем его собственная вина. Напротив, по мнению одного великого человека, не существует вообще никакого иного зла, кроме этой вины.

Скорбь. Гражданская война вовлекает нас в свой водоворот.

Разум. Посреди общей ярости прояви себя хоть и единичным, но миротворцем. Даже если из этого ничего вовсе не последует, ты же, всё равно, будь хоть одиноким, но защитником свободы и справедливости. Даже если это останется и бесполезно для твоей родины, это обязательно зачтётся в твою пользу, и горожане тебя нарекут одновременно Менением Агриппой и Пор-

цием Катонем наших дней.

Скорбь. Гражданская война не знает жалости.

Разум. Если у тебя нет ни сил, ни средств, то уговаривай друзей, кричи как можно громче, умоляй о предотвращении бедствий, всячески мешай и препятствуй им, порицай, заклинай, борись, сколько можешь, с общественным неустройством, которое вмещает в себя бесчисленное множество частных, отдельных бедствий и горестей. И хотя в нём вроде бы по отдельности никто и не виноват, да зато виноваты все в совокупности. Наконец, успокаивай отдельных людей, согревай их души, терзаемые этими ужасами. А если ничего не добьёшься с людьми и от людей – молись Богу. Проси, дабы горожане покаялись; молись о спасении родины, выполняй всеми доступными тебе средствами долг достойного гражданина.

Скорбь. Гражданская война довела республику до крайности.

Разум. Чтобы ни в гражданской, ни в отечественной войне ничто не застигло тебя врасплох, чтобы ты не остался неподготовленным к враждебным обстоятельствам, обращайся всегда не только к людям, но и к их душам, ибо всё в людях смертно, кроме их душ. При этом стремись, чтобы прекратились и у отдельных людей, и в городах, и внутри больших империй болезни и бедствия: как проникшие в них извне, так и зародившиеся внутри их тел или границ. Их сейчас терзают последствия этих бедствий, как-то: соперничество и вражда, несогласие, гражданские войны; ты же стремись к тому, чтобы в душах людей этому был поставлен предел.

То, что бессмертно, погибнуть не может; так пусть же каждый не преступает своих пределов, как он их себе видит и представляет, а если и при этом будут несходства и разногласия, то маленькие и преодолимые. Смотри: там, где были прославленные города, сейчас непроходимые дикие заросли. То же случится и с нынешними! Глупо было бы любому городу надеяться на то, что с ним никогда в будущем не случится того, что в прошлом случилось с Римом, царицей всех городов.

Судьбы людей, судьбы городов каждый день дают нам тому бесчисленные примеры, и конца этому не видно, а жизнь человеческая коротка. Противоположные же случаи редки, и можно указать, наверное, (с большим удивлением) всего на один такой случай за много веков. Пусть это рассуждение придаст тебе силы против любых неблагоприятных обстоятельств – как в общественной, так и в частной жизни. Только оно покажет тебе хоть и не исполненный наслаждений, но всё же выносимый для человека путь – даже и в нищете, в изгнании, в опасности для твоей жизни. Оно учит, что беда твоей родины – общая, присущая всем.

Перевод с латинского В.В. Беляева

ДИАЛОГ КУЛЬТУР В ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

Карлос Антонио Агирре Рохас (Мексика)

ГОСПОДСТВУЮЩИЕ КУЛЬТУРЫ И КУЛЬТУРЫ ПОДЧИНЕННЫЕ: ДИАЛОГ И КОНФЛИКТ

Вследствие совершенного инквизиторами внедрения (полного или частичного, постепенного или одномоментного, насильственного или явено спонтанного) чуждого стереотипа, жертвы, в конце концов, теряли собственную культурную идентичность

Carlo Ginzburg, 'Introduction', *Ecstasies: Deciphering the Witches' Sabbath*, 1989.

Если мы внимательно рассмотрим огромный и многоплановый контекст темы «межкультурного диалога», интересной покажется попытка продемонстрировать, как развивались многочисленные исследования по данной теме, а также и по другим проблемам, имеющим отношение к не менее обширной территории анализа феноменов человеческой культуры, особенно в период после оздоровляющего влияния мировой культурной революции, символизированной 1968 годом. Эта революция, потрясшая практически все государства мира, оказала наибольшее воздействие на глобальные структуры культурного воспроизводства¹.

Культурная революция 1968 года не только вызвала новый и усилившийся интерес ко всем измерениям и проявлениям человеческой культуры, но и многократно умножила новые точки зрения, парадигмы, перспективы, концепции, теории и теоретические модели, объяснявшие культурные феномены прошлого и наших дней.

---

¹ Общие характеристики движения 1968 года см. в: Immanuel Wallerstein, '1968: revolution in the world system', *Geopolitics and Geoculture* (Cambridge, 1991), Giovanni Arrighi, Terence Hopkins and Immanuel Wallerstein, '1989, the continuation of 1968', *Review*, 15, 2 (1992); Fernand Braudel, 'Renacimiento, Reforma, 1968: revoluciones culturales de larga duracion', *La Jornada Semanal*, 226 (Mexico, 10 October 1993), idem, 'La troisieme partie de l'Identite de la France: la France dans sa plus aute et plus brillante histoire', *Les Ecrits des Fernand Braudel. Les Ambitioms de l'hoistoire* (Paris, 1997), Carlos Antonio Aguirre Rojas, '1968: la gran ruptura', *La Jornada Semanal* (225, Mexico, 3 October 1993), idem, 'Repensando los movimientos de 1968', 'Para comprender el mundo actual. Una gramatica de larga duracion (La Habana, 2003), idem, 'Il 1968 e la storiografia occidentale', *Storiografia*, 2 (1998).

Итак, точки зрения, исходя из которых можно рассматривать обширную тему межкультурного диалога, многочисленны и весьма разнообразны. Мы могли бы обратиться к взаимоотношениям или диалогу разных национальных культур, а не к внутренним процессам «культурного скрещивания» или «смешения» в рамках отдельных обществ; можно также обратиться к диалогу культуры и предшествующих ей культурных традиций и истоков, или же к сложным взаимоотношениям господствующей культуры и субкультуры, сосуществующих в ее тайниках.

Из этого огромного спектра вопросов мы выбрали проблему сложных и многосторонних отношений между господствующими и подчиненными культурами. Эти отношения представляют собой не только одно из наиболее важных проявлений социального конфликта, отмечавшего человеческие сообщества на протяжении всей истории, но также и один из важнейших ключей, которые позволяют нам понять многие определяющие элементы того, что мы объединяем сложным понятием «культура». Отношения между господствующей и подчиненной культурами в одном обществе включают в себя не только разнообразные фактические проявления открытого противостояния и борьбы между ними, но, скорее, более широкий спектр взаимодействий, равно охватывающий сложный взаимообмен, заимствования и использование друг друга, наряду с содействием и даже слиянием. Совершенно очевидно, что они также включают «диалог» как одну из многих форм соединения мира подчиненных культур с миром господствующей культуры.

Таким образом, ради более глубокого изучения важнейших аспектов проблемы отношений господствующей культуры и подчиненных культур, мы полагаем уместным обратиться к подходу, сформулированному Карло Гинзбургом в ряде важнейших работ, подходу, предлагающему не только модель для анализа субкультур, но также и несколько важных способов нового понимания многочисленных и многообразных связей между культурой господствующих классов и культурой подчиненных социальных групп.

Благодаря этой реконструкции модели культурной истории окажется возможным не только показать существенные недостатки других подходов (например, широко распространенной школы изучения истории ментальностей во Франции), но и проникнуть в многоплановые проявления одновременно обыденного и уникального «диалога» или культурного обмена.

Прежде чем представить собственный способ изучения культурной истории, Карло Гинзбург «свел счеты» со всеми прочими подходами к исследованию народной культуры и с другими современными течениями культурной истории. От этой критики он

перешел к новой, более совершенной и всеобъемлющей версии культурной истории. Тем не менее, и в своей критике, и в построении собственной модели Гинзбург опирался на сочинения ряда авторов, в том числе разработки Марка Блока, основные сочинения Михаила Бахтина, а также некоторые статьи Натали Зэмон Дэвис, Э.П. Томпсона и др.

Критически переосмыслив ряд положений, Гинзбург творчески использовал идеи некоторых интеллектуальных предшественников, что признавалось открыто. Их следует подробно рассмотреть, прежде чем перейти к характеристике основных черт новой модели культурной истории, содержащейся в работах, которые теперь широко известны историкам, таких, например, как «Сыр и черви» или «Экстаз. Расшифровка шабаша ведьм»².

Критика некоторых объяснительных моделей культурной истории

Ментальность (этот во многих практических отношениях посредственный термин, приводящий к ошибкам, как явствует из противопоставления этого термина... понятию «чувствительность» ...

Марк Блок Люсьену Февру, 8 мая 1942 г.

Именно в контексте нового оживления общего интереса ко всем темам, имеющим отношение к культурным феноменам человеческой жизни, который возник и распространился по всему миру после исторического сдвига конца 1960-х гг., Карло Гинзбург развивает свою критическую концепцию истории подчиненных культур. Западная историография испытала на себе прямое воздействие серии культурных революций, которая потрясла практически все страны мира, принимая разные виды и формы. В Китае и Индии, США и Мексике, Аргентине и Франции, Чехословакии и Канаде, а также многих других странах, революция 1968 года поставила под вопрос, а в итоге полностью изменила очертания культурных структур современных обществ.

При таких обстоятельствах тема культуры в ее многочисленных выражениях и многообразных проявлениях оказалась в центре дискуссий во всех общественных науках на протяжении последних трех десятилетий. После 1968 года исследования культуры стали набирать вес и заняли центральное положение как в истории, так и в социологии, антропологии, психологии и политологии. И хотя верно, что упомянутая отрасль знания

² Мы ссылаемся на следующие издания: Carlo Ginzburg, *The Cheese and the Worms* (John Hopkins University Press, 1980), *Ecstasies. Deciphering the Witches' Sabbath* (New York, 1991) Важна также и книга *Tentativas* (Mexico, 2003).

логии. И хотя верно, что упомянутая отрасль знания существовала и развивалась задолго до этого, фактом остается то, что она не была столь обширной, многообразной и вездесущей, какой стала в новых условиях.

Неслучайно поэтому в 70-е годы прошлого века мы видим воплощение и развертывание различных интеллектуальных проектов, которые затрагивали поле современной культурной истории, включая французскую историю ментальностей, британскую и североамериканскую психоисторию, некоторые труды русской школы исторической антропологии или определенные тенденции новой немецкой социальной истории, наряду с рядом течений в британской марксистской истории или так называемой американской интеллектуальной истории.

Все эти различные тенденции, действующие на обширной сцене исторических исследований после 1968 года, предлагали один из нескольких возможных интеллектуальных ответов на необходимость анализа и объяснения той самой культуры, которая пребывала в процессе тотальной трансформации.

Именно в этом глобальном контексте особой восприимчивости, предлагавшем различные объяснения культурным феноменам, развивались исследования К. Гинзбурга. Чтобы представить свою собственную объяснительную модель, Гинзбург, с одной стороны, критикует других исследователей, позиционируя себя по отношению к нескольким существовавшим на тот момент версиям культурной истории, но, с другой стороны, он также указывает на ряд важных предшественников, которые внесли вклад в упомянутую область знания.

Очевидно, что наиболее распространенной на момент написания работ Гинзбурга моделью культурной истории была французская история ментальностей. Благодаря доминирующей роли французской историографии на Западе в период 1945-1968 гг. эта модель оказалась в состоянии охватить своим влиянием всю Европу и мир в целом, породив даже неологизмы в английском и немецком языках (не существовавшие до этого термины *mentalities* и *Mentalität* соответственно) и вызвав к жизни многочисленные семинары, проекты, исследования по истории ментальностей в Мексике, Бразилии, США, Испании, России, Турции, Индии и других странах.

Таким образом, благодаря французским историкам эта модель культурной истории, аморфная и так и не предложившая определения «ментальности», которую даже сами ее представители порой считали двусмысленной, распространилась по всему миру. Но вслед за огромным успехом и быстрым международным признанием, связанным по большей части с блеском и влиянием

«Школы Анналов» 1929-1968 гг., эта модель вскоре оказалась объектом суровой и основательной критики, даже в 1970-е гг., на которые приходится пик ее популярности³.

Французская история ментальностей, одновременно широко распространенная и постоянно критикуемая, была поставлена под вопрос в Предисловии к книге «Сыр и черви» К. Гинзбурга. Там указывалось на неприемлемое отсутствие у Жака Ле Гоффа деления обществ на классы, а также полное игнорирование серьезных последствий этого деления в сфере культуры, а кроме того, на неспособность истории ментальностей Робера Мандру делать различие между культурой, навязанной народу правящим классом, и культурой, непосредственно порожденной подчиненными классами в результате их собственной деятельности и социального опыта.

Таким образом, определив свою позицию по отношению к ограниченной культурной истории ментальностей, которая игнорирует социальный конфликт, существующий в культурной сфере и определяющий ее, Карло Гинзбург отходит от модели культурной истории, делающей невозможным включение в нее – со всеми различиями и специфическими чертами – культур подчиненных классов, что является основным предметом исследования в книгах и эссе автора «Сыра и червей». Важно подчеркнуть, что, хотя история ментальностей была очень популярной во всем мире в 1970-х и первой

---

³ История ментальностей, неопределенная и нечетко очерченная, что позволяло многим историкам называть ее «всеохватывающей историей», зачастую смешивалась с историей искусства, повседневности, психологической историей, исторической антропологией или с историей обычаев. Полезно будет сопоставить некоторые наиболее значимые исследования, пытающиеся дать ей более специфические определения. См., например, Jacques LeGoff, 'Las mentalidades. Una historia ambigua', Hacer la historia, v. 3 (Barcelona, 1980), Robert Mandrou, 'L'histoire des mentalites', Encyclopaedia Universalis, v. 8 (Paris, 1961); Georges Duby, 'L'Histoire des mentalites', l'Histoire et ses methods (Paris, 1961), Philippe Aries, 'La Historia de las mentalidades', La nueva historia (Bilbao, 1988), Michel Vovelle, Ideologies et mentalites (Paris, 1982). Из сравнения лишь этих пяти текстов следует, что не существует одного четкого определения ментальностей; их несколько, они разнообразны, либо включают, либо, напротив, исключают повседневные «практики», «коллективное бессознательное», эмоции и человеческие чувства, символы и т.п. Из многочисленных критических исследований истории ментальностей мы упомянем лишь некоторые: Geoffrey Lloyd, *Demystifying Mentalities* (Cambridge, 1990), François Dosse, *L'Histoire en miettes* (Paris, 1987), Fernand Braudel, 'En guise de conclusion', *Review*, 3-4 (1978), Carlos Antonio Aquirre Rojas, 'Que es la historia de las mentalidades? Auge y declinacion de un tem historiografico', *Itinerarios de la historiografia del siglo XX* (La Habana, 1999), 'L'histoire conquerante. Un regard sur l'historiographie francaise (Paris, 2000).

половине 1980-х гг., ко второй половине 1980-х она вступила в полосу кризиса, а в течение 1990-х была полностью отброшена всеми серьезными историками во Франции, Европе и мире.

Хотя французская история ментальностей выполняла в свое время вдвойне позитивную функцию, во-первых, отрицая ограничения традиционной, ориентированной на элиту истории идей, в значительной степени доминировавшей в европейской историографии до 1968 года, и, во-вторых, поощряя и популяризируя по всему миру исследования различных аспектов современной культурной истории, она сама очень быстро продемонстрировала собственные концептуальные, методологические и теоретические границы, не позволяющие обращаться к изучению того обширного исследовательского поля, которое требовало адекватного критически-инновационного подхода к сложной и «конденсированной» истории культурных процессов прошлого и настоящего в разных обществах.

Поэтому неслучайно, что наряду с критикой в адрес французской истории ментальностей, вторым объектом критики в предисловии к «Сыру и червям» была избрана традиционная история идей. Она была особенно влиятельна в Италии и демонстрировала аристократическое презрение по отношению к не признававшемуся ею факту существования народной культуры. Соответствующие культурные феномены, концепции и представления о мире подчиненных классов описывались просто как «фольклор», «народное искусство и традиции», «примитивные верования и представления о мире», но не как подлинная «культура» в строгом смысле слова.

История идей, отождествлявшая идею культуры с культурой правящих классов, присутствовавшая в истории литературы, истории науки, истории мысли, была поставлена под вопрос развитием антропологии и этнологии, а также новыми течениями в историографии первых двух третей XX века. В результате же воздействия культурной революции 1968 года она полностью лишилась своего идейного обоснования.

Аристократическая и традиционная история идей, исходящая из ложного представления о том, что только доминирующие классы способны «производить» культуру, полностью отрицала возможность обращения к народной культуре, или, в ином варианте (уже являющемся результатом критики историков и антропологов) – строит единообразную модель культуры как всегда «нисходящего» феномена, постоянно порождаемого элитами, а потом «копируемого», усваиваемого, ассимилируемого и воспроизводимого (пассивно, гораздо позже и всегда в несовершенном виде) народом. При этом народная культура не может быть ничем иным, как только «запо-

здалым отблеском» элитарной культуры, в свою очередь являющейся единственной оригинальной культурой, постоянно производимой теми господствующими классами, которые, располагая временем, материальными условиями и досугом, необходимыми для культурного «творчества», являются в таком случае обладателями монополии на воспроизводство культуры в целом⁴.

Эти «аристократические» и «вертикальные» представления о культуре и народной культуре также оказались объектом критики Карло Гинзбурга, показавшего, что порождение культуры ни в коем случае не является привилегией господствующих классов, но напротив, существует народная культура, постоянно порождаемая, воспроизводимая и обновляемая подчиненными классами. Она включена в постоянно действующий культурный обмен, в котором господствующие или правящие классы «крадут» темы, произведения и мотивы подчиненной культуры, чтобы трансформировать их и использовать как орудия своей социальной и культурной легитимации, а подчиненные классы лишь частично ассимилируют доминирующую культуру, сопротивляясь ее навязыванию, сохраняя элементы собственной культуры и порой придавая новые функции, направление и значение господствующей идеологии и культуре, которая им навязывается.

Другая позиция относительно культурной истории, критикуемая Гинзбургом, высказывалась Мишелем Фуко и его последователями, которые хотя и признают существование и значение народной культуры, настаивают на ее полной недоступности.

---

⁴ Важно указать, что такая серьезная и новаторская работа, как «Придворное общество» Норберта Элиаса, изначально рассматривалась именно в этом контексте, и пример придворной культуры, созданной европейскими дворами и позднее распространенная на все общество, виделся как доказательство модели «нисхождения» культуры. На наш взгляд, такое прочтение ошибочно, так как Элиас стремился лишь продемонстрировать модели поведения, продиктованные эмоциями, а также их усвоение и «психическую экономию» индивидов, но не предлагал общей модели функционирования европейской культуры в целом. Попытка смягчения воинственных инстинктов рыцарства и импульсов насилия в обществе в целом, а также изменения межличностных отношений и поведения ясно показывает, что это усилие предпринималось европейской буржуазией, и оно было позднее представлено как «модель, навязанная народу» и обществу как часть процесса утверждения нового буржуазного общества, стремившегося к консолидации. Об этом см. Norbert Elias, *The Court History* (Oxford, 1969), *idem*, *The Civilizing Process* (Oxford, 1978, 1982); Carlos Antonio Aquirre Rojas, 'Norbert Elias, historiador y crítico de la modernidad', Patricia Nettel (ed.) *Aproximaciones a la modernidad*. Paris-Berli siglos XIX y XX (Mexico, 1997).

Поскольку на протяжении столетий и тысячелетий большая часть народа не умела читать и писать, его культура постижима для нас только через свидетельства господствующих классов, деформированная и искаженная до такой степени, что ее в конце концов невозможно расшифровать.

Отвечая на это, Гинзбург признает огромные сложности, возникающие при реконструкции культуры подчиненных классов, однако не для того, чтобы объявить ее недоступной, но ради поиска окольных путей, форм интерпретации по соотнесению с нормальной практикой, стратегии поиска невольных оговорок, и способов применения «парадигмы свидетельств», необходимой для постижения подчиненных культур и дешифровки их основных кодов и структур⁵.

Наконец, К. Гинзбург указывает границы различных методов количественного анализа культурных феноменов, который предпочитает «массовые» исчисляемые и серийные феномены, при этом забывая или исключая значение качественных аспектов. Например, количественная история книг и чтения игнорирует вопросы о том, что книги читались и собирались разными читателями, и что за многочисленными читателями скрывается основополагающая проблема разнообразных и многоликих форм культурного восприятия, как это было блестяще показано на примере мельника Меноккио. Кроме того, из-за необходимого для количественной истории культуры приведения индивидуальных случаев к норме, становится невозможным анализировать нетипичные случаи, которые, однако, способны открыть нам многое в культуре подчиненных классов, как, например, группа Бенанданти или мельник Меноккио. Такие случаи, напротив, являются основным предметом исследования в микроисторической перспективе, которая была разработана и выражена в работах самого Карло Гинзбурга.

Определив свое отношение к различным вариантам культурной истории, К. Гинзбург подчеркнул наследие других подходов к культурно-историческим исследованиям, признавая свои связи с трудами М. Блока и М. Бахтина, а также, но в несколько ином смысле, Эдварда П. Томпсона и Натали Земон Дэвис.

---

⁵ Ясно, что Карло Гинзбург сформулировал свою знаменитую идею «парадигмы свидетельств» именно в результате стремления найти способ реконструировать подчиненные культуры, рассматриваемые, кроме того, «с точки зрения жертвы», о чем пойдет речь ниже. О косвенных путях анализа свидетельств см. Carlo Ginzburg, 'Morelli, Freud and Sherlock Holmes. Clues and Scientific Method', History Workshop, 9, 1980; idem, 'Intervención sobre el 'paradigma indiciario', 'El inquisidor como antropólogo', 'De todos los regalos que le traigo al kaisare ... Interpretar la película, escribir la historia', in: Tentativas.

Воздействие других исследователей на создание модели культурной истории Карло Гинзбурга

Невозможно изучать ритуалы исцеления изолированно, вне связи с общими тенденциями коллективного сознания.

Марк Блок. Короли-целители, 1924 г.

По разным поводам и в нескольких интервью Карло Гинзбург признавал, что труды Марка Блока в целом и его великолепная книга «Короли-целители» имели огромное значение, повлияв на сделанный им выбор профессии историка, а также на его формирование как исследователя. Это отчетливо отражено в его модели культурной истории. Подобно тому, как Блок построил комплексную стратифицированную модель, так как для того, чтобы объяснить распространение верований в целительную силу французских и английских королей, ему было необходимо реконструировать различные слои, составлявшие коллективное сознание народа Франции и Англии XIII-XVII вв., так и Гинзбург в своей книге «Сыр и черви», например, пытался вычлениить и вновь соединить различные уровни крестьянской культуры Италии XVI века.

Отчетливо видно, что и Блок, и Гинзбург пошли путем выделения различной продолжительности исторического времени, которое соотносится с этими разными культурными слоями; это время может быть сконцентрировано, в одном случае, в вере в чудесное исцеление, совершавшееся членами королевских семей Франции и Англии, а в другом – в уникальном видении мира мельником Меноккио, который впоследствии был сожжен на костре Инквизицией. Именно таким образом Блок реконструирует и сопоставляет, переходя от культурной проекции воздействий различных краткосрочных циклов взлета и спада популярности королей или укрепления их власти в Европе, конфликта церкви и государства в период Средневековья и перехода к Новому времени, к подробностям, связанным с широко распространенными верованиями в «сакральную» природу королей и их рода, а следовательно, в их способность творить чудеса, и наконец, к характеристикам коллективного сознания длительного докапиталистического периода, которое вплоть до XVI-XVII вв. продолжало воспринимать и осмыслять действие «сверхъестественного» в мире как нечто совершенно логичное.

Со своей стороны, подражая в этом Блоку и его реконструкции культуры подчиненных классов, задуманной как комплексный синтез различных культурных страт, соотносимых с разными историческими длительностями, которые конденсируются и соединя-

ются в значимом культурном проявлении, Карло Гинзбург также обращает историю вспять для того, чтобы реконструировать для нас всевозможные слои, присутствующие в картине мира Доменико Сканделла, включающие в себя неопределенное «лютеранство», атмосферу, созданную в Италии и Европе полемическими войнами эпохи Реформации, глубокие милленаристские идеи, свойственные европейской крестьянской культуре, а также промежуточные страты – пантеизм, религиозная терпимость, спонтанный материализм культуры подчиненных классов и их повторяющиеся утопии, «страну Кокань».

Таким образом, на практике Блок предвосхитил, а Карло Гинзбург блестяще применил теорию Фернана Броделя о различных длительностях исторического времени. И Блок, и Гинзбург учат нас, что народная культура или культура подчиненных классов не является гомогенным пространством и не сводится лишь к интеллектуальному «отражению» определенных «материальных условий» (также гомогенных и ограниченных во времени). Напротив, представляя собой многослойный палимпсест, сформированный культурными элементами различной длительности, исторической силы и действенности, эта культура всегда артикулируется в комплексных формах, которые вдобавок постоянно находятся в процессе переосмысления и систематической трансформации.

Второй основополагающей компонентой, повлиявшей на творчество К. Гинзбурга, являются труды М. Бахтина⁶, в которых помимо обращения к внутренней жизненной силе народной культуры и ее неистощимой способности автономно и постоянно порождать новые культурные формы, была сделана попытка расшифровать ряд кодов ее существования и отличительные черты. Этот подход не только полностью дискредитирует «аристократический» взгляд, отрицающий само существование народной культуры, но также подчеркивает активную роль подчиненных классов, являющихся основными творцами культуры в целом. Он предоставляет нам важные ключи к пониманию народной культуры, осмысленной здесь как культура разноликая и противостоящая официальной культуре, но одновременно глубоко творческая, инновационная и подвижная.

Народная культура выражает себя в публичном простран-

---

⁶ См. Mijail Bajtin, *La cultura popular en la Edad Media y en el Renacimiento. El contexto de Francios Rabelais* (Madrid, 1987), *idem, The dialogic imagination* (Austin, 2000), *Speech Genres and other essays* (Austin, 1999), *Estetica de la creacion verbal* (Mexico, 1999), *El metodo formal en los estudios literarios* (Madrid, 1994), *Hacia una filosofia del acto etico* (Barcelona, 1997).

ве, во время карнавала или праздника; она является до определенного предела спонтанно и естественно диалектической, но одновременно она тотальна, динамична и открыта для изменения и преобразования, что проистекает из ее развлекающих, праздничных, радостных форм и из ее содержания, часто антиавторитарного, анти-иерархического, десакрализирующего, амбивалентного и уравнивающего, из постоянного обновления благодаря механизму «переворачивания мира вверх тормашками», который свойственен народной культуре.

Народная культура является сложным миром, который еще только предстоит расшифровать и проанализировать. В течение длительного докапиталистического периода она находилась в состоянии постоянной подвижности и обмена с доминирующей культурой, но на протяжении исторического переходного периода, называемого «долгим XVI веком» она совершила «вторжение» в сферу европейской культуры, так как в это время доминирующая средневековая культура уже находилась в состоянии тотального кризиса и распада, а буржуазная культура, свойственная Новому времени, еще не была признана и не утвердилась в обществе. Именно это обстоятельство, согласно Бахтину, является ключом к объяснению уникального литературного произведения Франсуа Рабле.

Используя все уроки и исследовательские пути, предложенные Бахтиным, Гинзбург попытался пойти несколько дальше него, определив своей целью достижение глубинных слоев народной культуры, увиденной, однако, не глазами господствующего класса, или, как у Бахтина, глазами Рабле, но с точки зрения подчиненных классов, «глазами жертвы», как позднее скажет сам Гинзбург. По этой причине наш автор обращается не к протестантской, еретической или рационалистической культурам XVI века, но пытается обнаружить специфические структуры основополагающей народной культуры в картине мира Меноккио, ее элементы, представляющие собой скрытую критику элиты и доминирующей культуры при помощи собственных автономных кодов и особых структур.

Наконец, третьей составляющей, обозначенной Гинзбургом, являются эссе и книги, изданные Эдвардом Томпсоном и Натали Земон Дэвис⁷, которые показывают нам, что несмотря на трудности

---

⁷ Карло Гинзбург ссылается на работы Н. Дэвис о 'charivari' – N. Zemon Davis, *Society and Culture in Early Modern France* (Stanford, 1984), на эссе Э. Томпсона – Edward P. Thompson, 'Rough music: le charivari anglais', *Annales*, 27, 2 (1972), и его книгу *The Making of the English Working Class* (London, 1963). О 'charivari' или 'rough music' см. Carlo Ginzburg, 'Charivari, Associazione Giovanile e Caccia Selvaggia', *Quaderni Storici*, 49 (1982). Сам

постижения, постоянные бреши, нехватку документов, все же возможно реконструировать и анализировать культуру подчиненных классов, и, при всех искажениях, фрагментарности, косвенности информации, порой негативной или маргинальной, она может явить себя взгляду действительно внимательного и вдумчивого историка.

Как блестяще показал Э.П. Томпсон, народная культура, помимо прочего, подразумевает существование «барометра», или общей логики, которая вне зависимости от того, что говорит закон, определяет, что допустимо, а что неприемлемо; что является морально оправданным и принятым общественным мнением в культуре подчиненных классов, а что противоречит обычаям сообщества и, следовательно, осуждается с точки зрения морали. Другими словами, существует настоящая «мораль толпы», являющаяся частью кодов и логики функционирования культуры подчиненных классов, и она определяет ситуации, когда из-за напряженности или в случае постоянного, но спокойного противостояния вдруг рождается бунт, забастовка, открытое восстание или даже социальная революция.

Определив, таким образом, «частные», а порой и решающие аспекты культуры подчиненных классов благодаря упомянутым трудам Томпсона и Земон Дэвис, Карло Гинзбург завершает основания, на которых он строит свою критическую модель истории подчиненных культур.

Части головоломки:

расшифровка культуры подчиненных классов

Каждый знает, что интеллектуальная жизнь Италии испытала серьезное влияние марксизма. Моя встреча с Грамши, несомненно, была очень важна... Я изучал Гегеля и Маркса, посещая курс интеллектуала-коммуниста по имени Чезаре Лупорини, который был весьма интересной фигурой. Очевидно, и это повлияло на меня...

«История и Культура: Беседа с Карло Гинзбургом», 1990.

Каковы же основные черты, отличающие новую модель критического анализа подчиненных культур, предложенную Карло Гинзбургом? И в чем состоят комплексные отношения между господствующей культурой и подчиненными культурами в рамках этой модели, отношения, включающие в себя как «диалоги» или обмен, так и непримиримые столкновения? Первая важная идея, лежащая в основе данной модели культурной истории, заключается в тезисе о том, что история культуры – совершенно новое поле

Гинзбург явно обращается к «морали толпы» в эссе 'Saqueos rituales, Premisas para una investigacion el curso', Tentativas.

исследования, лишь зарождающееся среди прочих отраслей исторических исследований, и потому она находится только в стадии разработки, как в отношении определения проблем, тем и предметов, которые она охватывает, так и в отношении тщательной разработки основных понятий, методологических парадигм, объяснительных моделей и гипотез⁸.

Культура подчиненных классов, как было хорошо показано Гинзбургом, не могла стать объектом исследования, прежде чем историческая наука включила в себя такие сферы как социальная история, история классов, масс и больших социальных групп, что, как всем известно, произошло не ранее второй половины XIX века, после того, как марксизм совершил революцию в исторических исследованиях⁹. И даже после рождения социальной истории история народной культуры утверждалась медленно и постепенно, благодаря развитию исторической антропологии и историографии XX века, а также отходу от традиционной аристократической позиции, которая спустя десятилетия после появления марксизма продолжала низводить народную культуру на уровень простого «фольклора» или «народного искусства и обычаев», как мы уже указывали.

Наряду с тем, что культурная история – очень молодая дисциплина, очевидно и то, что культура является не чем-то единым или гомогенным, но скорее, полем, где действуют отдельные, часто противоборствующие друг с другом силы, всегда создающиеся двумя мирами, миром господствующей (не обязательно «доминирующей») и многочисленных подчиненных (не только «народной») культур. Под воздействием Антонио Грамши Гинзбург представляет культуру господствующих классов как «господствующую» культуру, т.е. культуру, которая не просто доминирует, благодаря навязыванию или прямому подавлению, но одновременно и вынуждена «завладевать» темами, мотивами и элементами подчиненных культур, видоизменять и использовать их как орудие своей легитимации, а также постоянно стремится распространить себя среди подчиненных классов, что способствует ее укреплению и делает ее приемлемой для подчиненных классов.

Пытаясь преодолеть как «внеклассовое» представление о

⁸ Это ясно отражено в его предисловии к итальянскому изданию книги Питера Берка (Peter Burke, *Cultura popolare dell' Europa moderna* [Milano, 1980]).

⁹ О рождении подлинной социальной истории см. Carlos Antonio Aguirre Rohas, *Antimanual del mal historiador* (Bogota, 2003), idem, 'Rethinking Current Social Sciences: the Case of Historical Discourses in the History of Modernity', *Journal of World-System Research*, VI, 3, fall/winter 2003, <http://csf.colorado.edu/jwsr>.

культуре (связанное с понятием «ментальность»), так и «классовое» видение культуры (связанное с термином «народная культура», культура аморфного, неопределенного и несуществующего «народа»), Карло Гинзбург выдвигает вместо этого идею «подчиненных культур», а именно, множественных культур, соответствующих разным подчиненным классам и общественным группам. Ведь даже если они и пребывают в состоянии «подчиненности» и подчинения, это не означает, что они не утверждают свою собственную культуру, отличную от господствующей. И даже если они подчинены ей, благодаря тому, что являются подчиненными культурами, они сохраняют свою собственную логику и уникальные способы выражения, свойственные только им, порождая культурное сопротивление угнетенных и необходимое постоянное возобновление культурного давления со стороны господствующих классов.

Эта концепция четко характеризует господствующую культуру и подчиненные культуры, приводя Карло Гинзбурга к утверждению двойного тезиса, которые лишь кажется парадоксальным. Для автора «Сыра и червей» пространство культуры одновременно – и поле битв, где беспрестанно сталкиваются лицом к лицу господствующая и подчиненная культуры, и территория круговорота, где культуры постоянно обмениваются элементами, мотивами и сочетаниями, что является частью того культурного сражения, которое связывает и предопределяет их в целом.

Радикальным образом отбросив идиллическое, но ложное представление о «ментальности», общей для Юлия Цезаря и последнего из его солдат, или Христофора Колумба и его матросов, Гинзбург вместо этого подчеркивает тот факт, что глобальный социальный конфликт, характерный для всех человеческих обществ на протяжении истории, воспроизводится и в культурной сфере, систематически противопоставляя культуру господствующих классов культуре народа в рамках асимметричной схемы, в которой «судьба всегда благоволит угнетателям и элите, пребывающей у власти».

Но, в то же время, для того, чтобы сделать возможным утверждение культурной гегемонии привилегированных классов, нужен постоянный культурный круговорот: лишь тогда утверждения, коды и представления господствующего класса способны укорениться в обществе, когда этот класс так или иначе соединяет и придает новую, легитимирующую господство, функцию темам, проблемам и идеям из уже существующих элементов культуры, которые ранее были распространены и пустили корни в культурах подчиненных классов. Это, например, объясняет, почему в европейском христианском календаре были освоены и воспроизведены даты дохристианских праздников, а первые храмы, посвящен-

ные Пресвятой Деве Гвадалупской в Новой Испании, зачастую располагались в тех же самых местах, где до этого поклонялись древним богиням плодородия различных до-испанских культур.

С другой стороны, очевидно, что подчиненные классы никогда не принимают пассивно и спокойно навязывание доминирующей культуры господствующих классов, но скорее подчиняются рекодификации, выходящей за рамки легитимации *status quo*, используют фильтры сопротивления или даже открытого культурного «восстания», присваивая себе ряд элементов господствующей культуры, чтобы использовать их в постоянной борьбе за выживание, а также непрерывно воссоздавая и творя новые формы и элементы культуры, еще не пропущенные сквозь фильтры культуры господствующей. На какое-то время они остаются подлинными выражениями неистощимой и постоянно обновляющейся подчиненной культуры, существующей во многих обличьях и измерениях¹⁰.

Это (если вновь обратиться к упомянутым выше примерам) объясняет и тот факт, что после более чем тысячелетних постоянно возобновлявшихся усилий по «христианизации»¹¹ (которая так никогда и не была полностью достигнута) европейская крестьянская культура не только сохранилась, но продолжала перетолковывать христианскую картину мира в натуралистической, радикальной, утопической и материалистической перспективе, характерной для подчиненных классов. Это ясно отражено в деле дерзкого и храброго Меноккио, а также в том, как индейцы Новой Испании почитали изображения Девы Марии, расположенные рядом со скрытыми изображениями различных богинь Земли и плодородия.

Мы не должны, однако, приходить к ложному и наивному выводу о том, что в этом столкновении господствующая культура, или одна из подчиненных культур являются гомогенными сущностями, или что они функционируют, подчиняясь единой и неизменяемой логике. Все как раз наоборот.

При постоянном обмене или «диалоге», а также постоянном столкновении двух культурных полей, каждое из них представлено

¹⁰ Одна из центральных тем, которые Гинзбург рассматривает в своей книге «Экстаз», это «фильтры», используемые и господствующими, и подчиненными классами, и приводимые в действие в момент, когда они получают утверждение, исходящее от противостоящей или враждебной культуры. Это положение основывается на фрейдистской концепции снов и перехода с уровня бессознательного к уровню сознания. См. Carlo Ginzburg, 'The Dovecote Has Opened Its Eyes: Popular Conspiracy in Seventeenth-Century Italy', *The Inquisition in early Modern Europe* (Dekalb, Ill., 1986).

¹¹ См. Carlo Ginzburg, 'Folklore, magia, religione', *Storia d'Italia*, t.1, v.2, (Turin, 1989).

сложным набором положений и элементов, которые со стороны господствующей культуры прямо и непосредственно усиливают ее господство в социуме, а со стороны подчиненных классов недвусмысленно оправдывают постоянное сопротивление, призванное подорвать это господство, а также другими возможными положениями, возникающими на разных концах соответствующего культурного спектра. Следовательно, народная культура содержит в себе элементы торжествующей господствующей культуры, прямо оправдывающие и легитимирующие экономическую эксплуатацию, политический деспотизм, социальное господство и дискриминацию. Кроме того, подчиненная культура может включать другие компоненты, не связанные с господством, но равным образом терпимые и включенные в этот обширный культурный универсум, а также культурные элементы, в разной степени перетолковывающие и присваивающие новые функции основным понятиям господствующей культуры, с точки зрения подчиненных классов и культур¹².

То же самое верно и в отношении господствующей культуры, которая отнюдь не является монолитной, но также представляет собой ряд разнообразных позиций. Среди них, несомненно, доминируют те, что легитимируют и оправдывают существующий общественный строй. Но в их числе оказывается и критика такой официальной культуры, порождающая внутренние противоречия и оспаривающая культурную гегемонию. Это становится очевидным из сопоставления сходных позиций Мишеля Монтеня, Мигеля Сервета и мельника Доменико Сканделлы, каждый из которых шел своим путем и вероятнее всего не подозревал о существовании других.

Таким образом, порывая с широко распространенной вплоть до 1970-х гг. концепцией, в рамках которой господствующая и подчиненная культуры рассматриваются как гомогенные, утомляюще единообразные и связанные конструкции, Карло Гинзбург отделил свою позицию от мнений тех, кто порой, отбрасывая всякую критику, поклонялся воображаемой народной культуре, воспринимая ее всегда как «благую», позитивную, революционную по сути и лишенную греха силу, а также и от представления господствующей культуры репрессивной, подавляющей, вездесущей, полностью отрицающей подчиненные культуры. Точно так же он отделял свою позицию от концепций, рассматривавших культуры как монолитные блоки, созданные из одного материала и воспринимавшие народную культуру всего лишь как набор суеверий и совершенно

---

¹² См. Carlo Ginzburg, 'Premessa Giustificativa', *Quaderni Storici*, 41 (1979); *idem.*, 'Progetto di un fascicolo sulla 'Religione Popolare'', *Quaderni Storici*, 37 (1978).

иррациональных представлений, как полностью подчиненную эмоциям, магическим и символическим взглядам, которые теперь кажутся «примитивными», анахроничными и ретроградными, тогда как господствующая культура оказывалась подлинно «научной», рациональной, прогрессивной, творческой, инновационной и «достойной» систематического изучения и анализа.

Это приводит нас к принятию факта удивительного разнообразия и внутренней гетерогенности господствующей культуры, а также и подчиненных культур. Эта гетерогенность отражается также и в том, что их сложные, меняющиеся отношения не являются строго установленными, конфликтными или односторонними, но, скорее, напротив, подвижными и податливыми. Здесь мы можем обнаружить несомненную культурную конвергенцию, но также и очевидное радикальное противостояние культур, и одновременно – множественные ситуации взаимных обязательств и уступок, как со стороны господствующей культуры, так и со стороны подчиненных культур, диалектику временных союзов, отступлений и наступлений обеих сторон, постоянных завоеваний, решающих поворотов, революций, сражений, которые обозначают и определяют путь развития этих диалектических отношений.

Внутреннее разнообразие и гетерогенность культурных пространств и их взаимоотношений ни в коем случае не изменяют то обстоятельство, что эти отношения являются асимметричными, иерархическими и неравными, так как одна сторона «играет краплеными картами» для того, чтобы обеспечить победу господствующим классам, обладающим властью. Ведь культура является господствующей в той мере, в какой она отражает идеи и *Weltanschauung* господствующего класса, путем навязывания или консенсуса создавая господствующие представления с данным обществом. Для этого существуют различные средства и способы, от монополии на чтение и письмо и создания письменных свидетельств и различных документов¹³ до языковых конструкций и элементов дискурса, которые, будучи «осмысленными» и «определенными» господствующими классами, наилучшим образом приспособлены для того, чтобы описывать и отражать неравный и асимметричный мир, создавший и постоянно использующий их. Кроме того, господствующие классы всегда располагают материальными средствами, которые обеспечивают широчайшее рас-

¹³ См. Carlo Ginzburg, 'Intervencion sobre el 'paradigma indiciario', Tentativas. Наряду с этим, Гинзбург настаивает, что ради адекватного толкования каждого документа мы обращаемся к «сети культурных отсылок» автора. См. Ginzburg, 'Conversare con Orion', Quaderni Storici, 108 (2000).

пространение и проекцию их собственных идей и представлений о мире, а также подавление и блокировку различных форм и образцов, созданных подчиненными культурами.

В течение столетий и тысячелетий культура народа была исключительно устной, и даже сейчас она по большей части остается таковой, что означает, что при переходе из этого состояния в сферу письменной культуры она претерпевает двойное искажение. Это происходит, во-первых, из-за использования терминов и понятий языка, получивших свое значение от господствующей культуры, а во-вторых, из-за неизбежного «перевода», осуществляемого автором записи, который в подавляющем большинстве случаев сам принадлежит к господствующим классам. Это видно из того, что инквизиторы не понимали значение термина *Benandanti* и, в конце концов, навязали ему значение, сходное с термином «ведьмы», а также из того факта, что Меноккио не располагал понятиями, необходимыми для адекватного объяснения своей собственной, крестьянской картины мира¹⁴.

Тем не менее, пусть это и кажется парадоксальным, но, хотя господствующая культура имеет в своем распоряжении все средства для того, чтобы навязать себя подчиненным культурам и покорить их, усилия по навязыванию господствующей культуры постоянно повторяются из-за того, что, несмотря на свою подчиненность, культура народа остается сильной, исторически стабильной, всегда сохраняющей определенный уровень автономии и принадлежащий ей неисчерпаемый источник возрождения и обновления, который оказывается невозможным у нее отнять.

Однако адекватно представить себе все специфические особенности и черты подчиненных культур можно, только поставив себя, как предлагает Карло Гинзбург, «на место жертвы», рассматривая их в перспективе и в рамках культурного восприятия тех самых подчиненных, эксплуатируемых и дискриминируемых классов, чья культура является объектом исследования нашего автора, стремящегося обнаружить ее и расшифровать.

¹⁴ Обращаясь к дистанции между устной и письменной культурами, а также к критике ложной иерархии, благоприятствующей последней и недооценивающей первую, Гинзбург защищал не только устную культуру, но и «культуру безмолвия», столь же важную, как и две предыдущие. См. 'Conversacion. Adriano Sifri entrevista a Carlo Cinzburg', *Ensayos sobre la Microhistoria* (Morelia, 2002). Интересно сопоставить это с позицией участников известного индейского восстания в штате Чьяпас (Мексика), начавшегося 1 января 1994 г. Индейцы всегда ценили и умели использовать «культуру безмолвия» Об этом см. Carlos Antonio Aguirre Rojas, 'Chiapas, Latinamerika und des kapitalistische Weltsystem', *Comparativ*, 11, 2 (Leipzig, 2001).

Культурная история «с точки зрения жертв»

Вследствие внедрения (полного или частичного, постепенного или одномоментного, насильственного или явно спонтанного) чуждого стереотипа, навязанного инквизиторами, жертвы, в конце концов, теряли собственную культурную идентичность»

Carlo Ginzburg, 'Introduction',
Ecstasies. Deciphering the Witches' Sabbath, 1989.

Последняя из основополагающих черт построенной Гинзбургом модели культурной истории, пожалуй, наиболее характерная и оригинальная, состоит в настойчивом стремлении реконструировать субкультуры, исходя не из «внешних» обстоятельств, даже если они были тесно связаны с жизнью угнетенных, но «изнутри» объекта исследования, что подразумевает необходимость задаться вопросом и/или поразмыслить о том, как определенные образы и феномены культуры виделись, осваивались и воспринимались, а также проецировались и изменялись их собственными субъектами, акторами, т.е. подчиненными классами общества.

И здесь Карло Гинзбург вновь демонстрирует черту, свойственную поколению 1968 года, которое, в разных вариантах и версиях, утверждает необходимость «устранить» или каким-то образом пересечь невидимо присутствующую границу между «нами» – исследователями социума и интеллектуалами, обладающими общественным призванием, и «ими» – народом. Наряду с другими проявлениями, эта тенденция выражает себя в исторических проектах, в которых непосредственное сотрудничество объединяет профессиональных историков, рабочих, крестьян, местных жителей, воссоздающих историю профсоюза, района, или же отдельной забастовки или общественного движения. Они проявляются и в опыте профессионалов, которые, стремясь к созданию организации и политическим контактам с народом, оставляют привилегии, предоставляемые им университетскими степенями ради того, чтобы трудиться рядом с рабочими, крестьянами или поденщиками на заводе, в магазине или сельскохозяйственном предприятии. В этом же ряду стоят и многочисленные попытки изучения подчиненных или рабочих классов, спасения и воссоздания их истории, памяти и идентичности, а также стремление воссоздать их дискурсы и их собственный «голос», предоставляя им главные роли, к которым они веками не допускались традиционной историографией.

Следует, однако, иметь в виду, что даже такие подходы могут сохранять «внешнюю» точку зрения по отношению к подчиненным классам, принимая их культуру как еще один «предмет исследования», или просто включая эти голоса и прямые свидетельства

угнетенных в старые исторические дискурсы, не предполагая, что новая тема и новые голоса подразумевают также и обновление методов, парадигм и понятий, способов размышления о статусе доказательств и формах контроля и верификации результатов исследования, форм нарратива или коммуникации с новой публикой. Здесь Карло Гизбург ставит отчетливую и радикальную цель проникнуть сквозь традиционные дискурсы, чтобы ухватить элемент, который Михаил Бахтин именует «диалогическим». Он подспудно присутствует во всех упомянутых свидетельствах и дискурсах, в действиях, которые кажутся неясными, уклончивыми, очевидными или противоречащими обычной практике. Благодаря этому можно подобраться к культуре подчиненных классов, теперь рассматриваемой и реконструируемой с ее собственной точки зрения, исходя из представлений и восприятия гонителей и жертв.

Таким образом, изменяется исследовательская перспектива, и наиболее интересным оказывается не нравственное осуждение гонителей, и не антропологическое или социологическое объяснение механизма преследования, но, прежде всего, сами преследуемые, то, как они жили, страдали, воспринимали и переживали преследования, подчинение, эксплуатацию или дискриминацию, а также насилие, господство и навязывание культурных стереотипов. Изменение точки зрения позволяет Гинзбургу более глубоко постичь ряд основных характеристик этих субкультур; некоторые из них уже были упомянуты, и к ним можно добавить и другие.

Во-первых, это поразительная живучесть и жизненная сила народной культуры, возникающая потому, что эта культура, как и любая другая, всегда порождается, воспроизводится и обновляется благодаря многообразным и сложным процессам глобального общественного воспроизводства, проявляющимся в огромном спектре человеческих действий. Поскольку, исходя из доводов старой доброй материалистической логики, мир культуры и идей сформировался и существовал как одна из стратегий, делающих возможной жизнь человека и обществ в природе и на планете, очевидно, что в процессе воспроизведения собственной жизни, а также и всего общества, трудящиеся классы постоянно и неизбежно производят, воспроизводят и обновляют формы и образы собственной культуры и культуры в целом.

Имея в виду трудящиеся классы в подавляющем большинстве обществ в прошлом и по сей день, логично предположить, что они являются основным источником, порождающим и производящим культуру в целом. Это позволяет нам понять причины феномена, на который часто указывали исследователи истории и культуры, а

именно, что значительная часть того, что именуют «высокой литературой», на деле порождается и питается анонимной народной литературой, а также легендами и традициями подчиненных классов¹⁵, подобно тому, как классический театр был порожден и по сей день питается народным театром, а научная деятельность всегда в большей степени стимулировалась практическими проблемами, поставленными жизнью, экономикой, трудом или повседневной человеческой деятельностью, нежели чисто теоретическими или абстрактными спекуляциями или размышлениями.

Это отражается и в рассуждениях об истории и истории историографии, которые имеют в качестве важных источников социальную и коллективную память и постоянно сталкиваются с необходимостью заново определять идентичность разных общественных классов посредством обращения к хронике, повествованию о событиях прошлого, его уроках или «толкованию истории».

Во-вторых, подчиненные культуры обладают внутренней насыщенностью, неиссякаемой способностью к обновлению, протекающей из того факта, что они имеют возможность опереться на неразрывные связи с миром практического опыта. Как хорошо показал Карло Гинзбург, подчиненные культуры порождаются и ежедневно обновляются благодаря миру опыта, который создается и воспроизводится в труде и в повседневной жизни. Они накапливают в результате внимательного наблюдения и постоянного взаимодействия с упомянутым миром опыта народное знание, созданное крестьянами, рабочими и поденщиками, ремесленниками и т.п., передаваемое от поколения к поколению, благодаря устной традиции, и обладающее прямой связью с разнообразными проявлениями практической деятельности¹⁶.

И хотя народное знание в меньшей степени владеет великолепным орудием абстракции, со всеми вытекающими отсюда последствиями, оно само и связанные с ним культуры, возникшие в результате тысячелетнего процесса совершенствования, обладают несомненной способностью к пониманию и объяснению мира, позволявшей человечеству выживать на протяжении столетий, задолго до того, как в истории проявились ученость эрудитов, на-

---

¹⁵ Достаточно лишь привести в качестве примера «Фауст» Гете, а также народную легенду о Фаусте, существовавшую в немецкой устной традиции. См. Mijail Bajtin, 'Adiciones y cambios a Rabelais', 'En torno a la cultura popular de la risa (Barcelona, 2000).

¹⁶ О подчиненных культурах как народном знании, основанном на опыте см. Carlo Ginzburg, 'Morelli, Freud and Sherlock Holmes. Clues and Scientific Method'; Bolivar Echeverria, 'Definicion de la cultura (Mexico, 2001).

учное знание и само существование господствующих культур.

Как любое другое знание и культура, подчиненные культуры представляют собой смесь истин и фрагментарных или ошибочных представлений, доказанных утверждений и простых предположений, суеверий и элементов критицизма или проявления эмоций, наряду с объективным и тщательным анализом реальности. Кроме того, вопреки широко распространенному мнению, эти культуры ни в коем случае не являются неподвижными и «традиционными», медленно эволюционирующими и почти не меняющимися. Напротив, именно благодаря непосредственной связи с опытом они особенно подвижны и текучи, всегда движутся и преобразуются, обогащаются и усложняются, подчиняясь тому же ритму, что и все человечество, живущее в мире практического опыта.

Подчиненная культура, наконец, обладает автономией, которой нет у господствующей культуры. Подобно тому, как капитал не может существовать без труда, который он эксплуатирует, и доминирующий класс не может существовать без того, чтобы угнетенные в той или иной форме приняли его господство, так и господствующая культура существует исключительно в той степени, в какой ей удастся навязать себя подчиненным культурам, которые питаются ею и воспринимают ее через свои коды и смыслы.

Тем не менее, если ни капитал не может жить без труда, ни господствующие классы без угнетенных, то труд преспокойно может обходиться без капитала, и ранее угнетенные могут жить без тех, кому они прежде подчинялись. По данной причине культура угнетенных классов также может существовать, развиваться и распространяться без всяческих проблем, даже если все господствующие культуры и господствующие и эксплуатирующие классы исчезнут из истории и с лица земли. К этому моменту подчиненные культуры, несомненно, перестанут быть таковыми и станут процветать, не встречая препятствий, когда «искупленное, то есть освобожденное» человечество, как говорил Карло Гинзбург, цитируя Вальтера Беньямина, окажется способным вступить в новую, более счастливую фазу человеческой истории, ради чего все мы, поклонники капризной, но удивительной музыки Клио, по-прежнему теряем покой и сон, в теории и на практике.

О.В. Шнырова (Иваново)

КУЛЬТУРНЫЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ СУФРАЖИЗМА

Суфражистские организации уделяли большое внимание тому, что мы сейчас называем культурными репрезентациями: созданию своей символики, образов, ритуалов, мифов¹. Особенно ярко это проявилось в начале XX века, когда суфражистская пропаганда начала ориентироваться на массы. Для того чтобы сделать суфражистское движение видимым, привлечь к нему внимание общества широко использовались такие зрелищные мероприятия как массовые шествия, марши, театральные постановки, ярмарки и т.п. Зрелищную пропаганду суфражистских идей обеспечивали специальные суфражистские организации: Лига художниц-суфражисток, Суфражистское ателье и др. Суфражистское движение имело свою прессу, литературу, драматургию. Рассмотрим, как репрезентировали себя и свое движение суфражистки; и как в ходе формирования этих репрезентаций происходило формирование суфражистской субкультуры.

Для суфражистского движения было очень важно формирование чувства корпоративности, демонстрация себе и окружающим принадлежности к общему Делу. Эта задача решалась в результате разработки суфражистской символики и эмблематики. Каждая суфражистская организация имела свои цвета, присутствовавшие в одежде их членов, либо в нарукавных повязках, лентах и значках, булавках, шляпных булавках, которые надевались во время различных суфражистских мероприятий. Впервые цвета для идентификации участниц своей организации были использованы НССО в начале 1906 г. Эта организация взяла для себя сочетание красного, белого и зеленого цветов. Это были цвета знамени гарибальдийцев, и, таким образом, члены НССО одновременно подчеркивали свои исторические традиции и корни (то, что суфражистское движение вышло из радикальной среды, поддерживавшей борьбу за независимость Италии), и то, что они так же, как и сторонники Гарибальди и Мадзини, борются за справедливость и свободу. В мае

---

¹ О культурных репрезентациях суфражизма см. также *Tickner B. The Spectacle of Women. L., 1989; Green B. Spectacular Confessions. Autobiography, Performative Activism, and the Sites of Suffrage 1905-1938. L., 1997.*

1908 г. Женский социально-политический союз (ЖСПС) на демонстрации в Гайд-парке впервые представил свои знамена с сочетанием пурпурного, белого и зеленого цветов. Белый означал чистоту, зеленый – надежду, пурпурный – достоинство. Их примеру последовали другие организации: цветами Женской лиги свободы были зеленый, белый и золотой, у Мужского союза за избирательные права женщин – черный и золотой, у Молодых суфражистов – красный, белый и зеленый и т.д. Эти цвета были опознавательными знаками организаций и присутствовали на их листовках, приглашительных билетах, знаменах. Если не было возможности цветной печати, на листовке обязательно обозначалось: цвета организации такие-то. Использование этих цветов в многотысячных суфражистских процессиях и на митингах придавало им дополнительную красочность и зрелищность. Вот как использовалось сочетание цветов в похоронной процессии Эмили Дэвидсон, организованной ЖСПС 14 июня 1913 г.:

«Секция А. Три ряда девушек в белом, несущих зеленые лавровые венки. Пурпурное знамя с надписью: «Сражайся и бог пошлет тебе победу». Двенадцать рядов девушек, несущих лавровые венки. Оркестр.

Секция В. Члены Лондонского отделения, одетые в черное, каждая несет пурпурный ирис. Оркестр.

Секция С. Члены Лондонского отделения, одетые в пурпур, каждая несет пион.²

В данном случае такое сочетание цветов придавало печальную торжественность процессии и было данью активистке организации, пожертвовавшей своей жизнью ради Дела. Кроме того, спрос на платья определенных цветов со стороны большого числа женщин создавал определенный потребительский рынок и формировал моду, распространявшуюся за пределы суфражистского движения. Так, мода на белые летние платья сезона 1908 г. была порождена суфражистскими процессиями весной-летом этого года:

«Суфражистская мода стала гвоздем сезона. Предложение носить белое встретило широкую поддержку. В витринах развешаны драпировки суфражистских цветов. В них преобладают платья белого цвета с широким выбором аксессуаров белого, пурпурного и зеленого»³.

Частью суфражистской символики были и знамена, которыми в начале XX века обзаводятся все суфражистские организации. Знамена, украшенные суфражистскими лозунгами и символикой, служили указателем места сбора для членов организации

² Official Programme Timetable and Route of the Funeral Procession. Saturday, June 14th, 1913/John Johnson Collection. Bodleian Library.

³ *Daily Chronicle*, June 19th, 1908.

на демонстрациях, а также придавали им дополнительную декоративность и пышность, привлекая зрителей: «Особенной чертой великой Процессии является количество и красота знамен, каждое из которых имеет свое особое значение. Будет около 1000 знамен, изготовленных с большой любовью специально для этого случая»⁴. Барбара Тикнер полагает, что они олицетворяли также женские качества и умения суфражисток, так как обычно вышивались вручную самими женщинами⁵.

В символике и внешнем виде знамен многое восходит к тред-юнионистскому движению и чартизму. Большинство чартистских и первые тред-юнионистские знамена были изготовлены руками работниц, хотя в начале XX века уже существовали мастерские, специализировавшиеся на их изготовлении. Но несмотря на длительную традицию изготовления знамен женскими руками, знаменосцами всегда были мужчины, и суфражистки стали первыми женщинами в Англии, в буквальном смысле поднявшими знамя своей свободы. Поэтому суфражистские знамена были более легкими и меньше размером, чем тред-юнионистские, которые они во многом копировали. Большая коллекция знамен, хранящаяся в Женской библиотеке в Лондоне и в музее Лондона, представляет знамена нескольких основных категорий: знамена суфражистских организаций, их местных отделений, профессиональные знамена, знамена, изготовленные в ознаменование какой-либо исторической даты или в честь выдающейся женщины (Флоренс Найтингейл, Мари Кюри, Элизабет Фрай, и т.д.).

Разработкой оформления знамен занимались профессиональные художники и художницы-суфражисты: Лоуренс и Клеменс Хаусманы, Мэй Моррис, Мэри Сарджент, Сильвия Панкхерст. Дизайн большинства знамен отдает дань моде на неоготику: растительный орнамент и готический шрифт придают им сходства со средневековыми знаменами и штандартами. Некоторые знамена украшались портретами лидеров движения (особенно это было характерно для ЖСПС). Знамена были важной частью суфражистской иконографии и пропаганды. Они были украшены лозунгами и девизами суфражистского движения: «Право голоса для женщин», «Без представительства нет уплаты налогов», «Избирательное право – ключ к нашей свободе», либо более поэтически: «Восстание против тиранов – подчинение Господней воле», «Слава смелости и самоотверженности», «Наибольшей любви

⁴ The Women's Coronation Procession. Листовка с программой./ John Johnson Collection. Bodleian Library.

⁵ Tickner B. The Spectacle of Women... P. 62

достоин тот, кто отдал жизнь за свободу» и т.п. Кроме использования знамен в массовых шествиях и на митингах, суфражистки периодически устраивали выставки знамен, иногда передвижные, ибо собранные вместе они были прекрасной иллюстрацией программных требований суфражистских организаций.

Массовые шествия и митинги на открытом воздухе в начале XX века также стали частью суфражистской пропаганды и являли собой яркую форму репрезентации суфражистского движения. Как известно, они были ответом на предложение премьер-министра Асквита доказать, что большинство женщин выступает за предоставление им избирательных прав. Успех первой процессии 9 февраля 1907 г. («Марш в ненастье») и внимание к нему прессы и общественности убедили суфражисток всех направлений в эффективности этого метода агитации, и суфражистские процессии стали устраиваться регулярно в период с 1907 по 1914 гг. В них участвовало до 250 тыс. женщин и ради них приходилось на несколько часов перекрывать движение на центральных лондонских улицах.

С другой стороны, подготовка такого массового мероприятия требовала огромной организационной работы. Так как в больших процессиях, как правило, принимали участие региональные отделения суфражистских обществ, то организаторы предпринимали шаги по их доставке в Лондон: организовывались специальные поезда с билетами с экскурсионной скидкой, на вокзале прибывших встречали стюарды, сопровождавшие их к месту сбора (как правило, это были лондонские офисы организаций, либо квартиры их членов), где можно было передохнуть, выпить чаю и получить инструктаж по поводу поведения во время демонстрации.

Женские процессии были новым и необычным явлением, как для публики, так и для самих участниц, и, как уже отмечалось, вызывали неоднозначную реакцию. Поэтому организаторы процессий уделяли большое внимание инструктажу участниц, объясняя им, как следует действовать во время этого мероприятия, чтобы колонна марширующих суфражисток сохраняла стройность и производила благоприятное впечатление на публику:

«1. Процессия начнется ровно в 5.30, поэтому все должны быть на своих местах в 4.30...Сообщите о себе организатору колонны и займите свое место. Заняв, не покидайте его.

2. Помните, что внешний марширующий слева отвечает за установку шага (маршировку). Начинайте маршировать с левой ноги и следите за тем, чтобы ваше плечо было на одной линии с плечом соседки. Держитесь прямо и не сбивайтесь с шага.

3. Не забывайте сохранять свободное пространство между вашей шеренгой и шеренгой впереди, и не бегите, чтобы догнать ее, если вы остановитесь, чтобы пропустить уличное движение. Кроме того, не

забудьте сохранять свободное пространство впереди и сзади знамен: они очень важная часть процессии, и публика должна хорошо их рассмотреть.

4. Не машите носовыми платками и не оглядывайтесь, когда процессия тронется. Смотрите прямо перед собой. Вы здесь для того, чтобы увидеть вас, а не для того, чтобы смотреть самим. От поведения каждого участника зависит общее впечатление о процессии.

5. По возможности все должны быть одеты в белые платья, если нет белых, то в зеленые или коричневые, что соответствует цветам Лиги. Длина должна быть такой, чтобы было удобно идти и не мешать соседям. Повязки и розетки с эмблемой и цветами Лиги обязательны»⁶.

Пресса, как правило, отдавала должное высокому уровню организации суфражистских демонстраций и красочности и элгантности предлагаемого зрелища. Поскольку основной задачей процессий было убедить правительство, что женщины всех сословий, званий и профессий стремятся к получению избирательного права, то организаторы стремились наглядно продемонстрировать это зрителям. Национальный характер движения представляли региональные отделения, профессиональный – представительницы различных профессий, организованные в отдельные колонны. В шествиях, организуемых ЖСПС обязательно присутствовала колонна суфражисток, перенесших тюремное заключение во имя Дела. Демонстрируя единство и всеословность движения, в процессиях плечом к плечу маршировали дамы из высшего общества, женщины из среднего класса и простые работницы – обстоятельство, производившее большое впечатление на русских суфражисток⁷.

По мнению современников, самой яркой и зрелищной из всех массовых суфражистских процессий была Женская коронационная процессия 17 июня 1911 г., в которой приняло участие сорок тысяч суфражисток практически из всех суфражистских организаций⁸. Никогда больше, даже во время массового Шествия пилигримов, суфражистки не стремились превзойти величие Коронационной процессии. Эта процессия была ответом и альтернативой двум торжественным процессиям 22 и 23 июня, знаменующим величие Империи и приуроченным к коронации но-

⁶ Инструкция для членов Женской лиги свободы по поводу участия в Женской коронационной процессии / *The Vote*, Vol. IV, №86. June 17. 1911. P. 97.

⁷ *Мирович Н.* Женский парламент в Лондоне / *Русская мысль*, 1909, №7.

⁸ «Вчера в Лондоне состоялась наиболее впечатляющая и представительная из всех процессий в поддержку женского избирательного права, когда-либо виденных в этой стране. Это был триумф организации и демонстрация возможностей суфражистского движения» / *Sunday Times*, June 18th, 1911.

вого короля Георга V. Так как женщинам в них не нашлось места, было решено организовать свою собственную процессию, которая продемонстрировала бы вклад женщины не только в величие и могущество Британской империи, но и в мировую цивилизацию и историю человечества.

Работа по подготовке процессии началась в мае, причем каждое суфражистское общество старалось превзойти других в красочности и великолепии своей колонны. И вот солнечным июньским днем сорокатысячная колонна двинулась по набережной Темзы под звуки двадцати оркестров, игравших «Марш женщин». Во главе процессии на белой лошади ехала Джоан Брюс, племянница английского посла в Вашингтоне, в костюме Жанны д'Арк, ставшей к этому времени излюбленным символом суфражисток, особенно милитанток, и олицетворявшим одновременно и женский героизм и женскую жертвенность.

Процессия объединяла в себе традиции средневековых мистерий, карнавалов, шествий, рабочих демонстраций, военных парадов и государственных ритуалов. Кроме колонн, представляющих различные женские профессии (среди них была отдельная колонна женщин в мантиях выпускниц университетов), различные суфражистские общества и их местные отделения (причем жительницы различных местностей Великобритании были одеты в национальные костюмы), а также колонны из семисот заключенных в белых одеяниях, в процессии маршировали представительницы британских доминионов и колоний в ярких национальных одеждах (причем эту колонну возглавляли жительницы Новой Зеландии, уже получившие право голоса), гости из иностранных суфражистских организаций. Роль женщины в истории человечества наглядно иллюстрировала колонна суфражисток, одетых в костюмы королей, аббатис и других известных исторических персонажей. Эта колонна была ярким опровержением викторианского стереотипа несовместимости женщины и политической власти и напоминанием о том, что было время, когда женщины в Англии играли заметную роль в политической жизни: в колонне были представлены женщины-пэры, заседавшие в парламенте в правление Эдуарда III, женщины-шерифы графств, правительницы замков, женщины-главы ремесленных цехов.

В центре колонн возвышались богато украшенные колесницы, из которых самой пышной и привлекающей внимание была колесница Империи, отдающая дань поводу, по которому и была организована процессия. Колесница символизировала величие Империи и ее единство под властью короны, а фигуры в ярких одеяниях – британские колонии и доминионы, они группировались

по частям света, которые олицетворяли женщины, одетые соответствующим образом. Кроме того, она должна была служить доказательством патриотизма суфражисток, равно как и их стремления отдать свои силы на службу обществу.

В процессии принимали участие также мужские лиги и общества в поддержку избирательных прав женщин, во главе колонны которых ехал верхом на лошади лидер Мужского политического союза Генри Нэвинсон, женские профсоюзы, Женская фабианская группа, женские религиозные общества. Таким образом, процессия ясно давала понять, что предоставление права голоса – это не только общенациональное, но и общеимперское требование, и является восстановлением исторической справедливости. Не случайно, оценивая процессию *Daily Chronicle* писала: «Уверенными и целенаправленными шагами движение за избирательные права женщин марширует к победе. Восхитительная процессия, состоявшаяся в субботу в Лондоне, является прелюдией к неизбежному триумфу»⁹. Как мы знаем, этот восторженный прогноз оказался преждевременным, однако процессия произвела сильное впечатление не только на англичан, но и на большое количество иностранных гостей, съехавшихся в Лондон по случаю коронации. По свидетельству прессы, она привлекла огромное количество зрителей, настроенных значительно более благожелательно к женщинам, марширующим по улице, чем ранее: зрители встречали аплодисментами проходившие мимо колонны суфражисток; крики, раздававшиеся из толпы, были не оскорбительными, а одобряющими.

Особенно отмечалось единство, продемонстрированное суфражистским движением; обстоятельство, которое расценивалось как крупный успех и залог победы: «различаясь по темпераменту, в организации, в тактике, два течения в суфражизме теперь объединились на основе политики. Это дает им огромное преимущество, которое, воплощенное в действиях, должно более, чем что-либо еще, послужить близкой победе Общего Дела»¹⁰. Даже *Anti-Suffrage Review* отмечала, что процессия являла собой «очаровательный, хорошо поставленный спектакль»¹¹. Таким образом, можно констатировать, что к 1911 году суфражистки добились того, что их стали воспринимать в качестве публичных фигур, имеющих право на открытое выражение своих требований. Высокие оценки художественного оформления процессии (причем

⁹ *The Daily Chronicle*. June 19th, 1911.

¹⁰ *The Guardian*, June, 19th, 1911.

¹¹ *The Anti-Suffrage Review*, June, 1911, №31.

часто подчеркивалось, что процессия была оформлена с большим вкусом, чем демонстрации тред-юнионов, или праздничные шествия, организуемые лорд-мэром) означали признание умения женщин в организации массовых зрелищ и манифестаций. Кроме того, данная процессия, как предыдущие и последующие, была значительным вкладом суфражисток в формирование массовой культуры и наглядной пропаганды.

Большую роль в визуальных репрезентациях суфражизма играют плакаты, почтовые открытки, фотографии с изображением суфражистских мероприятий, самих суфражисток, иллюстрирующие доводы «за» и «против» предоставления женщинам избирательных прав. Эти образы, продуцируемые как суфражистскими, так и независимыми художниками и фотографами, либо антисуфражистами, доносят до нас яркий, хотя и противоречивый портрет движения. Открытки и постеры также были важной составляющей суфражистской пропаганды, представляя публике в привлекательной и понятной манере, основные требования движения, и принося определенную прибыль от их продажи. Первый шаг в использовании этой новой формы визуальной пропаганды сделал Женский социально-политический союз. Им была отпечатана и распространена первая из известных суфражистских открыток. На ней воспроизведена фотография из *Daily Mirror*, изображающая колонну членов ЖСПС, направляющуюся на митинг в Какстонхолле 19 февраля 1906 г. Распространение суфражистских открыток оказалось очень точным стратегическим ходом, ибо в начале XX века почтовая открытка, позволяющая посылать краткое послание на красиво оформленной карточке, стала популярным средством коммуникации. Мода на открытки привела к моде на их коллекционирование, что побуждало издателей искать для них новые сюжеты, способные заинтересовать покупателя. Суфражистские сюжеты как раз относились к их числу. Уже начиная с апреля 1906 г. ЖСПС начинает выпускать открытки регулярно. Его примеру следует другая милитантская организация – Женская лига свободы. На открытках ЖСПС, вполне в соответствии с формирующимся в нем культом личностей, помещались в основном портреты его руководительниц: Эммелин и Кристабель Панкхерст, Эммелин Петик-Лоуренс, генерала Дрюмон и др. Более демократичный НССО предпочитал публиковать открытки с фотографиями различных мероприятий и событий.

Наряду с фотографическими карточками суфражистские организации заказывали и распространяли открытки и плакаты, выполненные художницами и художниками из Суфражистского ателье и Лиги художниц-суфражисток. Ими были созданы яркие образы, ока-

завшие серьезное воздействие на общественное мнение и ставшие классикой английской политической карикатуры. К ним относится плакат, созданный Эмили Хардинг Эндриус и отпечатанный Лигой художниц-суфражисток в 1908 г. также и в виде открытки. На плакате изображены запертые в одной клетке свирепый уголовник в тюремной робе, слабоумный и женщина в мантии магистрата, стремящаяся вырваться из клетки. Надпись на плакате гласит: «Преступники, сумасшедшие и женщины не имеют избирательного парламентского права». Такая коннотация являлась убедительной иллюстрацией несправедливости по отношению к женщинам.

В 1909 г. Лига от имени НССО объявила конкурс (с премией в пять фунтов) на лучший эскиз плаката, который можно было бы использовать для предвыборной агитации. Первый приз получил плакат молодого художника Дункана Гранта «Перегруженная». На нем изображена женщина в перегруженной лодке, гребущая из последних сил в бурном море, в то время как ее обгоняет мужчина, плывущий на паруснике. На парусе надпись: «Право голоса».

Милитантская политическая карикатура была более острой и имела ярко выраженную антиправительственную направленность. Так, на плакате и открытке, изданных ЖСПС в 1913 г. в ответ на закон о временном освобождении заключенных по состоянию здоровья, прозванный «кошки-мышки», был ярко воплощен образ суфражетки, как жертвы, страдающей от несправедливости властей. Либеральное правительство изображено на нем в виде толстого злого рыжего кота, держащего в зубах вместо мыши полумертвую маленькую женщину, перепоясанную шарфом с надписью «ЖСПС». На плакате надпись: «Сторонники либерального кота, голосуйте против него! Либералы – вон из правительства!».

Излюбленным образом милитантской политической карикатуры стал образ суфражистки, подвергающейся насильственному кормлению. Так к всеобщим выборам 1910 г. известным карикатуристом Альфредом Пирсом, сотрудничавшим с ЖСПС, был создан плакат «Современная инквизиция», растиражированный и как открытка. На плакате был изображен Асквит, вливающий через воронку питательный раствор в нос сопротивляющейся суфражистке, которую удерживают на стуле три дюжие медсестры и помощник врача. На рисунке надпись: «Современная инквизиция. Обращение нынешнего правительства с политическими заключенными», а ниже – призыв: «Избиратели! Положите конец этим пыткам, проголосовав против премьер-министра!». Определенным показателем успеха и влияния этого образа являются старательные попытки его развенчания со стороны антисуфражистов: ответом на плакат Пирса стало большое число антисуфражистских карикатур, изобра-

жающих сцену насильственного кормления в комической форме.

Эффектность зрительных образов, создаваемых суфражистским движением, и рост интереса к нему со стороны публики, привели к тому, что продуцируемые им сюжеты начинают привлекать внимание независимых художников и фотографов. Так, издательство "Rotary Photo Co." в серию открыток «Лондонская жизнь» включило три фотографии с суфражистскими сюжетами: две открытки изображали продавщиц суфражистских газет и одна – арест милитантки. Шествие пилигримов также привлекло внимание фотографов и издателей, и ряд местных и лондонских издательств выпустили открытки с фотографиями различных эпизодов общенационального похода женщин на Лондон. Террористические действия милитанток по поджогам зданий также создавали драматические зрительные образы, привлекательные для фотографов. В архивах сохранилось достаточно много фотографий с изображениями церквей и поместий, сожженных суфражетками.

Если говорить о графике, то следует отметить, что в коммерческих издательствах в основном печатались открытки с карикатурами на суфражисток. Их большое количество отражает раздражение и даже страх английского обывателя (который и был основным покупателем открыток) перед нестандартным, «неженственным» поведением суфражисток, особенно милитанток. Немалый вклад в создание отрицательного имиджа суфражеток внесли и антисуфражисты, также уделявшие большое внимание политической карикатуре, но имевшей антисуфражистскую направленность. Все доводы против суфражизма, которые можно было встретить в газетах и парламентских отчетах, превращались карикатуристами в комические образы, запечатленные на открытках. Карикатуры на суфражисток стали появляться и в «Панче», хотя нужно отметить, что они были немногочисленными и значительно менее злыми, чем антисуфражистские карикатуры на открытках. Пародируя все эти образы, Лига художниц-суфражисток издала своеобразный суфражистский комикс со стихотворными подписями под рисунками Сесили Хэмилтон:

А вот и те, кто жаждет прав,
Какой у них суровый нрав!
Огромные ноги в синих чулках
Повергнут любого в трепет и страх.
Спасайтесь от этих фурий скорей!
Так пресса считает,
И мы верим ей¹².

¹² Beware! A warning – to.... Suffragists / History of Women. Microfilm. Reel 955 №9547 Neilson library. Smith College, Mass.

Но в целом, как суфражистские, так и антисуфражистские образы формировали поле женского политического дискурса. Они также являются ярким свидетельством того, что накануне Первой мировой войны суфражистское движение действительно оказывается в центре общественного внимания, порождая восхищение и уважение, пробуждая надежды у одних, и неприятие, опасения и даже страх у других.

Еще одной популярной формой суфражистской пропаганды, породившей многочисленные отклики, была суфражистская драматургия. Эффективность этой формы пропагандистской деятельности была осознана суфражистками уже на ранних этапах движения. Еще в сентябре 1873 г. в *Women's Suffrage Journal* было опубликовано письмо, автор которого, подписавшаяся инициалами E.M.L., спрашивала: «Неужели среди друзей суфражизма нет драматургов? Сцена может быть одним из самых могучих инструментов просвещения публики. Женский вопрос может быть хорошим материалом для пьес»¹³. Однако до начала XX века, как правило, драматическая пропаганда ограничивалась художественным чтением монологов или стихов на суфражистских собраниях.

Регулярная пропаганда суфражистских идей со сцены стала возможна с созданием в 1908 г. Лиги актрис-суфражисток. Лига занимала нейтральную позицию, поддерживая и умеренное, и милитантское направления в суфражизме. Она принимала участие в больших суфражистских мероприятиях, таких как выставки или ярмарки, и устраивала собственные вечера, на которых представлялись одна-две одноактные пьесы, пропагандировавшие идеи женского равноправия. Такие одноактные пьесы, с небольшим числом актеров и несложные для постановки, ставились и на любительских вечерах, устраиваемых местными суфражистскими организациями. Репертуар для них поставлялся Лигой писательниц-суфражисток, основанной в 1908 г. Сесили Хэмилтон и Бесси Хаттон, а также писателями и драматургами, симпатизировавшими суфражизму.

Цикл суфражистских пьес был создан Лоренсом Хаусманом. Одной из самых популярных в этом цикле стала «Алиса в стране гусаков», пародия на знаменитую «Алису в стране чудес» Л. Кэрролла, поставленная Лигой актрис в 1911 г. В пьесе Алиса оказывается суфражистской, а Мартовский заяц, Безумный шляпник и Соня олицетворяют политические партии (консерваторов, либералов и лейбористов), не желающие допустить ее к полити-

¹³ Цит. по: *Crowford E. The Women's Suffrage Movement. P. 554.*

ческому пирогу¹⁴.

Милисент Фосетт вспоминала, что наибольшим успехом пользовались пьеса Сесили Хэмилтон и Кристофера Сент-Джона «Как было завоевано право голоса» и пьеса Б. Шоу «Газетные вырезки»¹⁵. Обе пьесы являются комедиями. Пьеса Хэмилтон и Сент-Джона написана в 1909 г. и, вероятно, ее сюжет навеян комедией «Лисистрата» Аристофана. Она предлагает остроумный способ обращения всех парламентариев в суфражистов: достаточно всем женщинам начать забастовку, с одной стороны отказавшись вести домашнее хозяйство, а с другой, согласно законодательству и традиции – потребовав содержания от ближайших родственников мужского пола. Пьеса была очень популярна у местных суфражистских обществ, которые неоднократно ставили ее своими силами; в марте 1914 г. она была также поставлена немецкими суфражистками в Берлине¹⁶.

Пьеса «Газетные вырезки» Джорджа Бернарда Шоу (ее полное название «Газетные вырезки: типичный репортаж, составленный из статей ежедневных газет») является острой политической сатирой как на политику правительства в отношении суфражисток, так и на представительниц антисуфражистского движения¹⁷. Написанная для Лондонского общества за избирательные права женщин в 1909 г., которому принадлежали и права на ее постановки, пьеса из-за язвительных насмешек над правительством (в одном из главных героев, без труда угадывался премьер-министр Асквит) была запрещена цензурой. Из названия пьесы видно, что в ней высмеиваются все основные сюжеты британской прессы в отношении проблемы предоставления женщинам политических прав: дискуссии в правительстве и парламенте по поводу мер в отношении суфражеток, вопрос о пригодности женщин к полити-

¹⁴ Housman L. Alice in Ganderland. L., 1911 / Sophia Smith Collection. Suffrage in Britain. Box 2.

¹⁵ Fawcett M. The Women's Victory – and After: Personal Reminiscences, 1911-1918. L., 1920.

¹⁶ Премьера пьесы состоялась 13 апреля 1909 г. в Royalty Theatre в Лондоне и получила высокую оценку прессы: *Pall Mall Gazette* писала: «Сюжет сам по себе забавен, а манера, в которой он преподнесен, еще более забавна... Он настолько остроумен и занимателен, что зрители вскрикивали от восхищения и раздражались взрывами смеха. Давно мы уже не видели такой увлекательной одноактной пьесы, и мы будем очень удивлены, если какой-нибудь театральный менеджер не включит ее в репертуар своего театра». (Opinions of the Press / Hamilton C. and St. John C. How the Vote was Won. L., 1909. P. 31.

¹⁷ Shaw B. Press Cuttings. N.Y., 1913 / Sophia Smith Collection. Suffrage in Britain. Box 2.

ческой деятельности, страх перед милитантскими выступлениями, а заодно отношение правительства к общественному мнению и демократии.

Позволим себе привести несколько цитат, ибо они являются прекрасной иллюстрацией сердитого юмора английского драматурга и в то же время в гротескной форме представляют срез общественного мнения по проблеме суфражизма. Разговор идет между премьер-министром Балквистом, которому пришлось переодеться суфражеткой, чтобы пробраться в военное министерство, так как все улицы контролируются милитантками и генералом Митченером:

«Балквист: до чего мы дошли: единственный способ премьер-министру Англии добраться с Даунинг-стрит до военного министерства – идти, переодевшись в женское платье, выкрикивая «Право голоса для женщин!». Они стояли на углу во всеоружии. Они приветствовали меня. Сама Беллакристина была там. Она пожала мне руку и посоветовала сказать, что я вегетарианка, так как в тюрьме Хэллоуэй вегетарианцев кормят лучше.

Митченер: Почему Вы не позвонили?

Балквист: Они подслушивают телефоны. Все коммутаторы в Лондоне контролируются либо ими, либо их молодчиками»¹⁸.

Далее Митченер одобряет план стрелять в суфражеток, если они будут стараться проникнуть за зону оцепления вокруг Вестминстера: «Военные методы в конечном счете самые гуманные. Вы отправляете этих сбившихся с пути женщин в Хэллоуэй и медленно и негуманно убиваете их, разрушая их здоровье, но это не дает результатов, и они еще больше распоясываются. Застрелите несколько, быстро и гуманно, и это сразу положит конец всякому сопротивлению и всем страданиям, с этим сопротивлением связанным.

Балквист: Но общественное мнение...

Митченер: Нет никакого общественного мнения. Есть определенные личности, которые имеют определенные мнения. Что ж, застрелите их. Когда вы их застрелите, в живых не останется ни одного человека, имеющего это мнение, следовательно, не будет и общественного мнения, которого Вы так боитесь. Уясните этот факт, мой дорогой Балквист и Вы постигнете секрет управления»¹⁹.

Однако в финале пьесы даже Митченер заявляет, что он готов предоставить женщинам хоть по шесть голосов. Причиной такого переорождения становится визит антисуфражисток. Обыгрывая их доводы, в частности о моральном превосходстве женщины над мужчиной, Шоу создает язвительную карикатуру на деятельницу Антисуфражистской лиги, которая впрочем, очень напоминает карикатурное изображение милитанток со стороны их противников. Воинственная антисуфражистка миссис Бангер, «мужеподобная женщина могучего

¹⁸ Ibid. P. 5.

¹⁹ Ibid. P. 7.

телосложения с мощным голосом»²⁰, служившая кавалеристом в колониальных войсках (причем никто не смог заподозрить в ней женщину), произносит: «Какой смысл в праве голоса? У мужчин есть право голоса. И мужчины – рабы. Женщинам нужно право несения военной службы. Дайте мне женский кавалерийский полк с саблями против полка мужчин с правом голоса, и мы посмотрим, кто от кого побежит. Нет, с нас довольно этих мягкотелых неженков, занимающихся пустой говорильней, подвергающих министров перекрестному допросу в судах, идущих, как овцы в тюрьму, страдающих и жертвующих собой. Этот вопрос должен быть решен железом и кровью, как говорил Бисмарк, который, без сомнения, был переодетой женщиной... И прекратите Ваши детские истерики. Они бесполезны; ваши слезы и мольбы – последнее оружие мужчин, вам мало помогут»²¹.

После этих рассуждений, полагаем, зрителю становилось понятно, что «мягкотелые неженки» суфражетки значительно менее опасны, чем их противницы.

Кроме комедий, суфражистские авторы предлагали к постановке и драмы, в которых идеи равноправия полов и угнетенного положения женщин преподносились более патетически, как, например, «Коронация», написанная Кристофером Сент-Джоном и Чарльзом Сорсби, в которой молодой король, проникшийся рассказами героини о творимых несправедливостях в отношении женщин, решает даровать народу всеобщее избирательное право, включающее и женщин²².

Однако не все пьесы, написанные симпатизировавшими суфражисткам авторами, соответствовали идеологии равноправия полов и могли быть использованы в качестве суфражистской пропаганды. Так, критические оценки суфражистской прессы получила комическая пьеса Джерома Джерома «Хозяин миссис Чилверс», премьера которой состоялась в 1911 г. Джером также относился к сторонникам суфражизма и неоднократно выступал с суфражистских платформ. В пьесе изображается раскол семьи после получения женщинами избирательных прав. Героиня Энни Чилверс, почетный секретарь Женской лиги за парламентское избирательное право женщин, на дополнительных выборах оказывается политическим конкурентом своего мужа Джеффри, президента Мужской лиги в поддержку избирательных прав женщин, и побеждает. Однако ситуация разрешается сама собой: Энни обнаруживает, что ждет ребенка, и отказывается от своего места в парламенте в пользу мужа – занавес опускается над воссоединившейся счастливой парой. Таким образом, восстанавливается

²⁰ Ibid. P.27

²¹ Ibid. P. 30.

²² St. John C., Thursby Ch. The Coronation. L., 1911.

естественный порядок вещей: женщина выполняет свое природное предназначение, а мужчина восстанавливает свое господство. Неудивительно, поэтому, что пьеса получила критические оценки суфражистской прессы: «Хотя в пьесе проскальзывает симпатия к суфражизму, «Хозяин миссис Чилверс» является хорошим материалом для антисуфражистской пропаганды. Если она была задумана как суфражистская пьеса, то это тот случай, когда следует воскликнуть «Спасите нас от наших друзей»²³.

Кроме этого на театральных подмостках и любительских сценах ставилось достаточно много пьес, высмеивающих суфражисток, представляя их, так же, как и карикатуристы, мужеподобными, громогласными, грубыми, сбивающими с пути истинного настоящих женщин. Как отмечает М. Иоанну, «преобладающей тенденцией большинства литературных произведений в период милитанства была дискредитация движения путем преувеличения личных недостатков его сторонников и превращения его в простое развлечение для публики»²⁴.

Столкновение суфражистского и антисуфражистского дискурсов в еще большей степени нашло свое отражение в художественной прозе. Как показывает приведенный в справочном издании Э. Кроуфорд список произведений, содержащих суфражистскую тематику, суфражистские сюжеты были очень популярными в английской литературе начала XX века²⁵. Как и в драматургии, суфражистский дискурс создавался в основном членами Лиги писательниц-суфражисток (в ней состояли такие известные в то время романистки как Олив Шрейнер и Сара Гранд) и симпатизировавшими движению авторами. Кроме того, сами участницы суфражистского движения иногда писали повести и рассказы, в художественной форме популяризовавшие идеи равноправия женщин²⁶. Эти произведения формировали круг чтения все увеличивающегося числа «новых женщин», выступавших за женское равноправие, способствовали формированию их идентичности. Наиболее популярными были «Суфражистка Салли» Гертруды Колмор, «Несломленная» Констанции Мод и «Обра-

²³ *Louisa Thomson-Price. On the Library Table. An Improbable Comedy / The Vote. Vol. IV, № 97. September 2, 1911.*

²⁴ *Joannou M. Suffragette fiction and the fictions suffrage / The Women's Suffrage Movement. New Feminist Perspectives. Manchester-N.Y., 1998. P. 102.*

²⁵ *Crowford E. The Women's Suffrage Movement... P. 467.*

²⁶ *Ada Nield Chew. Men, Women and the Vote; Charlotte Despard Out-looked; Evelyn Sharp. Rebel, etc.*

щенная» Эпизабет Робинс²⁷.

Герои ряда суфражистских произведений являлись слегка завуалированными портретами суфражистских лидеров, в основном милитанток, причем чаще всего в этом качестве фигурирует семейство Панкхерст. Так, под упомянутой в пьесе Б. Шоу Беллакристиной подразумевается Кристабель Панкхерст, она же выведена в роли харизматического лидера Кристины Армхерст в популярном романе Гертруды Колмор «Суфражистка Салли»²⁸. Миссис Ормистон, «мать знаменитых воительниц Брунгильды, Мелиссы и Гвендолен» из романа «Судья» Ребекки Уэст, явно списана с Эммелин Панкхерст²⁹. Сюжеты романов «Суфражистка Салли» и «Неспомненная» Констанции Мод являются драматическим воспроизведением истории леди Констанции Литтон, которая, добываясь, чтобы с ней в тюрьме, обращались так же, как и с простыми суфражистками, переделалась швеей и, оставшись неузнанной, была подвергнута насильственному кормлению. Ее история, символизирующая классовую солидарность суфражисток, широко пропагандировалась в суфражистской литературе и публицистике. Она была ответом на критику со стороны рабочего движения по поводу того, что суфражизм отражает интересы только представительниц среднего класса, и на утверждения, что работницы больше выиграют, если будут выступать за всеобщее избирательное право, а не за ограниченное право голоса для женщин.

Руководство суфражистских организаций всегда хорошо понимало идеологическое значение культурных репрезентаций. Суфражистские периодические издания регулярно публиковали обзоры новых книг и пьес, касавшихся суфражистской тематики или женского вопроса. Такие влиятельные лидеры суфражистского движения как Эммелин Панкхерст, Эммелин Петик-Лоуренс, Милисент Фосетт писали критические статьи и обзоры просуфражистских и антисуфражистских произведений.

Однако образы суфражисток часто появлялись и в произведениях писателей, не имеющих отношения к суфражистскому движению, и потому выражающих общепринятую точку зрения на его существование и деятельность. Хотя сам по себе тот факт, что такие известные писатели как Г. Уэллс и Генри Джеймс включили героинь-суфражисток в свои произведения, является показателем того, что суфражизм был неотъемлемой частью описываемой

²⁷ Joannou M. Suffragette fiction and the fictions suffrage. P. 104.

²⁸ Colmore G. Suffragette Sally. L., 1911.

²⁹ West R. The Judge. L., 1922.

мой ими эпохи, а суфражистки – популярными и востребованными, пусть и противоречивыми, персонажами. Их произведения создают с различной степенью резкости утрированный образ суфражистки как лицемерной амбициозной старой девы, оказывающей нездоровое влияние на молодых девушек и женщин, которых они вовлекают в движение, мешая им устроить свою личную жизнь, любить и быть любимыми³⁰. Таким образом проблема женского равноправия преподносится как проблема антагонизма полов, и главной героине «Бостонцев» Генри Джеймса или Делии Бланшфлауэр из одноименного романа Мэри Августы Уорд, приходится выбирать между равноправием и любовью.

Левые авторы подвергали критике лицемерие и приверженность викторианской морали, действительно присущее некоторым суфражисткам. Так, в «Энн Веронике» Г. Уэллс высмеивает отвлечение к физическим аспектам любви, провозглашаемое суфражисткой Нэтти Минивер: «Тела! Тела! Тела! Ненавижу! Мы – души. Любовь – это более высокое чувство. Мы не животные».³¹ В другом своем произведении, «Жена сэра Исаака Хармана», Г. Уэллс представляет суфражистское движение как замкнутое в себе, подчиненное единственной абстрактной цели и неспособное оказать поддержку конкретной личности: когда главная героиня, уйдя от мужа, обращается за помощью к суфражетке мисс Алимони, та советует ей вернуться домой и не устраивать скандала, ибо это может нанести ущерб движению³².

Таким образом, в культурных репрезентациях суфражизма следует выделять два направления: первое – саморепрезентации суфражизма, создающие образ движения «изнутри», направленные на развенчание гендерных стереотипов в обществе, рутинных топосов, на подрыв социокультурного способа поддержания господствующей гендерной системы. Характерно, что эти репрезентации создавались как женщинами, так и мужчинами: художниками, писателями и драматургами. Второе – репрезентации суфражизма в господствующей культуре, имеющие в основном негативную окраску, базирующиеся на социокультурных представлениях о гендерной системе и распределении власти между полами. Устойчивая антипатия к милитанткам, в большей степени, чем к другим суфражисткам, нарушающим гендерный контракт, свидетельствует о правоте утверждений С. Кент о том, что и суф-

³⁰ См., например, «Бостонцы» Генри Джеймса, «Энн Вероника» Г. Уэллса, «Делия Бланшфлауэр» Х. Вард.

³¹ Wells H.G. Ann Veronica. L., 1909. P. 176.

³² Wells H.G. The Wife of Sir Isaak Harman. L., 1914. P. 7.

ражистками и их противниками проблема политического равноправия женщин понималась значительно шире, чем просто проблема предоставления права голоса, и трактовалась как посягательство на устои, на освященные вековыми традициями распределение власти и функций между полами³³. Это вызывало как осознанные, так и неотрефлексированные опасения и страхи по поводу того, что суфражистское движение может в корне изменить привычный порядок вещей не только в достаточно дистанцированной от рядового обывателя политической сфере, но и в сфере обыденной жизни, касающейся каждого. Поэтому даже симпатизировавшие суфражизму авторы отражали в своих произведениях господствующие гендерные стереотипы, «симпатизируя в принципе, женскому движению, но, не предполагая, что оно победит при их жизни»³⁴.

Все вышеизложенное позволяет определить суфражизм не только как социально-политическое движение, но и как субкультуру, то есть подсистему в господствующей культуре английского общества конца XIX – начала XX в., имеющую свой набор признаков: как знаковых (общность идеологии, ментальности, символики, культурного кода, картины мира), так и поведенческих (обычаи, ритуалы, нормы, модели и стереотипы поведения). Все вместе эти признаки формировали целостный образ жизни, жизненные стили для определенной, достаточно репрезентативной группы английского общества, включавшей в себя представителей различных социальных слоев обоего пола. В определенной степени это была инновационная субкультура, отрицающая ценности и образ жизни, воспроизводимые базовой культурой. Как это ни парадоксально выглядит на первый взгляд, но, нам кажется, что к суфражистской субкультуре следует отнести и антисуфражизм, который хотя и являлся оппонентом суфражизма, но был его порождением и многое заимствовал из символики, ритуалов и образов суфражизма.

Кроме того, и суфражизм, и антисуфражизм были составляющими общего гендерного дискурса начала XX века. Суфражистская субкультура была ответом на назревшую потребность в модернизации доминирующего образа жизни и гендерной системы. С течением времени она обретала все больше сторонников и внесла ощутимый вклад в развитие всей культуры Великобритании конца XIX – начала XX века.

³³ Kent S. *Sex and Suffrage in Britain 1860-1914*. L., 1987.

³⁴ Louisa Thomson-Price. *On the Library Table...*

И.А. Школьников (Иваново)

МУЖСКОЙ СУФРАЖИЗМ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ: РИТОРИКА И РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

*Настоящие мужчины не годятся в короли.
Б. Шоу. Тележка с яблоками.*

За свою полувековую историю суфражистское движение Великобритании сумело создать мощную пропагандистскую машину, начиная с организации широкой кампании в прессе и заканчивая демонстрациями, процессиями, маршами из города в город, каждый из которых подкреплялся визуальными, доступными для понимания широких избирателей, средствами, и т.д. Необходимость столь тщательно разработанной пропагандистской кампании отвечала одной из основных задач движения за избирательные права женщин – работе по изменению общественного сознания, и с этой точки зрения эффективность ее не вызывает сомнений.

При исследовании такого феномена как мужской суфражизм наибольший интерес представляет проблема его репрезентаций, того, каким образом мужчины-суфражисты позиционировали себя в самом движении, и как они воспринимались со стороны.

Вообще, вопрос о том, может ли мужчина являться феминистом или же, если брать данный конкретный случай – суфражистом¹, представляется до сих пор открытым. Так, например, многие современные феминистки полагают, что мужчина никогда не сможет стать феминистом, поскольку он – либо «враг», либо не обладает личным непосредственным женским опытом, и в лучшем случае может считаться лишь «сторонником феминизма»². Согласно другой точке зрения, связь мужчины с феминизмом но-

---

¹ Действительно, в англоязычной литературе, как исследовательской, так и носящей характер источников, понятие «суфражист» не используется, вместо него употребляется выражение "male supporters of women's suffrage" («мужчины-поборники права голоса для женщин»). Мы же, со своей стороны, полагаем, что суфражистом может называться тот мужчина, деятельность которого отвечает двум условиям (либо одному из них): формальному (принадлежность к какой-либо суфражистской организации, независимо от того, кем она была создана, мужчинами или женщинами) и / или конкретно-практическому, (речь идет о его активной жизненной позиции и деятельности в отношении данного вопроса).

² Брайсон В. Политическая теория феминизма. М., 2001. С. 8.

сит характер определенной неизбежности. Женщины служат субъектами феминизма (его инициаторами, творцами и движущей силой), мужчины – объектами (предметом анализа, представителями той структуры, которую необходимо трансформировать, носителями патриархальной модели)³.

Вопрос об участии не только самих женщин, но и мужчин, в движении за равноправие полов тем более остро стоял в викторианском обществе, в центре жизни которого находилась семья. Именно в викторианской Англии получила свое оформление идея дома, как источника добродетели, которую нельзя было отыскать в окружающем дом мире, общественной сфере. Жесткие рамки концепции «раздельных сфер» (для мужчины – мир политики и бизнеса, для женщины – семейный очаг), культивировавшейся в викторианской литературе, табуировали саму мысль о том, что женщина может наравне с мужчиной принимать участие в общественных делах; подобное поведение характеризовалось не иначе как *неженственное*, а это был уже серьезный вызов гендерной идентичности. Точно так же мужчина, вставший на защиту идеи равноправия полов, рисковал утратить в глазах викторианского общества существенную часть своей гендерной идентичности – *мужественность*, превратившись в «бесполого теоретика», не желающего понять, что «сквозь всю историю взаимоотношений полов ясно прослеживается простая истина: для женщины естественно находиться в подчинении у своего хозяина, мужчины»⁴.

Поэтому, возникшее в этих условиях суфражистское движение, можно рассматривать в двух его значениях: во-первых, как общественно-политическое движение за предоставление женщинам избирательных прав; а, во-вторых, (в более общем плане) как одно из средств изменения устоявшейся гендерной системы, как способ преодоления тех социокультурных представлений о феминности и маскулинности, которые загоняли женщин в рамки концепции «раздельных сфер» и предопределяли их подчиненное положение как в частной, так и в общественной сферах⁵.

Следовательно, одной из задач суфражисток было продемонстрировать миру мужчин, что частная и публичная сферы имеют свои точки пересечения, и что женщины должны иметь такой же доступ в сферу публичного, как и мужчины⁶. Теоретиче-

³ Heath S. Male Feminism // Men in Feminism. L.–N.Y., 1987. P. 1.

⁴ Коллинз У. Муж и жена. М.: «Книга», 1993. С. 296.

⁵ Подобного рода взгляд на суфражизм содержится, например, в работе Сьюзан Кент: Kent S. Sex and Suffrage in Britain, 1860–1914. Princeton, 1987.

⁶ Bolt C. The Ideas of British Suffragism // Votes for Women / Ed. by J. Purvis, S.S. Holton. L.–N.Y., 2000. P. 37.

ским фундаментом суфражистского движения стала либеральная идеология, которая – в основе своей – продолжала создаваться в рамках патриархата на протяжении XIX века, когда теоретическая база была дополнена конкретной маскулинной культурой и рядом идей о разделении полов в сфере труда и во взаимоотношениях между женщинами и общественной сферой.

Известно, что многие выдающиеся деятели либеральной партии викторианской эпохи (например, У. Гладстон, Д. Брайт и др.) твердо придерживались идеи о том, что семья находится вне пределов досягаемости политики, это частная сфера, хранительницей которой должна быть женщина⁷. С другой стороны, не менее твердо они разделяли идеальное представление об общественной сфере, проистекавшее из мужской культурной традиции.

Корни этой традиции, по мнению Барбары Кейн, следует искать в системе классического образования, которое давалось в мужских частных школах, где и создавался идеал общественной сферы, в качестве модели для которой служила афинская демократия. Данное образование, а также преклонение перед античным миром, дополнялось знанием греческого и латыни, языков, которые широко использовались в ходе политических дискуссий. Поэтому обращение к классической модели общественной жизни облегчило задачу тем, кто в викторианскую эпоху стремился исключить женщин из участия в публичной сфере и видел в этом следование истинной традиции Западной цивилизации⁸.

Между тем в движении за политическое равноправие полов принимали участие не только женщины, но и мужчины, хотя их число и было сравнительно невелико. Если вопрос о том, существовало ли мужское суфражистское движение как таковое, и если так, то до какой степени оно было независимым, представляется открытым, то существование мужского суфражизма как феномена (подобного которому не знала никакая другая страна), оказавшего немалое влияние на социокультурную жизнь Великобритании начала XX века и размывание гендерных границ, бесспорно. И если говорят о появлении на общественной сцене Англии Новой Женщины, то можно ли говорить и о появлении Нового Мужчины?

***

Как правило, мужчины не играли столь же активной роли в суфражистском движении, как сами женщины, которым принадлежало бесспорное лидерство, и в руках которых полностью на-

⁷ См., например: *Female Suffrage. A Letter from the Right Hon. W.E. Gladstone, M.P. to Samuel Smith, M.P. L.*, 1892. P. 1–4.

⁸ *Caine B. Victorian Feminists. Oxford, 1992. P. 39.*

ходилось руководство всем движением. Тем не менее, характерным является то обстоятельство, что вовлеченными в борьбу за наделение женщин избирательными правами оказались все мужчины, которые так или иначе принимали участие в более широком движении за права женщин⁹.

Кем же были эти мужчины? Главным образом все они происходили из среднего класса, как и основная масса суфражисток. В политическом отношении мужчины-суфражисты в подавляющем числе были либералами (61%) и лишь 33% придерживались социалистических взглядов, в то время как 46% принимавших участие в суфражистском движении женщин исповедовали принципы социализма, а к либеральной партии тяготели лишь 16%. В профессиональном плане мужчины, являвшиеся активными участниками суфражистского движения, были заняты преимущественно в трех сферах деятельности – журналистика, юриспруденция и политика (порядка 44% мужчин-суфражистов в свое время заседали в английском парламенте)¹⁰. Занятость в этих областях, безусловно, была серьезным фактором, в немалой степени облегчавшим борьбу суфражисток за свои права. В качестве журналистов, симпатизировавшие суфражизму мужчины на страницах газет предоставляли суфражисткам возможность прямо или косвенно быть услышанными обществом. Не вызывает сомнений и возможность наилучшим образом содействовать делу суфражисток в качестве политиков. Независимо от того, какой ранг в политической иерархии занимал тот или иной мужчина (будь он рядовым членом партии, или же находясь на руководящих постах), к его мнению прислушивались более внимательно.

Говоря в целом о деятельности мужчин в рамках суфражистского движения, следует отметить еще несколько путей, используя которые мужчины могли внести существенный вклад в развитие движения за политическое равноправие женщин. Во-первых, мужчины имели возможность оказывать определенное воздействие на восприятие обществом данной проблемы. Вместе с тем, по мнению Мартина Пью, ценность и польза объединения мужчин-суфражистов зависела от кредита доверия к этим мужчинам¹¹. В

⁹ Для сравнения: в движении за женское образование участвовали 50% мужчин, выступавших на стороне всего женского движения, в борьбе за отмену парламентских Актов о венерических заболеваниях – 22%, а в кампании по установлению контроля над рождаемостью – 17% (Banks O. *Becoming a Feminist. The Social Origins of "First Wave" Feminism*. Athens, 1986. P. 115).

¹⁰ Ibid. P. 107–110.

¹¹ Pugh M. *The March of the Women*. N.Y., 2000. P. 258.

этом отношении они сталкивались с двумя проблемами. Прежде всего, с политической точки зрения их стали расценивать (по крайней мере, либералы) просто как еще одну антиправительственную группу давления. Кроме того, не менее дискредитирующим было обвинение в утрате мужественности, о чем говорилось выше. Сквозь всю антисуфражистскую агитацию красной нитью проходила мысль о том, что женщины становятся мужеподобными, мужчины – женоподобными, как результат – вырождение нации. Во-вторых, еще одним путем была роль посредников, как между самими суфражистками, так и между суфражистками и политиками (в этой роли, к примеру, выступал Г. Брейлсфорд, инициировавший создание Согласительного комитета в 1910 г.). В-третьих, мужчины способствовали видоизменению состава участников суфражистского движения путем вовлечения в него большого числа представителей духовенства, свидетельством чему стал быстрый рост числа суфражистских организаций, созданных этими представителями¹².

Какова же была мотивация мужчин, принимавших активное участие в суфражистском движении? Здесь характерно, что около 50% мужчин-суфражистов были женаты на суфражистках, либо состояли с ними в родстве¹³, что позволяет говорить о складывании суфражистских династий, действовавших на протяжении двух-трех поколений. Кроме того, многие суфражисты выступали в поддержку движения не только из чувства сочувствия или веры в справедливость¹⁴, но и из-за убеждения в том, что наделенные

---

¹² Церковная суфражистская лига, Католическое суфражистское общество, Суфражистская лига шотландских церквей, Еврейская суфражистская лига, Суфражистская лига свободной церкви – лишь немногие из подобных организаций.

¹³ Banks O. *Becoming a Feminist. The Social Origins of "First Wave" Feminism*. Athens, 1986. P. 113.

¹⁴ «Я верю в чувство справедливости английских мужчин», - заявлял Герберт Джейкобс, ставший в 1907 г. председателем первой мужской организации в поддержку политических прав женщин (Мужской лиги избирательных прав женщин). Причем, достаточно любопытно то, каким образом он занял эту должность. В 1907 г. он посетил одно из мероприятий, которое было организовано милитантками в честь женщин-заключенных. Возглавлявшая эту встречу Эммелин Панкхерст предложила ему выступить с речью, в которой он высказался о необходимости создания мужской организации в поддержку суфражистского движения, «не рассчитывая сам заниматься этим делом. Однако миссис Деспард стала присылать ко мне желающих стать ее членами, тем самым, фактически *вынудив* [курсив мой – И.Ш.] меня стать ее руководителем...» (M.O. Kennedy. Mr. Herbert Jacobs. Chairman of the Executive Committee of the Men's League for Women's Suffrage // *The Vote*, Vol. II. № 41).

правом голоса женщины окажут самое благоприятное влияние на социальную и политическую жизнь. Немалую роль здесь сыграл и пресловутый викторианский идеал настоящего джентльмена, с его романтическим отношением к женщине¹⁵.

Как, например, произошло обращение в суфражистскую веру известного журналиста Генри Невинсона? Находясь в 1906 г. в Мо-скве, он узнал, что две суфражистки, Дж. Кобден-Сандерсон и Э. Петик-Лоуренс, были арестованы и приговорены к двухмесячному тюремному заключению за радикальную суфражистскую агитацию. Невинсон, «будучи в то время простым либералом», мало внимания уделял проблеме политических прав женщин, полагая, что вопрос, «который на протяжении 40 лет медленно двигался вперед, может и еще 40 лет также развиваться... Но, когда женщины, которых я знал, и которых все уважали... стали нарушать общественный порядок и были заключены под стражу, то я задумался»¹⁶. Таким образом, его осознание справедливости требований суфражисток и необходимости предоставления женщинам избирательных прав, по сути, не было лишено протекционистского отношения, что было характерно едва ли не для всех мужчин-суфражистов. Многие из них расценивали себя как защитников женщин, которые могут быть слабее мужчин в физическом отношении, но превосходят их в нравственном. Последнее также являлось достаточно распространенным стереотипом викторианской эпохи¹⁷ (он достался по наследству Англии эдвардианской), на основании которого строилась как концепция «раздельных сфер», которой придерживались антисуфражисты, так и аргументы суфражистов о том, что наделенные правом голоса женщины будут способствовать моральной очистке общества и нравственному прогрессу.

Между тем, были и те, кто, подобно Лоуренсу Хаусману, полагали политическую недееспособность женщин симптомом более обширного заболевания, которое разрушает также и природу

---

¹⁵ Говоря о викторианском идеале джентльмена, викторианском образе женщины, в целом о викторианстве как социальном и культурном явлении, следует отдавать себе отчет в, так сказать, сословной ограниченности этого термина рамками среднего и высшего слоев английского общества.

¹⁶ *Nevinson H. More Changes, More Chances. L., 1925. P. 305.*

¹⁷ Так, например, принадлежавший к первой, викторианской, волне суфражистского движения Генри Фосетт (1833–1884 гг.) занял активную просуфражистскую позицию, по свидетельству его биографа, из-за при-сущего ему обостренного чувства справедливости, хотя в душе он признавал, что, по большому счету, право голоса не привнесет сколько-нибудь существенных перемен в жизнь женщин, уделом которых все равно в основном будет дом и семья (*Stephen L. Life of Henry Fawcett. L., 1885. P. 176–177.*)

мужчин. Эти сторонники суфражизма стремились положить конец половым различиям, хотели заменить патриархат товарищескими, равноправными отношениями¹⁸. Для Л. Хаусмана, к тому же, было характерно и жгучее желание избавиться от «грубого бремени невежества, налагаемого викторианским кодексом». Еще будучи учеником школы, он получил свой первый антисуфражистский урок – в основе любого правления лежит физическая сила. И именно отказ подчиниться этому правилу, в совокупности с неприятием невежественного «викторианского кодекса», и превратило его в убежденного суфражиста¹⁹.

Для другого суфражиста, Израиля Зангвилля, его суфражистская деятельность была в своем роде службой иудаизму. По его мнению, милитантки, пытающиеся вырваться из навязанной им домашней сферы (гетто), разделяют опыт евреев. Зангвилль был убежден, что вовлечение женщин в политику исправит звериную природу мужчин, проявляющуюся в джингоизме, расизме и антисемитизме²⁰. Накануне Первой мировой войны характерной чертой риторики многих мужчин-суфражистов стал пацифизм. И Зангвилль, и Хаусман, будучи пацифистами, выступали на стороне тех, будь то женщины или этнические меньшинства, кто боролся за права человека, рассматривая войну как проявление агрессии, которая является частью исключительно мужской мистерии²¹.

Вместе с тем, вряд ли можно назвать хотя бы одного из активно действовавших суфражистов, который посвятил бы этому делу всю свою жизнь, и для которого не было бы вопросов более важных. Так, даже Джон Стюарт Милль, бывший, несомненно, главным идеологом суфражизма и своего рода символом мужчины-суфражиста, стал активным сторонником равноправия женщин лишь в конце своей жизни. В начале же 1830-х гг. он придерживался весьма романтического взгляда на женщин, полагая, что их роль в этой жизни «восхищать и украшать»²². Или тот же Г. Невинсон, который примкнул к суфражистскому движению в 1907 г. и оставал-

¹⁸ Tosh J. *The Making of Masculinities. The Middle-Class in Late Nineteenth-Century Britain // The Men's Share? Masculinities, Male Support and Women's Suffrage in Britain, 1890–1920 / Ed. by Angela V. John and Claire Eustance. L. – N.Y., 1997. P. 39.*

¹⁹ Housman L. *Articles of Faith in the Freedom of Women. L., 1910. P. 15.* См. также: Holton S.S. *Suffrage Days. Stories from the Women's Suffrage Movement. L., 1996. P. 139–140.*

²⁰ Srauss S. "Traitors to the Masculine Cause": the Men's Campaign for Women's Rights. L., 1982. P. 220.

²¹ Ibid. P. 223.

²² Banks O. *The Biographical Dictionary of British Feminists, 1800–1930. Brighton, 1985. P. 128.*

ся в нем вплоть до 1918 г. Однако в 1914–18 гг. он, являясь военным корреспондентом, был полностью поглощен работой, а в мирное время проводил много времени в разъездах, что непосредственно было связано с его журналистскими обязанностями²³.

Говоря же о тех суфражистах, которые заседали в Палате общин английского парламента, не стоит забывать о жесткой партийной дисциплине, обязывавшей парламентариев соотносить свои действия с общей партийной линией. Однако, были и такие, кто, подобно Джорджу Лансбери или Кейру Гарди, шел на конфликт со своей партией, но это скорее было исключением, нежели правилом. Так, например, Д. Лансбери в июне 1912 г. вызвал переполох в палате общин тем, что ударил премьер-министра Г. Асквита за то, что тот закрывает глаза на насильственное кормление милитанток²⁴. После этого он вступает в конфликт с руководством лейбористской партии, когда, по совету Кристабель и Эммелин Панкхерст, начинает голосовать против всех правительственных законопроектов, не содержащих в себе пункта о женских избирательных правах. Причем это не было тактикой, которой следовали два других «советника» ЖСПС – Г. Брейлсфорд и К. Гарди. Руководство партии потребовало от Лансбери соотносить свои действия с официальной партийной политикой²⁵. Вместо этого он едет в Париж к жившей в то время там Кристабель Панкхерст, которая предложила ему снять с себя парламентские полномочия и выставить свою кандидатуру на дополнительных выборах в качестве суфражистского кандидата. Так он и сделал, но выборы проиграл. Вскоре после этого Лансбери пришлось испытать то, через что проходили милитантки, на собственном опыте. В апреле 1913 г. он был арестован за участие в милитантском митинге и приговорен к трем месяцам тюремного заключения. В тюрьме он объявил голодовку, но был сразу же освобожден, так как правительство не желало быть замешанным в публичном скандале пусть с бывшим, но все же членом парламента²⁶.

Анализ того, каким образом сами мужчины-суфражисты воспринимали себя и оценивали свою роль в движении, затруднен недостаточностью фактического материала, относящегося к деятельности суфражистов первой волны (Дж.С. Милль, Г. Фосетт, Дж. Брайт). Репрезентировали ли они себя именно как *мужчины-суфражисты* (в отличие от женщин)? Вряд ли можно с полной уверенностью утверждать подобное. Так, например, в своей «Автобиографии» Дж.С. Милль, утверждая, что сам принцип равноправия

²³ Ibid. P. 136.

²⁴ Crawford E. *The Women's Suffrage Movement*. L.– N.Y., 2000. P. 334.

²⁵ Lansbury G. *Looking Backwards and Forwards*, L., 1935. P. 97–98.

²⁶ Crawford E. *Op. cit.* P. 335.

полов был сформулирован им независимо, являясь результатом его обращения к политическим проблемам, тем не менее, постоянно возвращается к тому, что, только благодаря его жене (Гарриет Тейлор) сформулированный им абстрактный принцип превратился в его жизненную позицию²⁷. Более того, известная классическая работа Милля по женскому вопросу, «Подчинение женщин», была написана по настоянию его падчерицы, которая к тому же непосредственно принимала участие в ее написании²⁸.

Репрезентирование себя в качестве именно мужчин-суфражистов в большей степени, на наш взгляд, характерно для эдвардианского периода, когда стали создаваться специальные мужские организации в поддержку суфражистского движения. Именно сам факт их появления и повлек за собой необходимость осмысления своего собственного положения и своей собственной роли в данном движении. Этому способствовал и еще один фактор – появление радикального, воинственного крыла суфражистского движения, участницы которого порой достаточно жестко высказывались в адрес как мужчин в целом, так и тех из них, кто выступал за политическое равноправие полов. Говоря иными словами, именно в начале XX века у мужчин-суфражистов возникла острая проблема поиска и определения своей идентичности.

Широко распространенным понятием в риторике суфражистов и суфражисток было понятие рыцарственности, рыцарского, благородного отношения к слабому полу, то есть в данном случае мужчины-суфражисты воспринимали себя в качестве защитников и покровителей женщин, находясь, таким образом, на позициях патернализма и протекционизма по отношению к женскому полу. Кроме того, занимавшие просуфражистские позиции мужчины активно пытались репрезентировать себя в роли прогрессивных, передовых людей, тех, кто сумел оставить викторианское общество позади. «Мы отбросили вековые предрассудки и сделали все возможное, чтобы избавиться от присущего нам чувства мужского превосходства», – заявлял И. Зангвилль на одном из первых собраний Мужской лиги избирательных прав женщин²⁹. И далее, путем отождествления с милитантками, к которым Зангвилль относился как к поистине героическим личностям, конструируется образ мужчины-суфражиста, который не боится показаться смешным, который стоит выше безличной толпы в своем рыцарском стремлении помочь женщинам в их справедливой борьбе: «Как

²⁷ *Autobiography of John Stuart Mill*. N.Y., 1960. P. 173.

²⁸ *Ibid.* P. 186.

²⁹ *Report of Speeches Delivered at a Great Demonstration Held in the Queen's Hall, on Tuesday, December 17, 1907*. L., 1907. P. 14

ряса не является частью монаха, так и юбка больше не равняется суфражетке, поскольку... мы – тоже суфражетки, суфражетки в брюках, и мы радушно примем все те яйца, которые вы бросаете в нас за отсутствием эпиграмм, фейерверки, которые вы запускаете, не имея каких-либо иных блестящих способностей, или же мышей, которых вы столь галантно подбрасываете под юбки»³⁰. Более того, призвание мужчины-суфражиста, по его мнению, состоит в том, чтобы показать миру, что борьба за избирательные права, которую ведут женщины, является отнюдь не войной полов, а дружеским сотрудничеством, «не дуэлью, а дуэтом».

Некоторые из участвовавших в суфражистском движении мужчин признавали существование опасности быть вовлеченными в войну полов, опасности, которая могла стать реальной угрозой по мере того, как риторика милитанток становилась все более ожесточенной по отношению к мужчинам. Между тем, по мнению известного суфражиста Ф. Петик-Лоуренса, именно участие мужчин в битве суфражисток за свои права способствует предотвращению войны между мужчинами и женщинами³¹. Весьма показательным является объяснение своей позиции, данное Петик-Лоуренсом суду: «Я мужчина, и как мужчина я не могу сам участвовать в женской агитации, но я намереваюсь, и всегда намеревался, помогать женщинам, сражающимся в этой битве... И когда я вижу других мужчин, выделяющихся на фоне этой борьбы, тогда я еще решительнее принимаю в ней участие...»³².

Вообще, самоудаление, дистанцированность, а порой и самоумаление, была характерным элементом риторики многих мужчин-суфражистов начала XX века. Так, например, один из лидеров радикальной мужской суфражистской организации (Мужской политический союз) Виктор Дюваль писал: «Безусловно, я понимаю, что та небольшая часть работы, которую ведут мои друзья, не может быть сопоставима с огромными жертвами, приносимыми Женским социально-политическим союзом и Женской лигой свободы...»³³. Причина подобного явления, на наш взгляд, коренится опять же в пресловутой концепции рыцарственности, присущей англичанам, а также в «их готовности всегда следовать правилу "*ladies first*"»³⁴. Согласно мнению суфражистов, настоящий мужчи-

³⁰ Ibidem.

³¹ Suffrage Speeches from the Dock. Made at the Conspiracy Trial, Old Bailey, May 15th–22nd, 1912. The Woman's Press, 1912. P. 55.

³² Ibid. P. 54.

³³ Duval V. Why I Went to Prison. An Address Delivered at Caxton Hall, Westminster on November 1st, 1910. L.: Men's Political Union, 1910. P. 7.

³⁴ Holford S.A. Criticism of the Woman Movement from the Psychological Standpoint. L., 1911. P. 1.

на, по своему определению, не может отрицать законность, целесообразность и справедливость женских требований наделить их правом голоса. Если сами женщины могут выступать против наделения их правом голоса, находя тому множество причин, то для мужчины отрицание права женщин принимать участие в политической жизни означает серьезнейшее нарушение рыцарского кодекса, а подобное нарушение, в свою очередь, сделало бы бессмысленными все усилия «друзей справедливости» и «сторонников честной игры» создать особую, мужскую организацию в поддержку суфражистского движения³⁵. Положительным моментом организации, состоящей исключительно из мужчин (каковой и стала Мужская лига избирательных прав женщин) может стать и то обстоятельство, что, поскольку, по мнению Г. Невинсона, мужчины-суфражисты, «не могут быть столь глубоко и лично вовлечены в борьбу» за право голоса для женщин, то они могут более спокойно и взвешенно оценить происходящее.

С другой стороны, будучи сторонником суфражистского движения, Бернард Шоу, тем не менее, заявил в ответ на просьбу выступить на суфражистском митинге, что мужчина на подобного рода платформе всегда «выглядит дураком»³⁶. Боязнь показаться смешным, а также простая лень, стояла на пути у относительно большого числа английских мужчин начала XX века, которые разделяли суфражистскую позицию, полагая, что женское дело – это дело мужчин, но слабо верили в то, что принцип политического равноправия мужчин и женщин восторжествует при их жизни³⁷.

Не менее важен и вопрос о том, каким образом мужчины-суфражисты воспринимались со стороны участниц самого движения; были ли они преданными друзьями или же врагами в войне полов? Данный вопрос представляет значительный интерес, прежде всего, в отношении конструирования гендерной идентичности мужчин-суфражистов, которая в условиях движения, где преобладали женщины, занимавшие руководящие посты, нередко принимала форму гендерного конфликта.

Отношение, если не как к врагам, то, по крайней мере, как к представителям другого лагеря, большинство из которого было настроено по отношению к суфражистскому движению либо равнодушно, либо враждебно, в большей степени было характерно для воинственно настроенных милитанток, чья риторика была направлена на формирование новой гендерной идентичности, на созда-

---

³⁵ См., например: *The Men's League Handbook on Women's Suffrage*. L., 1912. P. 74.

³⁶ Цит. по: *Nevinson H. More Changes, More Chances*. L., 1925. P. 321.

³⁷ *Mathew A. Woman Suffrage*. L., 1907. P. 26.

ние нового типа женственности, одновременно апеллируя к давно укоренившемуся идеалу рыцарской маскулинности³⁸. Пока мужчины-суфражисты ограничивались лишь конституционными методами борьбы, отношение к ним со стороны милитанток было доброжелательным. Но, как только некоторые из них стали также претендовать на образ «мучеников» (тюремные заключения, голодовки и т.д.), отношение резко изменилось, поскольку подобные действия вступили в конфликт с героической риторикой самих милитанток.

Милитантство, по существу, оперировало старыми понятиями о рыцарственности мужчин, видя их предназначение в том, чтобы защищать, охранять, быть поборником женских прав и т.д., но делать все это отдельно от женщин. Так, например, по мнению руководительниц милитантского Женского социально-политического союза, «залог успеха и силы Союза – в независимости от мужчин, те из них, кто хочет помочь женскому делу должны действовать отдельно, за пределами женских организаций; на женских платформах нет места мужчинам-политикам»³⁹. Единственной обязанностью желающих помочь делу суфражисток мужчин, с точки зрения милитанток, может быть лишь война с правительством, как с главным оплотом врагов всего суфражистского движения.

Причем, подобного отношения не избежали даже такие, казалось бы, верные и последовательные борцы за политическое равноправие женщин, как, например, Джордж Лансбери или Кейр Гарди. Известна карикатура на последнего, заказанная Кристобель Панкхерст для милитантского журнала *Suffragette* (1913 г.). На ней К. Гарди изображен в виде раболопного, обезьяноподобного существа, курящего сигару с надписью «Liberal Patron» и льнущего к руке премьер-министра, одновременно приветствуя поднятой шляпой суфражетку, в ужасе от него отворачивающуюся⁴⁰. Подобный образ вполне объясним, как в свете вышеназванной позиции по отношению к мужчинам, так и в свете объявленной в 1912 г милитантками войны лейбористской партии.

Даже печатный орган умеренного крыла суфражистского движения, несмотря на свое название «Общее [курсив мой – И.Ш.] дело» (*The Common Cause*), вторит милитанткам: «мы полагаем, что для Мужской лиги было бы значительно лучше разработать свою собственную политику, поддерживая принцип наделения женщин избирательными правами своими собственными методами, а не

³⁸ Holton S.S. Manliness and Militancy. The Political Protest of Male Suffragists and Gendering of the "Suffragette" Identity // *The Men's Share...* P. 111.

³⁹ The Women's Social and Political Union. Eighth Annual Report. L., 1914. P. 4.

⁴⁰ Pankhurst S. The Life of Emmeline Pankhurst. The Suffragette Struggle for Women's Citizenship. Boston–N.Y., 1936. P. 125–126.

теми, которым следуют совершенно отличные от Лиги организации, от управления которыми мужчины полностью отстранены»⁴¹. Совет следовать своей собственной политике исходит из желания конституционалистов видеть мужчин-суфражистов, выполняющими ту работу, которую сами суфражистки сделать не в состоянии. Такое отношение было характерно даже и для такой суфражистской организации как Федерация Восточного Лондона, во главе которой стояла одна из дочерей Эммелин Панкхерст – Сильвия. Возглавляемая ею организация, ориентированная на женщин-работниц, изначально работала в тесном сотрудничестве с партией лейбористов, в числе ее надежных помощников были Дж. Лансбери и К. Гарди, с которыми Сильвию связывали отношения, выходящие за рамки простой дружбы, что, в свою очередь, оказало огромное влияние на формирование Гарди как суфражиста⁴². Однако даже она писала в ноябре 1913 г. редактору *The Daily Herald*: «Причина, почему мы не вступили в альянс с какой бы то ни было мужской политической организацией, в том, что мы – женская организация... и мы считаем, что право голоса для женщин должно стать пунктом нашей собственной политической кампании»⁴³.

Как бы там ни было, но мужчины оказывались в весьма затруднительном положении. Они не могли выйти на авансцену в роли мучеников суфражистского движения, так как это было прерогативой милитанток. Не могли они и остаться в тени умеренного крыла, поскольку в этом случае под сомнение ставилась бы самостоятельность и, в целом, целесообразность их существования.

Выход был найден в возврате к традиционной рыцарственности, о которой говорили милитантки. Вооружившись подобного рода риторикой, члены мужских суфражистских организаций все чаще стали выступать в качестве защитников и охранников суфражисток от нападений антисуфражистов и репрессивных действий полиции и властей, которые характеризовались не иначе как «немужское, неджентльменское, неспортивное и нецивилизованное» поведение⁴⁴. Один из руководителей Мужской лиги за избирательные права женщин Чарльз Дрисдейл писал: «Веления

⁴¹ *The Common Cause*. April 29, 1909. Vol. 1. № 3. P. 33.

⁴² См., например: *Romero P.W.E.* Sylvia Pankhurst: Portrait of a Radical. L., 1987. P.34–37; *Morgan K.O.* Keir Hardie. Radical and Socialist. L., 1975. P. 163–166.

⁴³ S. Pankhurst to the Editor of "The Daily Herald". November 19th, 1913 / *The Papers of Sylvia Pankhurst, 1882–1960* / Sophia Smith College Archive (Northampton, Mass.) Reel 23. Folder 181.

⁴⁴ *Harrison D.* Prudent Revolutionaries. Portraits of British Feminists between the Wars. Oxford, 1987. P. 226.

справедливости и рыцарства требуют, чтобы мужчины выступили вперед и помогли женщинам добиться тех же прав и той же защиты, которую они сами для себя получили в борьбе. К счастью, к чести британских мужчин, существует большое число тех, кто осознал обязанность и *привилегию* [курсив мой – И.Ш.] участвовать в этой благородной битве. Количество мужчин, присоединившихся к Мужской лиге избирательных прав женщин и другим мужским организациям... свидетельствует о том, что истинное рыцарство не умерло, но пробуждается...»⁴⁵

Как мы видим, самым распространенным понятием в риторике как суфражисток, так и суфражистов, было понятие рыцарственности. Свое мнение по этому вопросу существовало и в среде анти-суфражистов. С их точки зрения, истинное рыцарское отношение к женщине состоит в том, что мужчина заключает с женщиной сделку следующего рода: «Я буду относиться к тебе с уважением, буду защищать тебя и оказывать всяческую помощь, а ты, со своей стороны, будешь твердо придерживаться идеала доброты, утонченности, благопристойности, счастливого материнства...»⁴⁶. Таким образом, здесь мы видим классический, уже достаточно стереотипизированный викторианский идеал взаимоотношений полов; идеал (или табу⁴⁷), который был все еще широко распространен и в эдвардианской Англии среди высшего и среднего классов.

Для противников суфражистского движения все те мужчины, которые симпатизировали суфражизму, делились на несколько категорий. Во-первых, это те, кто подобно Джону Стюарту Миллю, воспринимают любую критику в адрес женщин как личное оскорбление. Самым распространенным изображением Милля и подобных ему был образ «дамского защитника», который подпал под влияние женщин и не может от этого уйти⁴⁸. Во-вторых, это «чуда-

⁴⁵ *Drysdale C. Why Men Should Work for Women's Suffrage. The Wages and Employment Question. Birmingham, 1914. P. 2.*

⁴⁶ *Wright A. The Unexpurgated Case Against Woman Suffrage. L., 1913. P. 19.*

⁴⁷ *Cecil R. Life in Edwardian England. L., 1969. P. 157.*

⁴⁸ «Вне всякого сомнения, взгляды Милля на женщин сформировались в целом из его наблюдений за особенным характером его жены., которая обладала мужским умом» (*Maxse. Reasons for Opposing Woman Suffrage. L., 1884. P. 37*). Значительно жестче это выразил, кстати, отечественный путешественник и публицист К.А. Скальковский в 1886 г.: «Милль обабился и написал "Подчинение женщины", ослабев умственными силами и попав в руки жены» (*Скальковский К.А. О женщинах. Мысли старые и новые. СПб., 1886. С. 3*). Кстати сказать, работа Милля вызвала достаточно ожесточенные споры в российском обществе в 1870–80-х годах. В качестве примера можно привести тот факт, что роман «Анна Каренина», в числе прочих

ки», которые, решив, что они нашли нравственное основание суфражизму, «сразу же вскакивают в седло и мчатся куда-то сломя голову»⁴⁹, пренебрегая всеми соображениями общественной пользы. Третья категория – это романтически настроенные идеалисты, скрывающиеся за маской деловых людей и ведущие уединенный образ жизни, для которых память о какой-то женщине стала своего рода религией. И, наконец, в-четвертых, это так называемые «интеллектуалы», которые полагают, что наделение женщин правом голоса успокоит расшатанные нервы определенного числа достойных женщин⁵⁰.

Как уже отмечалось, широко распространенным образом был образ мужчины-суфражиста, попавшего под каблук женщины. «Нас охарактеризовали, – говорил И. Зангвилль, – как мягкотелых мужчин, соблазненных женщинами с твердым характером»⁵¹. Кстати, эти слова передала Зангвиллю одна милитантка, которая решила, что он должен публично выступить против этого, по ее мнению, оскорбления. Когда же Зангвилль сказал, что он в принципе не против, и что подобного рода вещей вполне можно ожидать в политике, то эта милитантка заявила ему, что в таком случае он не может называться настоящим джентльменом⁵². Таким образом, опять мы видим апелляцию к традиционному образу рыцаря-джентльмена, который попросту не имеет права смолчать.

В викторианскую эпоху, когда идеалом для мужчин, принадлежавших к среднему и высшему слою английского общества, была не столько сама власть, сколько мужественность (источник которой следует искать в среде английских крупных землевладельцев, с их преклонением перед культом игр и спорта, с их восхищением физической силой и удалью⁵³), те мужчины, которые выступали за равноправие полов, характеризовались со стороны общества как слабохарактерные, нуждающиеся в дополнительном «вливании крови». В ответ на появление книги Милля «Подчинение женщин» Лесли Стивен заявил, что «обыкновенному мужчине, который в своих суждениях исходит не из книг, а из реального жизненного

причин задумывался Толстым и как противоядие к указанной книге Милля (Айвазова С.Г. Русские женщины в лабиринте равноправия. М., 1998. С. 42).

⁴⁹ Wright A. Op. cit. P. 2. См. также: Rover C. The "Punch" Book of Women's Rights. L., 1967. P. 92.

⁵⁰ Wright A. Op. cit. P. 2.

⁵¹ Zangwill I. Old Fogeys and Old Bogeys. Speech Delivered at Queen's Hall, June 7th, 1909. L., 1909. P. 2.

⁵² Ibidem.

⁵³ См., например: Houghton W. E. The Victorian Frame of Mind, 1830–1870. L., 1957. P. 202.

опыта, подобные доктрины кажутся не только ошибочными, но свидетельствующими о безнадежной слабыхарактерности»⁵⁴. Миллю недостает, по его мнению, мужественности.

С другой стороны, идеал силы и мужественности использовался и для создания типичного героического образа мужчины-суфражиста, великодушного и благородного рыцаря, который готов пожертвовать даже своим собственным голосом ради стремящихся получить этот голос женщин. Мужчина, постигший истинную сущность рыцарственности, т.е. мужчина-суфражист, «встает на защиту дела женщин, не боясь насмешек и презрения. Он не только бросает вызов своим оппонентам, но и протягивает руку помощи женщине в ее борьбе за справедливость... Сильные и чувствующие эту силу мужчины, не боятся... женщин, которые могут набрать больше голосов... Они не трусы...»⁵⁵.

Конечно же, неоценимым источником при исследовании общественного мнения относительно того или иного вопроса является пресса. В отношении интересующего нас вопроса мы ограничимся лишь одним изданием, авторы которого живо откликнулись сатирическими заметками на все насущные проблемы. Речь идет о небезызвестном английском сатирическом журнале «Панч». Знаменитая речь Милля в парламенте 20 мая 1867 г. дала авторам журнала богатейшую почву для упражнений в остроумии. Обыгрывалось все: и сама фамилия Милля, и пресловутая рыцарственность⁵⁶, и внесенная им поправка⁵⁷. Так, в одном из номеров журнала было помещено письмо «Некоего "лица" господину Миллю», в котором женщина-автор писала, что «вероятно, вы, предлагая наделить нас правом голоса, делали нам комплимент. Вы – несчастное создание из-за вашей логики»⁵⁸. Женщины были глубоко оскорблены тем, что Милль в своей речи назвал их «лицами»: «Чарли говорит, что господин Милль хочет назвать дам

⁵⁴ Цит. по: Ibid. P. 201.

⁵⁵ Mathew A. Op. cit. P. 25–26.

⁵⁶ См., например: «Сервантес высмеял испанское рыцарство, сделанное из мягкого металла, но на нашем рыцарстве, закаленном под мощным парламентским молотом, не так-то легко оставить вмятину... Дон Кихот, полагая, что видит перед собой чудовище, держащее взаперти страдающих девиц, напал на *Mill of the Commons*. Отныне *Mill of the Commons* – это галантный рыцарь, вооруженный до зубов [здесь обыгрывается сюжет битвы Дон Кихота с мельницами у Сервантеса и фамилия Милля (члена Палаты общин – House of Commons), которая в переводе также означает мельница – И.Ш.]» (*Punch*. June 20, 1868. Vol. 54. P. 273).

⁵⁷ Заменить выражение *male person* (лица мужского пола) словом *person* (лицо).

⁵⁸ *Punch*. June 1, 1867. Vol. 52. P. 227.

«лицами»... Но я несколько ему не верю, поскольку ни один джентльмен не может и помыслить себе, чтобы употреблять столь вульгарный язык, говоря о женщине! Скорее всего, это опечатка в какой-то глупой дешевой газете. Возможно, он имел в виду, что пасторы⁵⁹ должны иметь право голоса...»⁶⁰.

В первое десятилетие XX столетия на страницы «Панча» попали и те мужчины, которые положили начало организационно оформленному мужскому движению в поддержку требований суфражисток. Их образ был традиционен – это холостяки, которым нечем заняться, которые завидуют «веселой» жизни суфражисток, и решают, в свою очередь, тоже повеселиться, при этом совершенно не важно, какие лозунги провозглашать, какие цели преследовать. «Давайте и мы станем мучениками и будем выкрикивать боевой клич Свободы, – убеждал своих приятелей герой очерка «Право голоса для мужчин». – Давайте привлечем внимание к нашим горестям со скамьи подсудимых. Давайте спланируем набег на парламент, захватим членов правительства в их берлоге... Почему веселиться должны только женщины?» На это предложение один из его друзей вполне резонно спросил, а что они должны будут выкрикивать. «Это не имеет совершенно никакого значения, – последовал ответ, – поскольку за это мы готовимся пойти в тюрьму»⁶¹. В результате трое друзей создают Холостяцкую лигу свободы, ассоциированную с Холостяцким [читай Женским] социально-политическим союзом.

«Панч» достаточно точно отражал господствовавшее в английском обществе отношение в целом к суфражистскому движению, а также к его участницам и участникам. И в том, что от образа истеричных женщин, которые ломятся в дверь парламента в 1870 г., он перешел в 1918 г. к образу Жанны д'Арк, была немалая заслуга не только самих суфражисток, но и тех мужчин, которые, ломая традиционные представления о маскулинности, о роли и предназначении мужчин и женщин, бросая вызов общепринятым нормам поведения, создав наряду с суфражистками свою субкультуру, внесли неоспоримо существенный вклад в окончательную победу движения за политическое равноправие английских женщин.

⁵⁹ Игра слов *persons* (лица) и *parsons* (пасторы).

⁶⁰ Punch. May 4, 1867. Vol. 52. P. 179–180. Еще один пример: «Всем "лицам", кого это касается. Ряд восторженных мамочек, в ознаменование недавней речи г-на Милля о женских избирательных правах, окрестили своих новорожденных дочерей Амелия, Эмили или Милисент, поскольку любое из этих имен легко может быть сокращено до "Милли"» (Punch. June 1, 1867. Vol. 52. P. 227).

⁶¹ Punch. March 4, 1908. Vol. 134. P. 178.

А.Ю. Котылев (Сыктывкар)

**ПОЭТИКА ПСЕВДОИСТОРИИ:
словарь вымышленных биографий
как феномен европейской культуры середины XX века**

1. Авторы и обстоятельства

«Новейший Плутарх» Д.Л. Андреева, В.В. Парина и Л.Л. Ракова¹ является книгой уникальной и, в то же время, универсальной. Уникальной по обстоятельствам создания, по набору авторов, по замыслу и его реализации. Универсальной по степени охвата европейских культурных традиций Нового времени, по форме, которая позволила объять необъятное. Эта книга была написана в конце 1940-х годов во Владимирском центре тремя авторами, каждый из которых отличался от своих соавторов предыдущим и последующим жизненным путем, профессией, призванием, мировоззрением. Вместе их свела лагерная судьба, навсегда соединила в культуре необычная книга, акт творения которой стал оригинальным ответом на обстоятельства жизни, на ситуацию в стране.

Этот факт лагерного творчества сам по себе не является чем-то уникальным. Известно, что возможности для занятий научной и литературной деятельностью имели многие узники дореволюционных тюрем. В знаменитом советском лагере 1920-х годов – СЛОНе, где была создана игровая ситуация (включавшая и игру со смертью), подобное творчество даже поощрялось властью. В лагерях начинали свой путь ученых Д.С. Лихачев и Л.Н. Гумилев. Различным видам творчества заключенных (в том числе и игровым), посвящено немало страниц романа А.И. Солженицына «В круге первом». Очевидно, что лагерное творчество стало для многих людей единственно возможной формой борьбы, прежде всего, за свою личность, за свое будущее. Творческий акт игнорировал факт физического лишения свободы созданием пространства свободы внутренней.

Тюремная камера свела вместе авторов, которые вряд ли сошлись бы для совместного творчества в других условиях. Все

---

¹ Андреев Д.Л., Парин В.В., Раков Л.Л. Новейший Плутарх: Иллюстрированный биографический словарь воображаемых знаменитых деятелей всех стран и времен. М.: Московский рабочий, 1991. (Далее – НП, ссылки на это произведение даны в тексте статьи).

трое являлись представителями различных элитарных традиций, различных культурных практик, каждая из которых предполагала свои методы познания и описания, свои способы репрезентации мира. Даниил Леонидович Андреев был поэтом-визионером, выходцем из литературной семьи, носителем художественной традиции с мистическим уклоном, зарабатывавшим на жизнь как художник-оформитель². Василий Васильевич Парин был биологом, специалистом в области кровообращения, защитившим в 1940 г. диссертацию на степень доктора медицинских наук³. Лев Львович Раков был историком, музейным работником, популяризатором научных знаний. Характерно, что именно он выступил в качестве инициатора создания НП, играя роль посредника между представителями поэзии и науки, предлагая основу, на которой было построено совместное произведение столь разных авторов.

Все три автора были арестованы в 1947 г., каждый из них был осужден, и получил высшую меру наказания по законодательству того времени: 25 лет лишения свободы. Этот факт может считаться системообразующим событием относительно культурной ситуации породившей НП. Каждый из авторов пострадал за свою творческую деятельность: Андреев за роман «Странники ночи», Парин за научные связи с американцами, Раков за выставку «История русской военной формы» и путеводитель по ней. Очевидно, что творчество в заключении стало для всех троих продолжением этого процесса на воле, тем более что Владимирский централ предоставлял для этого некоторые возможности. По воспоминаниям Парина, переданным его женой, там была неплохая библиотека, можно было покупать бумагу и писать конспекты⁴.

В наиболее выгодном положении в этой ситуации оказался поэт. Не связанный строгими правилами создания научных работ, Даниил Андреев сумел создать и восстановить в тюрьме большую часть своих литературных произведений⁵. У биолога и историка возможностей для «работы по специальности» было гораздо меньше, вероятно, это стало одной из причин, приведших к сочинению НП.

2. Загадки жанра

НП представляет собой псевдобиографический словарь, со-

---

² Романов Б. Вестник другого дня // Андреев Д.Л. Русские боги: Стихотворения и поэмы. М., 1989. С. 356-357.

³ Парин В.В. К учению о рефлекторной регуляции кровообращения. Тезисы к диссертации на соискание ученой степени доктора медицинских наук. Свердловск, 1940.

⁴ Парина Н.Д. Вместо послесловия // НП. С. 299-300.

⁵ Там же. С. 301; Романов Б. Указ. соч. С. 360.

державший вымышленные жизнеописания деятелей мировой культуры. Определить его жанровую принадлежность не так-то легко. Автор вступительной статьи к первому (и единственному) изданию словаря в нашей стране, В. Новиков, вначале определил жанр этого произведения как «культурная игра», в конце конкретизировал определение до «веселой литературно-исторической мистификации», а на протяжении большей части статьи рассматривает словарь как «пародию»⁶. Игровое происхождение НП вряд ли у кого вызовет сомнение. Однако игра как культурный жанр требует жесткого соотнесения с временным интервалом, в рамках которого она реализуется, фиксация игры тем или иным образом обозначает автоматическую смену жанра. Очевидно, что описание карточной игры не будет ею самой, а телетрансляция футбольного матча будет именоваться в культурологической классификации документальным телефильмом, но никак не «футбольным матчем». Культурная игра привела к созданию НП; если бы состоялась мистификация, то это была бы еще одна игра. Другое дело, что жанр НП может быть определен как «правила игры». В. Новиков справедливо указывает, что это произведение легко может быть продолжено любым компетентным желающим, из чего явствует встроенность игрового начала в саму структуру словаря. Однако, сведение его жанра к «правилам» приведет к игнорированию авторского замысла, значительной части содержания произведения, культурного контекста его возникновения и существования, что не соответствует задачам данного исследования.

Определение жанра НП как пародии тоже представляется вполне закономерным, но не вполне достаточным. Несомненно, что метод пародирования широко использован при создании произведения, и можно потратить не один год на выявление лиц, персонажей и произведений, которые стали объектами иронической трансформации. Однако НП как целое больше, чем каждый конкретный пародийный пример или все они вместе взятые. Для характеристики сущности его жанра следует рассмотреть предшествующие культурные аналоги.

Прежде всего, это традиция жизнеописания, воспроизводящаяся в разных формах на протяжении всей европейской истории от античности до современности. Уже само название книги указывает на ее прототип. Однако биографии НП построены не по сравнительному принципу, они расположены последовательно, в алфавитном порядке. Очевидно, что название отсылает не столько к самому первоисточнику, сколько ко всей череде многочислен-

⁶ Новиков В. Мудрость веселой игры // НП. С. 3, 6-7, 9, 11.

ных подражаний ему, отлившейся в европейской культуре в своего рода «плутарховский концепт». С другой стороны, упоминание родоначальника биографического жанра может быть рассмотрено и как скрытое приглашение к сравнению, адресованное читателю. Биография является едва ли не самым универсальным культурным образованием, ее биологическая основа «подкультурна» и структурно очевидна; биография всегда завершена и элементарна по отношению к социокультурной системе, благодаря чему ее можно всегда извлечь из конкретного контекста и поместить в другой, сконструированный. Одним словом, это удобный объект для культурной манипуляции, наделенный значениями показательности и образцовости. Жанр биографии оказался, помимо прочего, удобен для авторов в силу своей дисциплинарной нейтральности, он стал реальной основой для объединения творческих усилий представителей разных интеллектуальных сфер, позволил им плодотворно сотрудничать и создать общее произведение.

Несмотря на всемирные претензии авторов НП, основные его истоки следует искать в границах новоевропейской культуры. Характерной особенностью текста НП является то, что он опирается как на классические, так и на неклассические традиции. Со вторыми, по всей видимости, связан жанр псевдонаучного сочинения, описывающего перевернутый мир. Эта тема наиболее полно была раскрыта в культуре северного Возрождения, в таких произведениях как «Письма темных людей» или «Похвала глупости» Эразма Роттердамского, или «Гаргантюа и Пантагрюэль» Франсуа Рабле, или картины И. Босха и П. Брейгеля. Очевидно, что изображение обратного мира создавалось в разных видах и жанрах культуры, но именно оформление его в виде трактата обозначило специфический характер зарождающейся новоевропейской культуры, ориентированной на доказательный способ представления картины мира. Если этот жанр сопоставить с утопией, возникшей в рамках той же культуры, то выявится его антиутопическая сущность. Определенными чертами антиутопии наделен и НП, но демонстрируются они здесь не в трагическом (что характерно для антиутопий XX века), а в смеховом, гротескном виде, что сближает данное произведение с возрожденческими истоками, исследованными в известной книге Михаила Бахтина. Многие характеристики карнавальской культуры, которые выделяет этот мыслитель, можно обнаружить и при изучении НП⁷. Характерным приемом создания ощущения пе-

---

⁷ Бахтин М.М. Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990. С. 94-95, 404-406 и др. Более подробный анализ этих мотивов будет предложен в следующем разделе.

ревернутости мира, которым часто пользуются и северные гуманисты, и авторы НП, является прием доведения каких либо постулатов до их логического предела, до абсурда.

Мир НП обратен не только по отношению к миру европейской культуры определенного периода, он пародирует множество разноразличных элементов культуры всего человечества, от конкретных произведений и отдельных жанров, до целых мировоззренческих систем. Здесь в НП органично проявляется такая классическая традиция, как энциклопедизм. Утверждаясь на уровне организации материала и стиля, она в то же время подвергается игровой травестии. НП представляет свою культуру в наиболее законченном, «снятом» виде. Как и всякая энциклопедия, он подводит итоги, упорядочивает ход событий, перечисляет успехи и неудачи, определяет шедевры и открытия. НП структурирует определенную культуру, выдавая ее за законченное целое, но он же ее деконструирует, анатомирует, выворачивает и высмеивает. В том пафосе, с которым авторы перечисляют достижения своих героев, в той дотошности, с которой они описывают подробности их жизни, постоянно звучит ирония, не чуждая, впрочем, и некоторым основателям энциклопедизма. Осмеяние сознательно используется энциклопедистами как средство ниспровержения идейного противника, об этом оружии со знанием дела пишет уже Бейль, разбирая в биографии Ионы вопрос о вере в чудеса⁸. Для Вольтера сарказм становится основной характеристикой стиля полемических произведений, в том числе и биографических статей. Философ особенно остро высказал по поводу библейских героев и деятелей церковной истории⁹. Традиция иронического развенчания персонажей и событий истории была затем продолжена разными авторами и направлениями; наиболее значительными из ее плодов в русской культуре представляются «История одного города» А.Е. Салтыкова-Щедрина¹⁰ и более близкая по времени создания к НП сатириконовская «Всеобщая история», отдельным разделам которой не был чужд биографический принцип организации материала¹¹.

С русской классической литературой XIX века НП роднит

---

⁸ Бейль П. Исторический и критический словарь в двух томах. М., 1967. Т. 1. С. 224-225.

⁹ Вольтер. Бог и люди. Статьи, памфлеты, письма в двух томах. М., 1961. Т. 2. С. 156-160, 165-166, 176-179 и др.

¹⁰ Даниил Андреев в другом своем произведении прямо отождествляет Сталина с Угрюм-Бурчеевым, полагая, что Щедрин выступил здесь в роли провинца. – Андреев Д.Л. Роза мира. М., 1992. С. 438-440.

¹¹ Всеобщая история, обработанная «Сатириконом». СПб., 1912. С. 119-121, 144-152, 187-196.

проскальзывающий в некоторых биографиях интерес к судьбе «маленького человека», пытающегося преодолеть пределы своего мирка и превращающегося в чудака-изобретателя, подобного некоторым персонажам Гоголя и Лескова.

Важна для образования специфического жанра НП и традиция литературной (или шире – культурной) мистификации, которая особенно ярко проявилась в европейской культуре именно того периода, с которым связаны биографии большинства героев произведения¹². Среди них имеется несколько литераторов, каждому из которых приписывается создание целого ряда произведений. Содержание некоторых из них пересказано, из других приведены отрывки. В литературных мистификациях биография автора является, как правило, приложением к самому произведению, придавая ему значение подлинности, здесь же упоминания творений призваны придать подлинность биографии автора. Подобным образом авторы НП поступили и с другими произведениями своих героев: художественными, техническими, научными. Все их названия отсылают за границы данного текста, подкрепляя его реальность. Это своего рода проект тотальной мистификации, поскольку все названные произведения можно написать, скрываясь за именами названных авторов. Мистификация, как последовательное введение читателя в заблуждение, никогда не была осуществлена, но ее возможность присутствует в самом тексте.

С этим свойством НП связана и следующая традиция, на которую необходимо указать. Это прогрессистская традиция, получившая наиболее яркое выражение в модернистской культуре XX века, основной мотив которой посвящен описанию создания нового мира и нового человека. Ориентация героев НП на новаторское творчество сближает это произведение с множеством утопических и антиутопических текстов. Особо следует отметить его близость к фантастическому жанру предсоветской и советской литературы, к произведениям А.А. Богданова, А.Н. Толстого, А.Р. Беляева и М.А. Булгакова. Ряд произведений этих авторов объединен образом ученого-изобретателя, творца новой реальности, наделенного архетипическими чертами демиурга. Большинство проектов персонажей НП заканчивается провалом, либо они приводят к заведомо ничтожным результатам, что позволяет связать его более тесно с антиутопической традицией.

Ряд черт определяют характер взаимоотношений НП с квазиисторической традицией, получившей особое развитие в совде-

---

¹² Ланда М. Миф и судьба // Черубина де Габриак. Исповедь. М., 2001. С. 6, 336-337.

менной ему советской культуре. Биографический жанр получил в этой культуре очень широкое распространение, воплощаясь не только в специальных исторических словарях, но и во множестве более популярных агитационных форм, которые быстрее реагировали на изменения политической конъюнктуры, чем собственно исторические произведения. Такой популярной формой были, например, календари. До половины объема некоторых из них в 30-е гг. было заполнено биографиями руководителей государства¹³. В ежегодном «Календаре коммуниста» был специальный раздел «Биографический словарь», который к концу 20-х гг. резко сокращается в объеме, по поводу чего редакция оправдывается нехваткой места¹⁴. Если квазиисторический текст образовывался в результате изъятия из исторического текста определенных фактов и персонажей, которые изредка заменялись квазифактами, в результате чего образовывалась «разреженность» исторического пространства, то НП, напротив, вводит в исторический текст новые персонажи и факты, в результате чего создается его «уплотненность». Фактически текст НП противостоит квазинаучному тексту как антикультурному явлению, он последовательно воплощает в жизнь и доводит до абсурда тот авангардный проект переписывания истории, который и породил квазиисторический миф XX века.

Наконец, текст НП попадает в ряд текстов, предваряющих развитие современных культурных традиций, возникновение гипер- и интертекстуальных образований. НП представляет собой идеальный гипертекст, который может быть продолжен до бесконечности, в отличие от гипертекстов, описывающих текст реального мира. В то же время, НП создает бесконечное множество интертекстуальных связей, соединяющих его со многими текстами мировой культуры (в идеале – со всеми), с наиболее важными традициями, определившими развитие европейской культуры.

По своим характеристикам НП принадлежит сразу нескольким сферам культуры, и не принадлежит ни одной из них полностью. По своей форме (основному способу организации элементов текста, внутренней структуре этих элементов, стилю) – это произведение научное, по методу творчества – это произведение художествен-

¹³ Календарь лесоруба и сплавщика на 1934 год. М., 1933.

¹⁴ Календарь коммуниста на 1930 год. М., 1930. С. 719. Изъятие биографий неугодных деятелей происходило постепенно, по мере их отсечения от власти. Так, в этом календаре еще есть биографии Рыкова и Томского, но уже нет биографии Бухарина. Боязнь упомянуть не то имя приводит в этот период к своего рода обезличиванию вначале популярных, а затем и собственно исторических изданий, влияя на становление их специфического, сухого наукообразного стиля.

ное. Отнесение НП к пограничному научно-художественному жанру позволяет связать его с множеством творческих традиций восходящих к различным периодам и культурным системам в европейской истории, причем одни из этих традиций более наукообразны (жизнеописание, энциклопедии), а другие – более художественны (пародия, мистификация). Примечательно, что НП связан генетически не только с прошлым (произведениями северных гуманистов, просветителей, романтиков и пр.), но и с будущим, предшествуя таким произведениям, как «Хазарский словарь» М. Павича. Будучи надвидовым произведением культуры НП предлагает исследователю различные стратегии своей интерпретации.

Несомненное влияние на формирование специфического жанра НП оказало предшествующее творчество его авторов. «Организатор» книги Л.Л. Раков до «посадки» работал научным сотрудником Эрмитажа, специализировался на военной истории, в 1940 и 1946 гг. он публикует две работы, представляющие материал состоявшихся выставок¹⁵. Профессиональные интересы историка прямо проявились в некоторых биографиях НП: историка одежды, военного педагога и др., но главное – в его очерках уже вполне сформировался определенный подход к представлению исторического материала, который мог сложиться только при работе в музее. Суть этого метода заключается в подаче исторических событий (в том числе и биографических) посредством произведений художественной культуры. В своих выставках Раков использует картины, гравюры, фарфор, куклы, модели. Почетное место, конечно, отводилось разнообразным портретам¹⁶. Не довольствуясь визуальным рядом, историк привлекает также литературные произведения, посвященные тому или иному событию или теме. Таким образом, он находит форму синтеза научного и художественного подходов к исследованию культуры, оказавшую значительное воздействие на замысел НП и способ его реализации. Изображение истории, особенно советского периода, надделено в книгах Ракова характерными для времени их издания чертами: идеологичностью, воспеванием вождя, фальсифицированностью фактов. Задним числом можно конечно усмотреть иронию во фразе типа «Товарищ

---

¹⁵ Краткий очерк военной истории нашей Родины / Раков Л.Л. и др. Л.: Гос. Эрмитаж, 1940; Раков Л.Л. Русская военная форма. Очерк-путеводитель по выставке «История русской военной формы». Л.: Воениздат, 1946.

¹⁶ Сам Раков был неплохим рисовальщиком, и все биографии НП снабжены портретами персонажей его работы, кроме того, в книге имеются «репродукции» картин, приложенные к биографиям художников и «портреты без биографий», вынесенные в конец произведения.

Сталин железной рукой очистил штабы и учреждения от изменников и предателей, поднял на должную высоту партийно-политическую работу, твердо и уверенно осуществлял оперативное руководство армией и флотом» или в представлении репродукции картины художника Мизернюка «Ленин и Сталин среди моряков в Смольном в 1917 году»¹⁷, особенно если рассматривать их через призму НП, но доказать наличие здесь усмешки вряд ли удастся.

Определенное отношение к жанру исторической биографии в своем дотюремном творчестве имел и Даниил Андреев, в 1946 г. издавший в соавторстве книжку об исследователях Средней Азии¹⁸. Конечно, эта работа была для поэта, прежде всего, способом заработка, но для нас важен факт усвоения им стереотипной структуры и пафосного стиля биографических произведений, с которыми он мастерски играет в НП. Пассаж типа «Закат этой долгой жизни был так же прекрасен, как ее расцвет. [...] не довелось испытать дряхлости: ясность ума, творческая продуктивность и феноменальная память не покидали его до конца дней»¹⁹ вполне вписывается в любую из двух книг.

Еще интереснее проследить соотношения между НП и главным произведением Андреева – «Розой мира». Известно, что этот его труд писался, или, во всяком случае, задумывался, параллельно работе над НП, на что указывает сам автор²⁰. Следовательно, его метаисторическая теория должна была в каком-то виде воплотиться и в словаре. Прежде всего, следует отметить, что эти два произведения во многом противоположны друг другу, как только могут быть различны смех и пафос, комедия и трагедия, ироническое отстранение и мистическое проникновение. Хотя Андреев и допускает существование смеха и игры даже в Небесной Руси²¹, в своем трактате он их избегает. Тем не менее, между двумя книгами есть переклички не только содержательные, но и формальные. Они связаны с устойчиво антисциентистскими взглядами автора, который связывал науку (а особенно технику) с нижним миром, называя высшими формами познания мира религиозную и отчасти художественную²².

Таким образом, иным путем Андреев приходит к тому же творческому методу, что и Раков, предполагающему синтез разных

¹⁷ Краткий очерк военной истории... С. 200, 192.

¹⁸ Андреев Д.Л., Матвеев С.Н. Замечательные исследователи горной Средней Азии. М.: ОГИЗ. Гос. изд-во географической литературы, 1946.

¹⁹ Там же. С. 32.

²⁰ Андреев Д.Л. Роза мира. С. 60-61.

²¹ Там же. С. 128.

²² Там же. С. 53, 63, 169 и др.

способов понимания представления культуры и человека, хотя его отношение к конкретным событиям и персонажам могло быть принципиально иным. В свете метаисторического учения Андреева большинство персонажей НП находятся под более или менее активным воздействием темных сил нижних миров, некоторые из них, возможно, являются даже «темными вестниками», находящимися в постоянном контакте с враждебными человеку существами²³. Особенно это касается деятелей европейской цивилизации. Представители восточных культур даны в более выгодном свете, но и их, зачастую высокие, устремления в большинстве случаев оказываются искажены и приводят к весьма скромным результатам. Сказанное относится к биографиям, написанным всеми тремя авторами. Нет оснований утверждать, что Парин и Раков полностью разделяли взгляды Андреева на историю, но определенное влияние его концепции в словаре ощущается.

В.В. Парин был наименее подготовлен к такому виду творчества, но он обогатил авторский коллектив знанием естественных наук. Написание НП потребовало от всех соавторов ироничного отношения не только к окружающему миру, но и к самим себе, своей профессии и социокультурной роли в целом. После освобождения Андреев полностью отдается своему метаисторическому исследованию, Парин возвращается в науку, становясь первопроходцем в космической биологии и кибернетической медицине²⁴. Оба они в какой-то степени уподобляются персонажам словаря с определенным набором биографических этапов. Ироническое отношение к действительности в наибольшей степени сохранил, очевидно, Раков, который в годы хрущевской оттепели пишет в соавторстве антисталинскую пьесу, имевшую значительный общественный успех²⁵.

3. Характеристики биографий

3.1 Классификации персонажей

Составляющие данный текст биографии могут быть подвергнуты классификации по различным показателям. Всего в словаре сорок четыре биографии. Прежде всего, следует иметь в виду их авторство. Инициатором всей работы и автором более половины статей является историк Раков (25 биографий, из них четыре – в соавторстве с Париним), поэт Андреев написал 12 статей, биолог

²³ Там же. С. 355-356.

²⁴ Парин В.В. Избранные труды. Т. 1-2. М., 1974.

²⁵ Альшиц Д.Н., Раков Л.Л. Опаснее врага. Сатирическая комедия. М., 1962.

Парин – 11 (из них самостоятельно – только шесть). Наибольшее разнообразие в профессиональной и национальной принадлежности персонажей словаря наблюдается также в биографиях, написанных Раковым. Среди персонажей статей Андреева преобладают писатели и религиозные деятели, а у Парина – ученые. Из числа всех биографий можно выделить 14 принадлежащих деятелям художественной культуры (шесть литераторов, пять актеров, два живописца и один архитектор), 23 – философам, ученым, изобретателям и религиозным деятелям (среди них количественно лидируют шесть представителей биолого-медицинского направления, второе место делят философы и создатели новых религий), 13 – политикам и военным. Из этих биографий не менее пяти являются «смешанными», поскольку их обладатели обнаруживают разнообразные профессиональные таланты.

По национальному показателю среди них преобладают европейцы (пять статей описывают жизнь американцев, семь – азиатов), а среди европейцев – русские (10 биографий). По странам мира персонажи словаря распределены следующим образом: пять происходят из Италии (в том числе двое из древнего Рима), по три – из Англии и Польши, по две – из Франции, Германии, Греции, США, Канады и Японии, по одной – из Шотландии, Испании, Бельгии, Голландии, Дании, Норвегии, Индии, Китая, Индонезии и вымышленной Карджаканты. Из российских городов родиной героев объявлены Москва, Петербург, Тамбов, Арзамас, Кострома, Вологда и Красноярск. Следует учитывать, что многие из героев активно путешествуют, что значительно расширяет географию НП: так только в биографии поэта Вараксина упомянуто более пятнадцати стран, городов и мест, которые он посетил (НП, с. 22-27).

Хронологические данные менее разнообразны. Наиболее любопытные результаты дает соотношение сроков жизни героев НП с определенными историческими периодами. Из 44-х биографий только четыре можно отнести к Античности, одну – к Средневековью, три – к Возрождению и еще три – к первым векам Нового времени. Подавляющее большинство биографий датировано XIX – XX веками, причем почти все они начинаются в одном веке, а заканчиваются в другом.

Из всего сказанного выше становится очевидно, что претензия авторов на всемирный характер своей энциклопедии является только творческим приемом. В пространственном и временном планах задача, которую они решали, была гораздо скромнее: охарактеризовать развитие Европы второй половины XIX – начала XX в. Если сопоставить это с датами рождения самих авторов (1903, 1906, 1908), то окажется, что они описывали поколения

своих дедов и отцов, поколения, чья деятельность привела мир к глобальным войнам и революциям, а авторов НП – во Владимирскую тюрьму. Очевидно, что биографии различаются не только своими размерами, но и значимостью, как для организации всего произведения, так и для выражения концептуальных смыслов авторских теорий, так и для представления образа мира.

3.2 Основные темы

В стремлении критиковать культуру предшествующих поколений нет ничего оригинального – представители каждого периода новоевропейской истории, подвергают деяния своих предшественников более или менее резкому осуждению. В первом приближении НП может быть рассмотрен как попытка критического осмысления жизни и творений предков.

Следует отметить, что авторы в основном обошли стороной такие «основные» темы истории как политика и война. Среди биографий представителей этих профессий нет ни одной, описывающей ключевую фигуру в европейской политике. Единственная биография правителя государства, изображает вымышленную азиатскую страну, политическая жизнь которой проникнута религиозно-философским духом (НП, с. 238-250). Три представителя исторических дисциплин (в нашем понимании), чьи биографии приведены в словаре, занимались одеждой, археологией и этнографией. Нет среди биографий ни одной, демонстрирующей жизнь политического революционера. Различные революции упоминаются несколько раз, российская революция – только один, обозначенная как «грандиозные события в России в 1917 году» (НП, с. 63). Суждение о том, что авторы избегали подобных тем, опасаясь очередного обвинения, является закономерным, но слишком поверхностным – ведь войны в большинстве биографий представителей этой сферы социокультурной жизни тоже только упоминаются, без подробных описаний²⁶.

Следует вспомнить, что в метаисторической концепции Андреева государство и войны возникают в основном под влиянием темных сил, а деятелям этих сфер (даже выдающимся) уготовлено трудное посмертное будущее²⁷. Кроме того, отказ от рассмотрения судеб политиков может быть интерпретирован как уход от

²⁶ Исключение представляют биографии китайского и японского полководцев (НП, с. 29-32, 192-201). В этих случаях авторы пользуются возможностью показать эстетику войны, что практически невозможно сделать на современном европейском материале. Здесь же они доводят этот подход к войне до семантического предела, заставляя своего китайского героя видеть в сражении исключительно «танец таинственных иероглифов».

²⁷ Андреев Д.Л. Роза мира, с. 177, 282-292, 307-312 и др.

поверхностного слоя процесса развития человечества в его культурную глубину.

Второстепенность многих персонажей НП (и не только от политики) представляется принципиальным качеством данного текста, связанным и с логикой его внутренней организации, и с его местом в системе культуры. Во-первых, данное качество обозначает текст как объект мистификации. Второстепенность героев делает затруднительным доказательство их вымышленности. С этим, кстати, соотносится и принципиальная возможность большинства описанных в тексте событий: они в основном не фантастичны или «научно-фантастичны», т.е. могли бы произойти если не в прошлом, то в будущем. Во-вторых, второстепенность указывает на типичность персонажей, что снова поднимает проблему пограничности текста, его научно-художественного характера.

И наука, и искусство прибегают к типологии людей, используя для этого разные средства. Типологию НП нельзя однозначно назвать ни научной, ни художественной, поскольку для выявления типических черт героев и периодов их жизни применены методы обеих сфер культуры. Жанр научной пародии служит средством отстранения от исследуемой реальности, одновременного снижения представляемого материала и возвышения исследовательской позиции. По существу это своеобразная манера культурологического философствования, которую открыли вовсе не авторы НП, но которую они сумели возродить в новых социокультурных условиях.

Главным объектом изучения в такого рода произведении становится не конкретный обладатель вымышленной биографии, но человек вообще, либо мир человека в целом, т.е. культура. В НП исследуется элитарная культура обозначенного периода, представленная через свой обращенный, типологизированный вариант, выраженный в мнимых творениях ее мнимых создателей. Большинство героев НП – творческие личности, которые неутомимо что-то создают на протяжении всей своей жизни. Их создания (картины, книги, виллы, спектакли, паровозы, челюсти, стихи, законы, гибриды животных и растений, научные теории и религиозные учения) реальны настолько, насколько реальны примеры любого другого словаря, содержащего информацию об исчезнувшей культуре. Например, картины художников НП могут считаться более реальными, чем картины из галереи, описанной Филостратом Старшим, поскольку здесь есть их «репродукции». Только в случае с НП культура не исчезла, но напротив возникла.

Творчество как способ создания культуры является одной из основных тем НП. Деятельности на избранном поприще большинство персонажей этого произведения преданы безусловно и

одержимо. Фанатизмом в отстаивании своей идеи они способны поспорить с любым революционером. Многие из самих идей также оказываются революционными, поскольку они опрокидывают устоявшиеся представления о человеке и его возможностях по преобразованию мира и самого себя. Авторам незачем писать конкретно о политике, поскольку они анализируют нечто более общее: прогрессистское отношение к миру, в рамках которого любая деятельность оказывается только средством для достижения запредельной цели.

Универсальной платой за приверженность радикальной идее оказывается человеческая жизнь. Авторы безжалостны к своим героям: ни один из них не получил возможности пересечь черту, отделяющую время его вымышленной жизни от времени создания НП. Биография каждого персонажа словаря заканчивается его смертью или, в крайнем случае, исчезновением. Многие из них погибают, становясь непосредственными жертвами своих изобретений²⁸. Инженер Жанен выходит на орбиту Земли в сверхскоростном паровозе собственной конструкции, стоматолог Иззагардинер умирает от воспаления полости рта в результате испытания дополнительных зубов, архитектор Умберти падает в водоем, не сумев преодолеть им же спроектированного прелятствия на пути в собственный кабинет (НП, с. 54, 70, 209) и т.п. Наиболее последовательно тема смерти раскрывается в биографиях религиозных деятелей, один из которых доказывает необходимость ускорения наступления смерти, другая пытается обрести бессмертие, третья меняет канибальский ритуал на христианский и обратно, четвертый отдает себя на съедение паразитам (НП, с. 45, 81-83, 148-151, 175).

Естественной смертью в словаре заканчиваются биографии долгожителей, чье творчество развивалось эволюционно. Смерть выступает как важнейшая характеристика жизни человека, соотносясь с итогами творчества и возвышаясь над ними, как явление более универсальное и неотвратимое. В формальном плане смерть придает биографии завершенность, делая ее удобным элементом для построения более сложной системы. Эта сторона законченной биографии хорошо видна в советской истории, где вовремя умершие герои стали наиболее удобными объектами для идеологической манипуляции.

Доминирование темы смерти подчеркивается в НП и относи-

---

²⁸ Экстремальность творческой деятельности персонажей НП отчасти предваряется биографиями путешественников в книге Андреева, где красочно описываются ситуации, в которых герои рискуют своей жизнью. — Андреев Д.Л., Матвеев С.Н. Указ. соч. С. 14, 18 и др.

тельно слабым развитием любовной темы. Творческие личности настолько страстно отдаются своему делу, что у большинства из них не остается времени и сил на любовные отношения с другими людьми. Любовная тема представлена главным образом в двух видах биографий: в женских историях, где любовные чары обращаются в творческий метод преобразования жизни, и в жизнеописаниях художников, которые сделали любовь основным содержанием своих произведений или главным организующим элементом артистического образа.

3.3 Творческие приемы

Вполне закономерно для такого рода произведения одним из основных методов организации текста отдельных биографий становится пародирующее воспроизводство известных сюжетов и образов. Явным вариантом такого построения предстают жизнеописания писателя-долгожителя Филиппова, повторяющего в почти бесконечном творческом процессе столетний путь русской литературы, от Карамзина до Маяковского, и художника-экспериментатора Пшедомбского, копирующего основные этапы развития европейской живописи, от реализма до абстракционизма (НП, с. 219-220, 168-172). К этому же ряду примыкает описание открытия «античной станковой живописи», названия и «репродукции» произведений которой, типа «Сватовство центуриона» или «Переход Ганнибала через Альпы»²⁹, отсылают к произведениям российских художников. Наряду с явным воспроизведением, в словаре осуществляется и скрытое, создающее пары историческим деятелям, например: балерины Кшесинская/Знобинская, адвокаты Спасович/Красович³⁰. Каждый творческий прием, использованный авторами словаря, не только осмыслен ими, но и смоделирован в биографиях. Метод воспроизводства представлен в биографиях художника Агафонова, поэта Вараксина, актера Монкса, которые занимаются бесконечным клонированием одних и тех же сюжетов, форм, мотивов или образов (НП, с. 13, 23-27, 117-119).

Другой творческий метод, который можно обозначить как «скрещивание», наиболее отчетливо представлен в биографиях ученых-биологов, занимающихся выведением новых видов живых существ. Следует вспомнить, что НП создавался в годы, когда в советской науке шла яростная борьба за власть и едва ли не главный тезис представителей «мичуринской биологии» гласил, что одни виды могут превращаться в другие, а одним из основных

²⁹ Интересно, что данная «картина» замыкает смысловой круг, если рассматривать поход Суворова как подражание походу Ганнибала.

³⁰ Новиков В. Указ. соч. с. 6.

средств для этого должна стать гибридизация³¹. Создание героем НП фантастических «голопугаев», соединяющих качества почтового голубя и говорящего попугая, описывается как вполне прагматический акт, приносящий пользу обществу и дивиденды автору. Само скрещивание выступает как первый этап творческого процесса – за ним должно последовать воспитание. Это тоже метод предложенный академиком Лысенко³², персонажи словаря воспитывают свои создания не менее старательно, чем он – пшеницу. Они даже добиваются больших результатов, поскольку наглядно очеловечивают своих животных (НП, с. 21, 191). Дальше всех на этом пути продвинулся биолог Росс, создавший антропитеков при оплодотворении обезьян человеческим семенем и дальнейшем воспитании потомства в соответствующих условиях – на прародине человечества, в Африке (НП, с. 180-186).

Описание этих созданий очень напоминает Шарикова из «Собачьего сердца» Булгакова, в моменты его превращения из собаки в человека и обратно. Очевидно, что авторы словаря пародировали не только «мичуринскую биологию», но и ее основу – главный миф советской (как и всей новоевропейской) культуры – миф о создании нового человека и нового мира. Естественно, что герои словаря ставят эксперименты и над людьми, пытаясь придать им новое качество, используя различные средства, наряду с очень радикальными методами (перекрашивание негров), в ход идут и довольно консервативные (переодевание в униформу) (НП, с. 105, 233). В ходе педагогических экспериментов военная служба скрещивается с литературой, а взрослый – с ребенком: согласно теории «сознательного инфантилизма», учитель перевоплощается в воспитуемого, опыт заканчивается уходом автора концепции в лес со стаей обезьян (НП, с. 156-164, 276-286).

Если одни персонажи НП ставят опыты над другими, то со всеми экспериментируют авторы словаря, которые скрещивают в биографиях своих героев разные сущности, формы и состояния. Следствием такого действия становится раздвоение личности персонажа, которое реализуется в спонтанных переходах от одной внутренней сущности к другой или в принятии двойных социокультурных ролей. В биографии испанского вельможи жестокость сочетается с благотворительностью, немецкий рыцарь соединяет склонность к насилию и самоотверженность, японский деятель выступает то как артист, то как политик (НП, с. 15-17, 87-90, 121-137). Показательна биография этнографа, который, полностью перево-

³¹ Лысенко Т.Д. Избранные сочинения. М., 1953. С. 13-17, 261-263 и др.

³² Там же. С. 16, 54-55, 204-217 и др.

плотившись, стал вождем племени австралийских аборигенов и, после возвращения к цивилизации, не мог избавиться от своей «дикой» половины (НП, с. 210-217). Примером прагматичного двуличия является биография французского просветителя, который под разными именами вел полемику с самим собой (НП, с. 153-154).

Склонность авторов НП к игре с героями побуждает наделять последних игровой сущностью, важным качеством которой и является раздвоенность, склонность к многоликости. Игра выступает доступной человеку формой представления универсальной превращаемости мира. В метаморфозах, происходящих с самим человеком, внешнее тесно связано с внутренним, телесное с психическим, маска с лицом. Мироощущение авторов словаря можно назвать научно-мифологическим, где «научное» является прикрытием, современным нарядом универсальной мифологии метаморфоз, подчиняющимся человеку не более, чем любому другому элементу мироздания. Претензии человека на преобразование мира могут вылиться только в игру, правила которой определены помимо нашей воли.

Герои НП выстраивают свои игровые мирки, в той или иной степени соотнося их с общекультурной реальностью. В том случае, когда эта связь становится явно иллюзорной, очевидно являются границы «игры», противопоставленной «реальности». Символический мир китайского политика кажется нам чем-то оторванным от жизни, замкнутым в своих воображаемых пространствах (НП, с. 32). Однако в других случаях мы готовы принять игру как реальность, поскольку их взаимосвязь подтверждается эффективными результатами действий персонажей. Авторы НП широко используют метод соотнесения, как для организации внутреннего пространства своего произведения, так и для демонстрации его взаимосвязи с культурной реальностью. Внутренних соотнесений в тексте НП относительно немного, около десятка биографий содержат упоминания персонажей других биографий. Герои произведения состоят в знакомстве друг с другом, изучают сочинения персонажей соотнесенных с более ранними эпохами истории, пишут портреты героев других биографий (НП, с. 168, 209, 211, 225, 243 и др.).

Отношения, которые образуются между текстом НП и текстом внешней культуры, весьма непросты. Придавая тексту словаря достоверность, авторы умело создали множество связей, соединяющих вымысел и историческую реальность в виде подлинных имен городов, людей, учреждений, названий профессий, должностей, титулов и пр. Особенно много упоминаний имен известных людей от античных героев до деятелей Серебряного ве-

ка. Они встречаются почти в каждой биографии, и их общее количество превышает сотню³³. Не меньше в словаре явных и скрытых отсылок к произведениям культуры различных эпох, стран, видов и жанров. Они встроены в единую систему, структура которой задана названиями и пересказами содержания произведений вымышленных. Текст НП описывает реальную культуру как внешний, по отношению к себе, мир, который иногда причудливо становится миром внутренним. Точная модель этого построения описана Раковым в статье о военном педагоге Пучкове-Прошкине, который любил учащихся «гонять по литературе», заставляя кадетов выучивать, в каком полку служили не только русские писатели (знание со значением реального), но и герои их произведений (знание со значением вымышленного) (НП, с. 56-64). Таким образом, вымышленный педагог заставлял вымышленных кадетов изучать целенаправленно выделенную им сторону жизни вымышленных героев подлинной русской литературы, ставя их в ряд с подлинными авторами. Переход от истории реальной к истории вымышленной и обратно, является характерным творческим приемом НП, при помощи которого авторы размыывают границы между реальностью и текстом, добиваются их взаимопроникновения.

Целый ряд творческих приемов авторов и особенностей организации текста НП позволяет устойчиво относить его к смеховой или карнавальной культуре. Прежде всего, это гиперболизация, примененная и как логика развития идей, жизней, сюжетов, и как способ обозначения некоего высшего принципа, по которому существуют герои НП, той недостижимой вершины, где сосредоточены цели их жизненных восхождений. Если герой НП занимается гибридизацией, то он должен скрестить едва ли не всех со всеми, если он конструирует униформу, то в нее должен быть одет весь мир, если он стоит во главе страны, то ее окультуривание по его методу неизбежно принимает тотальные формы (НП, с. 176-186, 221-233, 238-250). Какой бы сферой культуры не был увлечен персонаж НП, одержимость последовательным претворением концепции или изобретения ставит его на грань реального мира, выталкивает в мир магии и волшебства. В тот момент, когда он, казалось бы, получает власть над миром, происходит инверсия, и несостоявшийся demiurge падает вниз.

В выстраивании подобных амбивалентных отношений между

---

³³ Соотнесение деятелей различных сфер культуры характерно для исторических работ Ракова, который, например, цитирует: «Суворов в тактике — то же самое, что Рембрандт в живописи». — Краткий очерк военной истории... С. 67.

серьезным и смешным, высоким и низким (так статус «высокого» героя часто снижается введением комических подробностей его жизни, а статус «низкого» (их большинство) повышается описанием трагической смерти) и заключается один из главных приемов построения НП. Несостоятельность претензий на божественный статус подчеркивается материальностью, телесностью, овеществленностью всех творений героев словаря. Конечно, эти качества проявляются здесь не столь стихийно и необузданно как в романе Рабле³⁴, но они выявляют сходное мироотношение, характерное для переходных состояний культуры.

Авторы словаря творчески возмужали в период доминирования авангардной культуры, для которой представление об управляемости миром соотносилось с поиском его предела в виде формальных и материальных элементов, позволяющих создавать произвольные конструкции³⁵. Несмотря на приписанные им время жизни и культурные предпочтения большинство персонажей НП, по своему мироощущению и образу действий, являются авангардистами, для которых преобразовательная ориентация стала внутренней сущностью. В том, что касается европейской культуры, текст НП скорее вне-историчен, всех героев, к какому бы периоду ни относилась их деятельность, авторы наделяют сходной сущностью, социокультурным ядром которой, точкой пересечения смысловых линий является период конца XIX – начала XX века.

4. Типы знаменитости

Биографический характер произведения и сочинение авторами для него жизнеописаний исключительно прославившихся людей, делает его своего рода антологией европейских знаменитостей и исследованием по природе знаменитости как феномена новоевропейской культуры, поскольку представляет биографии исключительно «знаменитых людей». В то же время словарь может быть рассмотрен как анатомия славы: его авторы «препарируют» своих героев, выясняя, каким путем каждый из них стал известным и получил, благодаря этому, право занять место на скрижалях псевдоистории. Несмотря на вымышленность этих людей, их «знаменитость» зачастую вымышленной не является. Большинство героев «Новейшего Плутарха», соверши они в ре-

³⁴ Бахтин М.М. Указ. соч. С. 335-407.

³⁵ Котылев А.Ю. Системообразующие факторы языка искусства переходной эпохи (Россия 1917-1933) // Культурологические исследования. СПб., 1998, с. 264-265; Эткинд А. Содом и Психея. Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М., 1996. С. 255-256.

альности приписываемые им деяния, действительно стали бы знамениты. В реальном мире изобретатель обезьянолюдей, или основатель крупной секты были бы не менее прославлены, чем это представлено в тексте НП.

Таким образом, несмотря на вымышленность персонажей словаря, «знаменитость», выраженная в нем, является подлинной. Следуя логике этого произведения, знаменитость нужно признать не только критерием отбора изображенных личностей, но способом формирования новоевропейской элиты в обозначенный период. По существу, авторы словаря предлагают определенную психосоциокультурную типологию верхушки новоевропейского общества, которая складывается из людей сумевших выделиться из окружающей среды, привлечь к себе всеобщее внимание, сочетая оригинальные индивидуальные качества со стереотипными установками общественного сознания. Выделенные авторами НП типы знаменитых людей и способы достижения ими этого состояния не утратили актуальности и сегодня, более того, можно говорить о своего рода пророчестве. На протяжении десятилетий, прошедших после написания «Новейшего Плутарха», этот способ стал только более универсальным, сегодня он действенен практически для всех сфер современной социокультурной системы.

По ряду причин представляется перспективным применить при рассмотрении типов знаменитости НП гендерный подход. В словаре преобладают мужские биографии, из 44 жизнеописаний только 4 повествуют о прославленных женщинах. Более того, даже в остальных биографиях женские образы встречаются редко, женское начало или не представлено в них вовсе, или представлено эпизодично, анонимно, безличностно. Таким образом «Новейший Плутарх» рассказывает в первую очередь о мужском типе знаменитости, его авторов можно было бы заподозрить в «фаллоцентризме», если бы не их стремление объективно представить свою цивилизацию, в том числе и как цивилизацию мужчин, в которой женщина вынуждена играть подчиненную роль, и если она все-таки становится известной, то это, несомненно, ее особая заслуга.

Большинство персонажей данного произведения – это люди фанатично преданные какому-нибудь жизненному поприщу, какой-нибудь идее. Почти все они творцы, изобретатели, пророки, совершающие нечто необычное, оригинальное, в духе прогрессистских устремлений новоевропейской культуры. Это относится и к тем, кто прославился случайно, как, например, мелкий российский чиновник, заброшенный разбушевавшимся купцом в корзину воздушного шара и долетевший на нем до Тибета (НП, с. 33-40). Все свершения, описанные в книге, более или менее абсурдны в силу

чрезмерности, бессмысленности, банальности или бесполезности. Ярким символом этих качеств может служить уже упоминавшаяся биография биолога, посвятившего свою жизнь созданию различных животных гибридов. Вершиной этого творчества стали антропопитеки: гибрид человека и обезьяны, характеризующийся тупоумностью, малоподвижностью, неловкостью и неспособностью к размножению. Характерно, что все антропопитеки были только мужского пола. Знаменитость героя вовсе не обозначает полезности его деятельности, скорее наоборот.

Важным критерием определения знаменитости в словаре является древность человека или его творения. В биографиях двух античных мыслителей главным качеством их культурного наследия становится невосполнимая фрагментарность (НП, с. 28, 155). В жизнеописании античного врача пародируется модернизирующий подход к прошлому, в котором европейский человек всегда готов видеть только себя (НП, с. 113-115). Авторы фактически выносят приговор новоевропейской цивилизации, в которой свершение и слава меняются местами в причинно-следственном ряду, где второй компонент часто подменяет собой первый, обретая самодостаточность. Герой здесь славен не потому, что он свершил нечто выдающееся, а потому, что он сумел прославиться, паразитить общественное сознание экстравагантным поступком.

На этом фоне четыре женские биографии смотрятся достаточно выигрышно. В отличие от большинства мужчин их обладательницы достигают своей жизненной цели в том случае, если она вполне конкретна. Наиболее стереотипны биографии двух актрис, русской и французской. Обе вышли из низов, сделали сценическую карьеру благодаря покровительству высокопоставленных мужчин, вышли замуж, став соответственно княгиней и графиней (НП, с. 55-65, 251-257). Правда, французенка не удовлетворилась этим благополучным концом, после смерти первого мужа она таинственно исчезает, оставив по себе три версии этого происшествия: выход замуж за индийского магараджу, бегство на необитаемый остров с юным англичанином и уход в монастырь. Сходным образом заканчивается экзотическая биография представительницы одного из даякских племен, которая спасла жизнь молодому миссионеру, вышла за него замуж, уехала в Америку, вернулась оттуда проповедовать слово божье среди одноплеменников, но не удержалась от каннибальского соблазна и стала женой вождя (НП, с. 80-83).

Во всех этих биографиях мужчина становится для женщины средством, при помощи которого она добивается славы и занимает достойное, на ее взгляд, положение в обществе. Действующая таким образом женщина выбирает, как правило, уже прославившегося

мужчину, используя его как постамент для своего возвышения. К этому типу можно отнести и образ юной пылкой испанки из биографии одного голландского писателя. Воспылав страстью к 75-летнему автору романов о прелестях спокойной жизни, девица похищает его вместе с инвалидной коляской и, используя, бросает через несколько дней. Престарелый писатель отвечает на это гневным романом «Так жить нельзя!» (НП, с. 140-144). Женщины, стремящиеся использовать мужчину в своих целях, всегда опасны для его творчества, а то и для жизни. Показателен пример из биографии дрессировщика, пробуждавшего в животных высшие чувства: он был съеден пантерой, приревновавшей его к жирафе (НП, с. 191).

Наиболее независимой представлена в словаре основательница новой секты, решившая буквально уподобиться Иисусу Христу и воскреснуть на третий день после своей смерти, но она же наиболее мужеподобна. Ее биография фактически не отличается от аналогичных мужских, правда независимости эта особа достигает за счет крупного состояния, созданного ее отцом (НП, с. 145-153). Своего рода параллелью этому типу поведения женщин выступают биографии мужчин, играющих женскую роль. Переодевание в представителя другого пола часто является снижающим приемом. Характерен пример одного опричника, который возвысился при Иване Грозном благодаря тому, что добровольно сел на стальную иглу и просидел на ней весь пир, погиб он от удара копьем в то же место, куда втыкалась возвысившая его игла (НП, с. 234-236).

Есть в «Новейшем Плутархе» и несколько обращений к популярной в начале XX века теме сочетания двух начал в творческом акте, рождающем нового человека. Они появились не без влияния Андреева, который немало места отводит в своем эзотерическом трактате описанию возвышающей роли Мирового Женского Начала³⁶. В искаженном варианте мужественное стремление к вечно женственному представлено в НП на примере немецкого рыцаря, который считался основателем ряда крестьянских фамилий и отцом 375-ти детей (НП, с. 87-90). Воплощением идеала гармоничного сочетания двух начал может считаться японский самурай, который благодаря особенностям воспитания сочетал в своей жизни женское стремление к искусству и мужскую страсть к политике. Ему удалось преуспеть и в том, и в другом, будучи одновременно актером театра Кабуки, играющим женские роли, и лидером оппозиционного сегуну движения. С точки зрения теории Андреева, возвышенное женственное художественное просветляющее начало взяло верх в этом человеке над затемняющей его сущность волей к

³⁶ Андреев Д.Л. Роза мира. С. 240-243 и др.

власти, чем объясняется оптимистичный настрой данного жизнеописания, что для НП вообще редкость.

5. Псевдоисторический текст как феномен культуры

Условия возникновения и обстоятельства существования НП заставляют видеть в нем, прежде всего, маргинальный текст, созданный тайно несвободными людьми как та культурная реальность, которую они могли и хотели противопоставить миру, сомкнувшемуся вокруг стенами тюрьмы. Однако и после освобождения авторов, на протяжении нескольких десятилетий текст словаря оставался доступным немногим избранным, пребывая в подпольной сфере «самиздата», выход за пределы которой стал возможен только в эпоху крушения всей социокультурной системы. Для самих авторов создание НП стало компенсаторным творческим актом, позволившим сохранить личное достоинство в машине предназначенной для его уничтожения, давшем возможность сохранить внутреннюю свободу при тотальном отсутствии свободы внешней. В этих условиях коллективное творческое действие могло принять только игровую форму и логично становилось унижением унизившей авторов действительности, изменить которую они не могли, но могли осмеять, обрядив в шутовское одеяние. Это травестийное деяние воплощается в архетипичный образ обратного мира, который и в силу собственной культурной мощи, и в силу интеллектуальной озабоченности авторов становился не только средством ниспровержения и отвержения, но и способом осмысления сложившейся культурной ситуации в целях поиска выхода из нее, если не всеобщего, то индивидуального.

Основным объектом критики и анализа авторы НП избирают новоевропейскую элитарную культуру, слабые места и системные изъяны которой они выявляют очень точно. Характерно, что главное внимание уделяется в словаре таким сферам культуры как наука и искусство. Это именно те области творчества, в рамках которых создаются концепции, идеальные модели и технические средства преобразования мира. Принципиально лишенное духовных перспектив, возможностей выхода за пределы своего земного материального мира, большинство персонажей НП превратило творчество в самодостаточное брожение по замкнутому кругу, где восхождение не отличается от нисхождения, оригинальное от банального, открытое от забытого.

Конечно, авторы НП имели в виду, прежде всего, советскую культуру, науку, биологию и историю. В то же время, не следует забывать, что советская социокультурная система просто жестче и выпуклее продемонстрировала те закономерности развития,

которым подчинен весь новоевропейский мир. Возможно, что авторы НП в своем «экспериментальном проекте» ближе других подошли к выявлению методов создания и механизмов воздействия на сознание человека квазинаучных произведений, но этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

Представляя новоевропейскую культуру как «себя саму отрицающую», авторы НП попали в русло мощного культурного потока, в границах которого развивается не только творчество многих писателей и художников, именуемых сегодня «постмодернистами»³⁷, но и таких мыслителей как О. Шпенглер, Й. Хейзинга, Х. Ортега-и-Гассет, П.А. Сорокин и др. Скрещивая художественную и научную сферы культуры, НП соединяет представления «конца рассказа» и «конца истории», выявляя общий принцип существования европейской социокультурной системы последнего столетия, воплощенный в длительном переживании собственной гибели. Для этой ситуации характерна и особая позиция авторов, которые одновременно заключают себя внутрь произведения, отождествляя его персонажей с собой, и пытаются найти отстраненную точку зрения, с которой их собственные действия выглядят бессмысленными или безумными. Эта точка в нашем случае тождественна месту встречи авторов и образованию их творческого тандема. Позиция, образованная стенами тюремной камеры, стала уникальным местом в социокультурном пространстве, где только и могли соединиться в целостном произведении взаимоисключающие мировоззрения столь различных людей.

Итогом необычного творческого союза стало произведение, претендующее на универсальность. За прошедшие со времени написания словаря десятилетия стала очевидной культурная актуальность его формы. Несомненно, что авторам НП удалось создать текст, бесконечный по возможностям своего развития. Структура словаря допускает вставку новых статей без ущерба для текста. Вымышленность биографий заведомо не ограничивает их количество никакими историческими референтами. Коллективность этого труда так же может предполагать увеличение числа авторов. Помещенный в Интернет, НП может вполне стать всемирной игрой во всемирную историю; историю реально бесконечную, в отличие от истории реальной.

---

³⁷ Постмодернистские черты современные исследователи склонны обнаруживать уже в творчестве отдельных авторов 1930-х гг., хотя в полной мере это направление проявилось в послевоенные годы, т.е. как раз в период создания НП. См.: *Ямпольский М.* Беспамятство как исток (читая Хармса). М., 1998. С. 314, 371-373; *Токарев Д.В.* Курс на худшее: Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Самюэля Беккета. М., 2002.

С.Е. Федоров (Санкт-Петербург)

**ОТ АРИСТОТЕЛЯ ДО МОНТЕСКЬЕ:
СЕМАНТИКА ЗНАЧЕНИЙ ПОНЯТИЯ «АРИСТОКРАТИЯ»
В РАННЕСТЮАРТОВСКОЙ АНГЛИИ**

Область терминологических обобщений обладает завидной притягательной силой для историка, занятого реконструкцией социальных явлений прошлого. Связанная с необходимостью выравнивания по меньшей мере двух культурно-исторических контекстов: собственно реконструируемого и современного – авторского, она составляет исходную часть научных теорий и гипотез, но оказывается при этом наиболее уязвимой и открытой для последующей критики сферой исследовательского опыта.

Историк, вынужденный оперировать понятной для его времени и окружения терминологией, подчас «приподнимает» анализируемые явления над хронологической нишей, в рамках которой они функционировали. Так произошло в свое время со средневековым нобилитетом, который под влиянием определенных словообразовательных процессов постпетровской России был уподоблен русскоязычной аналогии «дворянство», лишь только в общих чертах отражавшей специфику западноевропейского материала.

История с использованием понятия «аристократия»¹ для идентификации соответствующих реалий средневекового общества начинается, очевидно, на рубеже XVII–XVIII вв. с постепенного отказа от значения, закрепленного за ним еще Аристотелем, который, как известно, связывал его смысловые границы скорее с теорией государственного правления, нежели со сферой социальных институтов². На смену отходящему в прошлое значению пришло сформулированное Ш. Монтескье определение с главным акцентом на признаках социальной солидарности и группового

---

¹ Федоров С.Е. Раннестюартовская аристократия: проблема дефиниций // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 1999. С. 199–204.

² Все возможные вариации аристотелевского видения аристократии исследованы: Доватур А.И. Политика и политики Аристотеля. М.-Л., 1965.

иммунитета³. Увоенное западными историками XIX века, это значение легко адаптировалось в научном языке индустриального общества и затем весьма успешно интерполировалось для характеристики социальных процессов прошлого. Так аристократия стала неотъемлемым элементом социальной системы западно-европейского общества как «Старого порядка», так и того, что приходит ему на смену. Смысловой континуитет был в этом плане очевидным и бесспорным условием.

Русскоговорящий историк, пишущий о социальных реалиях европейского общества Средних веков и раннего Нового времени, ориентируясь на опыт своих западных коллег, попадал под влияние характерных для их языковой практики смысловых параллелей. Он также отталкивался от значений термина, смысловые границы которого закрепились в конце XVIII в., и затем конструировал желаемые соответствия для более отдаленных эпох. Получаемая аналогия оказывалась близкой в общих чертах реалиям и понятной языку и культуре позапрошлого века, но, как представляется, не обязательно соответствовала значению, которые вкладывали в это понятие очевидцы реконструируемых реалий.

Помимо влияния, которое отечественная историческая наука испытывает, обобщая опыт западной историографии, определенную роль играют независимые словообразовательные процессы, происходящие в русском языке. Активная «интернационализация» повседневной лексики, усилившаяся в первой половине XIX века, способствовала не только переносу, но и закреплению иноязычной практики. Так, уже в словаре В.И. Даля у термина «аристократия» значительно ослаблен античный контекст; при этом внутренняя структура новообразованного значения по аналогии с романскими и германскими параллелями существенно расширена.

Как следует из современных работ по истории аристократии дореформенной России, его содержание вобрало в себя как традицию первой половины XVIII века, подразумевавшую под этой социальной группой «вельмож, знать, высших бояр, окольных, высшее сословие по праву рождения, родовую знать», так и, по всей видимости, опыт конца XVIII – начала XIX в., когда понятие «аристократия» уже включало «все дворянство вообще» или как минимум «дворянство титулованное (князья, графы) и знатнейшие столбовые роды». Тогда же выделяются дополнительные значения: «аристократия богатства» и «аристократия учености».

---

³ Речь идет об известной работе Монтескье «О духе законов» (*De l'esprit des lois*), в особенности кн. II, гл. IV; кн. III, гл. V; кн. V, гл. VIII. См.: Монтескье. О духе законов. М., 1999. С. 22, 29, 52, 53.

Оказалось, что «во всяком сословии и звании могут быть своего рода аристократы, считающие себя от природы и без заслуг выше других». «Аристократы династии» утратили к этому времени свои позиции и влияние; к противоречиям потомков боярской знати в последнюю треть XVIII в., видимо, добавилось осознание собственной значимости «аристократов образованности и духа»⁴. Общую схему описания аристократии настойчиво повторяют и современные словари русского языка, выделяя в качестве двух главных показателей «аристократизма» родовитость, а затем привилегированность.

Англоязычная традиция использования термина «аристократия» в основных чертах повторяет общую логику развития нашей – отечественной. Аристотелевское определение постепенно утрачивает доминирующее значение в начале XIX века, уступая место толкованиям, связанным с представлениями Монтескье. Уже в словаре Д. Вуда⁵ наблюдается четкая тенденция видеть в аристократии особым образом оформленную группу, по определенным признакам допускавшую ее отождествление со знатью или, во всяком случае, с титулованной частью последней. Намечившиеся особенности в интерпретации основного значения понятия «аристократия» закрепляются и в наиболее авторитетном издании – Большом Оксфордском словаре английского языка.

Означает ли это, что современная историография настойчиво использует термин «аристократия», смысловой контур которого оформился уже в Новое время, но отсутствовал как в пределах, очерченных античной греко-латиноязычной средой, так и в рамках, характерных для ученой культуры латинского средневековья?

Отсутствие в словарном запасе англичан первой половины XVII века эквивалента французского *aristocrate*⁶, введенного Мон-

⁴ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. М., 1981. Т. I. «аристократія». Любопытные наблюдения над языковыми параллелями см.: Марасинова Е.Н. Психология элиты российского дворянства последней трети XVIII в. М., 1999. Не менее показательны в этом плане языковые трансформации при переводе работ западных историков о дореформенной России для русскоязычной аудитории: Уортман Р. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии от Петра Великого до смерти Николая I. М., 2002 (перевод с англ. С.В. Житомирской); Коллманн Н. Соединенные честью. Государство и общество в России раннего Нового времени. М., 2001 (перевод с англ. А.Б. Каменского).

⁵ Nuttall's Standard Dictionary of the English Language, based on the Labors of the Most Eminent Lexicographers / Comp. by Rev. J. Wood. London, 1829.

⁶ Впервые понятие «аристократ» в его английском варианте было использовано Уильямом Белшэмом в 1789 г. См. *Belsham W. Essays, Philosophical, Historical and Literary*. L., 1789-1791. Pt. II. XL. P. 473. Далее последо-

теские и производного от него или собирательного *aristocratie*, казалось, не смущало специалистов, вводивших такие научные определения аристократии, которые по существу «реанимировали» явление через ретроспективный и гипотетически заданный набор признаков. Таковыми оказывались либо сумма критериев, соответствовавших реалиям начала позапрошлого столетия, либо параметры, бывшие результатом искусственного научного моделирования. Предпочтение критериев, характерных для социального опыта XIX столетия, приводило к смещению необходимых акцентов, а попытки раскрыть смысл понятия «аристократия» через определенную синонимию с понятием «дворянство» естественным образом искажали факты.

Остальные закрепляемые за термином «аристократия» значения обычно зависели от специфики тех областей, на которых сосредотачивался научный интерес создававших эти значения историков. Многие определялись также группами источников, которыми оперировали ученые. Ряд отечественных специалистов (частично А.Н. Савин, более определенно – Е.А. Косминский, В.Ф. Семенов, С.И. Архангельский, В.М. Лавровский, М.А. Барг, Ю.М. Сапрыкин)⁷, а также представители западной историографии (Р. Тоуни, Л. Стоун, Д. Кэрридж, Д. Хаббакук, Д. Буш)⁸, из-

---

вательно: Уильямом Тэйлором в 1790 г. (*Robberds J.A. Memoir of the Life and Writing of W. Taylor of Norwich, Containing a Correspondence with Southey. L., 1843. V. 1. P. 69.*); Аптуром Янгом – в 1792 г. (*Young A. Travels, Undertaking a View of Ascertaining the Cultivation of the Kingdom of France. L., 1792. P. 225*); Эдмундом Берком – в 1793 г. (*Burke E. Correspondence. L., 1844. V. IV. P. 151*); Сэмюэлем Колриджем – в 1794 г. (*Coleridge S. Essays on His Own Times; Forming a Second series of the Friend. L., 1834. P. 968*).

⁷ Ни один из названных авторов никогда специально не писал о титулованной знати (дворянстве) или аристократии, но, описывая структуру английской деревни, затрагивая в этой связи проблему господствующего класса, они использовали эти термины в качестве синонимов, разнообразя оттенки определения крупных землевладельцев. Савин А.Н. 1) Английская деревня в эпоху Тюдоров. М., 1903; 2) Английская секуляризация. М., 1906; Косминский Е.А. Исследования по аграрной истории Англии XIII в. М.–Л., 1947; Семенов В.Ф. Огораживания и крестьянские движения в Англии XVI в. М., 1949; Барг М.А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1960; Лавровский В.М. Проблемы исследования земельной собственности в Англии XVII–XVIII вв. М., 1958; Архангельский С.И. Крестьянские движения в Англии в 40–50-х годах XVII века. М., 1960; Сапрыкин Ю.М. 1) Английская колонизация Ирландии в XVI– начале XVII вв. М., 1959, 2) Английское завоевание Ирландии XII–XVII вв. М., 1982.

⁸ Tawney R.H. *The Agrarian Problem in the Sixteenth Century.* L., 1912; Stone L. *The Crisis of Aristocracy.* Oxford, 1965; Kerridge E. *Agrarian Prob-*

вестные своими изысканиями в социально-экономической истории, видели в аристократии прежде всего крупных земельных собственников, располагавших иммунитетными привилегиями, достаточным материальным благополучием для поддержания соответствующего их статусу образа жизни. Х. Тревор-Ропер, Д. Повис⁹ расширяли реальный состав аристократии за счет преуспевающего джентри, по экономическим показателям сопоставимого со знатью. Последователи историко-правовой школы (Д. Эллис, Р. Палмер)¹⁰ усматривали в аристократии главным образом титулованную знать, обладавшую в Англии известными сословными привилегиями.

Ученые, занятые изучением властных или более широко – административно-государственных институтов, предпочитали рассматривать аристократию как политическую элиту, обладавшую преимущественно на осуществление в обществе особых полномочий господства¹¹. В том или ином варианте предлагаемые специалистами определения акцентировали существование особого рода признаков (крупная земельная собственность, пэрское право, доступ к властным полномочиям), сам факт присутствия которых мыслился решающим для выделения внутригрупповой связи.

Таким образом, каждая группа исследователей стремилась обосновать свое понимание аристократии, исходя при этом из специфической группы источников. Общим недостатком социально-экономического направления (за исключением работ Р. Тоуни) было пренебрежение или же выборочное (иногда просто тенденциозное) использование материалов культурно-исторического порядка, в том числе свидетельств самих современников. Можно говорить даже об определенной логике препарирования и последовательности приводимых иллюстраций. Для периода, предшествующего стюартовскому правлению, использовались классические трактаты Т. Старки, Т. Смита и Т. Уилсона, связанные между собой определенными концептуальными заимствованиями и ха-

---

lems in the XVI Century and after. L., 1969; *Bush D. The English Aristocracy. A Comparative Synthesis.* Manchester, 1984; *Habakkuk H.* 1) English Landownership, 1680-1740 // *Economic History Review.* Vol. 10. 1940, 2) The Rise of English Landed Families, 1600-1800 // *Transactions of the Royal Historical Society.* 5th ser. Vol. 29-31. 1979-1981.

⁹ *Trevor-Roper H.* The Gentry, 1540-1640 // *Economic History Review Supplement.* Vol. I. 1953; *Powis J.* *Aristocracy.* Oxford, 1984.

¹⁰ *Palmer F.* *Peerage of England.* L., 1976; *Ellis G.* *Earldoms in Fee. A Study in Peerage Law and History.* L., 1963.

¹¹ Наиболее показательным в этом плане является исследование Д. Эйллера: *Aylmer G.* *The Kings Servants.* L., 1976.

рактерной компилятивностью. Из авторов XVII века доверием пользовались Т. Гоббс, Д. Гаррингтон, реже Д. Селден. Различия культурно-исторического плана, характерные для названных авторов, в этом случае не учитывались¹².

Условность воссозданной таким образом системы «коллективных» представлений обеспечивала необходимую преемственность, облегчавшую «привязывание» основной модели социальной мобильности, в рамках которой кризис или упадок старой столичной тюдоровской аристократии был уравновешен притоком стремящегося к аноблированию провинциального джентри. Социальный баланс подкреплялся соответствующим анализом земельных институтов отмиравшей знати и скрупулезным исследованием владельческих приобретений теснивших ее деревенских джентльменов. Общий комплекс гарантий, позволявших отождествлять конкретных персонажей с аристократией, оставался неизблемым, а крупная земельная собственность была в этом случае решающим критерием для искомого соотношения.

Сторонники историко-правового направления использовали для своих построений юридические трактаты, сборники судебных решений, желая тем самым обосновать известное представление об аристократии как юридически оформленной группе. Наиболее ценным в такой интерпретации оказывалось положение, в рамках которого отчетливо высвечивался правовой барьер, разделявший английскую знать на две категории. Пэрство действительно представляло собой в юридическом отношении более или менее независимую группу, положение которой отличалось от оставшейся части знати привилегиями, оформленными в виде норм пэрского права. Теоретическая часть этой концепции была отработана без видимых изъянов. Вместе с тем хорошо известно, что к началу стюартовского правления определенная часть этих привилегий стала простой формальностью и на практике просто не соблюдалась. Ряд пэрских иммунитетов действовал исключительно в период парламентской сессии. Условность использования юридических критериев, таким образом, также очевидна.

Функционалисты, или сторонники властного подхода, оказывались значительно ближе к истине, поскольку их выводы основывались на анализе источников, позволявших реконструировать

---

¹² Более подробно о господствовавших среди современников взглядах на аристократию см.: Федоров С.Е. 1) *Honor Redivivus*: риторика представлений современников о стюартовской аристократии // Вестник СПбГУ. Серия 2. Вып. 4. 1998; 2) О некоторых особенностях представлений об аристократии в Англии раннего Нового времени. СПб., 2000. Вып. 2.

культурно-исторический фон, в рамках которого функционировала раннестюартовская монархия, а их определение аристократии оказывалось созвучным тому смыслу, который вкладывали в это понятие Аристотель и вся следовавшая за ним традиция. Особенностью такого подхода оказывалось то, что ни предшествующая, ни собственно раннестюартовская традиция употребления самого понятия их попросту не интересовала: кажущийся внешне объективным вывод был результатом применения современных функционалистских методик.

Применим ли термин «аристократия» к социальным реалиям первой половины XVII века, существовала ли группа, за которой может быть закреплено то значение, которое видел в нем Монтескье и вся вторившая ему современная традиция – вопрос, ответ на который теряется в смысловом поле современных исследований. Если согласиться с Д. Повисом, полагавшим, что каждая эпоха создает свою аристократию, то поиск ответа оказывается еще более значимым¹³.

Раннестюартовская Англия была, несомненно, уникальным периодом в английской истории – в этом единодушны практически все занимавшиеся этой эпохой ученые. Неповторимость была порождением двух векторов исторической эволюции. С одной стороны, при Якове I и Карле I завершалась длительная эволюция средневековых социальных институтов, с другой – начиналось движение к групповым отношениям индустриального общества.

Социальные реалии, какими сложными они бы ни казались, обязательно утверждаются в терминах и понятиях, при помощи которых современники обозначали характерное для эпохи видение предмета. Парадокс состоит в том, что лексикографическая традиция XVI–XVII вв., обобщенная и систематизированная ею сумма значений, за редким исключением, продолжают оставаться уделом филологов и лингвистов. Современные методики препарирования обильного и разнообразного материала опубликованных источников, доступность архивных коллекций освобождает историков раннего Нового времени от необходимости общения со словарным материалом. Между тем именно в лексикографической традиции тех лет содержится полноценный информационный пласт, способный во многом пролить свет на любые явления социального порядка¹⁴. В особенности это касается тех лексико-

¹³ Powis J. *Aristocracy*. P. 7.

¹⁴ Федоров С.Е. Термин «аристократия» в толковании английских лексикографов конца XVI – XVII вв.: британский мир и греко-римская тради-

нов-словарей, которые содержат латинские понятия и их английские эквиваленты. Именно эта группа источников, как представляется, отражает характерный для конца XVI – XVII вв. диапазон терминологических исканий составлявших их авторов и как нельзя лучше профилирует активный понятийный словарь эпохи. Англичанин, живший в этот период, был вынужден сопоставлять интересовавшие его значения с теми, которые носили нормативный характер для латинского Средневековья.

Выделенные для анализа словари представлены двумя группами¹⁵. С одной стороны, это издания так называемого традиционного плана, включавшие лексические единицы и их значения в общепринятом смысле. Опиравшиеся на длительную традицию использования тех или иных терминов, они фиксировали классическую норму, лексические корни которой уходили в латинскую культуру Поздней Античности и, в известной степени, Раннего Средневековья. С другой – это издания, целью которых, согласно предисловиям самих составителей, было отслеживание не только новых слов, но и ранее неизвестных значений, закрепившихся за старыми понятиями в языковой практике XVI–XVII вв., т.е. образующих так называемую неоклассическую норму. При отборе соответствующих словарей предпочтение отдавалась бинарным, содержащим как англо-латинские, так и латино-английские параллели. При таком подходе помимо решения основной задачи открывается дополнительная возможность зафиксировать вероятные разночтения, как известно, нередкие при односторонней передаче значений.

Анализ статей, представленных обеими группами словарей, показал единодушие их составителей по двум основным позициям. Все они указывают на греческое происхождение самого понятия *aristocratia* (= *aristocracy*) и связывают с ним особый вид госу-

---

ция // Человек. Природа. Общество. Актуальные проблемы. СПб., 2000. С. 346–350.

¹⁵ Анализу были подвергнуты следующие бинарные словари, имевшие широкое хождение при Стюартах: *Rider, John*. Bibliotheca Scholastica: A Double Dictionarie, Penned for All Those that Would Have with in Short Space the Use of Latine Tongue, either to Speak, or Write. Oxford, 1589 (первое издание); *Holy-Oke, Francis*. Rider's Dictionary Corrected and Augmented. L., 1649; *Phillips, Edward*. A New World of English Words or, A General Dictionary. L., 1658; *Coles, Elisha*. A Dictionary, English-Latine, and Latine-English. 3rd ed. L., 1693; *Wase, Christopher*. Dictionarium Minus: A Compendious Dictionary: English-Latine, and Latine-English. L., 1662; *Young William*. A New Latine-English Dictionary: Containing all the Words Proper for Reading the Classic Writers... to which is Prefixed; a New English-Latine Dictionary. L., 1664.

дарственного устройства. Предлагаемые латино-английские значения этого термина распределяются следующим образом:

1. *John Ryder (Rider)*: «a government by Nobles» (первое издание – 1585 г., третье издание – 1622 г.);
2. *Francis Holy-Oke*: «a government by Nobles» (первое издание – 1649 г.);
3. *Edward Phillips*: «a government by the Commonwealth, wherein the Nobles bear chief sway» (первое издание – 1658 г.);
4. *Christopher Wase*: «a government by States or Lords» (первое издание – 1662 г.);
5. *William Young*: «a government by Nobles» (первое издание – 1664 г.);
6. *Francis Gouldman*: «a kind of government, wherein the Nobles do only rule» (первое издание – 1667 г.);
7. *Elisa Cole*: «a government by Nobles» (первое издание – 1668, третье издание – 1693 г.).

В 1-3 и 5-7 вариантах термин *aristocratia* соответствует форме государственного устройства, в которой власть принадлежит *nobles* – благородным (такой перевод представляется наиболее точным, поскольку в английском языке XVI–XVII вв. субстантивация этого прилагательного еще не завершилась и, следовательно, была неполной). Кристофер Вайс (1662) полагает, что при аристократическом правлении основные властные полномочия принадлежат *states* – людям с положением или *lords*, т.е. лордам.

Нет оснований сомневаться, что составители словарей исходили в определении основного смысла понятия *aristocracy* из предложенной в свое время Аристотелем формулы, в соответствии с которой аристократия – это форма государственного устройства, в которой власть осуществляется «наилучшими» людьми. Таковыми, по определению лексикографов, оказывались те, кто фигурирует в анализируемых словарях под понятием *nobles*.

Значительно менее определенным кажется соответствие между второй частью аристотелевской формулы, где расшифровывается смысл того, что он вкладывал в понятие наилучших. Известно, что чаще всего Аристотель склонялся к тому, чтобы говорить о них как о наиболее добродетельных, отдавая, таким образом, предпочтение деятельному началу. Однако, как следует из предлагаемых словарями значений, объем определений, характеризовавших социальную активность *nobles*, – значительный в классических формулах – сокращался в заменивших их неоклассических конструкциях. На первом плане оказывалась сумма значений, обозначавших собственно статический элемент – происхождение.

Наследие Аристотеля даже сейчас не всегда оценивается однозначно. Можно ли рассчитывать на то, что в конце XVI – XVII вв. ряд предложенных философом формулировок мог истолковы-

ваться по-разному? Скорее всего, следует дать положительный ответ. Даже в группе анализируемых словарей дается несколько, хотя и в основном схожих, но все-таки в частности различающихся определений *aristocratia*. По-разному воспринимали Аристотеля и те англичане, которые жили и творили раньше или почти одновременно с составителями словарных статей.

Так, Т. Элиот (1531 г.) полагал, что «аристократией... в английском переводе... следует считать правление мужей высочайшего нрава и намерений». Т. Нортон (1561 г.) констатировал, что аристократия – это «правление наилучших и вместе с тем избранных мужей»; Г. Балингер (1571 г.) считал, что в таковой следует видеть «высочайшую власть немногих, умудренных опытом мужей»; Ф. Холланд (1603 г.) подчеркивал, что «аристократиями называются те государства, которыми управляют ... сенат или другой совет, состоящий из наилучших мужей»; Т. Корьят (1611 г.) видел в ней «форму правления благородных»; Т. Гоббс (1651 г.) писал об аристократии как о государственном строе, «где верховная власть принадлежит собранию определенных лиц, назначенных либо так или иначе выделенных из остальной массы»¹⁶.

Отечественный антиковед А. Доватур¹⁷ пишет, что Аристотель не скрывал своей симпатии к такому строю, где полнота гражданских прав принадлежит людям, способным вооружиться за свой счет. Воины и земледельцы были для него полярными элементами того государственного строя, который считался аристократическим. Первые имели возможность совершенствоваться добродетелью, поскольку земледельцы, организуя производство, обеспечивали им необходимый для этих целей досуг. Состарившись, т.е. потеряв физические способности активно заниматься и совершенствоваться в военном искусстве, эти воины становились мудрецами, которые формировали аристократические советы.

¹⁶ Elyot T. *The Boke named the Governour* / Ed. by F. Watson. L., 1908. P. 9; Norton T. *Calvin's Institution of Christian Religion* / Tr. by T. Norton. L., 1578, P. 11; Bullinger T. *Fiftie Godlie ... Sermons Divided into Five Decades*. L., 1592. P. 169; Holland Ph. *Plutarch's Philosophie, Commonlie Called the Natural History* / Tr. by Ph. Holland. L., 1601. P. 72; Coryat T. *Coryat's Crudities; Hastily Gobled up in Five Moneths Travels*. L., 1661. P. 390; Hobbes T. *The Art of Rhetoric, with a Discourse of the Laws of England*. L., 1679. P. 435. Достаточно близкое определение аристократии можно обнаружить и в «Левиафане» (1651 год): «...аристократия, где верховная власть принадлежит собранию определенных лиц, назначенных либо так или иначе выделенных из основной массы...». См.: Гоббс Т. *Сочинения*. Т. 1-2. М., 1991. Т. 2. С. 149.

¹⁷ Доватур А.А. Политика и политики Аристотеля. С. 70, 75, 77, 89.

Именно поэтому для Аристотеля аристократия функционирует за счет группы добродетельных людей, подобно тому, как существование монархической формы правления определяет один добродетельный муж. При аристократии почетные должности распределялись в соответствии с добродетелью и достоинством. Аристократический строй, если не назван лучшим, то оказывается близким политическому идеалу Аристотеля.

«Наилучшие» (и то представление о них, которое было заложено аристотелевской формулой) оказывалось даже в условиях греко-римской культурной общности все-таки достаточно условным понятием. Если идея господства независимо от исторического контекста имела вполне определенный смысл, т.е. была своеобразной константой, то социальный портрет носителей властных полномочий обладал свойствами переменной. Следует сказать, что и сам Аристотель допускал подобные свойства «аристократов», характеризуя различные историко-локальные варианты этой формы государственного устройства. «Наилучшими», следовательно, оказывались те, кто считался таковыми в различные исторические эпохи. Столь подвижное, если не динамичное, ощущение реальности обладало конструктивностью.

Выше было подчеркнуто, что каждый, считавшийся наилучшим, т.е. благородным, обозначался при помощи английского эквивалента *noble*, которому словари, в свою очередь, устанавливали латинские соответствия *nobilis – generosus – insignis – magnificus*. Означает ли это, что носителями этих качеств оказывались последовательно римские нобили, средневековая знать и затем нобилитет раннего Нового времени? Иными словами, закреплялись ли за этими терминами значения, связанные с конкретной групповой идентификацией?

Римские авторы, на которых ссылаются английские лексикографы, использовали два взаимосвязанных понятия: они писали о нобилиях и о нобилитете, т.е. о *nobiles* и *nobilitas*. Понятие знатности в римском обществе этимологически соответствовало тому, что связывалось по смыслу с известностью. Знатным был тот, кого хорошо знали и на этом основании выделяли из общей массы. Знатность была наследственной, и поэтому не ставилась в зависимость от личных заслуг. Нобилиями считались отпрыски знатных родов, еще не исполнявшие каких-либо должностей: они были узнаваемы благодаря известности их именитых предшественников¹⁸.

Знатность оказывалась, таким образом, не только ценностью, признаваемой обществом, но и определенной характери-

¹⁸ Gelzer M. The Roman Nobility. Oxford, 1969.

стикой, обозначающей социальное пространство. Оставив в стороне сложности, связанные с идентификацией римского нобилитета и нижнего предела знатности, отметим, что его границы оставались подвижными. Можно ли упрекнуть английских лексикографов в том, что, воспроизводя классические определения, они перенесли римскую практику, сделав ее достоянием британского средневековья? Была ли выведенная ими синонимия значений *noble* всего лишь римской калькой?

Английское значение *noble*, как следует из текстов словарных статей, конституировало собирательный смысл понятия *nobility*, которому соответствовало добавочное, отмеченное Вайсом значение *lords*. В свою очередь, два последних понятия транскрибировались латинским эквивалентом *nobilitas* и *domini* соответственно. Значение *nobilitas*, как следует из рассматриваемых словарей, было представлено двумя смысловыми кальками римского происхождения – *nobilitas* и *nobilitas nova*. В структуре *domini* словари выделяют три категории: *domini titularii*, *domini honorarii* и просто *domini*. Соответствия, устанавливаемые в рамках бинарных статей, раскрывают состав каждой из указанных категорий. *Domini titularii* образуются за счет владельцев традиционных титулов, таких как герцог (*dux*), маркиз (*marchio*), граф (*comes*), виконт (*viccomes*), барон (*baro*). *Domini honorarii* включают: обладателей почетных титулов, среди которых – баронет (*baruncullus [baronetus]*), рыцарь ордена Подвязки (*eques auratae periscelidis*), рыцарь ордена Бани (*eques balnei*), очевидно, рыцарь, облаченный в золотые доспехи (*eques auratus*) и просто рыцарь (*eques*); особ, занимавших высшие государственные должности, среди которых фигурируют сенешаль (*seneschallus*), лорд-казначей (*quaestorum fiscalium primaries*), вице-казначей (*quaestor fiscalis*), лорд-камергер (*cubicullarius*). Просто *domini* – только эсквайров (*armigeros*).

Между *nobilitas*, включая ее подгруппы (*nobilitas*, *nobilitas nova*), и установленными в словарях категориями *domini* существуют определенные соответствия. Целиком по горизонтали совпадают значения *nobilitas* – *domini titularii* – *domini honorarii* – *domini*. К *nobilitas nova* составители словарей относят исключительно почетный титул баронета (*baruncullus* или *baronettus*), как известно, учрежденный Яковом I Стюартом.

Означало ли это, что, обособляя учрежденное в 1611 г.¹⁹ новое достоинство, англичане и вслед за ними составители слова-

¹⁹ На этот год приходится учреждение достоинства баронета только для англичан; для шотландцев и ирландцев аналогичные порядки были учреждены в 1619 и 1622 гг. соответственно.

рей, тяготели к воспроизведению старой, уходящей своими корнями в классическое Средневековье формулы благородного сообщества? Было ли в этом смысле их сознание консервативно?

Действительно, устанавливаемые в словарях соответствия на первый взгляд отражают наиболее традиционное представление о групповом срезе английской знати, подразумевавшее акцент на ее границах. Очевидно, что в общественном сознании англичан того времени по-прежнему важным оставалось не столько верное и исчерпывающее представление о внутреннем составе группы, сколько правильное распознавание образующих ее конфигурацию конечных элементов. В этом смысле, герцоги и эсквайры, издавна занимая полярные позиции во внутригрупповой вертикали, обозначали контуры этих границ. Социальный статус тех и других отвечал декларируемым обществом критериям знатности и воспроизводил, таким образом, типичную для средневековья схему благородного сообщества.

Однако кажущаяся консервативность на деле оборачивалась скрытой игрой. Внутригрупповая вертикаль, обрисованная составителями словарей, содержит несколько непривычную для ученой лексики тех лет категорию *eques*. Известно, что этот термин, означавший буквально «всадник», применялся для характеристики очень узкой прослойки средневекового рыцарства, но вышел из употребления на рубеже XI–XII вв., уступив по популярности более гибкому *miles*²⁰.

В возрождении этого архаичного по своей сути понятия можно усмотреть помимо стилизации, характерной для лексикографической традиции тех лет, определенный концептуальный смысл. Знакомство составителей словарей с текстами Цицерона и других латинских авторов могло, как представляется, порождать ассоциации, стимулировавшие не только прямые заимствования, но и смысловые параллели типа *senatores* – *equites*, обусловленные ощущением зыбкости нижней границы благородного сообщества. В этом смысле используемая в словарях категория *eques* приобретала вполне определенный смысл и могла выполнять конструктивную системообразующую функцию, а самое главное – переставала быть непривычной. Ее использование было рассчитано на то, чтобы оправдать возникающий при описании структуры почетных титулов смысловой оборот, обозначавший смещение традиционных акцентов в чисто средневековом отношении к знатно-

---

²⁰ Более подробно об этом: *Batany J. Du bellator au chevalier dans le schéma des trios ordres // Actes du 100-e Congrès national des sociétés savantes. Paris, 1976. P. 24-36.*

сти и видоизменявший нижний контур благородного сообщества. Верхний предел знатности оставался незыблемым, зато нижний несколько поднимался. Игра слов оказывалась преднамеренной, а искажение прежней картины – очевидным. Появление «всадника», потенциально восседавшего на коне, подразумевало не только оруженосца, потенциально шедшего рядом, но и контраст между ними²¹. Римская по форме, но средневековая по своей сути ассоциация оказывалась не только зримой, но и концептуально важной.

Эсквайры, прежде разделявшие с рыцарями единый пакет привилегий, обособлялись таким образом в самостоятельную категорию. Грань между ними, прежде условная, акцентировалась теперь в, казалось бы, формальном разведении тех, кто носил почетные титулы, и тех, кто таковых не имел. Не теряя своей связи с *nobilitas*, оруженосцы (*armigeros*), очевидно, обретали менее значимое положение. Если учесть, что с конца XVI века напряжение в определении статуса рыцарства и эсквайров было максимальным, то мое предположение может оказаться вполне оправданным.

Определенная дисквалификация прежнего статуса эсквайров усиливалась при помощи двух незамысловатых приемов, которые лексикографы использовали при дальнейшем описании структуры почетных достоинств и должностей. Расписывая структуру английского рыцарства, лексикографы следуют уже отмеченным принципам. Противопоставляя по-прежнему метафоры конного и пешего строя, они отказываются от употребления понятий «рыцарь-знаменосец» и «рыцарь-бакалавр», имевших, как известно, двойную коннотацию. Тем не менее, стремясь сохранить традиционные пропорции, они переименовывают позиции, отводившиеся прежде бакалавру и знаменосцу на *eques* и *eques aura-*

---

²¹ Известно, что после нормандского завоевания параллель конного и пешего строя акцентировалась не только самими благородными (см.: Green J. *The Aristocracy of Norman England*. Cambridge, 2001. P. 10-11), но и некоторыми историками (*Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History* / Ed. by M. Chibnall. 6 vols. Oxford Medieval Texts. Oxford, 1969-1980. V. II. P. 74, V. III. P. 126,176). Очевидно, что навыки определенной части рыцарства вести бой верхом, помимо чисто технической стороны, имели далеко идущие социальные коннотации (*Brown A. The Status of the Norman Knight // War and Government in the Middle Ages* / Ed. by J. Gillingham. Woodbridge, 1984. P. 18-32). Престиж конного рыцаря был безусловным: судя по всему, именно «всадники» приравнивались в сознании современников к тем, кто владел достаточными для поддержания определенного образа жизни земельными комплексами (более подробно об этом в интересных наблюдениях Д. Флеминга: *Fleming D. Landholding by Milites in Domesday Book: A Reversion // Anglo-Norman Studies*. V. 13. 1991. P. 83-98).

tus соответственно. Очевидно, что в реальной жизни знаменосец вряд ли мог позволить себе украшенные золотом доспехи, но акцентированный дорогостоящий атрибут²² был, пожалуй, единственным средством, позволявшим лексикографам сохранить известную каждому иерархичность и, что было не менее важным, удержаться в рамках доступных латинских аналогий.

Если понятие *eques auratus* могло быть воспринято как слишком архаичное и отчасти искусственное, то две следующие друг за другом позиции, обозначенные как *eques balnei* и *eques auratae periscelidis*, были исключительно нововведением. Известно, что рыцарские ордена Бани и Подвязки появились тогда, когда латинская транскрипция перестала быть общеобязательной нормой, и новые явления именовались с использованием ресурсов национальных языков. Насколько мне известно, латинские аналоги, приводимые в словарях, на практике никогда не озвучивались и не использовались: вариант архаизированной транскрипции мог нести в этой связи лишь сугубо концептуальное значение.

Очевидно, последовательное использование понятия *eques* для обозначения различных категорий английского рыцарства означало попытку уточнить аморфную с точки зрения границ категорию *miles* и, должно быть, окончательно развести ее и еще более размытую в социальном плане категорию *armiger*. Определенное значение также могла иметь функция, связанная с потребностью усилить акцент на групповой консолидации, характерной для разобранных выше оттенков самой *nobilitas*.

Стремление к актуализации консолидирующих благородное сообщество начал типично и для структуры должностей, вошедших в состав категории *domini honorarii*. Если приводимые составителями словарей разряды английского рыцарства выглядят более или менее исчерпывающе, то список должностей оказывается далеко не полным. Три из них, а именно должности лорда-камергера, лорда-казначея, вице-казначея, приведены в точном соответствии с римскими кальками. Должность сенешаля²³, не имея прямых рим-

---

²² О значении дорогостоящих доспехов для социальных определений того времени см.: Morillo S. Warfare under the Anglo-Norman Kings, 1066-1135. Woodbridge, 1994. Crouch D. The Image of Aristocracy in Britain, 1000-1300. L., 1992. Ch. 4, 6-7.

²³ Относительно соответствия этого понятия английским реалиям могут возникать парные ассоциации. Помимо того, что в эпоху классического средневековья должность сенешаля сохранялась, существовали определенные аналогии с учрежденным на рубеже XIII-XIV вв. постом лорда-гофмаршала. Какая из этих аналогий доминировала в описаниях лексикографов, судить не берусь. Более подробно об этом: Федоров С.Е., Конд-

ских аналогий, тем не менее, с легкостью вписывается в определяемый контекст. На протяжении всего средневековья эти посты занимали исключительно представители титулованной знати и выходцы из рыцарской среды, противостоявшие более многочисленным эсквайрам. Судя по всему, отбор должностей, указанных в словарных статьях, был осуществлен с учетом тех же соображений, которыми руководствовались составители словарей, заменяя традиционное понятие *miles* на архаичное *eques*.

Означало ли это, что обособляемая таким образом группа знати наделялась в сознании современников условными групповыми признаками? Угадывался ли в ней аналог аристократии Нового времени, иными словами, осуществлялся ли в связи с этим переход к формуле, предложенной Монтескье?

Античная формула аристократии в ее оригинале, как уже отмечалось, допускала незначительные вариации со вторым элементом самого определения. Даже Аристотель не исключал известные расхождения в толковании этого феномена. Очевидно, содержащиеся в словарях уточнения не меняли общего смысла предложенного им определения, но обозначившись на рубеже XVI–XVII вв., они означали конкретизацию смысла аристотелевского определения аристократии с учетом специфического историко-культурного контекста. В этом смысле англичане, а вслед за ними и обобщавшие ситуацию лексикографы, вероятно, стремились распознать или уже распознавали контуры этого явления, выделяя его на фоне социальных институтов позднестюартовского – раннестюартовского общества.

Частично видоизмененная структура второго элемента аристотелевского определения – собственно «наилучших», должно быть, отражала вполне распространившееся к концу XVI – XVII вв. убеждение, что далеко не вся знать наделялась властными полномочиями²⁴. Возможно, правомочия эсквайров уже серьезным образом оспаривались, а прежняя общая функция знати в обществе дифференцировалась.

ратьев С.В., Питулько Г.Н. Англия XVII века: Социoproфессиональные группы и общество. СПб., 1997. С. 18.

²⁴ Об этом см.: Федоров С.Е. 1) Английская титулованная знать и аристократия к началу правления династии Стюартов. СПб., 2003; 2) Ирландская титулованная знать и аристократия накануне смены династий (март-июль 1603) // Университетский историк. Альманах / Под ред. Э.Д. Фролова. Вып. 2. С. 61-85; 3) Шотландская титулованная знать к моменту Унии корон // Актуальные проблемы всеобщей истории. Вып. 2. Ростов-на-Дону, 2003. С. 109-123.

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

ДОН ГУАН И ДОН ХУАН: ВЗГЛЯД ИСТОРИКА НА ПРОБЛЕМУ ВОСПРИЯТИЯ ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ НАЧАЛА XIX в.

*Как читать Шекспира я теперь понял,
но как читать Пушкина – не знаю*

К.С. Станиславский

*Пушкин-мыслитель был великой тайной
своего века. Он околдовал людей, и они
ошибались, думая, что околдованы лишь
гармоничностью и чистотой. Открытие
Пушкина-философа происходит сегодня, и
происходит не случайно.*

В. Непомнящий

На общем фоне истории отчетливо видны так называемые «переходные эпохи». Этим периодам не везет в истории именно в том смысле, что люди последующих, «спокойных» времен приклеивают на них ярлык неких мостиков, сходней, по которым цивилизация идет на «чистое» место. В свое время пытался привлечь особое внимание к этим эпохам великий русский медиевист Т.Н. Грановский, назвавший их «печальными», полными «трагической красоты». У него было жгучее желание именно в них «услышать последнее слово всякого отходившего, начальную мысль зарождавшегося порядка вещей».

Ему «казалось, что только здесь можно опытному уху подслушать таинственный рост истории, поймать ее на творческом деле... Не всякое время, ознаменованное переменами в судьбе народов, можно назвать переходными эпохами. Эти эпохи узнаются по особенным, их исключительно обозначающим признакам»¹.

Другие исследователи впоследствии отметили, что значение этих эпох не только в наличии и борьбе двух тенденций – нисходящей и восходящей. Они обладают и такими особенностями, как интенсивность духовных поисков, высочайшая продуктивность, культурная синтетичность, стремление к максимальной деидеологизации. Как было отмечено в переписке Н.И. Конрада и А. Тойнби, они являются самыми плодотворными из всех времен. Это так называемые «решающие исторические этапы», когда че-

¹ Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М., 1986. С. 315–316.

ловечество в целом или отдельные его отряды вступают в критическую полосу своего существования².

XVIII – XIX столетия – особый этап в истории человечества. С исторической точки зрения, это время можно характеризовать как первый глобальный и всесторонний кризис. Кризисные явления проявились и в культурной жизни. В европейских странах (а в какой-то мере и в азиатских, американских) растет интерес к человеку, к его внутреннему миру. Начинаясь эпоха, когда впервые человек стал проблематичен. Он больше не знает, что он такое и пытается это понять.

«Что же это за химера – человек? – восклицал Блез Паскаль. – Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор вселенной. Кто распутает этот клубок?.. Узнай же гордый человек, что ты – парадокс для самого себя. Смирись, бессильный разум! Умолкни, бессмысленная природа, узнай, что человек бесконечно выше человека»³.

Стены прежнего «дома человечества» рухнули после открытий Г. Галилея и Н. Коперника. Наука и философия стали создавать новый образ Вселенной, но не новый дом. Стоит только всерьез принять идею бесконечности, считал М. Бубер, и нового дома уже не выстроить. Человеку приходится в себе самом искать силы и смысл своего существования. Возрастает роль гуманитарного образования. Просвещение в трудах Вольтера и Кондорсе определило вектор исторического движения: от непросвещенности к свету просвещения. Культура повсеместно начинает изучаться как история культуры и вскоре делаются первые попытки создания культурологических и культурософских концепций. Идут активные поиски новой педагогической системы. В 1820-х гг. во Франции, Англии, Германии получают распространение идеи социалистов-утопистов, которые только что родившийся буржуазный строй считают обреченным и предсказывают появление иного, бесклассового общества. В рамках романтизма, широко распространившегося на рубеже XVIII и XIX вв., новой истории начинает противопоставляться период средневековья как эпоха, когда якобы господствовала «чистая вера в бога», традиция, в которой видели оплот против революционных потрясений и преобразований. Так называемые реакционные романтики именовали средневековую историю золотым веком человечества, ибо тогда господствовало религиозное мировоззрение, а, следовательно, существовала высокая мораль. Для них это был «золотой век» мира и социальной гармонии, освященный «ге-

² *Переписка* Н.И. Конрада и А.Дж. Тойнби // *Конрад Н.И.* Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 398.

³ *Паскаль Б.* Мысли. М., 1995. С. 110.

нием христианства» (Ф. Шатобриан).

М. Фуко с конца XVIII – начала XIX вв. выделяет период развития европейской культуры нового времени, вслед за Возрождением (XVI в.) и классическим рационализмом (XVII – XVIII вв.). По его мнению, складывается новая эпистема, «историческая априори». Если для Возрождения характерна тождественность слов и вещей, а в период классического рационализма они опосредованы представлением, то теперь жизнь, труд, язык как интегрирующие факторы опосредуют слова и вещи⁴. Это были «минуты роковые», по Тютчеву, или «моменты бифуркации», по И. Пригожину⁵. Кризис, по сути, имел духовную природу и связан был, прежде всего, со сменой типа культуры. Это значит, что в целом можно охарактеризовать культурные процессы этого времени как новое и своеобразное «Возрождение».

Вплоть до послевоенного времени слово «Возрождение» применялось почти исключительно к эпохе XIV–XVI вв. Но академик Н.И. Конрад, выдвигая свою концепцию Восточного или Китайского Ренессанса, практически поставил проблему универсальности Возрождения. Он считал, в духе того времени, что если везде есть формации, то и везде есть культура перехода от одной формации к другой, в данном случае, от феодализма к капитализму, т.е. раннебуржуазная культура Возрождения. Но были еще и «Каролингское Возрождение», «Оттоновское Возрождение», «Возрождение V – VII вв.», «городской ренессанс XII в.», ренессансы или «ренессансные явления» в других регионах. В одном из писем к Н.И. Конраду по поводу сборника «Запад и Восток» А. Тойнби заметил, что, некоторые из «моделей» («закономерности, единообразие и повторяемость»), являющихся «результатом единообразия человеческой природы – особенно ее иррационального, эмоционального, подсознательного «слоя», в частности, именно возрождение «повторялись в прошлом много раз»⁶.

Действительно, «Возрождение» – это особенность развития культуры в целом. «Возрождение» (*renovatio*) – это не просто и не обязательно сознательное обращение в прошлое, а преобразование, возвращение в исходное состояние – состояние до грехопадения. Под «возрождением» здесь понимается не только обновление культуры, наук, искусств и т.п., но и изменение самой сути человеческой природы.

Этот процесс сложен и противоречив. Первое, что сразу же бросается в глаза, – цивилизация обращается к своим истокам. Причины обращения к ним многообразны, у каждой цивилизации

⁴ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М., 1977.

⁵ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. М., 1986. С. 236–237.

⁶ Конрад Н. И. Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 398.

эти истоки будут свои, но сама по себе «реновационная» идея в этом проявляется обязательно. А это значит, что идет пересмотр собственной истории и прошлое становится «непредсказуемым». «Ответы» пытаются найти не только во всеобщем «начале» цивилизации, но и в истории сопредельных или близких в чем-то стран. Для «ренессанса» характерно необычайно широкое взаимодействие культур. В конечном итоге акцент будет сделан на собственном опыте и своей истории. Следствием этих процессов будет деидеологизация, начнется секуляризация культуры, ведь «древность» будет сопротивляться сложившимся и желаемым стереотипам культуры. Разумеется, степень развития и «скрытости» секуляризации будет разной в разные исторические эпохи, но она проявляется неизбежно, ибо время начала любой цивилизации – особое. Именно тогда идут поиски – идеологические, религиозные, филологические, государственное строительство, оформление системы образования и т.п., а все это совершенно немислимо без определенного акцента на светских моментах. Проявится это прежде всего в росте проявлений свободомыслия. Отличительным признаком будет и синтетический характер философии, который выражается в формировании синтетических вариантов философии, религии, языков, ересей. Акцент в культуре делается на языке, филологии, повышается интерес к окружающему миру и человеку, осмысливается его роль и место в мире, обществе и истории, распространяется индивидуалистическая психология, рационализм. Фактически формируется мощная светская традиция. Особенностью реновационной эпохи является и сочетание скрытой секуляризации с усилением религиозных настроений, со стремлением к «реформации», как своеобразному «возвращению» в состояние религии до грехопадения. В этом смысле *reformatio*, как и *renovatio*, можно назвать особенностью развития культуры. В любой переходный период идет обсуждение места, роли, форм религии. Сложная внешнеполитическая ситуация, трансформация традиционной экономики, рецепция античности усиливали религиозность населения. В условиях перемен и кризисов религия особенно активно осуществляет свою компенсаторную функцию. Происходит и укрепление позиций церкви. Усиление социальной напряженности и апатии приводят к распространению эсхатологических настроений.

В России развитие культуры «имперского» периода спровоцировало глубокий и разнообразный интерес к истории культуры. В поисках ответов на возникающие вопросы Россия обращалась и к античной традиции. Европа уже «переболела» этим.⁷ Россия тоже

---

⁷ Гете говорил в 1824 г. И.П. Эккерману: «Римская история в сущности уже не отвечает нашему времени... Точно так же греческая история мало

довольно быстро разочаровалась в западной античной культуре как «поводыре». Подъем патриотизма в годы борьбы с Наполеоном, огромный успех «Истории» Карамзина заставили дворянскую интеллигенцию пересмотреть обычные для XVIII века пренебрежительные оценки допетровской эпохи. В то же время в России (и это тоже одна из черт «возрождения») проявляется большой интерес и к культуре близких в конфессиональном отношении стран. Особый интерес в России проявился к культуре Испании в ее «звездное время», т.е. в эпоху Великих географических открытий, завоевания Америки, Ренессанса. Золотой век русской культуры обращается к Золотому веку культуры испанской⁸.

А.С. Пушкин занимает особое место в этой истории «золотого века русской культуры». Его смело можно назвать одним из «титанов» русского «Ренессанса» XIX века. Именно в его деятельности и творчестве наиболее рельефно выразилось стремление к выявлению универсальной основы, сочетающей культурные достижения Востока и Запада.

Пушкин обладал прекрасными лингвистическими способностями: он блестяще владел французским языком, за что в лицее получил прозвище «француз», изучал латинский, греческий, итальянский, немецкий, английский, испанский, цыганский, арабский, турецкий, древнееврейский языки. В библиотеке Пушкина мы найдем труды Бюффона, Лапласа, Кювье. Треть его библиотеки составляют издания по истории. Он с увлечением работал в архивах и умел использовать найденные там документы или записки современников не хуже профессиональных ученых. Он уважал тех, кто обладал солидными знаниями – «сведениями», но это не значит, что он смотрел на остатки старины так же, как специалисты – историки. Он шел своим путем, путем поэта-художника, проникая в области, недоступные науке. Пушкину различие двух путей познания было ясно до предела: «...мечты поэта – / Историк строгой гонит вас!». Аналитический ум Пушкина проявлялся неоднократно в его стремлении найти причины и понять сущность происходящего. Поиски эти настойчивы и часто тревожны. Стихотворению «Герой» не случайно предпослан эпитафия «Что есть истина?» В «Стихах, сочиненных ночью во время бессоницы» поэт обращается к самой жизни: «Я понять тебя хочу, / Смысла я в тебе ищу...».

Болдинская осень демонстрирует достижение им философ-

плодотворна для нас». – Эккерман И.П. Разговоры с Гете в последние годы его жизни. М.–Л., 1934. С. 249.

⁸ Золотым веком в Испании называют период примерно со второй трети XVI в. до середины XVII в., Англия переживает этот подъем в конце XVI в., Франция – в середине XVII столетия.

ской зрелости. И не случайно она не только чрезвычайно плодотворна на сочинения. Сами сочинения глубоки и сложны. Пушкин не может найти ответов на целый ряд вопросов и, прежде всего, мучительно пытается понять, как соотносятся человек и общество, действительно ли человеку «все можно». Не случайно именно эта тема четко обозначена в «Сцене из Фауста», своеобразном философском прологе к «Маленьким трагедиям», который был написан еще в 1825 г.⁹ Попыткой реализации историко-литературного анализа этой темы и должен был быть следующий проект из десяти конкретных тем: «Скупой. Ромул и Рем. Моцарт и Сальери. Дон Жуан. Иисус. Беральд Савойский. Павел I. Влюбленный бес. Димитрий и Марина. Курбский». Он обнаружен на обороте автографа стихотворения «Под небом голубым страны своей родной...», имеющего дату 29 июля 1826 г.

Пушкин не сразу приступил к работе. Поражение декабристов потрясло его, он не только пытается понять подлинные причины декабрьской трагедии, но и обнаружить в ней проявление законов истории. Пушкин пошел дальше декабристов, романтиков и «просветителей» в этом отношении. Его уже не удовлетворяют в качестве движущих сил истории абстрактные категории добра и зла. В записке «О народном воспитании» он пишет о законах истории, «силе вещей», «необходимости». Как и романтикам конца XVIII столетия, новая эпоха меркантилизма, торжества примитивного и грубого материального начала внушала Пушкину чувство омерзения: «Наш век – торгаш; в сей век железный / Без денег и свободы нет...» («Разговор книгопродавца с поэтом»). Он напуган, растерян: «Подите прочь – какое дело / Поэту мирному до вас!» («Поэту»).

«Ужасный век! Ужасные сердца!» А ведь вначале устойчивым эпитетом к слову век у него было определение «бурный». В 1823–24 гг. в его творчестве появляется иное, идущее с античности, сочетание – железный век. И тем не менее Пушкин не может не размышлять об истории в целом, обнаружить ее закономерности и в результате говорит о синтезе старых и новых законов развития: «О сколько нам открытий чудных / Готовят просвещенья дух, / И опыт, сын ошибок трудных, / И гений, парадоксов друг, / И случай, бог изобретатель...». С его точки зрения, именно из России можно лучше увидеть суть происходящего в мире: «Россия по своему положению, географическому, политическому, есть суди-

---

⁹ *Непомнящий В.* Симфония жизни (О тетралогии Пушкина) // Вопросы литературы. 1962. № 2. С. 114.

лице, приказ Европы. Мы великие судия...»¹⁰.

Проект начинает воплощаться в жизнь. «Маленькие трагедии» – широкое историческое полотно, где представлены исторический взгляд («Скупой рыцарь»), эстетически окрашенные размышления («Моцарт и Сальери»), этический анализ («Каменный гость») и синтетический анализ («Пир во время чумы»). При этом тетралогия не связана с какой-то одной страной. Интересующая Пушкина тема рассмотрена на материале четырех стран традиционной Европы (Франция, Германия, Испания, Италия). По мнению Ю.М. Лотмана, в основе «маленьких трагедий» лежат также конфликты между эпохами и культурами¹¹. Болдинская осень 1830 года ознаменовалась поистине феноменальным взлетом поэтического гения, равного которому нет в истории мировой литературы. А маленькие трагедии – завершающий аккорд этой осени.

При жизни Пушкина «Маленькие трагедии» ни разу не были напечатаны как цикл, а «Каменный гость» вообще был опубликован только посмертно. Их обычно печатают в том порядке, который соответствует хронологии написания, но дело, возможно, не только в подобной хронологии. Гораздо важнее хронология иная: «если расположить входящие в его состав драмы в порядке, соответствующем хронологической последовательности описанных в них эпох, то откроется следующая картина: «Скупой рыцарь» посвящен кризису средневековья, «Каменный гость» – кризису Возрождения, «Моцарт и Сальери» – кризису Просветительства, «Пир...» – фрагмент драматической поэмы Вильсона, принадлежащего романтической озерной школе – кризису романтической эпохи, современной самому Пушкину¹². Создавая свой цикл, Пушкин мыслил культурными эпохами европейской истории. Осмысленные таким образом, «маленькие трагедии» предстают как большое историческое полотно. Но «Маленькие трагедии» не просто насыщены культурными реминисценциями. В основу поэтики цикла положен строго выдержанный исторический принцип: художественный мир каждой трагедии строится по законам картины мира соответствующей эпохи.

Целый ряд произведений поэта, в том числе, конечно, и «Ка-

¹⁰ Цит. по: Волков Г. Мир Пушкина. Личность, мировоззрение, окружение. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 197.

¹¹ Лотман Ю.М. Опыт реконструкции пушкинского сюжета об Иисусе // Временник. 1979. Л., 1982. С. 22, 27.

¹² Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 315; Мурьянов М.Ф. К реальному комментарию «Скупого рыцаря» // Врем. ПК 1969. С. 101; Алексеев М.П. Джон Вильсон и его «Город чумы» // Он же. Английская литература. Очерки и исследования. Л., 1991. С. 349, 353.

менный гость», свидетельствуют о его особом и глубоком интересе к истории и культуре Европы именно эпохи Возрождения и, в частности, к испанской культуре. Испания стала в начале XIX столетия своеобразным властителем дум русского общества. В ней кипела революционная жизнь, и культура Испании в некотором смысле была подобна русской. Испанию и Россию сближало многое: обширные территории, игравшие роль колоний (Америка и Сибирь), монархическое устройство, живучесть феодальных порядков, особое место в ряду европейских государств и т.п. И Испания, и Россия сыграли важную роль в защите европейской цивилизации от двух самых сокрушительных в средневековой истории нашествий – арабов и монголов. Тем самым они обеспечивали возможность суверенного политического и культурного развития Европы.

Основательное знакомство России с испанской литературой и языком относится к 1820-м гг. Пробуждается интерес к испанскому театру, поэзии, памятникам ее классической литературы, появляются первые русские переводы, сделанные непосредственно с испанского. Небезопасно было говорить о «гишпанской революции», и потому вели беседы об испанских писателях. Испанская литература заняла особое место в спорах о классической и романтической поэзии.

В западной литературе отношение к Испании было несколько иным. Французская романтическая литература увлекалась героической борьбой испанского народа в прошлом, свободолюбием испанцев и их преданностью национальной и личной чести. Французские романтики отправлялись в Испанию в поисках экзотического своеобразия «местного колорита» (*couleur locale*). В этом смысле экзотическая испанская тема сыграла существенную роль в творчестве Шатобриана, Виктора Гюго, Альфреда де Мюссе, Меримо, Теофиля Готье. Немецкий романтизм увлекался испанскими преданиями феодальных времен, мистикой, нравами испанского средневековья. Стилизация испанского народа как своего рода «народа богоносца», прославление его средневековой отсталости напоминали аналогичные рассуждения русских славянофилов о «святой Руси». В то же время, испанская литература была своеобразной сокровищницей классической литературы. Как писал в свое время французский критик Брюнетьер (1894 г.):

«Великая оригинальность испанской литературы заключается в том, что со времени Ренессанса она спасла и затем передала всей остальной Европе примерно все, что стоило спасти из средневековых идеалов... Отсюда — оригинальность ее литературы, которая одна действительно развилась из самобытных начал, без вмешательства иноземных образцов, следуя только своему гению... И отсюда, нако-

нец, тесное сродство романтизма с испанской литературой, поскольку во всей Европе романтизм характеризуется, — по крайней мере, частично, — попыткой восстановить, по ту сторону Ренессанса, цепь культурной традиции средних веков»¹³.

Сам Пушкин долго не знал испанского языка. В середине 20-х гг., в период, когда Пушкин впервые заинтересовался, при помощи Шлегеля, Сисмонди и их русских последователей, испанскими драматургами, — он уже жалеет об этом. В письме к П.А. Катенину от 12 ноября 1825 г. Пушкин писал: «по-гишпански не знаю». И тем не менее изучил его. Он понимал испанский язык «настолько, что мог уловить смысл предложения и сделать перевод как с испанского, так и на испанский без словаря»¹⁴.

Пушкин прекрасно был осведомлен о многих испанских или связанных так или иначе с Испанией сочинениях, «количество произведений Пушкина, связанных с испанскими темами и мотивами, не очень велико, но глубина их содержания такова, что в их совокупности они дают весьма внушительное представление о героической истории, национальном укладе и интеллектуальных богатствах испанского народа»¹⁵. В России именно Пушкин способствовал канонизации романтизированных представлений об Испании. Стихотворения «Ночной зефир струит эфир...», «Я здесь, Инезилья», «Пред испанкой благородной», пьеса «Каменный гость» были не переводами, а скорее, свободными импровизациями на «гишпанские» темы.

Испанская тематика в творчестве Пушкина приходится главным образом именно на первую половину 1830-х гг. Уже в начале 30-х у него явственно заметно желание заменить «навязанное немецким романтизмом одностороннее "испанофильство"» на испанофильство франко-английской ориентации.

В болдинскую осень 1830 г. Пушкин обдумывает несколько «испанских» сюжетов (в зачеркнутой строфе «Осени» в ряды любимцев творческой мечты поэта включены «монахи, карлики, арапские цари», «испанцы в епанчах»). Это пора не только вдохновенного интенсивного труда, но и тяжких раздумий. Она начиналась для поэта трагическими «Бесами», полной мрачных предчувствий и раздумий «Элегией» («Безумных лет угасшее веселье...»).

¹³ Цит. по: *Жирмунский В.М.* Литературное наследие Испании и задачи его изучения // *Культура Испании.* М., 1940. С. 75.

¹⁴ *Державин К.Н.* Занятия Пушкина испанским языком // *Slavia.* Т. XIII. 1934. С. 114–120; *Рукою Пушкина.* Несобранные и неопубликованные тексты. М.–Л., 1935. С. 83–87.

¹⁵ *Кржевский Б.А.* Пушкин и испанская литература // *Он же.* Статьи о зарубежной литературе. М.–Л., 1960. С. 306–308.

«Каменный гость» входит в цикл под условным названием «Маленькие трагедии», который составляют четыре драматических произведения: «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы», написанные поэтом в 1830 г. «Маленькими трагедиями» Пушкин назвал их в письме к П.А. Плетневу от 9 декабря 1830 г., хотя вначале предполагал другие варианты: «Драматические сцены», «Драматические очерки», «Драматические изучения», «Опыт драматических изучений», но не остановился ни на одном из них:

Смысл трагедии связан со стремлением героя противостоять враждебному миропорядку. В «Маленьких трагедиях» Пушкин фактически вел речь о предельных возможностях личности, о цене человека в обществе. Здесь возрождается древнегреческое понимание слова «драма», означающего такое состояние человека, когда он решился на какое-то действие и берет на себя всю ответственность за его последствия. Именно такое состояние героев более всего привлекает Пушкина. Герой каждой из них идеализирует свой мир и себя, он проникнут верой в свое героическое предназначение. И эта вера вступает в конфликт с реальным миром и оказывается тем «трагическим заблуждением», которое и ведет героя к неизбежной гибели. На творчество А.С. Пушкина в этом плане повлияло и Возрождение, что выразилось в том, что в нем высок удельный вес драматического начала. Время расцвета драматургии связано с именами Шекспира, Бена Джонсона, Сервантеса, Лопе, Аларкона, Тирсо де Молина, Кальдерона и др., творчеством которых очень интересовался русский поэт. Он прямо обращался к Шекспиру: «Не смущаемый никаким светским влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров, в небрежном и простом составлении планов». Многие из традиций искусства Возрождения оказались живы и в эпоху становления реализма, в частности, искусство Возрождения и литература реализма освобождаются от узости в подходе к человеку, к жизни и замечают многообразие человеческой личности (Маранцман В.Г.). Обе эпохи обращаются к вечным философским проблемам, к пониманию человеческой души и сущности человеческого бытия.

Пушкин возрождает и шекспировское отношение к трагедии, ибо так же, как и он, прежде всего исследует состояние человека в момент выбора им пути. Его герои, как было уже замечено, одновременно и *homo effcax* (человек действующий), и *homo sapiens* (человек думающий). Все персонажи маленьких трагедий стоят на грани жизни и смерти и, приняв определенное решение, не могут уже свернуть с избранного пути. Исследователи драматургии Пушкина даже говорят о том, что маленькие трагедии начинаются пря-

мо с кульминации, они как бы являются «финалами больших драм, разыгравшихся ранее»¹⁶. В каждом из конфликтов маленьких трагедий неизменно возникает вопрос: где та грань, через которую не дано перешагнуть человеку. Так, темой «Каменного гостя» является любовь к женщине, границы и возможности земных наслаждений, что всегда остро волновало поэта. Любопытно, что одним из образцов для «Маленьких трагедий» Пушкина были «Драматические сцены» Барри Корнуола, сохраняющие свою связь с техникой и манерой английской драматургии начала XVII в.

Надо отметить и своеобразную близость исторических условий. А. Веселовский отмечал, что особенный расцвет драмы в отдельных странах был вызван взлетом народного самосознания, когда раскрылись «широкие исторические и географические горизонты, поставившие национальному развитию новые общечеловеческие цели, новые задачи для энергии личности».¹⁷ М. Загорский считал: «Если "Борис Годунов" был национальной народной русской трагедией, то "маленькие трагедии" были обработкой европейских сюжетов и приобщали русский театр к традициям и приемам театров Испании (Тирсо де Молина), Франции (Мольер), Италии (Гольдони), Германии (Моцарт) и послешекспировской Англии (Барри Корнуолл)»¹⁸. Еще четче эту мысль высказал Д.П. Якубович в предисловии к комментариям в академическом издании: Пушкин «обращается к «судьбе человеческой»¹⁹.

Замысел «Каменного гостя», как и «Скупого рыцаря» и «Моцарта и Сальери», видимо, созрел к 1826 г. К 1 марта 1828 г. относится запись Пушкина в альбоме М. Нимановской, воспроизводящая три стиха из второй сцены «Каменного гостя»: «Из наслаждений жизни / Одной любви музыка уступает; / Но и любовь мелодия»²⁰. Трагедия закончена 4 ноября 1830 г., но есть предположение, что все же дописан до конца «Каменный гость» был в утро перед дуэлью (27 января 1837 г.)²¹.

Реализацию замысла «маленьких трагедий» именно в 1830 г. принято связывать с тем фактом, что в Болдино Пушкин познакомился со сборником «Поэтические произведения Мильмана, Бо-

¹⁶ Альтман И. Пушкин и драма // Альтман И. Избранные статьи. М., 1957. С. 226.

¹⁷ Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 64.

¹⁸ Загорский М. Пушкин и театр. М., Л., 1940. С. 131–132.

¹⁹ См.: Пушкин А.С. Полн. собр. соч. Т. VII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 378.

²⁰ Рукою Пушкина... С. 647.

²¹ Набоков В. Комментарии к "Евгению Онегину" Александра Пушкина. М., 1999. С. 732.

ульса, Вильсона и Барри Корнуолла» ("The Poetical Works of Milman, Bowles, Wilson and Barry Cornwall". Paris, 1829). «Драматические сцены» Барри Корнуолла, действительно, могли стать прообразом поэтической формы «маленьких трагедий». Можно, однако, указать и на иные причины оформления цикла именно в это время.

1830 год – один из самых драматичных в биографии Пушкина. Свой 30-летний рубеж он называл «полднем жизни» и, подобно Данте, «заблудился в сумрачном лесу». Совсем незадолго до Болдина Пушкин с затаенной грустью воскликнул: «Ужель мне скоро тридцать лет!». В январе поэт решает навсегда покинуть Россию. Он делает две попытки выехать за пределы империи – во Францию, или Италию, или хотя бы с посольством в Китай. И в обоих случаях получает оскорбительный отказ. Между тем в Европе и в России надвигались грозные события. 1830 год – год новой революционной вспышки во Франции, год польского восстания, поставившего перед Пушкиным сложные политические и нравственные проблемы, в решении которых он разошелся со многими близкими друзьями. Это год крупных крестьянских волнений в России: «Какой год! Какие события!.. Народ подавлен и раздражен, 1830-й год – печальный год для нас!» – писал Пушкин Елизавете Хитрово 9 декабря 1830 г. К 1830 г. создалось впечатление, что читатели и критика отшатнулись от Пушкина, он фактически находился в изоляции даже от прежних своих поклонников и соратников. Он изменился. Вместо «Кавказского пленника» он пишет «Домик в Коломне», вместо «Бахчисарайского фонтана» – «Маленькие трагедии», затем «Золотого петушка», «Медного всадника». Холодно принимались главы «Евгения Онегина», совсем без успеха осталась «Полтава», которую поэт считал самой сильной из своих последних вещей. Антипушкинское движение – характерная черта литературной жизни 1830-х гг. И объясняется это не одной ограниченностью читателей, но прежде всего общими законами исторического и литературного процесса. Пушкин опередил своих современников, которые, признавая автора романтических южных поэм, остались равнодушными к философским и формальным поискам «позднего» Пушкина²². В статье «"Каменный гость" Пушкина» А.А. Ахматова писала: «не поэзия неподвижна, а читатель не поспевает за поэтом». Примечательно, что в этот же год юный Лермонтов пишет «Предсказанье» («Настанет год, России черный год...»), а уже сложившийся поэт и видный дипломат Тютчев – стихотворение «Цице-

²² Соловьев В.И. Пьесы А.С. Пушкина «Скупой рыцарь», «Моцарт и Сальери», «Каменный гость», «Пир во время чумы» (Проблематика и поэтика). Л., 1972. Автореферат к искусствоведению. С. 5.

рон» с его знаменитыми строками о «минутах роковых».

Но 1830 год — это и год мучительно складывающейся любви, вновь оживших надежд на счастье. В 1830 г. Пушкин готовился к вступлению в брак — к событию, которое понимал как переход от «я» — к «мы» (письмо Пушкина к П.А. Плетневу от 29 сентября 1830 г. и прозаический набросок «Участь моя решена, я жёнюсь...»). Недовольство Гончаровых прошлыми знакомствами поэта, еще не остывшее чувство к Е. Ушаковой, воспоминания о Е. Воронцовой, привязанность к К.А. Собаньской, готовность даже «вернуть» данное невесте обещание — все это сказалось на настроении Пушкина в Болдино. «Черт меня догадал бредить о счастье, как будто я для него создан», — горестно замечает он в письме к Плетневу. «В вопросе счастья я атеист; я не верю в него», — напишет он на другой день по окончании «Каменного гостя».

Как и все «Маленькие трагедии», «Каменный гость» является произведением обобщающим и аналитическим. Переоценка Пушкиным своего предшествующего жизненного опыта и творчества в обобщенной форме нашла свое отражение и в «Каменном госте», усложнив характер первоначального замысла трагедии. Не случайно «Каменный гость», в отличие от остальных трагедий, не был напечатан при жизни Пушкина. «Он вложил в "Каменного гостя" слишком много самого себя... Пушкин... не склонен был обнажать "раны своей совести"». Свое предположение А. Ахматова объясняет прежде всего тем, что в «Каменном госте» затронута тема счастья, которая так волновала автора на протяжении всей его жизни.

Прототипом Дон Жуана был реальный человек — аристократ севильского рода, придворный кастильского короля Педро Жестокоего (1350–1369) — Дон Жуан (Хуан) Тенорьо. Он упоминается в хрониках и в списке рыцарей ордена Подвязки. Дон Тенорьо — близкий друг короля, и тому не раз приходилось покрывать своего подданного и приятеля, спасая от наказания за грехи и проказы²³. По преданию, Тенорьо посвятил всю жизнь обольщению женщин и однажды похитил дочь командора ордена де Ульоа, а его самого, помчавшегося в погоню за похитителем, сразил насмерть. Монахи севильского францисканского монастыря обманом заманили Жуана в храм к семейной усыпальнице Ульоа. Поздней ночью Жуан прибыл на место свидания, но обратно уже не вернулся. Наутро монахи распустили слух, будто дон Жуан пришел ночью в храм, оскорбил статую убитого им командора, и тогда статуя ожила, при-

²³ Исследователи вспоминают также о севильце Дон Жуане де Марана, Обри Бургундском, Роберте Дьяволе и других повесах, которых объединяло безудержное стремление к чувственным удовольствиям и безнравственность.

тянула к себе грешника и столкнула его в адскую пропасть.

Возникшая в эпоху Возрождения, эта легенда восходит, по версии Р. Шульца, к мифу о разъединении мужчины и женщины инфернальными силами, сформировавшемуся в начале н.э. Легкомысленный юноша оскорбляет череп или статую и приглашает его (или ее) на ужин. Приглашенный является, разлучает героя с возлюбленной и чаще всего губит его. Ренессансная легенда впитала в себя вариации и других фольклорных сюжетов («муж на свадьбе своей жены», «оскорбление предка» и др.). Миф о Дон Жуане возник на пересечении легенды о повесе, пригласившем на ужин череп, и преданий о севильском обольстителе. Эта встреча Святотатца и Обольстителя имела решающее значение для формирования и развития мифа о Насмешнике. Основой для мифа послужила, видимо, легенда об оскорблении черепа, а рассказы о распутном дворянине несли лишь вспомогательную функцию. Главный узел – мотив двойного приглашения²⁴.

По гипотезе Р. Шульца, легенда о Дон Жуане является ренессансным отголоском «традиции изображения оживающих мстящих статуй, возникшей в результате столкновения эпохи античного язычества и новой христианской религии, то есть эпохи возникновения Книдского мифа. Косные истуканы, принадлежащие к погибнувшей религии, временами, казалось, оживали. В первых веках нашей эры, особенно при Юлиане Отступнике, наблюдался рецидив язычества, а с ним как бы оживали и прежние кумиры. В иберийском ответвлении наблюдается то же столкновение двух исторических эпох, что и в Книдском мифе. Ожившая статуя или мертвец приходят из прошлого и мстят тем, кто не почитает память умерших»²⁵. Стендаль писал, что Дон Жуан немислим в античном мире с его страстями свободных людей. В эпоху Возрождения при Чезаре Борджиа поведение Дон Жуана воспринималось бы как заурядное. По его мнению²⁶, в Дон Жуане воплощение порока увидели только после Лютера и только в Испании и Италии, когда резко возросла религиозность и экзальтированность людей, любивших грешить до самозабвения и мучительно вымаливать потом прощение.

В конце XIX – начале XX в. бурно обсуждалась гипотеза Артуро Фаринелли об итальянском происхождении легенды о Дон Жуане. И отклонена она была не только потому, что в испанском

²⁴ Багно В. Расплата за своеволие, или воля к жизни // Миф о Дон Жуане. СПб., 2000. С. 6.

²⁵ Цит. по: Багно В. Расплата за своеволие... С. 7.

²⁶ Нусинов И.М. История литературного героя. М., 1958. С. 406.

фольклоре была обнаружена целая россыпь вариантов легенды. Именно в ренессансной Испании одновременно возникли два ключевых для развития всей европейской культуры мифа: о севильском насмешнике и Рыцаре Печального Образа. Трагическое противостояние и стык двух эпох породили два полярных и одновременно взаимодополняющих образа. По существу, Тирсо де Молина и Сервантес переосмысливали заложенное в традиции представление о типичном герое.

Впервые тема Дон Жуана получила драматическую обработку в произведении испанского драматурга Тирсо де Молина «El burlador de Sevilla y Convidado de piedra» («Севильский озорник, или Каменный гость» написан, вероятнее всего, между 1618 и 1621 гг., но не позднее 1628 г.)²⁷. Под псевдонимом Тирсо де Молина писал драмы младший современник Лопе — Габриэль Тельес (1571–1648). Он создал свыше 400 драматических произведений, до нас дошло только 86. Как драматург Тирсо де Молина развивался в направлении, указанном Лопе де Вега. Об этом свидетельствует как художественная практика Тирсо, так и его теоретические декларации. Тирсо живописал Испанию Золотого века, когда жесткая мораль соседствовала с распущенностью, самоотречение с жадной наслаждения, богатство с нищенством.

Любопытно, что запомнился потомкам Г. Тельес именно благодаря «Севильскому озорнику». Взяв за основу упомянутую легенду, Молина расширяет известный сюжет и представляет нам Дон Жуана одновременно в нескольких сюжетных планах: Дон Жуан и Донна Изабелла; Дон Жуан и Тисбеа; Дон Жуан, Донна Анна и Дон Гонсало; Донна Анна и герцог Октавио; Дон Жуан и статуя. Автор осуждает поступки своего героя и создает образ Дон Жуана как человека грешного, распутного — человека, которого общество не может простить: «Славлюсь я не зря как самый / Беспардонный озорник: / Я, действительно, мастак / Девушек бесчестить так, / Чтобы не было улик». Ужасна и его смерть: Дон Жуан проваливается в ад. Основная идея произведения заключается в том, что человек, переступающий через человеческую мораль и губящий жизни людей для своего удовольствия, оказывается не в состоянии противосто-

²⁷ Впервые пьеса была напечатана в 1630 г., во второй части сборника «Двенадцать новых комедий Лопе де Вега Карпио и других авторов» под названием: «Севильский озорник и Каменный гость, знаменитая комедия маэстро Тирсо де Молина. Поставлена Роке де Фигероа». Пьеса переведена на множество европейских языков. Первым русским переводчиком «Севильского озорника» был В. Пяст, опубликовавший свою работу в единственном до настоящего времени сборнике пьес Тирсо: Тирсо де Молина. Театр. М.: Academia, 1935.

яты силам Справедливого Неба: *accusatus, judicatus, in aeternum damnatus est* – обвинен, осужден, проклят навеки.

Были у Тирсо свои предшественники и литературные источники: народные предания, испанский народный романс о приглашении «покойника из камня» (*difunto de piedra*) и, возможно, театральное представление, разыгранное студиями Ингольштадской духовной семинарии осенью 1615 г. о графе Леонсио, совращенном учением Макиавелли и не верящем в загробную жизнь. Но, как показали исследования испанских ученых, в пьесе впервые соединились два бытовавших задолго до этого в испанском фольклоре предания: о бессовестном оболъстителе и о приглашении на пир статуи мертвеца. Это соединение оказалось настолько органичным, что почти все, кто позднее обращался к истории Дон Жуана – Мольер, Гольдони, Моцарт, Пушкин, Мериме, А.К. Толстой, Фигейреду и др., – в этом следовали за Тирсо, хотя и образ Дон Жуана, и страшная месть статуи истолковывались по-разному.

Первым, кому удалось создать силой своей художественной фантазии целостный характер и целостную мораль (пусть разрушительного, отрицательного свойства), был Тирсо де Молина. С веками Дон Хуан превращался то в циника, то в бунтаря, то даже в борца за свободу, то в поэта.

Одной из особенностей любого «ренессанса» является обращение к тем архетипам культуры, которые сформировались на заре цивилизации. Дон Жуан – один из архетипов Нового Времени, как и Гамлет, Дон Кихот, Фауст. Основные архетипы новоевропейской литературы появились на свет один за другим, с промежутком примерно в 40 лет: народная книга о Фаусте (1587), Гамлет (1601), Дон Кихот (1605), Дон Жуан (1630), – в период после Возрождения и Контрреформации.

Всякий миф имеет свое ядро, или, точнее, позволяет вычлени из себя ясно очерченную мифологему. В этой структуре, по мысли Жана Руссе, три инвариантных образующих: женщины, смерть, герой²⁸. Центральную часть мифологемы Дон Жуана занимает фигура вечно вожделеющего мужчины в окружении женщин, которые не могут устоять перед его чарами — и испытывают острое счастье от соприкосновения с его зротической мощью.

Миф о Дон Жуане – миф, рожденный христианской цивилизацией. После выхода в свет пьесы Тирсо де Молина образ Дон Жуана, рожденный в недрах испанской народной культуры, вошел и в так называемую высокую культуру, сначала Италии и Франции, а

²⁸ Парин А. Дон Жуан на русских дорогах // Дон Жуан русский. М., 2000. С. 5.

затем и всей Европы. Развитие мифа шло по двум направлениям. Символично, что уже само название пьесы оказалось как бы расколото. Так, из самых ярких и глубоких версий только у Мольера мы находим двойное название – «Дон Жуан, или Каменный гость», в то время как Байрон, Гофман, Бодлер и многие другие «опускают» «Каменного гостя», а вместе с тем и идею расплаты, напротив, Пушкин в «Каменном госте» выдвигает ее на первый план.

Возникнув как антигерой в средневековой пьесе, Дон Жуан постепенно обретал и обогащал свой духовный и идейный мир, превращаясь в личность героя, привлекающего читателя. Тип Дон Жуана – сокрушителя моральных и религиозных норм, искателя чувственных наслаждений создан в правоверной католической Испании. Но именно эту трактовку развили впоследствии романтики. Новое мировосприятие породило целую плеяду разочарованных Дон Жуанов (новелла «Дон Жуан», 1814, Э.Т.А. Гофмана; драма «Дон Жуан и Фауст», 1829, Х.Д. Граббе; поэма «Намуна», 1832, А. Мюссе; драматическая поэма «Дон Жуан», 1844, Н. Ленау).

Из Испании сюжет перебрался во Францию, где Мольер в 1665 г. поставил свою комедию «Дон Жуан, или Каменный гость», сам выступив в роли Сганареля. Мольер наделил Дон Жуана бытовыми чертами французского аристократа XVII века – развратного, лицемерного, наглого и циничного. Он сделал Дон Жуана отрицателем всех устоев, на которых покоится благоустроенное буржуазное общество: семья, нравственность, честность, религия. Но Мольер изменяет и углубляет тему Дон Жуана. Дон Жуан – это и воплощение отрицательных сторон общепринятых норм. Он – «сын своего века». Он – «герой нашего времени». Назидательная цель Мольера состояла в том, чтобы в Дон Жуане разоблачить порочность дворян. В Дон Жуане Мольера критики видят предшественника нищеанского сверхчеловека: он силен, отважен, он последовательный рационалист, но одновременно ему чуждо понятие верности, он не брезгает притворством и обманом.

Поворотным пунктом в истории образа стала опера Моцарта «Дон Джованни» (W.A. Mozart, Don Giovanni. Drama giocoso In due atti, 1787), подготовившая романтические интерпретации Дон Жуана. «Классический Дон Жуан» XVII–XVIII вв. закладывает фундамент всего мифа, поэтому он наиболее близок по чертам к архетипическому ядру. Основной темой мифа становится в это время чувственность, тело, кровь. И только немецкие романтики попытались радикально пересмотреть образ Дон Жуана, который представили титанической натурой, устремленной к недостижимому идеалу. Романтический Дон Жуан XIX века обращает свой поиск к душе. Интерес к образу Дон-Жуана в начале XIX в. был

вызван порабощением личности буржуазным обществом и бес- сильным бунтом этой личности против восторжествовавшего бур- жуазного порядка. Восторженный портрет романтического Дон Жуана принадлежит немецкому романтику Гофману.

Так сложились две противоположных интерпретации образа Дон Жуана: отвратительный злодей и трагический идеалист.

Дон Жуан из одноименной поэмы Байрона (1819–1823) – испанский дворянин, своевольный, ветреный, нарушающий запреты ханжеской морали. Скептицизм байроновского Дон Жуана вызван порочностью всего общества. Байрон создает образ нового Дон Жуана – романтика. В отличие от предшествующих ему образов, Дон Жуан Байрона способен к искренним чувствам. «Дон Жуан» – последняя поэма лорда Байрона, была модной литературной новинкой, с которой Пушкин познакомился в 1823 г., прочитав «пер- вые 5 песен». Герой ее — сын «галантного века», любитель «мир- ных наслаждений» и «науки страсти нежной» – не нападает на свою «жертву», как средневековый Дон Жуан, а сам является либо объектом ее притязаний, либо жертвой случайной встречи²⁹.

При каждом новом обращении к образу Дон Жуана произво- дились самые разнообразные изменения, обусловленные истори- ческой эпохой, национальным характером, социальными отноше- ниями, особенностями той или иной философской концепции, личными взглядами и симпатиями автора. «Понемногу обносился "Гарольдов плащ", почтенной древностью веет и от вертеровского наряда, когда-то обязательного для всех отцветших душою»³⁰.

В России именно А.С. Пушкин первым обратился к образу Дон Жуана. Знаменательно, что в русскую литературу Дон Жуана привел именно этот великий мифотворец. Пушкинский Дон-Гуан вобрал в себя те мифологические черты, которые стали осново- полагающими в русской «донжуаниане».

Непосредственными источниками «Каменного гостя» послу- жили комедия Мольера "Don Juan, ou le Festin de Pierre" (1665) и опера Моцарта «Дон Жуан», написанная по либретто Лоренцо да Понте (1749–1838) (цитату из него Пушкин использует в эпиграфе). Возможно, Пушкин был знаком и с новеллой Гофмана «Дон Жуан» ("Don Juan", 1813), интерпретировавшей оперу Моцарта в трагиче- ском ключе³¹. Ревнивого Дон Жуана Пушкин встретил в драме Бар-

²⁹ Кошелев В.А. «Онегина» воздушная громада... СПб., 1999. С. 24–25.

³⁰ Веселовский А. Этюды и характеристики. Т. 1. М., 1912. С. 46.

³¹ Заглавие пушкинской «маленькой трагедии» напоминает заголовков пьесы Тирсо де Молина («...el copidado de piedra»). Возможно, Пушкин узнал о нем от Вольтера или из переведенной на французский язык но-

ри Корнуолла «Хуан» ("Juan"). Байроновская версия «Дон Жуана» нашла отражение в «Каменном госте» лишь отчасти. В письме Вяземскому (ноябрь 1825 г.) Пушкин прямо говорит о недостаточном знании английского, препятствующем чтению «Дон Жуана» в оригинале: «Что за чудо «Дон Жуан»! я знаю только пять первых песен... Мне нужен английский язык и вот одна из невыгод моей ссылки: не имею способов учиться, пока пора»³². Остальную часть «Дон Жуана» в переводе Пишо Пушкин получил в декабре 1825 г., «благодаря стараниям Аннеты Вульф и Анны Керн», как заметил В. Набоков в предисловии к своему изданию «Онегина».

Он знал, конечно, основные произведения о Дон-Жуане XVII и XVIII вв., но Н.А. Котляревский в свое время допускал, что «Пушкин и не догадывался, с какими предшественниками он вступал в состязание». И все же «на основании изучения обширного круга привлеченных материалов, роль известных Пушкину пьес о Дон Жуане мирового репертуара может быть определена лишь в качестве отправного момента для создания совершенно оригинального и в высшей степени своеобразного произведения»³³.

Через Мольера и Моцарта Пушкин заимствовал и фольклорную основу сюжета – легенду об оскорблении черепа и предание о севильском обольстителе. В «Каменного гостя» введен и классический литературный материал, мало связанный с донжуановским сюжетом. С.П. Шевырев еще в 1841 г. отметил близость двух сцен «Каменного гостя» к одной сцене в «Ричарде III» ("Richard III", 1593, акт I, сц. 2): речь идет о сценах обольщения Дон Гуаном Доны Анны у памятника командора и в ее доме, действительно имеющих некоторое сходство с объяснением между Глостером и леди Анной в трагедии Шекспира³⁴. Использованы были также сцена между Родригом и Хименой из «Сиды» Корнеля

веллы Гофмана «Дон Жуан». Скорее всего, и новелла Гофмана, и трагедия Пушкина имеют общий источник – оперу Моцарта. – *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч., Т. VII. Л., 1935. С. 573 (прим. Б.В. Томашевского).

³² Цит. по: *Гаррард Д.* Сравнительный анализ героинь «Дон Жуана» Байрона и «Евгения Онегина» Пушкина // *Вопросы литературы.* 1996. № 6.

³³ *Городецкий Б.П.* Драатургия Пушкина. М.;Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 289.

³⁴ «Сцены Дон Жуана с Донной Анной, – писал Шевырев, – напоминают много сцену в Ричарде III между Глостером (Ричардом III) и леди Анной, вдовой Эдуарда, принца Валлийского, даже до подробности кинжала, который Дон Жуан, как Глостер, употребляет хитрым средством для довершения победы. Положение совершенно одно и то же; не мудрено, что Пушкин и, без подражания, без подущения памяти, сошелся нечаянно в некоторых чертах с первым драматическим гением мира». – *Алексеев М.П.* Пушкин. Сравнительно-исторические исследования. Л.: Наука, 1984. С. 285.

("Cid", 1637, акт III, сц. 4), новелла «О целомудренной эфесской матроне» из «Сатирикона» Петрония и др.

Архетипы нововременной цивилизации достаточно тесно связаны между собой в творчестве А.С. Пушкина. Давно замечено сходство образов Дон Жуана и доктора Фауста: оба борются с судьбой, оба – эгоисты и атеисты. Еще в средневековых моралите за душу Человека боролись силы неба и ада. За душу Дон Жуана ведут борьбу богобоязненный Лепорелло и женщины Дон Жуана. За Фауста – доктор Вагнер, прекрасная Елена и Мефистофель. Легенда об одном из прототипов «севильского озорника» Дон Жуане де Марана рассказывает о том, что он продал душу дьяволу, впоследствии раскаялся и ушел в монастырь. Судьба Фауста тоже оказалась связана с женщиной. В репертуаре немецких и английских странствующих комедиантов пьесы «Дон Жуан» и «Доктор Фауст» часто стояли рядом. Дон Жуана и Фауста объединяет стремление к автономии разума и личности, характерное для эпохи Ренессанса. Сальвадор де Мадариага, определяя роль мировых образов в развитии европейской цивилизации, писал, что Фауст и Дон Жуан оказались символами двух путей – интеллектуального и эротического, – на которых европеец мог реализовать себя. Однако философский смысл введения Пушкиным в миф о Дон Жуане фаустовской темы значительно глубже. В судьбу Дон Гуана вторгается Рок именно в ту минуту, когда он, в сущности, говорит: «Остановись, мгновенье, ты прекрасно», – когда он наконец-то обретает гармонию и полноту счастья, но изменяет классическому донжуановскому принципу – вечное движение³⁵.

Пушкина яркими мазками рисует «каменную» Испанию (инквизиторы, извращенная, аскетическая философия, жены фарисейски плачут на могилах нелюбимых мужей). И в этом мертвом мире появляется новый человек Ренессанса, пьяница, волокита, забияка, безбожник, поэт, воин. Дон Гуан не признает никаких законов и не задумывается над последствиями своих поступков. На его совести «много зла», он не ценит ни свою жизнь, ни чужую. Ему важны свобода и честь, но свои, а не чужие. Он подлинно свободен в своих чувствах и желаниях, обаятелен, непосредствен («Я счастлив, как ребенок!»). Смысл его жизни – любовь, он поклоняется не абстрактному Богу, а свободе. «Не будем ни суеверны, ни односторонни – как французские трагики; но взглянем на трагедию взглядом Шекспира», – принцип, который Пушкин сформулировал еще в февральском 1826 г. письме к Дельвигу. Это действительно подход,

³⁵ См.: *Madariaga S. de: Don Juan as a European Figure. Nottingham, 1946. P. 10. Цит. по: Багно В. Расплата за своеволие... С. 14.*

блестяще обоснованный и примененный великим английским гуманистом. Отказ от «суеверия» и «односторонности» здесь – призыв не толковать о роке и предопределении, стремление видеть сложность и даже противоречивость человеческих характеров³⁶.

Как и в возрожденческой литературе, скажем, у того же Шекспира, у Пушкина сцена действия погружена в мрачную темноту, «кладбищенскую», какую-то противоестественную: полуживая Инеза с «помертвелыми» губами, любовь в двух шагах от трупа Карлоса, свидания на кладбище и т.п. Это не случайность и не проявление специфики пушкинской личности. Как и драматурги Возрождения, он пытается представить и понять жизнь как противоречивый и в то же время единый процесс: «у гробового входа младая будет жизнь играть...». Дугая шекспировская черта пушкинских пьес – контраст высокого и низкого, трагедии и комедии. Несмотря на краткую форму, три из четырех «маленьких трагедий» включают в себя комические сцены. В «Скупом рыцаре» это пародийный эпилог к рыцарскому турниру, в «Моцарте и Сальери» – эпизод со скрипачом, в «Каменном госте» – вся роль Лепорелло.

Сущностным признаком переходного характера культуры является изменение отношения к человеческим чувствам и эмоциям. Средневековый человек боялся погубить душу излишней привязанностью к земному (Г. Штокмайер). А в эпоху классического Возрождения широко распространяется интерес ко всему земному, и тема любви становится одной из центральных в гуманистической культуре. Любовь снова воспринимается как жизненно важная философская категория, каковой она была в античности у Эмпедокла и Платона. Человек Возрождения оказывается предоставленным самому себе и лично, индивидуально ответственным за свои проступки. Гуманистическое самоутверждение человека начинается с его раскрепощения, человек противопоставляет себя небу и чувствует себя на земле. Ренессансное мирозерцание упорно стремилось освободиться от церковного понимания любви, и в противопоставлении любви «земной» и любви «небесной» земная свои права отстаивала все более решительно. Причудливое переплетение небесного и земного сопровождает всю культуру эпохи Возрождения. Любовь (*caritas*) – крепчайший обруч, скрепляющий мироздание в великолепное сооружение, а людей – во всеобщее братство, – к такому выводу приходит флорентийский неоплатоник Марсилио Фичино в своем «Толковании на "Пир" Платона» (1469). Наивысшего расцвета ренессансное представление о сущности и

³⁶ Эйдельман Н.Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М.: Советский писатель, 1984. С. 93.

значении любви достигло в учении Джордано Бруно (1548–1600). В его диалоге «О героическом энтузиазме» любовь принципиально отличается от «нерационального порыва, стремления к чему-то звериному и неразумному», она – героическая страсть, окрыляющая человека в его борьбе с природой, космическая сила, делающая человека непобедимым: «Любовь – это все, и она воздействует на все, и о ней можно говорить все, ей можно и все приписывать». Блез Паскаль в «Рассуждениях о страстях любви» прямо заявляет, что человеку необходимы и земные страсти («к тихой жизни привыкнуть невозможно»), а одной из главных страстей является любовь между мужчиной и женщиной³⁷.

Характерно, что одна из главных тем всего творчества Пушкина – противопоставление жизнеутверждающей чувственной любви угрозам и преградам, которые ставили ей религия, замкнутость семейного уклада, суеверия и т.д. Это нашло отражение в его испанских стихотворениях. Начиная с испанского эпизода стихотворения «К вельможе» (1829), в котором Пушкин изображает тот «благословенный край, пленительный предел», где «жены вечером выходят на балкон» и «умеют с любовью набожность умильно сочетать»; эта тема варьируется в нескольких стихотворениях первой половины 1830-х гг. («Пред испанкой благородной двое рыцарей стоят...», «Я здесь, Инезилья...»).

Известно, что Пушкин предметом изображения в «Маленьких трагедиях» избрал три характера, три общечеловеческие «страсти» – скупость, зависть, любовь. Психологический анализ их и составляет содержание всех «сцен». Зависть, скупость и, долгое время, любовь рассматривались как страсти, привносящие в человеческие отношения «зло». Пушкин, в отличие от своих предшественников в литературе, отказывается от одномерного взгляда на них: «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предпалагаемых обстоятельствах – вот чего требует наш ум от драматического писателя», – формулирует он закон драматического искусства³⁸.

Любовь изображена в «трагедиях» как «индивидуальная, страстная, плотская и в то же время поэтически-сублимированная», в «Каменном госте» она предстает как одна из основ психологического бытия человека нового времени. Поскольку как «свободное» чувство любовь определилась именно в эпоху Возрождения, Пуш-

³⁷ Нарский И.С. Тема любви в философской культуре Нового времени // Философия любви. Т. 1. М.: ИПЛ, 1990. С. 110–112, 115–116.

³⁸ Москвичева Г.В. К проблеме жанра «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1991. С. 54.

кин и обратился в «Каменном госте» к сюжету, в наибольшей степени способному отразить «дух Возрождения и смысл темы любви»³⁹. «Испанская» любовь, по Пушкину, это не та любовь, которую изображали немецкие романтики-испанофилы. Это видно прежде всего на примере главного действующего лица – Дон Гуана.

Попутно стоит обратить внимание, что в то время, когда в Европе история общественных институтов стремительно заменяла историю людей, Пушкин акцент делал на истории человека. Интерес к человеку, попытка реабилитировать его и есть начало любого «ренессанса». Для любой состоявшейся культуры характерен диктат коллектива и его ценностей над ценностями отдельного индивидуума. Но при смене культур на первый план выходит Человек, загадочный и неповторимый. Именно это и можно сказать о Дон Гуане. Разумеется, пушкинский герой ярко демонстрирует свою русскую натуру, но ведь и герои Данте, Боккаччо, Монтеня, Шекспира – итальянцы, французы, англичане.

Отношение Дон Гуана к любви очень часто упрощается. Одни полагают, что он ищет лишь сексуальных удовольствий, другие – холодного интеллектуального напряжения (С. Корнев). Подобное справедливо для Дон Жуана Тирсо де Молины или Мольера, но Дон Гуан Пушкина в любви ищет этого, быть может, только в начале, до решающего этапа разговора с Доной Анной. Да, Дон Гуан – гений любви. Для него характерно типично ренессансное жизнерадостное мировосприятие, любовь к удовольствиям. Он ходит по тавернам, пьет вино, танцует, шутит и даже в этом противостоит дону Карлосу, «мрачному гостю», лишенному умения беззаботно и весело воспринимать жизнь. Он циник и полностью свободен от каких-либо нравственных устоев и моральных обязательств. Можно сказать, что на этом этапе (на котором, кстати, остановились Тирсо де Молина, Мольер и даже Моцарт, Байрон) он – своеобразная карикатура на ренессансный идеал автономной личности, избавившейся от сковывавших ее норм религии и средневековой морали, но не приобретшей никаких иных принципов взамен. Для Тирсо де Молина Дон Хуан «озорник» (*Burlador*), для других – «распутник». Он живет по принципу «после меня – хоть потоп». Для него цели жизни – лишь радость и удовольствие. Высшая радость – в физических наслаждениях. Дон Жуану нужна только победа: *veni, vidi, vici*. Он предпочитает охоту завоеванию, «желает желать». Это есть его собственная мудрость жизни, и он отстраняет все то, что мешает ее реализации. Если Дон Кихот Сервантеса любит одну единст-

---

³⁹ Гуковский Г.А. Пушкин и проблемы реалистического стиля. М., 1957. С. 303, 305.

венную женщину, более того, несуществующую, Дон Гуан стремится обладать всеми, не отличая одну от другой. Дон Кихот – отказ от земного. Дон Жуан – торжество гедонизма, прославление чувственно-земных радостей. Дон Кихот не приемлет условности и живет наперекор им. Дон Жуан издевается над ними. В «Толковом словаре живого великорусского языка» Владимира Даля донжуанство обозначено словом «женобесие».

По Киркегору, «жизнь Дон Жуана не означает отчаянья; здесь рождается в страхе другое — великая сила чувственности». Действительно, любовь сродни музыкальным импровизациям и каждая новая вариация радует больше, чем та, которую он уже слышал. Каждая новая девушка притягательней той, которую он уже познал. «Однако это правда мгновения. Он сам характеризует свою жизнь как "мгновенную". Но каждое мгновение для него – вся жизнь, все счастье»⁴⁰. Хотя Дон Гуан проходит по жизни, «со всех цветов собирая аромат», но он – изначально человек, одаренный талантом любви, мужества, поэзии, ума. Разве для того, чтобы любить сильно, необходимо любить редко? Аполлон Григорьев определил его как «вечно жаждущую жизни натуру»⁴¹. «Его герой, любящий жизнь и ее наслаждения и смело играющий со смертью, веселый, предприимчивый, беспечно-дерзкий и всегда влюбленный, вызывает невольную симпатию, и не только со стороны обольщенных им женщин»⁴². Пушкин, по мнению Бунина, своим «Каменным гостем» хотел сказать, что вполне возможны люди, смысл жизни и счастье которых заключены в любви и только в любви⁴³.

Противовесом дон Гуану в трагедии служит Лепорелло. Сопоставлением Лепорелло с дон Гуаном Пушкин раскрывает суть двух жизненных философий. Одна – философия человеческой пошлости, характерная для литературных предшественников Дон Гуана, а в «Каменном Госте» воплощенная в образе Лепорелло. Другая – философия лирического, красочного восприятия жизни – философия дон Гуана⁴⁴. Он живет здесь и сейчас, делает то, что хочет (девиз Телемского аббатства из романа Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль») и ни на что не надеется («Он был бы печален, если бы надеялся»⁴⁵). Действительно, «величайшая глупость – ви-

⁴⁰ Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1981. С. 152–153.

⁴¹ Григорьев А. Литературная критика. М., 1967. С. 181.

⁴² Благой Д. Драматургия. Проза // Пушкин А.С. Драматургия. Проза. М.: Правда, 1981. С. 8.

⁴³ Бунин И. Русский Дон Жуан // Русская литература. 1992. № 4. С. 184–192.

⁴⁴ Дружинина Н.М. "Маленькие трагедии" А.С. Пушкина. Л., 1961. С. 15.

⁴⁵ Камю А. Донжуанство // Миф о Дон Жуане. СПб., 2000. С. 589–590.

деть в Дон Жуане человека, вскормленного Экклезиастом. Что для него суета сует, как не надежда на будущую жизнь?»⁴⁶. Он – типичный uomo universale Ренессанса. Для средневекового человека любовь не обязательна. Данте, полюбив Беатриче Портинари, вначале пугается, что любовь эта от дьявола. Новый человек считает, что без излишков человек не полон, как бедный дом.

Но Дон Гуан и в свое время достаточно одинок. Любовь сама по себе никогда не воспринималась как чувство, порочащее человека. Но должна же быть мера. А почему? Трагедия «Каменный гость» явилась, по сути, ответом на вопрос: всегда ли непостоянство в любви мотивировано низменными побуждениями?⁴⁷

Есть выражение, часто повторявшееся в старых испанских драмах: gozar la mujer, наслаждаться женщиной. Мало кто умеет так наслаждаться женщиной, как пушкинский Дон Гуан. Вся предшествующая Пушкину традиция связывала Дон Жуана только с идеей разврата и образом соблазнителя. Он – «хитрый Искуситель», «безбожный развратитель», «сущий демон». И следовательно, Дон Жуан считался хладнокровным и лживым имитатором любви, обманывающим с помощью «обдуманности» и «коварства» «бедных женщин». Однако Пушкин внешне парадоксально соединяет с этими качествами искренность, способность каждый раз переживать «первую любовь» («Как я любил ее!» – об Инезе). Более того, он жалеет, что бессилён что-либо исправить в ее судьбе («Узнал я поздно»). Да и вернувшись в Мадрид, он спешит навестить прежнюю возлюбленную. Дон Гуан Пушкина любит каждую новую женщину за то новое и особенное, что ей присуще. Он любит каждую новую женщину по-новому. Он переходит от одной к другой, но он и ни одной из них не забывает, ибо помнит то исключительное, что каждой из них было присуще, особое очарование каждой. У Инезы – глаза, полные скорби. У Лауры – неутомимая жажда жизни. У донны Анны – ее добродетель. У всех традиционных Дон Жуанов не было и не могло быть в душе прошлого – они жили только настоящим. Традиционный Дон Жуан лишь ринется в поиски новых приключений. Пушкинский Дон Гуан – первый в череде Дон Жуанов, способный дружески и сочувственно относиться к женщине.

Дон Гуан – поэт в любви. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя «импровизатором любовной песни». Страсть для Пушкина ренессансна (как у Боккаччо), она есть всплеск стихийности, ее мощь в беззаконии. Воля бес-

⁴⁶ Там же. С. 590.

⁴⁷ Москвичева Г.В. Трагическая коллизия в «Каменном госте» А.С. Пушкина // Болдинские чтения. Нижний Новгород, 1994. С. 40.

сильна, когда «душе настало пробужденье». Рай – это место, «где чистый пламень пожирает несовершенство бытия».

Уже до встречи с Доной Анной Дон Гуан необычен и непохож на своих современников. Он идет на свидание не только ради нового удовольствия, но и потому еще, что он – рыцарь любви. В этой любви к игре тоже виден ренессансный индивидуализм «севильского обольстителя». Можно сказать, что он «беспринципен», как сама плоть. Через все можно преступить, любого, кто встретится на твоём пути, можно рассматривать лишь как препятствие или «орудие» для удовлетворения честолюбивых в своей основе желаний. Пушкинский Дон Гуан – испанский гранд с головы до ног. Он как бы пришел в «маленькую трагедию» из испанского «театра чести», где девизом благородного героя была формула *Jo soy jo* (Я есть я)⁴⁸.

Любовный монолог Дон Гуана вначале привычен и стандартен, но Дона Анна неожиданно нарушает «правила игры» и спрашивает: «Вы узами не связаны святыми / Ни с кем — не правда ль? Полюбив меня, / Вы предо мной и перед Небом правы?». Дон Гуан потрясен ее чистотой, кажущейся ему девственной до детскости. Наступает момент потрясения и прозрения: «Пред вами! Боже!». Именно Дона Анна оказывается свободной в своих чувствах, а не Дон Гуан. Он мог совершить подобный поступок, но лишь с целью обмануть женщину, а она поступает так потому, что так велит ее душа. Он впервые видит в ней не просто красивую женщину, а человека. На ее вопрос («И любите давно уж вы меня?») он отвечает: «Давно или недавно, сам не знаю, / Но с той поры лишь только знаю цену / Мгновенной жизни, только с той поры / И понял я, что значит слово счастье». Таких женщин он еще не встречал. Дон Гуан потрясен как ребенок⁴⁹, что уже говорит о некоем возвращении души его «в Эдем», в состояние до

---

⁴⁸ Это «яканье», эта свобода от всяческих рамок, в том числе и моральных, – отличительные признаки так называемой «обратной стороны титанизма», о которой писал А.Ф. Лосев. Эту мысль о родстве Дон Жуана с титаном весьма красочно выразил А.Д. Улыбышев в своей биографии Моцарта: «Сказание о титанах последовательно принимало различные оттенки веков. Сначала были титаны честолюбия и гордости: Прометей был титаном активного ума, Фауст – философского содержания; Дон-Жуан – титан чувственности, олицетворение сенсуализма. В том или ином смысле постоянно является себялюбивое восстание твари против творца, всегда поражаемой и уничтожаемой в той же катастрофе, ибо поэзия, постоянно идущая впереди философии в толковании великих философских истин, всегда назначала роковую кару за преступление духа, дерзающего обратиться против бога полученную от него неизмеримую силу». – *Улыбышев А.Д. Новая биография Моцарта. М., 1892. Т. III. С. 57.*

⁴⁹ *Благой Д. Драматургия. Проза... С. 8.*

грехопадения: «Я счастлив! ...Я счастлив, как ребенок!». «Молва, быть может, не совсем права, / На совести усталой много зла, / Быть может, тяготеет. Так, Разврата / Я долго был покорный ученик, / Но с той поры как вас увидел я, / Мне кажется, я весь переродился. / Вас полюбя, люблю я добродетель / И в первый раз смиренно перед ней / Дрожащие колена преклоняю». «Создаваемый этим монологом образ Дон Гуана, перерождающегося под влиянием любви к Доне Анне, резко противоречит всей мировой традиции в истолковании характера героя»⁵⁰.

Он наблюдает, как совершается акт освобождения человеческой души от «камня». Влюбившись в Дону Анну, он своей страстью оживляет и ее. До встречи с ним она была как бы замурована в мире камня («гробница», «мраморный супруг», она рассыпает «черные волосы на мрамор бледный»). «Ах если б вас могла я ненавидеть!». Однако ненависти в ее сердце нет, ибо Пушкин показывает победу нового чувства Доны Анны над верностью гробу, как победу жизни над смертью, как утверждение новой жизни. Такой диалог бывает лишь раз в жизни. Он и есть то, что мы называем Любовью. Любовь превращается в страсть как субстанцию, она земная, но творит мир.

Умирает Дон Гуан с именем любимой на устах, раскаявшись. Гибнет в тот момент, когда его душа открылась добру – за это и гибнет. По христианским канонам, ему место в раю. Но он проваливается в преисподнюю. Пушкин констатирует лишь факт (как и Данте в «Божественной комедии» – в аналогичных случаях, ничего не комментируя, но читатель задумывается – что есть истина?)

Как и другие герои «маленьких трагедий», Дон Гуан от страха и предрассудков избавляется в борьбе за свободу, и, как они, он гибнет именно в момент прозрения. В нем проснулась любовь и мир отверг его, но умирает он с именем Доны Анны на устах: «Я гибну — кончено — о Дона Анна!» Гибель приходит в момент полноты счастья. А это – по Пушкину – всегда момент беззащитности. Наслаждение оказывается равным смерти. Впоследствии Пушкин выдвинет эту тему в качестве центральной в «Египетских ночах». Герой, «Каменного гостя», если воспользоваться выражением М.Л. Гофмана, предстает не только «хитрым и красноречивым искусителем», радостно упоенным своими победами «Мефистофелем», но и трагической «жертвой любви»⁵¹. Такого Дон Жуана до Пушкина еще не было. Закладывалась основа образа нового «героя нашего времени».

⁵⁰ Городецкий Б.П. Драматургия Пушкина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 289.

⁵¹ Гофман М.Л. Пушкин – Дон Жуан. Париж, 1935. С. 12.

Отношение Пушкина к Дон Гуану в целом амбивалентно. Дон Гуан рисуется таким, каким он должен быть и, в то же время, подчеркивается жизненность, реалистичность этого образа. Эффект, сравнимый в этом отношении с эффектом «Декамерона» Д. Боккаччо, достигается различными средствами. В том числе используется типичный для всей традиционной христианской культуры прием. Еще Аврелий Августин поставил две проблемы – динамики человеческой личности и динамики человеческой истории. Эта динамика связана с векторным движением (постижение индивидом истины и движение от Первородного греха к Страшному суду) и цикличностью. Все нечеловеческое, божественное одномоментно, все человеческое, историческое повторяемо. Повторяемость – особенность человеческой эволюции. Это всячески подчеркивается и в других европейских текстах. Пушкин, заставляя Дон Гуана проходить через серии совращений, не столько доказывает его порочность, сколько показывает реальность нового мировосприятия и нового типа личности. Боккаччо использует такой же прием. У Пушкина это также рождает невиданный психологический реализм.

Фактически Пушкина здесь интересует та же проблема, которая интересует гуманистов эпохи Возрождения или вообще интеллектуалов на стыках культур, а именно конфликт личности и общества. Вся европейская литература того времени фактически осваивала концепцию «становящегося человека»⁵². Пушкин исследует этот конфликт на широком историческом фоне. По его мнению, конфликт этот порожден самим индивидуалистическим сознанием («без шума из толпы не выйдешь!») и каждый раз оказывается неразрешенным, поэтому и переходит у него из драмы в драму. Для Пушкина, как и для «классических» гуманистов, проблема противостояния личности и общества выражается в противостоянии стяжательства и расточительства, материальных благ и духовных ценностей, небесного дара и человеческой культуры.

Время Дон Гуана еще не пришло, и он обречен. Ему не прощается то, что он отвергает законы общества, пытаясь утвердить свои собственные. И все же Дон Гуан гибнет в момент своего триумфа. Так может вести себя или безумный человек, или человек очень сильный, признающий только свои идеалы и не считающийся с окружающими, даже если среди них находится посланник Бога. «Я Дон Гуан, и я тебя люблю», – в этих словах весь Дон Гуан, по сути, приравнивающий себя Богу.

Если в предшествующих «Каменному Гостю» Пушкина произведениях Дон Жуан проваливается в преисподнюю, то в трагедии

---

⁵² Струганов М.В. Человек в художественном мире Пушкина. Тверь, 1990. С. 3.

Пушкина он умирает фактически непокоренным. Они со Статуей «проваливаются» вместе. Последняя ремарка драматурга демонстрирует шекспировскую недосказанность: «Дальнейшее – молчание». Пушкин не склонен обсуждать, что случится потом: «цель художества есть идеал, а не нравоучение». Уже Белинский отметил известное противоречие между содержанием «Каменного гостя» и его развязкой. Идея возмездия была понятна в средневековой легенде; но не в тексте XIX в. Пушкину это понадобилось для другого.

Одним из интереснейших действующих лиц трагедии Пушкина был образ Лауры. Ни в одной из легенд о Дон Жуане такого персонажа нет. Лаура – своеобразный двойник Дон Гуана. Ее порой называют «Дон Гуаном в юбке». Они оба – поэты любви, импровизаторы⁵³. В испанской возрожденческой культуре (в частности, у Кальдерона) сформировался эпитет «gallardo». Это слово в романских языках (gaillard, gagliardo) связано с бьющей через край силой, удалью, дерзостью, озорством, энергией, красотой⁵⁴. Дон Гуан и Лаура – типичные gallardo, следовательно, типичные новые люди. Их образы, поведение гостей Лауры, даже Дон Карлоса, – все демонстрирует новое отношение к жизни, любви, мирским радостям.

Однако Пушкин одновременно, вслед за Тирсо де Молина, а не Мольером или Байроном, затрагивает здесь еще одну важную мировоззренческую проблему. Она восходит к тем религиозным спорам, которые шли во времена Возрождения и Реформации. Это – проблема свободы воли.

Пушкин сравнивает два понимания любви – ее смысла, цели, возможностей. Он показывает два любовных свидания. Первое – во время ужина у Лауры. Здесь развивается типичная «донжуановская» тема бездумного наслаждения жизнью. По инерции, приехавший в Мадрид Дон Гуан некоторое время ведет прежний образ жизни, но уже через несколько дней любования Доной Анной издалека он начинает меняться, и центральное место в трагедии занимает Дона Анна, а не Лаура, alter ego Дон Гуана. Лаура признает только наслаждение, ее охватывают неожиданные вспышки необузданности. Антагонистом ей становится Дона Анна, вся прелесть которой в ее наивности и неопытности. Чистота ее связана с любопытством, что роднит с ней самого Дон Гуана. Любопытство толкает Дон Гуана на кощунственные проделки, Дону Анну — на

⁵³ Маймин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1981. С. 152.

⁵⁴ В «Песни о Роланде» это слово употреблено для характеристики телесной мощи лучших франков, в XVII в. употреблялось для обозначения славного, веселого, нарядного, стройного, дюжего юноши. См. Балашов Н.И. Религиозно-философская драма Кальдерона и идейные основы барокко в Испании // XVII век в мировом литературном развитии. М.: Наука, 1969. С. 170.

роковые вопросы мнимому Диэго («Я страх как любопытна...»). Любопытство для Пушкина всегда было связано со сладострастием: «О нет, мне жизнь не надоела, / Я жить люблю, я жить хочу... Еще хранятся наслажденья / Для любопытства моего». Это любопытство, связанное со стремлением перейти границу дозволенного и названного, – тоже ренессансная черта.

Лаура – прежняя жизнь Дон Гуана, Дона Анна – новая⁵⁵. Любовь не только спасает Дон Гуана от скуки, но и перерождает, воспитывает. При убитом Дон Карлосе заниматься любовью с Лаурой было нормальным, но с Донной Анной даже разговаривать при Статуе – кощунство. И это понимает сам Дон Гуан. Мы видим движение от подчиненности духа плоти к торжеству над ней.

В это не каждый способен поверить даже сейчас: «Верьте, верьте – на самом деле страсть обратила Гуана в ангела... Но не очень-то увлекайтесь: перед нами – вурдалак»⁵⁶. «Однако в своем беспечном и бездумном эгоизме, в готовности обнять весь мир только потому, что сам он чувствует себя до краев переполненным счастьем, Дон Гуан совершает тягчайшее нравственное преступление: зовет статую убитого им командора прийти к дому своей вдовы и «стать у двери на часах», пока он, его убийца, будет наслаждаться ее ласками. Так вскрывается Пушкиным глубочайшая аморальность эгоистического дон-жуанизма»⁵⁷. Но в этом приглашении, быть может, действительно лишь азарт игрока, который составляет ядро характера героя. Это входит в ритуал любовной игры, в ритуал жизни Дон Гуана, и все это ни разу не приводило его к великому конфликту с миром, его породившим. Но теперь ситуация другая. И за ним бы все равно кто-нибудь пришел – не с того света, так с этого!

Как бы то ни было, Дон Гуан нарушает всяческие запреты и теряет и женщин, и жизнь, и счастье, только что открытое им как возможность для себя. Командор и мертвый заявляет свои права на то, что он купил при жизни. И сейчас статуя Командора казнит «безбожного обольстителя» Дон Гуана во имя «супружеского долга», «верности», «нравственности» и «морали», хотя походя Командор (Черный человек Дон Гуана) уничтожает и свою «неверную» жену. Статую не интересуется Донна Анна – «Брось ее». А Дон Гуана судьба возлюбленной потрясает больше своей собственной: «О боже! Дона Анна!». Как уже не раз было замечено, ни в одной из литературных обработок легенды о Дон Жуане возмездие не распространялось на женщин, им обольщенных.

⁵⁵ *Рассадин Ст.* Драматург Пушкин. Поэтика, идеи, эволюция. М.: Искусство, 1977. С. 224.

⁵⁶ *Терц А.* Прогулки с Пушкиным. СПб., 1993. С. 51.

⁵⁷ *Благой Д.* Драматургия. Проза... С. 8.

Командор олицетворяет Отца и Закон, основным для них является запрет на женщин. Командор требует от Дон Жуана покаяния, но не сулит ему за это дальнейшей жизни, он его предупреждает: «конец твой наступает». Дон Жуан каяться не может. Покаяться — значит отказаться от торжества своей воли, отречься от радостей жизни. Он уже понял, что на этой земле нет ничего, кроме любви, что могло бы возвысить человека. Великая трагедия происходит в душе Гуана; отвергнутый обществом и небом (небом ли?), он остается верным своему великому чувству. Дон Гуан предпочел смерть от любви и за любовь. Становится понятным, почему он так боялся встретиться с королем, который пошлёт его назад, в ссылку, туда, где он «едва не умер со скуки», т.е. без любви.

Пушкин не случайно писал, что в «Маленьких трагедиях» не будет любовной пружины. Действительно, незаметно на первый план выходит общая для всех новых архетипов фаустовская тема⁵⁸. Из всех своих героев за былые заблуждения Пушкин карает почему-то только Дон Гуана. Свое личное неверие в счастье отразилось здесь или, действительно, время этого героя еще не пришло? Пушкин воскресил жизнелюбивого Дон Жуана, который своими страстями смыкается с другими архетипами эпохи Возрождения; с Фаустом Гете, но места в новой реальности не нашлось ни чудаковатому Дон Кихоту, ни «безумному» Гуану.

Эгоцентрический сенсуализм связан у Дон Гуана с его ренессансным рационалистическим неверием в потустороннюю силу. Ад для него есть нечто, заслуживающее вызова. Дон Гуан еще средневековый человек во многом. Да, он вольнодумец («безбожный Дон Гуан», по словам монаха, «безбожник и мерзавец», как называет его Дон Карлос). Тем не менее Дон Гуана влечет к «тайнам гроба», в душе его живет страх перед ними. Блок назвал его «страх познавшим Дон Жуаном». В душе Дон Гуана, «страстями томимой», «страх живет». И все же с помощью любви этот страх оказывается возможным победить.

Для «Каменного гостя» характерно глубокое философское противопоставление Жизни и Смерти. Конфликтность различных ситуаций Пушкин часто подчеркивал с помощью оксюморонов: «Скупой рыцарь», «Каменный гость», «Влюбленный Бес». Соединение несоединимого создает образ псевдожизни. Дон Гуан и Командор сталкиваются как две противоположности. «В первом как бы воплощена сама жизнь в ее причудливости и ненависти к ограничениям, во втором — человекоподобный камень»⁵⁹. Все динамическое, меняющееся, способное «мыслить и страдать», при-

⁵⁸ Багно В. Расплата за своеволие... С. 14.

⁵⁹ Якобсон Р.О. Статуя в поэтической мифологии Пушкина // Якобсон Р.О. Работы по поэтике. М., 1987. С. 166–167.

надлежит Жизни, все неподвижное, застывшее – Смерти. Пьеса сама так стремительна, что по сравнению с ней остальные части цикла кажутся несколько заторможенными. «Я лечу» – обычное состояние Дон Гуана. И человеческая, и космическая жизнь – постоянное рождение и одухотворение или окаменение и застывание. Жизнь посюсторонняя (жизнь Дон Гуана) переплетается и становится равнозначной жизни потусторонней (жизни Статуи Командора и окаменевшей Донны Анны), более того, она побеждает ее. Герой Пушкина «философствует», а значит, по выражению Монтеня, «учится умирать». Он дерзко вторгается в сферу владений Смерти и вовлекает себя в цепь последствий этого преступления, вступает в общение с воплощенной пустотой. Жизнь у Пушкина всегда причастность, смерть – выделенность. Причастность чувству другого человека, дружбе, любви, поэзии, природе, истории, культуре. Смерть – уход в одиночество. Дон Гуан совращает донну Анну на кладбище – и в этом виден Пушкин-философ, который ставит жизнь рядом со смертью, отвергает условность, утверждает свободу переживания и размышления.

Нашла отражение в трагедии, как уже указывалось, и ренессансная, болезненная для самого Пушкина, тема судьбы. Дон Гуан, как и герои других трагедий, пытается спорить с судьбой. Дон Гуан пытается добиться благосклонности вдовы убитого им Командора, тем самым бросая вызов обществу. Эта борьба человека, его попытка спорить с обществом, Небом, судьбой и есть один из тех основных мотивов, которые движут идею «Маленьких трагедий». Эффект значительно усиливается за счет того, что впервые в произведении о Дон Жуане Командор оказывается не отцом, а супругом Доны Анны. Кроме того, любовь Дон Гуана в какой-то степени противопоставляется любви Командора и Анны, которой «мать велела дать руку Дон Альвару». В свободном чувстве он обретает свою свободу, и перед смертью он зовет Дону Анну.

Надо отметить, что существенно на понимание образа Дон Жуана Пушкиным, в отличие от западных мыслителей, повлияло и отношение к истине. Западные философы соотношение истины, добра и красоты анализируют в контексте сопоставления разума, познания и ценностей: «Наука не решает вопроса о ценностях, но происходит это потому, что такого рода вопрос вообще не решается с помощью интеллекта. Ценность не имеет отношения к истине или лжи»⁶⁰. Они признают, что живут в условиях перманентного конфликта этических, эстетических и познавательных ценностей⁶¹.

⁶⁰ Рассел Б. Почему я не христианин. М.: ИПЛ, 1987. С. 206.

⁶¹ М. Вебер констатирует: «Мы знаем также, что прекрасное может не быть добрым и даже оно прекрасно именно потому, что не добро, – это нам известно со времен Ницше, а еще ранее вы найдете это в "Цветах

В русской культуре истина всегда рассматривалась не только с познавательной, но и с моральной точек зрения. В основе такой позиции лежит убеждение в том, что истина и правда — это категории не формальной логики, а нравственной философии. Если истина не связана с добром (в частности, справедливостью), то это ущербная истина и даже, может быть, вообще не истина. Н.И. Надеждин в статье «Литературные опасения за будущий год» (1828 г.) риторически спрашивает: «Что значит красота как не истина, растворенная добротою?.. изящное неудобомыслимо без отношения к существенным потребностям духа нашего: истинному и доброду»⁶². Пушкин тоже считал, что «с одним буквальным исполнением закона недалеко уйдешь»⁶³. «Нет истины, где нет любви».

В «Каменном госте» Пушкин пытается разобраться в давнем конфликте Монтеня и Декарта. Декарт в своих «Началах философии» требовал: «Необходимо, чтобы человек, ищущий истину, подверг хотя бы раз в жизни сомнению все вещи, в которых он обнаружит малейший повод для неуверенности, и чтобы он рассматривал как ложное все то, что может быть подвержено сомнению...». Монтеневская же идея состоит в том, что человек философского склада ума может иметь свою точку зрения и одновременно сомневаться. Дон Гуан по сути своей монтеневский тип и на вопрос Пилата «Что есть истина?» у Пушкина ответ че-

---

зла" — так Бодлер назвал томик своих стихов. И уже ходячей мудростью является то, что истинное может не быть прекрасным и что нечто истинно лишь постольку, поскольку оно не прекрасно, не священо и не добро». — Вебер М. Наука как призвание и профессия // Самосознание европейской культуры XX века. М., 1991. С. 142.

⁶² Цит. по: *Столочич Л.Н.* Красота. Добро. Истина. Очерк истории эстетической аксиологии. М.: Республика, 1994. С. 312. Утверждение о дихотомии истины и добра совершенно неприемлемо для русской культуры: «Русские не допускают, что истина может быть открыта чисто интеллектуальным, рассудочным путем, что истина есть лишь суждение. И никакая гносеология, никакая методология не в силах, по-видимому, поколебать того дорационального убеждения русских, что постижение сущего дается лишь целью жизни духа, лишь полноте жизни». — *Лосев А.Ф.* Философия. Мифология. Культура. М., 1991. С. 210. Аналогичную мысль высказывал Л.Н. Толстой в «Исповеди»: «Я говорил себе, что божеская истина может быть доступна одному человеку, она открывается только всей совокупности людей, соединённых любовью. Для того чтобы постигнуть истину, надо не разделяться; а для того чтобы не разделяться, надо любить и примиряться с тем, с чем не согласен. Истина откроется любви, и потому, если ты не подчиняешься обрядам церкви, ты нарушаешь любовь; а нарушая любовь, ты лишаешься возможности познать истину». — *Толстой Л.Н.* Исповедь // Новые пророки. СПб.: Алетейя, 1996. С. 275.

⁶³ Разговоры Пушкина. М.: Политиздат, 1991. С. 174.

ток: она в свободе. «Свобода же для него всегда была – полнота жизни, ее насыщенность, разнообразие. Болдинское творчество поражает свободой, выражающейся, в частности, в нескованном разнообразии замыслов, тем, образов»⁶⁴.

Характерно, что Пушкин, как и многие «классические» гуманисты, исследуя типичный европейский конфликт, соотносит его со своим собственным опытом (конфликт Дон Гуана и Командора, мотив изгнанничества, вплетенный в историю дон Гуана, и др.).

Как писал В.В. Розанов, «взглянув на Пушкина или Гейне, мы столь же неотразимо убеждаемся, что это типичные полигамисты, многолюбы. И во всякую эпоху, по всему вероятно, есть определенное число этих многолюбов. Тут — ни порока, ни заслуги. Это как трава, которая зелена, потому что она зелена ... весь характер его (Пушкина — П. Г.) творчества, весь его личный характер со многими чертами безусловной прелести абсолютно вытекает из постоянной и постоянно не вечной любви, однако во всякой точке и минуте — любви горячей и чистосердечной»⁶⁵. Действительно, в трагедии отразился и реальный опыт жизни Пушкина, его «донжуанский список» («Я нравлюсь юной красоте / Бесстыдным бешенством желаний...», «заблуждения» ранней молодости, тот «свиток» с несмыаемыми строками, над которыми он «слезы лил»⁶⁶.

М.О. Гершензон писал: «Он поведал нам, что дух есть чистая динамика, огненный вихрь, что его нормальное состояние — раскаленность, а угасание — немощь. ... Пушкина непременно надо знать, но по Пушкину нельзя жить»⁶⁷. «Каменный гость» — своеобразное пророчество Пушкина самому себе: как и за Дон Гуаном однажды «белый человек» Дантес придет за поэтом, и причиной тому тоже будет женщина. Что ж, как писал Бердяев, «русская литература самая пророческая в мире, она полна предчувствий и предсказаний».

Так, внимательный анализ «Каменного гостя» приводит нас к твердому убеждению, что за внешне заимствованными именами и положениями мы, в сущности, имеем не просто новую обработку мировой легенды о Дон Жуане, а глубоко личное, самобытное произведение, специфика которого определяется не сюжетом легенды, а переживаниями самого Пушкина и теми культурными процессами, которые шли в России в первой половине XIX века.

⁶⁴ Лотман Ю.М. Пушкин. СПб., 1995. С. 145.

⁶⁵ Розанов В.В. Возрасты любви //Философия любви. Т. 2. М.: ИПЛ, 1990. С. 306.

⁶⁶ Кулешов В. Жизнь и творчество А.С. Пушкина. М.: Художественная литература, 1987. С. 287.

⁶⁷ Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919. С. 47–46.

А.В. Свешников (Омск)

ИТАЛЬЯНСКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ В ТЕКСТАХ РУССКИХ ИСТОРИКОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.

В творческом наследии некоторых известных русских историков рубежа XIX–XX веков можно обнаружить описания одного схожего эпизода их жизненного пути. Тексты эти различны по жанру и стилю (от писем и мемуаров до статей и официальных отчетов), как различны и судьбы их авторов, но описываемые в них события и сами эти описания порой поражают своей схожестью. Речь идет о путешествиях в Италию, вернее об описаниях этих путешествий, которые историки посчитали нужным оставить. Совершенно очевидно, что эти поездки совершались как сознательный и продуманный поступок в рамках академической среды как определенной культурной традиции со своими стереотипами, нормами и правилами поведения, но в то же время с постоянно декларируемой ценностью рационального осмысления, рефлексии и саморефлексии. С другой стороны – это уже достаточно устойчивое культурное образование. То же относится и к традиции описания этих путешествий¹. Все это позволяет говорить о возможности анализа устойчивых черт определенного образа как элемента, воспроизводимого традицией. Можно говорить о некоем понимании целей и задач, ожиданиях, связанных с поездкой, фиксации их реализации и, наконец, рефлексии по поводу результатов поездки.

Путешествия, как правило, совершались (и подобным образом осмыслялись в описаниях) в период формирования историка как ученого-профессионала, когда он находился еще «на стадии обучения»². В этом случае сама поездка воспринимается как составная часть процесса обучения. И именно с этим связана установка на их повторяемость. Речь может идти о поездке, проведенной до поступления в университет, или когда молодой человек уже находится в статусе «оставленного при кафедре для подготовки к

---

1 О подходах к изучению текстов, описывающих путешествия, как к явлениям культуры см.: *Эткинд А.* Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М., 2001; *Культурное пространство путешествий.* СПб., 2003; *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.

2 Об обучающих путешествиях молодых ученых во Францию см.: *Мягков Г.П.* Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. С. 159-192.

профессорскому званию». И в том, и в другом случае она воспринимается как важный этап профессионального становления.

Поездки в Италию следует рассматривать в контексте двух достаточно широких культурно-исторических традиций, в которые они с необходимостью включаются. Во-первых, сами по себе поездки за границу еще с петровских времен рассматриваются как важнейшая возможность приобщения к достижениям европейской культуры для молодых ученых, художников, да и просто людей, имеющих в этом потребность. Для профессиональных историков (пусть даже потенциальных) на первый план выходит знакомство с новинками современной западной науки (подразумевается передовой, более продвинутой), недоступными пока в России, а также более тщательное знакомство с историей стран Западной Европы, вплоть до работы в архивах, если это совпадает с научной специализацией историка. Ясно, что в этом случае особый интерес к подобным поездкам, порой в форме научных командировок испытывают историки, занимающиеся изучением стран Западной Европы. Но при этом речь вовсе не идет о какой-то унифицированной Европе. Даже для трех основных стран, привлекающих ученых путешественников (Италия, Франция, Германия) сильно осознание того, что страна стране рознь. Несмотря на общую стратегию, поездки в Италию коренным образом отличаются от поездок в Германию и во Францию. Это отличие осознавалось совершенно четко, и многие ученые, в соответствии со своими внутренними установками и пониманием задач поездок, либо отправлялись в Италию, либо вовсе туда не ездили. Франция и Германия в первую очередь «страны работы» (науки, архивов, библиотек, университетов) и современности. С Италией сложнее. Италия, прежде всего, страна классической древности. В Италии обучение связано с удовольствием и наслаждениями, что в свою очередь связано с необходимостью особого восприятия, требует особого отношения. И здесь включается вторая составляющая «необходимого контекста». Это – образ Италии в русской культурной традиции. Безусловная идеализация Италии, превращение ее во вторую, «желанную» родину отмечалось многими исследователями. Особый резонанс, и не только в художественной культуре, это отношение переживает в период Серебряного Века.

По замечанию В.М. Толмачева, Италия «...была своего рода перекрестком эпохального культурного пространства, где сходились творческие интересы столь разных личностей, как В.В. Розанов ("Итальянские впечатления", 1909) и Вяч. Иванов (цикл итальянских сонетов в книге "Кормчие звезд", 1903), А. Блок и О. Мандельштам Д.С. Мережковский ("Леонардо да Винчи", 1901), Б.К. Зайцев (книга очерков "Италия", 1923)³.

Безусловно, этот ряд можно дополнить, включив в него и «Образы Италии» П.П. Муратова, и еще целый ряд известных имен и произведений. Важно то, что за этим перечислением стоит некий целостный образ⁴.

Другим, наряду с Италией, традиционным местом поездок была Германия. Но воспринимались эти поездки совершенно иначе. Германия, прежде всего, «страна университетов» и, соответственно, поездки в нее это, в первую очередь, научные командировки для работы в библиотеках, посещения лекций и семинаров ведущих немецких профессоров, как приобщение к европейской научной и интеллектуальной жизни.

Классический историк, по преимуществу, человек пишущий, хотя редко о себе. С учетом этого даже само желание зафиксировать свои итальянские впечатления в особый текст, а уж тем более его воплощение, выстраивается в особую традицию. Традиция эта вариативна и, как всякая традиция, имеет свои исключения. Однако для нас сейчас важно будет, при всей условности подобного хода, выявить общие черты в описании образа собственных итальянских путешествий, общие для ученой академической среды как социокультурной традиции. Мы сознательно делаем акцент на текстах, совершенно независимо от того, насколько адекватно и точно они описывают ход путешествий «на самом деле». Путешествия для нас – это некая дискурсивная практика фиксации, далекая от протокола. Речь идет о реконструкции основных черт дискурсного образа итальянских путешествий, в рамках которого задаются определенные черты и образу ученого-путешественника, с которым, безусловно, идентифицирует себя автор текста. При подобном подходе материал структурируется вокруг смыслового центра, наиболее значимого для выбранного нами аспекта рассмотрения. Таким центром являются путешествия в Италию профессора Санкт-Петербургского университета И.М. Гревса и его непосредственных учеников.

На «центральную» позицию кружок Гревса претендует по целому ряду причин. Большинство учеников Гревса совершали либо краткие «ознакомительные» поездки, либо более длительные научные командировки в Италию. Более того, сам профессор дважды в предвоенные годы (в 1907 и 1912) организовывал групповые поездки своих учеников (в первой участвовало 16, во второй 26 чел.⁵) по

М., 1994. С. 564.

4 См.: Хождения во Флоренцию. Флоренция и флорентийцы в русской культуре. М., 2003; Кара-Мурза А.А. Знаменитые русские о Флоренции. М., 2001; Он же. Знаменитые русские о Риме. М., 2001.

5 Каганович Б.С. И.М. Гревс – историк средневековой городской культуры // Городская культура Средневековья и начала нового времени. Л., 1991. С. 226.

университету и Высшим Женским (Бестужевским) курсам. Гревс придавал большое значение этим поездкам, прикладывая массу усилий для их организации. Опыт итальянских путешествий был в определенной степени отрефлексирован и самим профессором, и его учениками⁶. Все они подчеркивали важность этих поездок для себя, и не только как фактора профессионального развития. Все они, вслед за учителем, осознавали себя «в первую очередь историками романских культур», но, кроме того, в кружке Гревса царил настоящий культ Италии. Вот как описывает обстановку гревсовского кабинета его ученик Н.П. Анциферов: «На темном и ровном фоне обоев – большой портрет Данте с фрески Джотто. Мраморный бюст Данте на письменном столе кабинета. Рядом с фреской Джотто – панорама Флоренции»⁷. Италию было принято любить, а эту любовь публично демонстрировать, не скрывая эмоций. Порой это стремление доходило просто до переезда в Италию, как поступил Н.П. Оттокар, став впоследствии профессором университета во Флоренции и одной из крупных фигур итальянской средневековой урбанистики⁸. А.И. Хоментовская в своих воспоминаниях, жалея о невозможности совершить поездку в Италию в молодые годы, называет более позднее путешествие в Италию, совершенное в 1927 г., «одним из самых больших событий» своей жизни⁹. Сам же Гревс, как известно, пытался строить свое осмысление поездок на теоретическом уровне, занимаясь теорией экскурсионного дела и обоснованием особой «философии путешествия». Среди коллег и учеников Гревс слыл настоящим мастером экскурсионных поездок:

Он был мастером по историческим экскурсиям. Путешествию по местам, где разворачивались исторические события, И.М. придавал огромное значение. В своих записях он подчеркивал: «Всего сильнее на меня влияло и действовало не столько правильное учение у кого-нибудь, сколько переживаемые впечатления от западной монументальной старины и от больших книгохранилищ... Важным учителем для меня было, стало быть, путешествие – ему я благодарен»¹⁰.

Это вовсе не значит, что, реконструируя образ итальянских путешествий, мы ограничимся текстами гревсовского круга. Во все нет, но они будут стоять на первом плане. Для нас важно зафиксировать

---

6 См.: Гревс И.М. К теории и практике экскурсий как орудия научного изучения истории в университетах: (Поездка в Италию со студентами в 1907 г.) // ЖМНП, 1910. № 2.

7 Анциферов Н.П. Из дум о былом. М., 1992. С. 278.

8 См.: Комолова Н.П. Профессор Флорентийского университета Н.П. Оттокар // Россия и Италия. Вып. 5. Русская эмиграция в Италии в XX веке. М., 2003.

9 Хоментовская А.И. Итальянская гуманистическая эпитафия. СПб., 1994. С. 238.

10 Скржинская Е.Ч. И.М. Гревс: Биографический очерк // Гревс И.М. Тацит. М.-Л., 1946. С. 245.

образ, существующий не просто у представителей одного тесного кружка, а распространенный более широко – среди группы академических профессионалов как определенного социокультурного типа.

В имеющихся у нас описаниях четко проступает определенный набор устойчивых качеств дискурсного образа итальянского путешествия. Путешествия в восприятии их участников совершенно однозначно носят воспитательный и обучающий характер. Их рассматривают как важную часть профессиональной подготовки. Если же кто-то, подобно В.В. Вейдле, совершил поездку до поступления в университет, то она рассматривается в описаниях как одна из важнейших причин последующего выбора профессии. В случае вынужденного перерыва в учебе, поездка в Италию рассматривается как возможность продуктивно, с пользой для себя провести время. Так, отчисленный в связи с политической деятельностью Г.П. Федотов в 1911 г. отправляется во Флоренцию с надеждой по возвращении закончить университет, «заниматься наукой... и ...что-то завершить по Августину»¹¹. Еще более прагматичен исключенный в 1881 г. из Московского университета П.Н. Милюков:

Я как раз поставил своей исключительной задачей знакомство с греко-римской скульптурой и с живописью раннего Возрождения. Я не обещал себе наслаждения природой или наблюдения над обществом недавно объединенной Италии; не обещал даже непосредственного наслаждения искусством. Я почему-то считал себя на это решительно неспособным. Суровой и единственной целью должно было быть изучение¹²

Но в своей сухости Милюков скорее исключение. По мнению Гревса, только путешествие (точнее – непосредственный контакт) дает возможность почувствовать «дух места» и «дух времени». Перед нами, если сформулировать это теоретическим языком, очевидная установка на признание значимости эмоционально окрашенного интуитивного момента в историческом познании, и признание возможности этот момент воспитывать, формировать. Поездка дает возможность хоть какой-то формы (пускай ущербной, пускай условной) непосредственного контакта, которого так жаждет историк, которого ему не хватает (что вызывает «профессиональные комплексы»), и которое не заменить никаким книжным знанием.

Путешествие в Италию воспринимается как событие важное, достойное фиксации, даже в том случае, если тебе по существу и нечего сказать. Так, Н.И. Кареев, ездивший за границу работать во Францию, мимоходом упоминает об Италии, оставившей, однако, (показательный эпитет) «феерические воспоминания»¹³. Ученик

¹¹ Российская историческая мысль: из эпистолярного наследия П.П. Карсавина: Письма И.М. Гревсу. М.: ИНИОН, 1994. С. 81.

¹² Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 83.

¹³ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 153.

Гревса В.В. Вейдле называет свои воспоминания об итальянской поездке – «Сто дней счастья или моя первая Италия»¹⁴. Путешествие в Италию – это удачное сочетание приятного с полезным, наслаждения с обучением, ради которого можно пойти на материальные лишения и жертвы. Трудности были связаны в первую очередь с бытом, дороговизной и нехваткой денег.

Н.И. Карееву пришлось экономить на дороге: «Ездили мы, для экономии времени и денег, по ночам в третьем классе, очень скверном...»¹⁵. Л.П. Карсавин, отправившийся в Италию с семьей, в письмах Гревсу жалуется на финансовые проблемы, как свои, так и находящейся одновременно с ним в Италии К.В. Флоровской: «Вообще, очень неприятна материальная сторона жизни, прямо отвратительна. Теперь бесконечная возня со стипендией... Кстати, в моем рекомендательном свидетельстве от университета написано, что я командирован на один год. Простите, что я Вас затрудняю, но если так, то может быть, Вы будете добры иметь ввиду меня и на следующий год. Как ни тяжелы материальные перспективы, для работы еще год необходим»¹⁶. «Очень неприятна задержка со стипендией. До сих пор еще не получил и не знаю, когда получу. ... Возмущаюсь всем этим до крайности. Точно посылают за границу побираться, и это называется командировкой. Прямо какое-то издевательство. Иногда хочется все бросить и уехать назад»¹⁷.

Однако никто не бросил и не уехал. Ради Италии можно и «поголодать». Все терпели до последней возможности. Если таковая была, то старались и вовсе не уезжать. В этом плане показательное длительное проживание в Италии Н.П. Оттокара, П.Б. Шаскольского, В.Н. Забугина. Более того, жаловаться на материальные лишения все, за исключением Л.П. Карсавина, считали не очень приличным¹⁸.

В силу своей важности путешествия нуждаются в основательной подготовке. Во-первых, необходимо выработать продуманный, рационально составленный план, опирающийся на четкое осознание целей и задач поездки. С этого все начинается. Это то самое начало, которое, фактически, половина дела. План универсален, он присутствует у всех.

«Мы выработали сообща маршрут: прямо в Геную, оттуда морем в Неаполь, затем в Рим, во Флоренцию и Венецию с возвращением через Милан...»¹⁹. «Соответственно цели я выбрал маршрут, которого

---

14 Вейдле В.В. Воспоминания. Вступительная статья, публикация и комментарии И. Доронченкова // Диаспора. II. Новые материалы. СПб., 2001. С. 46-95.

15 Кареев Н.И. Указ.соч. С. 153.

16 Российская... С. 68-69.

17 Там же... С. 64.

18 «...Срок ее стипендии вышел. Кл[авдия] Вас[ильевна] стесняется Вам писать, но может быть напомнить Вам об этом с моей стороны будет простительно. ...Положим, она будет получать пока что из дому, но ей это, видимо, не очень приятно». – Там же... С. 62.

19 Кареев Н.И. Указ.соч. С. 153.

строго держался. ...План был обширный и требовал строгого выполнения. ...Мой план был не любоваться, не восторгаться, а учиться»²⁰. «Теперь, в 1912 году им [Гревсом – А.С.] был задуман более широкий план: наш padre хотел расширить круг участников, более длительно готовить их, увеличить самый маршрут»²¹.

В ходе подготовки вырабатывается и «правильный» маршрут поездки. Очень четко выдерживается канонический набор городов, достойных посещения: Венеция, Флоренция и ее окрестности, Рим. Редко в эту обойму попадают Генуя и Неаполь, почти никогда (Кареев здесь исключение) Милан.

Вступлением в Италию намечалась Венеция..., заключением – Рим... Из Венеции мы должны были проехать в Падуя, далее – в Равенну (место изгнания и смерти Данте). Основной город нашего путешествия, его кульминационный пункт – Флоренция. Здесь мы должны были прожить две недели с выездом в Валламброзу и Альверно (гора, где получил стигматы Франциск Ассизский). После Флоренции намечалась Пиза, Сан-Джимьяно, Сьена, Перуджа и затем паломничество пешком в заветный Ассизи²².

Так же была организована и экскурсия 1907 года:

И.М. серьезно ставил задачу путешествия... Ни в коей мере не отдых и наслаждения красивой страной, а работу должно было оно осуществить. Ему предшествовала тщательная специальная подготовка; профессор предварительно ездил в Италию с целью изучения ближайшим образом всего, что он собирался показать ученикам; студенты проходили соответствующие семинарии... В результате приезжали на место хорошо подготовленными и работали, не теряя времени, заочно знакомые с тем, что обозревали, сознательно и полностью вдыхая тот «вольный исторический воздух», который сообщал новые силы для дальнейших занятий источниками и литературой. Гвоздем и вершиной экскурсии была Флоренция... Он продумывал каждый шаг знакомства с замечательным центром человеческой культуры, начиная осмотр с общей панорамы..., откуда открывался план постепенно выраставшего города...²³

Маршрут Милюкова – Венеция, Падуя, Болонья, Пиза, две недели Флоренции, Сьена и Рим, затем «в качестве баловства» Неаполь и юг²⁴. По схожему пути двигается Карсавин. Четко программируется и маршрут по городу, что осмотреть и когда, и даже с чего начать: «Согласно правилам Ивана Михайловича “покорение города” нужно начинать с вышки»²⁵. В организации экскурсии присутствует, порой, и идея правильного взгляда. Поездка мыслится в ожиданиях как целостный текст (с кульминацией) и в ху-

20 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 90.

21 Анциферов Н.П. Указ. соч. С.279.

22 Там же. С. 280.

23 Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 245-246.

24 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 83-84.

25 Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 290.

дожественных терминах.

Во-вторых, в тесной связи с планом, тот, кто решал отправиться в путешествие, был обязан собрать максимально полный объем информации о тех местах, которые он намерен посетить, их прошлом и настоящем. Для экскурсий процесс поставлен на поток:

...Иван Михайлович прочел нам краткий курс истории Флоренции. На столе его появились планы, карты и многочисленные виды Италии. Особенно тщательно Иван Михайлович знакомил нас с планом Флоренции... Мы знакомились с картами Италии, на которых Иван Михайлович демонстрировал нам маршрут, глубоко им продуманный²⁶.

Чем основательнее подготовка, тем продуктивнее поездка. В процессе подготовки проявляется и набор классических текстов, которые каждый, в первую очередь историк, обязан прочитать, отправляясь в итальянское путешествие.

У меня в библиотеке стоял толстый том произведений Винкельмана... Целесообразнее был выбор в руководители Буркхардта. Я очень ценю Буркхардта по его работе о «Ренессансе в Италии», и выбор меня не обманул. Но помимо того я запасся двумя томиками «Путешествия в Италию» и его книжками по философии искусства и на месте мог различать его «философствования» от действительности. Особенную же услугу мне оказал только что вышедший томик Гастона Буассье "Promenades archeologiques". Наконец, четыре тома Rio, "L'art chretien" завершали мою дорожную коллекцию²⁷. К списку авторов, упомянутых Милюковым, следует добавить У. Патера и С. Бени, Дж. Рескина и Мутера и, конечно, Стендаля. «Думаю, что твердо решил посмотреть Casentino. Купил С. Beni, очень нравится эта любовно и живо написанная книжечка, хотя несколько и смущаешься, что она написана давно (1889). Только план, приложенный к ней, недостаточно вразумительный, бедкерровский яснее. Думаю, что сопоставляя эти два плана, можно обойтись и без гйда²⁸.

В целом следует отметить, что упоминаются в основном западные авторы. Исключения составляют лишь Муратов и Перцев, оцениваемые, впрочем, негативно. Для экскурсий Гревса персонафицированными носителями «книжного» знания становятся специально подобранные профессором ученые экскурсоводы. Для наиболее подготовленной поездки 1912 года – это Н.П. Оттокар, А.В. Головань, А.И. Анисимов и П.Б. Шаскольский.

Круг чтения задает и ряд знаковых имен прошлого, через призму которых становится восприятие Италии. Это, в первую очередь, Данте и Франциск Ассизский, затем великие художники эпохи Ренессанса, для медиевистов – еще и Дино Компаньи, чью хронику ученики Гревса изучали на занятиях семинария. Эти име-

26 Там же ... С. 280.

27 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 83.

28 Российская ... С. 37.

на постоянно упоминаются или подразумеваются, великие образы присутствуют рядом, формируя восприятие Италии:

«Но древний палаццо был дорог нам теньями Паоло и Франчески, судьбы которых повергли в скорбь Данте...»²⁹. «Паломничество в Пинетту было подготовкой к посещению могилы Данте»³⁰. А вот, например, как описывает тот же Анциферов приближение к Флоренции: «От могилы Данте, который так тосковал на чужбине по своему родному городу и умер, не имея возможности побывать в нем, — мы теперь с такой легкостью и с такой быстротой мчались под ужасающий грохот колес»³¹. «Дух» Франциска так же витает в окружающем путешественником итальянском воздухе: «Способность воспринимать место, индивидуализируя его, одухотворяя, это одна из привлекательных для меня особенностей ассизского святого»³². Схожие впечатления от Флоренции и у Карсавина: «Невольно вспоминаются лучшие страницы Dino Campani, наши беседы и последние чтения Dante, которые так жаль было прерывать»³³.

Как представляется, в результате этого у путешественников начинается преобладать ретроспективный взгляд на Италию: Италия — это, в первую очередь, остатки, следы прошлого, великого прошлого, по сравнению с мелким и суетным настоящим³⁴. Путешественники, пытаясь увидеть прошлое, смотрят «через» настоящее, стараясь его не замечать. Оно как бы мешает. Бросающиеся в глаза черты настоящего стремятся объяснить через прошлое — особенностями исторического развития.

Сегодня, когда я проходил по крайним улицам..., мне бросилась в глаза более, чем прежде, характерность жизни этих улиц; невольно казалось, что так жил центр в далекое время, и что современные люди и нравы не уничтожили, а только оттеснили на край прежних обывателей. Конечно, опасны такие обобщения, но ведь должно же остаться что-нибудь от нравов, как осталось от зданий, и потом, если нет других путей, поневоле хочется соединить Dino с современными сценами³⁵.

Историческое прошлое Италии в описаниях путешествующих историков тоже оказывается иерархически выстроенным. Есть эпохи, упоминаемые наиболее часто, почтительно и восторженно, и напротив, есть такие, о которых вспоминают крайне редко. Наиболее высокую позицию в этом рейтинге занимает Ренессанс, затем идут античность и средневековье. Новое время — эпоха

29 Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 286.

30 Там же. С. 288.

31 Там же. С. 289.

32 Там же. С. 295.

33 Российская ... С. 31.

34 «Меня интересуют и современные ее жители, но, всматриваясь в них, как то не находишь задатков нового будущего — точно изживший свое или временно уснувший народ». — Там же. С. 39.

35 Там же. С. 26.

барокко и Контрреформации, или недавнее объединение Италии упоминаются крайне редко.

Италия воспринимается как страна культуры по преимуществу. «Все наиболее замечательное в городах мы осмотрели, но с природой ознакомились мало»³⁶. Природа (итальянская природа!) воспринимается только в той мере, в какой сама стала частью культуры, хотя бы как некие символы:

«Я предпочитал в сумерках спускаться к морю и, качаясь на волнах, созерцать прямо перед собой силуэт Везувия с шапкой красноватого облака над ним, всегда напоминающего о катастрофе с лежащими под ним Геркаланумом и Помпеями»³⁷. «Все тогда казалось чем-то сказочным: и этот густой ковер из золотистых игл, и этот сочный зеленый берег, и эти воды, и в особенности, колонны пиний и темные своды их хвои – все это стало храмом Данте»³⁸.

Предполагается, что сама по себе природа, понимаемая достаточно широко, осталась практически неизменной со времен жизни знаковых исторических персонажей. В результате этого, соприкасаясь с ней, пытаюсь ее «почувствовать», ты получаешь шанс интуитивно приблизиться к человеку прошлого. Вдыхая воздух близ Ассизи, приблизиться к Франциску, о котором столько раньше читал. Поэтому, И.М. Гревс порой и рекомендовал пешеходные переходы из одного исторического города в другой, что на практике порой давалась нелегко. Так, отправившиеся из Флоренции в Сан-Джиминьяно пешком студенты чуть не заблудились³⁹.

Главным же в восприятии Италии в ходе поездки становится знакомство с памятниками изобразительного искусства и архитектуры. Описываются, и достаточно подробно, в первую очередь, посещения памятных исторических мест, художественных галерей и музеев. Италия сама, по сути дела – страна музеев, поражающий богатством коллекций. «Даже после Лувра итальянское искусство поражало нас своим богатством и великолепием»⁴⁰. Страницы полны упоминаний увиденных картин, архитектурных и исторических памятников. Чередой идут имена итальянских художников. Реестр того, «что увидел», грозит стать бесконечным. Карсавин в письме учителю, осознавая собственную болтливость и стесняясь ее, все-таки спешит назвать все произведения искусства, увиденные за день, поделиться впечатлениями. Правда, впечатления эти оформлены достаточно своеобразно. Большинство упоминаемых произведений искусств «увидены» сквозь призму прочитанных ранее книг. В данном случае, как представляется, путешест-

36 Кареев Н.И. Указ. соч. С. 153.

37 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 90.

38 Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 287.

39 Там же. С. 299-301.

40 Кареев Н.И. Указ. соч. С. 153.

венники попадают в затруднение, причина которого кроется в них самих. У них срabатывает установка на то, что увиденное требует их реакции в слове, требует проговаривания. И здесь оказываются возможными три варианта.

Во-первых, составление своеобразного каталога увиденного, перечня наименований⁴¹. При этом активно срabатывает полученная ранее информация. Во-вторых, узнавание дополняется фиксацией собственных впечатлений, которые также соотносятся с традицией. Этот вариант наиболее сложен (и в то же время наиболее интересен), поскольку порой, при честной фиксации, возникает чувство неадекватности и вопрос о связи впечатлений с увиденным. Если ты не хочешь повторять переживания (комформистски соотносясь с традицией), то приходится смириться с негарантированностью и неанализируемостью возникаемого интуитивного восприятия, слишком многое принимая на веру. Третий вариант также связан с традицией и заключается в соотношении собственного опыта с классическими описаниями: собственные ощущения начинают работать в качестве верификатора классических описаний. «И тут я вспомнил описания Тэна, которые до этого считал чересчур красочными»⁴². На уровне бессознательного выбора этот путь оказывается наиболее привлекательным. Описания выглядят так, как будто историки-путешественники ходят по итальянским городам и музеям, уткнувшись носом в путеводитель⁴³. Бесхитростный Милюков порой так и делал, и не он один:

«После завтрака шел опять в музей с книжками под мышкой. Меня всегда сопровождал мой любимый "Чичероне" Буркхардта, устранявший всех других гидов. Я смотрел свысока на толпы "Куков", спешно пробежавших комнаты и не успевавших заглянуть в свои Бедекеры»⁴⁴. Но и в этом случае не обойтись без основательной подготовки: «После... закрытия музеев я возвращался домой и принимался готовиться к следующему дню. Тут прочитывалась соответствующая глава Гастона Буастье; для Рима я приобрел еще шесть томов Ампера, построенных на изучении топографии Рима в связи с его историей. Ампер необыкновенно оживлял мои прогулки по Риму...»⁴⁵. «В последующие посещения этой галереи я ходил с Мутером (его издание очень удобно для путешествия) и беру назад свой отзыв о нем; то есть беру, но не совсем. В нем мне не нравилось и не нравится, представляется опасной, схематизация им живописи, особенно ранних периодов. Но зато необычайно хороша характеристика им отдельных художников, так облегчающая их понимание, масса тонких и верных замечаний. В

---

41 «Простите, если я, может быть, немного утомил Ваше внимание этими все-таки малоизвестными художниками...» – Российская... С. 28-29.

42 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 85.

43 Там же. С. 31.

44 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 88.

45 Там же.

этом отношении Рескин не так удобен, давая очень много, он это много соединяет с еще большим количеством вздорностей и выдумок...»⁴⁶. На эту же модель ориентирован и Гревс, готовя экскурсантов: «По вечерам в столовой отеля мы слушали лекции. Читал нам сам Иван Михайлович, а кроме него Н.П. Оттокар, и кажется раза два А.В. Головань»⁴⁷. И восприятие в этом случае, пометим на полях, это работа. Работа, результат которой не гарантирован. «От Флоренции я ожидал больше, чем получил. Это и понятно. Флоренция дается нелегко»⁴⁸. «Но очень обидно, что не удалось изучить всего детально, и проникнуться как следует картинами венецианских художников»⁴⁹.

Письма Карсавина полны полемики об увиденном с прочитанными авторами⁵⁰. Показательно здесь, впрочем, что, увидев, Карсавин первым делом вспоминает ранее прочитанное. Видят очень часто то, что хотят, что должны увидеть «по книжке». Увиденное в ходе путешествия должно быть интуитивно-эмоциональным, чему книжное знание дает форму, направляя. Оно важно и определяюще, но недостаточно. Без него нет экскурсии, но экскурсия важна. Ее можно, в данном случае, рассматривать как попытку «укротить», вставить в оправу, сделать технологичным интуитивно-бессознательный момент понимания, «прямого» контакта. Прошлое неявно присутствует, с ним можно интуитивно соотнестись, «почувствовать».

Ориентированный на целостное интуитивное восприятие, Гревс читает фрагменты сакральных текстов первоисточника — «Цветочки» св. Франциска⁵¹ или «Божественную комедию» Данте: «здесь слагалась песнь 28-я Purgatorio, песнь встрече с Мадленой. Наш padre раскрыл томик Данте и, когда мы уселись на берегу медленно прочел нам...»⁵². Гревс требовал определенного эмоционального настроения как условия для контакта. Далеко не все это одобряли, против выступал, в частности, Н.П. Оттокар:

«Трудно теперь... понять тот энтузиазм, с которым мы встретили Флоренцию. Мне тогда вспомнились первые крестоносцы перед Иерусалимом. Это было проявление той экзальтации, на которую так нападал Николай Петрович Оттокар, обвиняя нас, а особенно Ивана Михайловича, в «лунатизме»⁵³. «Все это лунатизм, — говорил он... — Это вредный дух вашей группы, этот лунатизм. Он мешает видеть вещи такими, какие они есть»⁵⁴.

46 Российская... С. 31.

47 Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 295-296.

48 Милюков П.Н. Указ. соч. С. 86.

49 Российская... С. 24.

50 см. Там же. С. 32.

51 Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 294.

52 Там же. С. 286.

53 Там же. С. 290.

54 Там же. С. 303.

Конфликт с Н.П. Оттокаром в этом принципиальном для Гревса вопросе имел серьезные последствия. Н.Н. Платонова, жена известного историка С.Ф. Платонова, приводит в своем дневнике за 1916 г. рассказ другого известного историка, ученика ее мужа, А.Е. Преснякова, между прочим друга Л.П. Карсавина и Н.П. Оттокара, о причинах конфликта между Гревсом и Оттокаром:

«...Рознь между ними обнаружилась давно и сказалась резко уже во время экскурсии в Италию Гревса с его учениками и ученицами. Тогда в Италии были Оттокар и Головань, и Гревс сам просил их показать эк[скур]сии город. Они и начали делать это, как специалисты, с строго научной точки зрения, отмечая все то легендарное, над чем Гревс с экскурсией уже успел пролить несколько слез умиления. Их объяснения до такой степени шли в разрез с настроениями Гревса, что напр., на гору Альверно Гревс повел экскурсию один, тихонько от Отт[окару]. и Г[олова]ня, читал там по-итальянски fioretti, притом часть экскурсанток рыдала от умиления, а часть не только не умилилась, а напротив, возмутилась, и вернувшись во Фл[оренц]ию, все рассказала Г[олова]ню и Отт[окару]»⁵⁵.

Результаты путешествий в обязательном порядке должны быть зафиксированы в текст. Гревс сам, неоднократно фиксируя в письменной форме итальянские впечатления, требовал того же и от учеников. В его архиве – масса итальянских текстов, порой «для себя», например, небольшая мемуарная статья «Моя первая встреча с Италией (осень-зима 1890-1891 гг.)»⁵⁶. Позднее, в 1924 г., Гревс попытался написать и подробное, связное изложение поездки 1912 года., но, к сожалению, эта работа осталась незавершенной. Ученики, ездившие с ним, также намеревались подготовить в подарок учителю сборник воспоминаний об итальянских впечатлениях⁵⁷. В 1927 г. Гревс обратился к своим коллегам и ученикам с предложением ответить на вопросы анкеты «Что дало моей юности путешествие?». Перед отправлением экскурсии 1912 года Гревс просил побывавшего ранее в Италии Карсавина сказать младшему поколению экскурсантов напутственное слово, подчеркивая важность этого жеста. «В глазах Льва Платоновича эта сцена была натянутой. Он недолго побеседовал с нами, но ничего значительного, запомнившегося мне, не сказал»⁵⁸.

Е.Ч. Скржинская очень четко зафиксировала это стремление в посвященном учителю юбилейном очерке: «И.М. написал очень красивый очерк о первой экскурсии в Италию в 1907 г. («К теории и практике экскурсий, как орудия научного познания истории в университетах».

55 ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 2. № 5695. Л. 111 об. – 112.

56 См. Гревс И.М. Моя первая встреча с Италией (осень и зима 1890-1891 года) // Россия и Италия. М., 1992. С. 281-306.

57 Добкин А.И. Примечания // Анциферов Н.П. Из дум о былом... С. 444.

58 Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 281.

СПб., 1910) который заключил словами: "Экскурсии должны сделаться постоянным интегральным элементом изучения и преподавания истории в общеобразовательной и научной школе. В университете – это необходимый вид исторического семинария"⁵⁹.

Атмосфера, задаваемая не всегда удававшейся стратегией Гревса, чем-то напоминает эмоциональный, субъективно окрашенный мир книги Муратова «Образы Италии». То же сентиментально трогательное вживание и переживание. Книга, первый том которой вышел в 1911 г., моментально стала событием в истории русского образа Италии.

«Едва ли среди интеллигенции была семья, на книжной полке которой не стояли бы муратовские "Образы Италии"... под его влиянием тысячи русских экскурсантов... по смехотворно удешевленным тарифам ездили обозревать памятники итальянского Возрождения, бродили не только по Риму и Флоренции, но бороздили городки Умбрии и Тосканы, о которых услышали впервые от Муратова»⁶⁰.

Уже в 1912 г. в Сиенне В.Э. Крусман спорит с вышедшим всего год назад первым томом Муратова (Венеция, Флоренция и ее окрестности)⁶¹. Б.С. Каганович прав, отмечая параллели Муратова и Гревса: Муратов во многом реализовал замысел ненаписанной книги Гревса об Италии, назвав его во введении к своей книге «...одним из тех, кто возродил в русской культуре конца XIX – начала XX века "чувство Италии"»⁶². В тексте книги легче выстроить лирическую атмосферу, чем в тексте многодневной поездки. Но при сходстве атмосферы очевидно и различие по сути: для Гревса экскурсии в Италию – это прежде всего инструмент профессионального воспитания историков. Для Гревса умение совершать «ученое путешествие» – это действительно искусство, достойное уважения. «Он был великолепный научный путешественник», – скажет Гревс с уважением в некрологе В.Э. Крусмана⁶³.

Если выстроить некую умозрительную типологию классических путешествий, взяв за критерий соотношение самоидентификации и информации и обозначив крайние точки как паломничество (качественно изменение себя, перерождение – в результате получения новой, не обязательно рациональной информации), экскурсия (приращение новой информации при сохранении ядра личности) и круиз (сохранение себя, получение удовольствия при нулевом уровне информации), то мы должны признать, что перед нами – чистая экскурсия.

Кратко зафиксируем основные черты «итальянских путеше-

59 Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 246.

60 Цит. по Толмачев В.М. Указ. соч. С. 564.

61 Анциферов Н.П. Указ. соч. С. 303.

62 Каганович Б.С. Указ. соч. С. 219.

63 Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана // *Анналы*. 1922. № 2. С. 256.

ствий»: необходимость подготовки, в первую очередь информационный, четко продуманный рациональный план, которого строго следует придерживаться; подготовка оказывается определяющей, но недостаточной; трудности в достижении цели; желательность особого эмоционального настроения; возможность непосредственного (интуитивного) контакта с историческим прошлым; итоговая фиксация опыта в текст.

Теперь совершим определенный интеллектуальный кульбит, понимая всю условность подобного хода. Мы попытаемся внести отмеченные характерные черты в контекст кризиса исторической науки конца XIX – начала XX века, рассматривая его предельно широко, как принципиальный вызов исторической науке. И в этом случае, как представляется, мы вполне можем утверждать, что экскурсии в профессиональной идентификации историка выполняют компенсаторную функцию. Они дают принципиально важный для ученого-исследователя опыт непосредственного контакта с изучаемым объектом, т.е. выполняют ту функцию, которую в науках естественного цикла выполняют наблюдение и эксперимент. По своей логической структуре, в описаниях перед нами – наблюдение и эксперимент, то есть то, на недостаток чего сетовали в методологических спорах рубежа веков историки, как на своеобразие ситуации, в которой находится историк. Фиксация своеобразие вовсе не ведет к бессознательному отказу от обладания. Историки не против непосредственного контакта с объектом. При этом важно отметить то, что для историка вполне достаточным оказывается единичного опыта такого контакта, одной экскурсии за всю жизнь. В результате этого наступает понимание, которое, таким образом, базируется на однородности и целостности объекта. Непосредственный контакт историка достаточно своеобразен. Е.Ч. Скржинская достаточно точно говорит о «вольном историческом воздухе», который вдыхают в ходе поездок студенты»⁶⁴. Вольный – значит недетерминируемый, неуправляемый. Важно отметить то, что контакт этот, по сути, оказывается интуитивным, т.е. плохо управляемым, нетехнологизируемым, неверифицируемым и негарантируемым. Интуитивное понимание, как мы уже видели, достаточно сложно переводится на другой язык. Интуицию можно и нужно готовить, готовить технологично, но в силу своей иррациональности, она непонятна и непредсказуема. Интуиция в традиции – это джин в бутылке, в любой момент способный ее разрушить. И чувство страха ведет к отказу от науковедческих параллелей при рефлексии.

---

64 Скржинская Е.Ч. Указ. соч. С. 246.

Т.В. Мозжухина

«ДИАЛОГ КУЛЬТУР» В КООРДИНАТАХ ЗАПАДНОГЕРМАНСКОЙ ВИЗУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ ПОСТМОДЕРНИЗМА

Говоря о проблеме «диалога культур» в современной гуманитарной науке, необходимо помнить о существовании, как минимум, двух версий трактовки данного понятия.

С позиций М.М. Бахтина, например, суть понятия «диалог культур», скорее, подразумевает компаративный анализ различных культур в логическом историческом контексте. С позиций В.С. Библера – интерпретация сути проблемы сводится к идее одновременности разновременно возникающих культур, т.е. понимания культуры как формы взаимного общения культур.

Несомненно, утраченная за нацистский период парадигма немецкой культуры, была восстановлена, в частности, в лице художников нео-экспрессионистического направления, «Новых Диких» Западной Германии, представителей «поколения, потерявшего отцов», а следовательно, ее можно рассматривать как самостоятельную культурную парадигму, отличную от тоталитарной парадигмы культуры «нацистского периода». Таким образом, результат оригинального прочтения табуированного «недавнего прошлого» Германии через призму творчества западногерманских художников постмодернистского направления, представляет собой один из вариантов «диалога культур» в концепции В.С. Библера.

Позиция Библера в рассмотрении понятия «диалог культур» наиболее адекватна так называемой «вертикали времени» – одной из оригинальных категорий постмодернизма, которая ясно проявлена в творчестве Ансельма Кифера. Он по праву считается не только корифеем искусства постмодернизма среди представителей «Новых Диких» Германии, но и, наравне с Георгом Базилицем, является одним из немногих художников современности, чьи картины, инсталляции, коллажи продаются по баснословным ценам.

Культура, с точки зрения В.С. Библера есть «форма одновременного бытия и общения людей различных – прошлых, настоящих и будущих – культур, форма диалога этих культур... И несколько дополнений: время такого общения – настоящее; конкретная форма такого общения, такого события... прошлых, на-

стоящих и будущих культур – это... произведение – форма общения индивидов в горизонте общения личностей»¹, форма общения личностей как (потенциально) различных культур.

Причудливо проявляется через знаковые элементы быта в творчестве Кифера «вертикаль времени» «диалога культур», освещающая не только политический внутринациональный конфликт с нацизмом, но и межнациональное напряжение в форме геноцида, с библейских времен.

Так, оригинальную трактовку нацистской культуре Кифер дает в картине «Красное море» (1984-85), где причудливо переплетает собственную мифологию в семиотических координатах культуры повседневности и ветхозаветный библейский миф о переходе израильского народа через Красное море, форма которого обозначена знаковым предметом нацистского периода – цинковой ванной, неизменным обывательским атрибутом того времени. Наполненная красной жидкостью Цинковая ванная, в данном контексте представляющая пространство Красного моря, намекает на библейские тексты, согласно которым вода превращается в кровь как божественное знамение: «И сделали Моисей и Аарон как повелел Господь. И поднял Аарон жезл и ударил по воде речной пред глазами фараона... и вся вода в реке превратилась в кровь»² (Исход, гл. 7, ст. 20) Кровавый цвет «Красного моря» намекает на параллель, проведенную художником между нацистской политикой геноцида и жестокостью фараона. Использование в композиции изображения предмета культуры повседневности нацистской Германии напоминает зрителю не только о жестокостях, которым подвергся еврейский народ во время египетского пленения, но и о нацистском геноциде и антисемитизме.

Знаменитая серия Кифера «Немецкие ландшафты» представляет значительный интерес в рамках «диалога культур», многие произведения этой серии являются ассомбляжами³. Наряду с библейскими и германскими мифологемами, наряду с такими темами, как, например, тема Нибелунгов, «немецкие ландшафты» Ансельма Кифера репрезентируют пространство исторического значения⁴.

---

¹ Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997. С. 227.

² Библия. Книги священного писания. Ветхого и Нового Завета, канонические. Хельсинки, 1990. С. 64.

³ Ассомбляж – включение в произведение искусства трехмерных художественных материалов и найденных объектов (objet trouvé (фр.).

⁴ Richter H. Geschichte der Malerei im 20. Jahrhundert. Stile und Künstler. Köln, 1998. S. 265.

В одном из интервью Кифер сказал: «Ты не можешь просто рисовать ландшафт после того, как по нему прошли танки. Ты должен с этим что-то сделать»⁵.

Один из самых знаменитых «ландшафтов» немецкого художника – «Märkischer Sand» (Песок Марковой пустоши) (1980). На холсте 2,55х3,6м Ансельм Кифер представляет знакомый с детства каждому немцу типичный сельский ландшафт, с глубокими геометрическими бороздами, используя широкий спектр палитры, от «морозно»-белого, до «угольно»-черного.

Ассомбляж из фотографии, натурального песка, приклеенного бороздами, и живописной палитры напоминает зрителям не только о расколоте в то время Германии. Образ разделенной Родины вызывают глубокие песчаные борозды. Картина вызывает ассоциации с немецкой давней и недавней историей, навеявая мысли о Германии прошлой, единой, могущественной, свободной, впрочем, как и о Германии бесславных для страны лет второй мировой войны... («Märkischer Heide, märkischer Sand» – это строчки из знаменитого военного марша, очень популярного в фашистских войсках в период второй мировой).

Исторические ассоциации очень важны в концептуальном творчестве Ансельма Кифера. На холсте написаны многочисленные названия, принадлежащие этой знаменитой местности.⁶ Географические названия напоминают историческое прошлое, связанное с расколом Германии, с политикой семидесятых-восьмидесятых годов, цепочка этих событий уходит своими кор-

---

⁵ Wheeler D. Art since mid-century: 1945 to the present. N.Y.-Paris, 1991. P. 313.

⁶ Словосочетание «Маркова пустошь» (еще в 1974 г. Кифер написал ландшафт с одноименным названием) вызывает целый ряд ассоциаций в историко-культурном контексте Германии. Местность, изображенная на картине немецкого художника, принадлежит району Бранденбурга, который имеет важное значение для истории Германии с древнейших времен. Бранденбургская Марка (крупная территориальная единица Германии, пограничная область) в Средние века превратилась в территориальное княжество – маркграфство Бранденбург, которое в XVII в. сыграло важную роль в формировании Бранденбургско-прусского королевства, с 1815 по 1945 год Бранденбург стал прусской провинцией, с центром в городе Потсдаме, где в 1945 г. состоялась Потсдамская конференция глав правительств СССР, США и Великобритании, принявшая конкретные решения по демилитаризации, денацификации и разделу побежденной Германии. Район Бранденбурга, расположенный юго-восточнее Берлина, находился в Советской зоне оккупации Германии, с 1949 г. территория принадлежала Германской Демократической Республике.

ниями к истории Пруссии»⁷. Картина «является одновременно и картой, и панорамой»⁸. Характерно, что поля, репрезентируемые на коллажах и ассомбляжах художника, как правило, имеют исключительно высокий горизонт, заполняя собой, практически, почти все пространство холста.

Представление Родины-матери в виде поля, ландшафта имеет глубокие традиции в мировой культуре, восходя к архаике истории человечества. Мирче Элиаде отмечал, что еще в космогонии древних Земля и Небо находились в иерогамном браке⁹. Позднее, в период земледелия, поле стало ассоциироваться с женским, пассивным и плодородным (или неплодородным) началом. Атхарваведа (XIV, II, 14) гласит «Эта женщина пришла как земля: засевайте ее, мужчины». Коран (II, 225) говорит: «Ваши жены – это ваши поля»¹⁰. В творчестве Кифера поля – это аллегория Родины, аллегория священной, но поруганной земли, аллегория многострадальной Германии.

Ландшафты Ансельма Кифера, такие как «Маркова пустошь» (“Märkische Heide”), “Нюрнберг” (“Nürnberg”) и др., достаточно сложны для концептуальной расшифровки и превращаются в латентный смысл для непосвященных в германскую историю людей, но они несут глубокую историко-культурную и просветительскую нагрузку.

На замечание одного из журналистов о том, что в районе, который стал прообразом ландшафта художника под названием «Песок марковой пустоши» не так-то уж и много песка, в отличие от ландшафтного вида, представленного на картине. Кифер заметил, что, как и знаменитый Энди Уархол, он придерживается манеры «создавать иллюзию, даже если этого там нет»¹¹.

Иногда ландшафты представляют собой коллажи из фотографии, натуральной соломы, эмульсионной краски... как «Нюрнберг», например. Глубокие борозды, напоминающие зияющие следы от танков, бороздят пространство исконно немецкого, до боли знакомого немцам ландшафта, уходя далеко, в низкий, едва заметный горизонт, сливаясь с мрачным и пасмурным небом, затянутым облаками...

⁷ Fondation Beyeler. München, N.Y., 1997. P.246/246.

⁸ Kuspit D.B. Acts of Aggression: German Painting Today Part II // Art in America. N.Y., 1983. N 1. P. 100.

⁹ Небо и Земля были супругами в представлении древних египтян (Нут – женское начало, Небо; Себ – мужское начало – Земля).

¹⁰ Элиаде М. Священное и мирское. М., 1994. С. 104.

¹¹ Madoff S.H. Anselm Kiefer a call to memory // Art news. N.Y., 1987. Oct., N 8. P. 128.

Американская писательница, кинорежиссер Сьюзен Зонтаг в разделе «Магический фашизм» книги «Мысль как страсть» отмечала, что в «Третьем Рейхе» официальная фашистская эстетика предпочитала говорить об «идеализме», в отличие от «реализма», принятого в официальном искусстве коммунистических стран. «Тяга к монументализму и массовый культ героев, – отмечает Зонтаг, – свойственны и фашистскому, и коммунистическому искусству и отражают общее для всех тоталитарных режимов воззрение на назначение искусства, заключающееся якобы в «увекочении» вождей и их учений»¹².

В координатах диалога культур в творчестве Кифера традиционный немецкий культ героев приобретает трансцендентальный смысл. Его картина «Духовные герои Германии» (1973; 3,07х6,82м) репрезентирует деревянную галерею героев, уходящую перспективой в глубь пространства, которое напоминает сценические декорации, представляющие собой большое деревянное здание, возможно – ателье художника. Традиционный духовный огонь, символ вечной памяти благодарных потомков, мощный, несгораемый, эквивалент бесценного вклада в мировую сокровищницу духа, играет одну из важных ролей в иконографии Кифера. Непрерывно горит огонь у каждого окна деревянного здания, похожего на амбар, говоря о том, что бессмертный огонь духа, не принесет никакого вреда подверженному органическому тлению и разложению дереву – строительной основе здания.

Рядом с факелами – ставшие нормой в творчестве немецкого мастера надписи: имена – единственные семиотические отличия между каждым из представленных героев. «Их имена фигурируют в строчках текста в нижней части убывающей перспективы просторного помещения, вызывая в памяти картины национального прошлого. Мифологические факелы славы пылают в честь усопших, подчеркивая грубую фактуру деревянных стен и балок»¹³.

Среди этих имен – не только реально жившие корифеи немецкой культуры, но и австрийский писатель, писавший на немецком языке, швейцарский скульптор и живописец. В пантеоне героев Кифера числятся: известный учитель художника – Йозеф Бойс (1921-1986), композитор Рихард Вагнер (1813-1883), живописец-романтик Каспар Давид Фридрих (1774-1840), король Пруссии Фридрих II

¹² Зонтаг С. Мысль как страсть. М., 1997. С. 127-128.

¹³ Шедевры искусства XX века. М., 1997. С. 233.

(1712-1786)¹⁴, австрийский писатель Роберт фон Мюзиль (1880-1942), швейцарский художник и скульптор Арнольд Бёклин (1827-1901) и др. Их имена вписаны золотыми буквами в сокровищницу немецкой и мировой культуры. Для Кифера творчество этих классиков стало определяющим как Александрийский маяк для древних кораблей. Сквозь призму интертекстуальности постмодернизма, ощущается влияние парадигмы немецкого романтизма, в котором очень важной составной частью был культ героев¹⁵.

Марк Розенталь отмечал, однако, наличие в картине элемента ироничного отношения к героям, «как будто выписанным из школьного учебника, чьи героические достижения сокращены лишь до имен, высеченных не в мраморе, а лишь на деревянном чердаке деревенской школы»¹⁶.

В творчестве Кифера значительное место занимают исторические темы, и трактует современный художник их оригинально, расширяя диапазон художественного восприятия, внося собственную индивидуальность в широкий спектр вызываемых его произведениями ассоциаций, обогащая диалог культур новыми подробностями. Углубляясь в немецкую архаику, в древний исторический контекст, в истоки немецкой национальной истории, Ансельм Кифер создает еще более сложные по концептуальному содержанию произведения.

Апеллируя к германской истории, к «архетипичному моменту Германской независимости»¹⁷, в картине «Вар» (1976), художник воссоздает на холсте древний, густой, труднопроходимый Тевтонский лес двухтысячелетней давности.

В девятом году первого века нашей эры германские воины под предводительством вождя племени Германа¹⁸, впоследствии ставшего национальным героем, напали на три римских легиона под командованием Публия Квинтилия Вара, когда последние шли через Тевтонские леса. Германцы, вышедшие из засады, устроили им кровавую бойню. Кифер репрезентирует кровавый след от этой бойни: только скромная тропинка в глухом лесу, зна-

---

¹⁴ Фридрих II Великий – прусский король (1740-1786). В годы его правления Пруссия достигла наивысшего расцвета системы военно-бюрократического абсолютизма.

¹⁵ Вспомним фразу Зиммеля: «...история философии есть история великих философов – это культ героев». – *Зиммель Г. Проблема исторического времени* // *Зиммель Г. Избранное*. Т. 1. М., 1996. С. 540.

¹⁶ *Rosental M. Anselm Kiefer*. Chicago and Philadelphia, 1991. P. 30.

¹⁷ *Ibid.* P. 30, 49.

¹⁸ Hermann (Arminius) – вождь одного из германских племен – херусков, которые обитали до первого века н.э. между Эльбой и Везером.

менитые имена, выгравированные на страницах истории и ничего более. Такой же прием, как и в «Марковой пустоши» (1974), где он репрезентировал разделенную Германию дорогой: лишь типично немецкий пейзаж, изящные березки, напоминающие «Странствование по Бранденбургу» знаменитого немецкого писателя XIX века Теодора Фонтане, дорога, разделяющая холст на две части, уходящая вдаль, за низкий горизонт... Только в «Варе» – лес, никакого горизонта, ни клочка небес – темная, угрюмая палитра: основной цвет – коричневый, также – черный, немного белого, похожего на снег, и кровавые пятна на нем. Лишь имена: Вар, Герман, его жена Туснельда – вот все, что напоминает об исторической драме.

Кифер обращается к известным каждому немцу из школьной истории сюжетам. В одних картинах Кифера чувствуется национальный пафос, в других – дух Фонтане и Гёте¹⁹. Но, в трактовке художника знакомые предметы и объекты приобретают некий новый, сакральный смысл, увлекая зрителя в игру подтекстов.

В постмодернизме диалог культур (требующий громадного культурного напряжения и образованности) сменяется дешевым – все же, дешевым — передразниванием и переименованием речевых штампов и фразеологизмов разных времен. Щекочет нервы, но все же означает уход от культуры в фотографическую (только вместо позитива – негатив) пародийность и «обратный» натурализм²⁰. Так, в форме постмодернистской фото-пародии Кифер представляет серию фотографий с «нацистским приветствием», созданным им во время путешествия по западной Европе.

Еще в шестидесятые годы, во время путешествия по Швеции, Франции, Италии, Кифер экспериментирует с фотографией, создавая тематическую фото-серию «Нацистское приветствие», позже, в 1969 г., опубликованную в книге под названием: «Потоп Хайдельберга»²¹. В этой книге Кифер, подобно Нерону, наблюдающему пожар Рима, представил себя виновником потопа. Пробраз катастрофы для Кифера – наследство фашизма, «темная сторона зеркала»²², напоминающая о том, что Сатана – это органическая часть Бога.

Снимок сделанный в Монпелье, репрезентирует Ансельма Кифера в позе арийского приветствия, пародирующего очертания

¹⁹ Thomas K. Bilder aus Mythos und Grschichte // Weltkunst, München, 1984, 15 Mai, N10, S. 1420-1421.

²⁰ Библер В.С. На гранях логики культуры. М., 1997. С. 241.

²¹ Fineberg D. Art since 1940: Strategies of being. - N.Y., 1995, p. 410.

²² Ibidem.

статуи римского легионера, у подножия которой стоит художник. Контекстуально дешифруется информация, коннотирующая стремление древних германцев свести героику «двух наций в единый континуум»²³. Кифер фотографируется в позе арийского приветствия на фоне развалин Колизея.

Вызывая в памяти знакомую каждому немцу с детства картину Каспара Давида Фридриха (1774-1840) «Странник над морем туманов» (1918) – Кифер, пародируя композицию с мужской фигурой на скале у моря, фотографируется с поднятой правой рукой на берегу моря, причем, островок, оставшийся от набежавшей волны, визуальнo напоминает скалу. Взывая к германскому национальному духу далекого до-нацистского периода, мастер намекает на «кривую» исторической метаморфозы нации, акцентируя то, о чем многие немецкие современники в шестидесятые годы предпочитали просто молчать. С язвительной иронией и сарказмом художник муссирует нацистские темы, личные проблемы бывшего фюрера Третьего Рейха (например, иронизируя по поводу того, что Гитлер не умел плавать) – его параноидально-маниакальное стремление к мировому господству, разоблачая, демифологизируя и десакрализируя национального антигероя. По признанию самого художника, создавшего несколько прецедентных произведений на строго табуированную тему нацистского прошлого (фото-книгу, своеобразный журнал путешествий по Европе с «нацистским приветствием», картины всем известных в тот период нацистских зданий), он хотел просто «понять сумасшествие» Гитлера или Нерона²⁴.

***

Индивидуальный художественный мир создал коллега Ансельма Кифера Йорг Иммендорф. Оба западногерманских художника учились у знаменитого Йозефа Бойса. Живопись Иммендорфа более политизирована, полна знаковых элементов времени, что, несомненно, отвечает концепции «диалога культур» М.М. Бахтина. Знаменитая серия «Кафе Германия» презентует взаимоотношение двух противоположных политических систем «Востока и Запада» периода «холодной войны», балансируя на грани парадокса. Парадокс состоит в том, что, несмотря на официальную конфронтацию, культурный диалог остановить невозможно – он проявляется в неофициальных дружеских контактах творческих личностей, ярким примером которых стала дружба

²³ Rosental M. Anselm Kiefer. P. 14, 15.

²⁴ Hall J. Anselm Kiefer. // Apollo. London, 1989. Oct. N 332. P. 270.

Иммендорфа, представителя западногерманской культуры, и А.Р. Пенка, художника, творившего в Восточной Германии.

В серии «Кафе Германия» (1976-1985) художник передал свое видение современной ему «картины мира», с достаточной долей гротеска и иронии, обостряющих восприятие трагической ситуации страны. Иммендорф затронул актуальную тему роли художника в политической жизни страны, в контексте политических проблем, ведущих к раздору, и к объединению.

Выбор места действия – кафе – неслучаен. Пожалуй, это одно из самых демократичных мест на Западе, после пабов, куда можно просто прийти перекусить, послушать музыку, потанцевать, наконец, пообщаться не только со своими сверстниками, а если это специализированное кафе (типа художественного или литературного); еще и увидеть знаменитостей богемы, приобщиться к культуре; и, наконец, решить ряд жизненно важных проблем.

Если вспомнить историю импрессионизма – художники зачастую собирались в парижских кафе, чтобы иметь возможность непринужденной коммуникации с коллегами по творчеству, в кафе проводились выставки, даже были штаб-квартиры. Так – кафе «Бад» стало штаб-квартирой Эдуарда Мане²⁵. В кафе «Вольпини» на Марсовом поле Поль Гоген, которого не допустили к участию в Международной выставке, в 1889 г. устроил выставку своих работ, совместно с группой друзей, под названием: «Выставка картин группы импрессионистов и синтетистов»²⁶. В конце шестидесятых годов XIX века художники любили собираться среди мраморных столиков кафе «Гербуа» в квартале Батиньоль, в семидесятых – в кафе «Новые Афины».²⁷ С 1890 по 1894 годы в кафе «Риш» ежемесячно давались «обеда импрессионистов»²⁸, во время которых импрессионисты могли не только хорошо поесть, но и поддержать творческие связи среди единомышленников.

Немецкий философ, представитель второго поколения Франкфуртской школы, Юрген Хабермас, разрабатывая «теорию коммуникативного действия», отмечал, что в случае поведения, ориентированного на коммуникацию (а кафе в Германии, как и в других развитых странах Западной Европы, являются местом непосредственной коммуникации людей), в обществе складываются упорядоченная нормативная среда, устойчивые, легитимированные межличностные отношения, устойчивые личностные структу-

²⁵ Ревалд Д. История импрессионизма. М., 1994. С. 61.

²⁶ Там же. С. 306.

²⁷ Там же. С. 116, 121-122; 217, 220.

²⁸ Там же. С. 312.

ры, способные к развертыванию и самоосуществлению. В целом, анализ коммуникативного и стратегического поведения дает возможность диагностировать главные социокультурные проблемы современности, а также обнаружить скрытое насилие системы, которое, по мнению Хабермаса, неизбежно, поскольку гарантирует интеграцию общества. Подлинная же интеграция обеспечивается на путях коммуникативного понимания.

Йорг Иммендорф, принадлежащий к поколению т.н. «бэби-бума», не просто фантазировал в сценическом пространстве «Кафе Германия», он был непосредственным участником молодежного «коммуникативного действия», происходящего в бесчисленных немецких кафе, в частности, в Дюссельдорфе. Цикл «Кафе Германия» был задуман Иммендорфом под сильным впечатлением от творчества итальянского живописца и графика Ренато Гуттузо (1912-1987), а конкретно – от картины «Кафе Греко». В 1976 г. в Биеннале в Венеции эта картина находилась рядом с работой Иммендорфа²⁹, что дало немецкому художнику сильный импульс к деконструкции языка реализма – реализма, зависящего от навязывания тенденциозной политической идеологии в живописи, даже в ее «революционной» экспрессии.

Вместо итальянского кафе, расположенного в «сердце»³⁰ Рима, где обычно встречаются художники, подробно репрезентированного на картине Гуттузо в реалистической манере, – в «Кафе Германия» Йорга Иммендорфа мы видим символическую, виртуальную территорию, ментальное пространство «физической и духовной деградации»³¹.

Йорг Иммендорф репрезентирует, на первый взгляд, обычное молодежное кафе с диско-баром, похожее на многие подобные, расположенные в Дюссельдорфе шестидесятых-семидесятых годов, место встречи для молодежи, казалось бы – небольшая территория, где нет места политике, только – танцы, музыка, шнапс... Его «Кафе Германия» – это некое виртуальное пространство, где разыгрываются сцены, от банальных до политически маргинальных, это мозаика социальных, политических, экономических фрагментов, достоверных и предполагаемых фактов истории страны, истории современной ему разделенной Гер-

---

²⁹ Contemporary Artists. Chicago; London, 1990. P. 444.

³⁰ *Faust W.M., de Vries G. Hunger nach Bildern deutsche malerei der gegenwart.* Köln, 1987. S. 72.

³¹ Contemporary Artists. P. 444.

мании, современного немецкого общества³².

Само название «Кафе Германия» уже ориентирует зрителя на тему, особенно актуальную в период соперничества двух противоположных систем. «Кафе Германия» – это метафора для самого художника, для его артистической души, стремительный водоворот современных ему политических фигур, немецких национальных героев, рабочего класса с марксистской теорией, в насыщенном соответственными атрибутами и символами виртуальном пространстве³³.

Неслучайно и изображение художником в цикле «Кафе Германия» представителей культуры андеграунда – т.н. панковой субкультуры³⁴, или «антикультуры семидесятых», выражавших дух анархии, протеста существующим порядкам, немецкий мастер видит в этом своеобразную пародию политического дискурса.

Цикл «Кафе Германия» Йорга Иммендорфа напомнил американскому искусствоведу Джонатану Файнбергу картину Эрнста Людвиг Кирхнера (1880-1938) «Эрих Хеккель и Отто Мюллер играют в шахматы»³⁵(1913). В отличие от классика – экспрессиониста, Иммендорф акцентирует гротесковую виртуальность политизированного спектакля, ему важнее экспрессия действия, чем экспрессия цвета и форм.

Семиотика цикла «Кафе Германия» содержит амальгаму, некий пастиш современных немецкому художнику политических реалий, культурных симулякров, символики, доставшейся в наследство немецкой истории, неудержимой фантазии на актуальные исторические темы, воплощение абстрактных ментальных конструкций, аллегории важных исторических событий. Пространство виртуального кафе насыщено символами, человеческими фигурами, культовыми в политике и культуре, или типажам «человек из толпы». Бранденбургские³⁶ ворота – символ разделенной Германии, отражается в зеркальной колонне.

В начале восьмидесятых годов Иммендорф продолжил эту

---

³² Hassan I. POSTmodernISM: A Paracritical Bibliography // Antology From Modernism to Postmodernism / Ed. L. Cahoon. 1996. P. 396.

³³ Fineberg J. Art since 1940. N.Y., 1991. P. 407.

³⁴ Contemporary Artists. P. 444.

³⁵ Эрих Хеккель (1883-1970) и Отто Мюллер (1874-1930) – знаменитые немецкие экспрессионисты начала XX века. Хеккель был одним из инициаторов группы «Мост», основанной в 1905 г., Мюллер присоединился к движению в 1910 г. (Турчин), по другим источникам – Мюллер примкнул в 1912 г. (Мириманов).

³⁶ В начале 1980-х гг. Иммендорф создал аллегорическую скульптурную композицию «Бранденбургские ворота» (1982-1983).

тему, создав монументальную аллегорическую скульптурную композицию «Бранденбургские ворота» (Naht Brandenburg Tor – Weltfrage) /Шов Бранденбургских ворот – вопрос мирового значения / (ассоциация Бранденбургских ворот со швом часто появляется в творчестве художника – иногда как шов на поверхности пятиконечной звезды³⁷, впервые скульптурная композиция была выставлена в 1982 г. на выставке «документа 7»³⁸.

Картины серии «Кафе Германия» отличаются социальной доминантой идиом расколотой надвое страны, наличием множества культурных кодов, уводящих в некогда единую историю Германии, связанных с ее недавней и современной историей, с культурными парадигмами нации.

Правое поле картин обычно олицетворяет Западную Германию, левое, соответственно, Восточную Германию. Драматическая напряженность чувствуется на линии взаимодействия различных политических систем, почти в центре репрезентированного пространства, говорящая о том, что культурный, мирный контакт между странами возможен лишь на высшем, дипломатическом уровне.

В серии «Кафе Германия» Иммендорф изображает себя в различных контекстах, часто располагая по двум противоположным сторонам виртуального кафе-сцены аллегорические две колонны, символизирующие два противоположных мира. В «Кафе Германия» I (1977-78), он дважды изображает себя: один раз – танцующим в джинсах и рубашке Т-образного силуэта, стиль одежды, указывающий на то, что владелец – полу-богема, полу-буржуазия, член диско-клуба³⁹. В другой раз художник изображает себя в центре, между аллегорическими колоннами, Берлинскую стену и портрет Пенка: дружба двух художников, духовных двойников, братьев из двух различных миров, помогает преодолеть внутринациональную вражду. В верхнем правом углу, Восточной части виртуальной сцены «Кафе Германия» Йорга Иммендорфа мы можем видеть изображение Бертольда Брехта, словно магического режиссера-постановщика этой части сцены.

Обе части картины представляют собой своеобразный «пас-тиш», ироническое попурри на тему разделенной Германии, со-

³⁷ Zeitgenossische Kunst in der deutschen Bank. Frankfurt am Mein, 1989/90. S. 14.

³⁸ Belser Stil Geschichte vom Klassizismus bis zur Gegenwart. Stuttgart, Zürich, 1993. Band 6. S. 304.

³⁹ Kuspit D.B. Acts of Aggression: German Painting Today Part II // Art in America. N.Y., 1983. N 1. P. 101.

стоящее из цитат времени. Это иконографическое изображение политических деятелей того времени, Эриха Хонеккера (1971-1989 – Генеральный секретарь ЦК СЕПГ (ГДР)), Гельмута Шмидта (1974-1982 – Федеральный канцлер ФРГ), встреча которых на высшем уровне состоялась в 1975 г. Как и в картине Пенка, Иммендорф намекает на возможность дружеских контактов между странами с различными политическими системами на дипломатическом уровне, однако более объединяющим страны моментом в трактовке художника может стать творческий контакт представителей различных теперь уже культур, некогда имевших общие корни. Это нашло отражение в коммуникационном творческом акте двух художников разных стран, осуществленном Пенком и Иммендорфом в 1976 г. в Восточном Берлине. Именно тогда они решили поддерживать творческий союз художников, способный, по их искреннему убеждению, преодолеть «Берлинскую стену», ставшую печальным символом разделенной страны.

На картине творческий союз художников занимает важное место, Иммендорф, запечатлев свой автопортрет в центре композиции, протягивает руку через фрагмент стены, обращаясь к Пенку, чей портрет на фоне Бранденбургских ворот отражен в зеркальной колонне, разделяющей на две части общее пространство сцен. Причем, оба как бы находятся на творческой, нейтральной стороне, где не властен раздор разделяющей стены... Искусство – как бы говорит художник, – именно та область, где содержится импульс объединения, невзирая на политические разногласия. А по обеим сторонам, в хаосе окружающего пространства, ревностный наблюдатель может усмотреть множество симулякров, намекающих на драматизм ситуации разделенной страны – это и свастика, и металлический шлем, и фантомы черной кошки, и многое другое.

Серия «Кафе Германия» стала «визитной карточкой» художника, принесла ему мировую известность.

Обращение западногерманских нео-экспрессионистов («Новых Диких Германии», к которым принадлежали А. Кифер и Й. Иммендорф), к табуированным в условиях разделенной Германии «немецким» темам стало важным явлением мировой культуры. В координатах культурного диалога, как с точки зрения «вертикали времени», так и в контексте «взаимодействия и взаимопроникновения» культур, открываются новые перспективы оригинального прочтения явлений постмодернистской культуры.

ТЕОРИЯ МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

А.В. Антощенко (Петрозаводск)

ОБ ОЦЕНОЧНЫХ СУЖДЕНИЯХ В ИСТОРИЧЕСКИХ ПОВЕСТВОВАНИЯХ

«Судить или понимать?» – так сформулировал дилемму исторического познания выдающийся французский историк М. Блок в своей ставшей классической книге «Апология истории или ремесло историка»¹. Указав на ее античные истоки, Блок тем самым отметил, что она восходит к временам утверждения прагматического подхода к историописанию, выразившегося в известной формуле *Historia magistra vitae est* (История – наставница жизни). Следование этой формуле порождало противоречивые требования к историку. С одной стороны, исследователь прошлого обязывался выносить оценочные суждения о поступках исторических деятелей, так как без этого невозможно было воспитывать читателей на примерах истории. С другой стороны, чтобы служить истине, он должен был судить о делах минувших «*sine ira et studio*» (без гнева и пристрастия) и, следуя завету Геродота, «рассказать все так, как оно было»².

Анализируя проблему беспристрастности, Блок пришел к выводу о двусмысленности этого понятия. За раскрывающими эту двусмысленность рассуждениями автора о различиях способов быть беспристрастным, свойственных историку и судье, явно проглядывало признание качественного изменения ценностной шкалы при переходе от одной эпохи к другой. Последнее представление сложилось в историографии XIX века в результате утверждения в историческом познании в качестве ведущего принципа историзма, идущего рука об руку с требованием объективности (т.е. той же беспристрастности) исследователя. Неслучайно поэтому, скажем в отечественной историографии, заявление Н.М. Карамзина о том, что история «питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше

¹ Блок М. Апология истории или ремесло историка. М., 1986. С. 79.

² Там же. Ср. с анализом принципов античного историописания в кн.: Немировский А.И. У истоков исторической мысли. Воронеж, 1979. С. 198 и сл.

благо и согласие общества»³, вызвало не только ироничное удивление Н.А. Полевого, но и его критику возрождаемой античной формы исторического повествования, связанной «с ошибочной философией, умничаньем, апофегмами и сентенциями, несносными и пошлыми»⁴. Значительно большую известность в европейской историографии получило близкое по сути критическому выпадку Полевого утверждение немецкого историка Леопольда фон Ранке, ставшее лозунгом профессиональной честности историка. В «Критике новых историков» он писал: «История взяла на себя обязанность судить прошлое, поучать настоящее на благо грядущих веков. Эта работа не может служить источником вдохновения для таких возвышенных целей. Ее цель состоит только в том, чтобы показать то, что происходило на самом деле (*wie es eigentlich gewesen war*)»⁵.

Именно последнюю фразу привел Блок рядом с аналогичным греческим изречением Геродота. Это, однако, не означало, что французский историк отказывал исследователю прошлого в праве на оценочные суждения, как может показаться на первый взгляд. Действительно, Блок считал возможным формулировать такие суждения, но они не должны выражать собственные предубеждения историка, а быть результатом понимания человека прошлого. Их корректность определяется теми принципами, которыми руководствуется при изучении исторического материала исследователь.

Попытаемся реконструировать принципы корректного оценочного суждения, проанализировав освещение реформаторской деятельности патриарха Никона В.О. Ключевским. Однако рассмотрение вопроса об оценке Никона требует некоторых предварительных замечаний о взглядах историка на характер исторического познания и об общем видении им причин раскола.

«Я прошу вас не вспоминать выражение, которое так часто повторяют о суде истории. Им обыкновенно угрожают, но он никого не пугает и ни от чего не удерживает: его боятся только честные дельцы, которым нечего бояться, которых никакой суд не осудит. Суд истории – это приговор могилы, которая все покрывает – и долги и доблести. Историк не могильный сторож, его место не на кладбище, а в архиве. Его дело не тревожить покой отцов, а готовить детей к планомерному продолжению унаследованной от отцов работы. Итак, постараемся пореже думать о том, что с каждым шагом в своем изучении мы при-

³ Карамзин Н.М. История государства Российского. Кн. 1. М., 1988. С. IX.

⁴ Полевой Н.А. Рецензия на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина // Сборник материалов по истории исторической науки в СССР (конец XVIII — первая треть XIX в.). М., 1990. С. 160.

⁵ Цит. по: Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время: в поисках утраченного. М., 1997. С. 631.

ближаемся к нашему времени, к вопросам и затруднениям, составляющим его еще не угасшие дневные злыбы. Это воздержание поможет нам освободиться от не свойственной нам роли исторических судей и оставаться простыми наблюдателями минувшего»⁶.

С такими словами неоднократно обращался к своим студентам великий русский историк Василий Осипович Ключевский. Однако эта фраза не вошла в издание «Курса русской истории». И это неслучайно, поскольку в нем Ключевский отошел от правила не выносить оценок историческим деятелям. Отход определялся изменением его теоретических и методологических взглядов, отчетливо наметившимся в 1880-х гг. По сути, он отказывался от причинного, логического объяснения в истории, как объяснения больше соответствующего естественным наукам. Ключевский переместил акцент с выяснения последовательной связи событий и явлений прошлого на раскрытие соотношения общественных сил, взаимодействие которых проявляется в историческом процессе.

«Для него (историка – А.А.) важно не то, от чего что произошло, – отмечал в записной книжке в период работы над «Курсом» Ключевский, – а что в чем вскрылось, какие свойства проявили личность и общество при известных условиях, в той или иной комбинации элементов общежития, хотя бы данное сочетание этих условий и элементов было необъяснимо в своем происхождении, т.е. казалось совершенно случайным. ...Имея ввиду, что история – процесс не логический, а народно-психологический и что в нем основной предмет научного изучения – проявления сил и свойств человеческого духа, развиваемых общежитием, подойдем ближе к существу предмета, если сведем исторические явления к двум перемежающимся состояниям – *настроению и движению*, из которых одно постоянно вызывается другим или переходит в другое»⁷.

В основе такого видения истории лежало убеждение в том, что она является результатом *деятельности* как народа, так и отдельных исторических личностей. Задача историка, по мысли Ключевского, должна заключаться в *понимании* прошлого для правильной оценки исторических событий и процессов.

Выдвинув на первый план принцип понимания истории, Ключевский рассматривал ее и как средство выработки общественных идеалов и как нравственный долг по отношению к предкам, определяя тем самым специфику воспитания историей.

«Предмет истории – то в прошедшем, что не проходит, как наследство, как урок, неконченный процесс, как вечный закон. Изучая дедов, узнаем внуков, т.е., изучая *предков*, узнаем *самих себя*. Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как

⁶ Ключевский В.О. Соч. в 9 т. Т. III. М., 1988. С. 363-364.

⁷ Ключевский В.О. Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории. М., 1968. С. 238.

и зачем мы пришли в мир, как и к чему должны стремиться»⁸.

Общий подход к изучению религии и церкви сложился у Ключевского еще в годы студенчества и работы над магистерской диссертацией. Его основу составило их историческое и критическое рассмотрение в связи с умственным развитием народа, ставшего главным предметом его исследования⁹. В это время молодым историком были сделаны важные выводы, во многом определившие его позднейшее понимание раскола. Отметим, прежде всего, сформировавшееся под влиянием Ф.И. Буслаева критическое отношение к византийскому влиянию на Русь¹⁰. Уже в ранних работах Ключевского отчетливо проявился его скепсис в отношении как творческой силы византийской образованности, так и способности Руси воспринять наиболее важное в ней – богословствование. Ключевский отметил одну особенную черту умственного развития древнерусского общества, связанную с деятельностью церкви, – церковно-нравственную, казуистику, которая характеризовалась диалектическим напряжением мысли рядом с недостатком ее внутреннего содержания. Именно в ней лежали истоки позднейшей умственной деятельности раскола¹¹.

Это положение получило развитие в статье Ключевского, специально посвященной исследованию причин раскола¹². В ней историк не ограничивался констатацией отмеченной выше общесоциологической тенденции в умственном развитии народа, а анализировал ее в контексте конкретной исторической ситуации развития России XVII века, в связи с началом западного влияния. При этом церковно-нравственная казуистика становилась лишь одним из проявлений более широкого по содержанию процесса превращения обрядовости в старообрядчество.

Рассматривая обряд как форму выражения религиозного чувства, средство его сохранения, Ключевский выдвигал на первый план его воспитательное значение для русского народа, прак-

⁸ Там же. С. 332.

⁹ Ключевский В.О. Соч. Т. IX. М., 1990. С. 176-179. См. также: Зумин А.А. Формирование исторических взглядов В. О. Ключевского в 60-е годы XIX в. // Исторические записки. Т. 69. М., 1961.

¹⁰ См.: Ключевский В.О. Соч. Т. IX. С. 167-169.

¹¹ Ключевский В.О. Псковские споры // Ключевский В.О. Опыты и исследования. Пг., 1918. С. 32-34.

¹² См.: Ключевский В.О. Западное влияние и церковный раскол в России XVII в. (историко-психологический очерк) // Ключевский В.О. Очерки и речи. М., 1913. Статья впервые была опубликована в журнале «Вопросы философии и психологии» в 1897 г. и использовалась историком при подготовке «Курса русской истории» к печати.

тически не участвовавшего в создании своего богослужебного чина и воспринявшего готовый состав церкви от Византии.

«Обряд – религиозный пепел; это нагар на вере, образующийся от постепенного охлаждения религиозного жара от внешнего холода жизни. Обряд – действие, вызываемое чувством; становясь привычным, оно может заменять утомленное чувство, может и подогревать чувство, готовое погаснуть. В пепле долго держится часть тепла от горения, его образовавшего»¹³.

Однако такое вынужденное первенство обряда перед догматом в условиях неразвитости богословской мысли, сосредоточившейся на решении мелких казуистических споров, приводило постепенно к вырождению обрядовости в старообрядчество в результате затухания религиозного чувства. Характеризуя старообрядчество как фетишизм, Ключевский подчеркивал тем самым формальный характер веры старообрядцев. В своем «Курсе русской истории» он определил это как *языческую обрядность*. Такая характеристика одного из элементов народно-психологического состава старообрядчества стала ключом к пониманию раскола.

Другим элементом была *национализация вселенской церкви*, как проявление церковного самомнения, превратившего православие в национальную монополию. Подмена вселенского христианского сознания авторитетом местной старины, которая в восприятии русского человека становилась святыней, определила и его отношение к изменениям обрядов и текстов богослужебных книг как к покушению на веру. Третий элемент – *латинобоязнь*, как проявление косности и робости богословской мысли, оказавшейся неспособной к усвоению нового знания, усилил действие прямых церковных причин раскола.

«Эта латинобоязнь дала общепонятное и желанное оправдание косному и робкому формализму религиозного чувства, затронутому церковными новшествами, неумению приподнять религиозную мысль до уровня требований времени, превратила это неумение в оппозицию, сообщила этой косности энергию, самоуверенность и обаяние исповеднического подвига, – словом, из слабости сделала силу»¹⁴.

Таким образом, причина раскола виделась Ключевскому не в западном влиянии, а в недостатках воспринимающей среды, наиболее отчетливо проявившихся в старообрядчестве. Его основной психологической чертой историк считал зависимость внутренних движений от внешних действий и образов, порожденную особенностью восприятия византийского влияния – восприятия внешних форм без понимания и осмысления. Рассматривая деятельность

13

Ключевский В. О. Письма. Дневники. Афоризмы... С. 333.

14 Ключевский В. О. Западное влияние и церковный раскол... С. 467.

Никона, Ключевский исходит из определения той задачи, которая стояла перед Русской православной церковью. Западное влияние, вызванное государственными потребностями, ставило церковь перед необходимостью противостоять ему.

«Готовясь к борьбе, русское церковное общество насторожилось, спешило прибраться, почиститься, собраться с силами, внимательнее присмотреться к своим недостаткам...»¹⁵ Намечается сближение с греческим Востоком, что ведет к возрождению идеи вселенской церкви. Цель, которая вырастала перед Москвой, была весьма высокой – «стать источником света для православного Востока, питомником и рассадником духовного просвещения для всего православного мира»¹⁶. Никон, став патриархом, должен был определить собственную роль в достижении этой цели. И здесь Ключевский указывает на его «личное побуждение», которое вполне обосновано наблюдениями над судьбой предшественника патриарха. Это указание позволяет историку, не вынося прямого суждения о целях Никона, выразить свою оценку их. «*Вся задача в том, чтобы установить полное согласие и единение церкви русской с другими поместными церквами, а там уж он, патриарх всея Руси, сумеет занять подобающее место среди высшей иерархии вселенской церкви*»¹⁷ (курсив мой – А.А.).

Тем самым Ключевский четко намечает как объективную цель, стоящую перед церковью, так и понимание ее патриархом, понимание, которое становится мотивом его действий.

Описывая вводимые новшества в церковных службах и обрядах, исправление богослужебных книг, отстаивание иконописного канона, историк особое внимание уделил характеристике способа их проведения Никоном – с ревностью и увлечением.

«Оборвать, обругать, проклясть, избить неугодного человека – таковы были обычные принципы его властного папства»¹⁸. Такое поведение главы русской церкви вполне соответствовало его характеру, великолепно определенному Ключевским. Завершая краткое жизнеописание Никона, историк отмечал: «У него была слабость, которой страдают нередко сильные, но мало выдержанные люди: он скучал покоем, не умел терпеливо выжидать; ему постоянно нужна была тревога, увлечение смелую ли мыслью или широким предприятием, даже просто хотя бы ссорой с противным человеком. *Это словно парус, который только в буре бывает самим собой, а в затишье треплет-ся на мачте бесполезной тряпкой*»¹⁹ (курсив мой – А. А.).

Ожесточенность действий патриарха, определявшаяся его характером, привела, по сути, к деформации цели, ее подмене.

¹⁵ Ключевский В.О. Соч. Т. III. С. 282.

¹⁶ Там же. С. 283.

¹⁷ Там же. С. 286.

¹⁸ Там же. С. 287-288.

¹⁹ Там же. С. 281.

«Вопрос сводился с обряда на *правило*, обязывавшее повиноваться церковной власти»²⁰. При этом подчеркивалось, что сам Никон отнюдь не считал старые церковные обычаи и обряды душевредными, а новые – душеспасительными. Более того, он считал, что можно отправлять службы как по старым, так и по новоисправленным книгам, о чем и заявил подчинившемуся церковной власти Неронову. В этом Ключевский видел возможность иного хода дел, при ином поведении патриарха: «объяви Никон в самом начале дела всей церкви то же, что он сказал покорившемуся Неронову, не было бы и раскола»²¹.

В заключение Ключевский оценивал результаты деятельности, исходя из тех целей, которые стояли перед церковью.

«Так Никон не оправдал своей диктатуры, не устроил церковных дел, напротив, еще более их расстроил»²². И далее: «Самую идею вселенской церкви, во имя которой предпринято было это шумное дело, он понял слишком узко, по-раскольничьи, с внешней обрядовой стороны, и не сумел ни провести в сознание русского церковного общества более широкого взгляда на вселенскую церковь, ни закрепить его каким-либо вселенским соборным постановлением и завершил все дело тем, что в лицо обругал судивших его патриархов султанскими невольниками, бродягами и ворами: ревнуя о единении церкви вселенской, он расколол свою поместную»²³.

Все это позволило Ключевскому обвинить Никона. При этом был задан весьма важный, хотя и риторический, вопрос: «... зачем он предпринимал такое дело, *обязанный знать* (курсив мой – А.А.), что из этого выйдет ...?»²⁴.

Подведем итоги. Предметом оценки Ключевским являлись: 1) цель и мотив деятельности личности; 2) способ достижения поставленной цели и связанный с этим характер действий; 3) наконец, результаты деятельности. При этом он руководствовался рядом важных методических принципов, делавших его суждения корректными. Во-первых, он рассматривал поступки исторических личностей как сознательные, результаты которых *можно*, а следовательно, и *должно было предвидеть*. Во-вторых, право на осуждение действий того или иного исторического лица обосновывалось возможностью для него *действовать иначе*, т.е. наличием альтернативы. Наконец, в-третьих, суждение было результатом глубокого изучения материала и *понимания* как мотивов

²⁰ Там же. С. 289.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 290.

²³ Там же.

²⁴ Там же.

деятельности личности, так и исторических условий, в которых она осуществлялась. Названные принципы оценки сохраняют свое значение и по сей день, и ими следует руководствоваться при вынесении собственных суждений о деятелях прошлых эпох, как в исследованиях, так и в преподавании истории.

Если возможны оценочные суждения на основе понимания исторических деятелей, то возникает вопрос об их возможности в отношении тех институтов, которые определяют деятельность людей в различные исторические эпохи. Например, возможно ли утверждение, что крепостничество – зло? Думается, что ответ на данный вопрос должен быть положительным. Процедура, которой достигается такая возможность, может быть определена как «персонификация». В качестве примера сразу же вспоминается «Салтычиха», образ которой долгое время не сходил со страниц учебников по отечественной истории²⁵, олицетворяя зло, порожаемое крепостным правом. Правда, по непонятным причинам в последнее время он исчез из учебников и учебных пособий, хотя вполне может использоваться для формирования навыков корректного оценочного суждения в отношении социальных институтов. Корректность в данном случае достигается разрешением ложного логического противоречия, которое может возникнуть в результате представления всей информации при последовательном проведении процедур понимания. Последнее важно не только относительно Дарьи Николаевны Салтыковой, но и применительно к тем, кто ее осуждал. Как известно в 1762-68 гг. рассмотрением доносов дворовых Салтыковой занимались Юстиц-коллегия и Сенат, вынесшие в конечном счете обвинительное заключение. Салтыкова была лишена дворянства, возведена на эшафот, а затем заключена в подземную тюрьму Ивановского монастыря в Москве, где она провела 11 лет. Значит ли это, что те, кто осудил Салтыкову, осуждали крепостное право? Конечно же, нет.

Отрицательный ответ указывает, однако, не на невозможность оценочного суждения в отношении крепостничества, а на необходимость уточнить условия, делающие его корректным. Чтобы оценка социального института была корректной *необходимо доказать, что он задавал определенные общепринятые нормы поведения*²⁶. По-

²⁵ См., например: *Нечкина М.В., Фадеев А.В. История СССР со сведениями по новой истории зарубежных стран. Часть первая. Учебное пособие для 7 класса. М., 1961. С. 141-142; История СССР. Учебник для 9 класса средней школы под ред. А.М. Панкратовой. М., 1962. С. 61 и др.*

²⁶ Ср.: *Child A. Moral Judgement in History // Ethics. 1951. P. 297-308; Atkinson R.F. Knowledge and Explanation in History. London, 1978. P. 198-205.*

скольку приведенные выше сведения о судьбе помещицы Салтыковой взяты из книги Е.В. Анисимова²⁷, то рассмотрим, как реализует это требование автор.

Доказывая, что «крепостное право было незыблемым фундаментом дворянских представлений об обществе и справедливости», определяющим то, что «обстановка глумления над человеческой личностью, жестокость и безнаказанность царили повсеместно и неизбежно порождали преступления помещиков»²⁸, он обращается к свидетельствам современников – Екатерины II и князя М.М. Щербатова. В воспоминаниях о столице крепостнической России середины XVIII века Екатерина писала:

«Предрасположение к деспотизму вырабатывается там лучше, чем в каком-либо другом обитаемом месте на земле; оно прививается с самого раннего возраста к детям, которые видят, с какою жестокостью их родители обращаются со своими слугами; ведь нет дома, в котором не было бы железных ошейников, цепей и разных других инструментов для пытки при малейшей провинности тех, кого природа поместила в этот несчастный класс, которому нельзя разбить свои цепи без преступления»²⁹.

В инструкции по управлению именными, написанной князем Щербатовым, негуманное обращение помещиков к крестьянам рационально обосновывалось как норма:

«Наказания должны крестьянам, дворовым и всем прочим чинить при рассуждении вины батогами... Однако должно осторожно поступать, дабы смертного убийства не учинять иль бы не изувечить. И для того толстой палкой по голове, по рукам и по ногам не бить. А когда случится такое наказание, что должно палкой наказывать, то, велев его наклона, бить по спине, а лутчее сечь батогами по спине и ниже, ибо наказание чувствительнее будет, а крестьянин не изувечится»³⁰.

Анисимов не замалчивает высказывания с осуждением существующего положения дел, приводя челобитную Елизавете Петровне И.И. Шувалова: «Всемиловнейшая государыня! Воззрите на плачевное многих людей состояние, стонущих под игом неправосудия, непорядков, грабежей и разорения»³¹. Однако при этом отмечается, что осознание пагубности крепостничества не было широко распространено. Причем автор вновь ссылается на Екатерину, писавшую:

«Я думаю, не было и двадцати человек, которые по этому предмету мыслили бы гуманно и как люди. А в 1750 г. их, конечно, было еще

²⁷ Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII века: борьба за наследие Петра. М., 1986.

²⁸ Там же. С. 73, 75.

²⁹ Цит. там же. С. 73.

³⁰ Цит. там же.

³¹ Цит. там же. С. 72.

меньше, и, я думаю, мало людей в России даже подозревали, что для слуг существовало другое состояние, кроме рабства»³².

Выше изложенное позволяет дополнить принципы, реализация которых делает оценочное суждение корректным и убедительным. Во-первых, оценка должна опираться на свидетельства современников. Во-вторых, лучше, если она выносится ими непосредственно, как бы звучит из их уст, а не представляется в высказываниях автора. В-третьих, необходимо приводить оценки, основанные на разных системах ценностей³³. Такой подход позволит показать значение изменения нравственных критериев оценки исторических явлений и институтов для развития общественных отношений. Последнее положение позволяет уточнить уже упоминавшийся принцип оценки деятельности отдельного человека: осуждение или похвала применимы к ней в той мере, в какой жесткость норм, задаваемых тем или иным социальным институтом, позволяла ему действовать иначе.

***

Значение оценочных суждений в истории определяется во многом тем фактом, что большинство из них составляют моральные суждения, т.е. оценки, критерием которых являются понятия добра и зла. Поэтому они принимают форму похвалы или осуждения. Однако целью такого суждения является не утверждение морального превосходства перед прошлым, которое выступает как предубеждение. Напротив, формирование навыков корректного морального суждения об исторических поступках, явлениях, институтах способствует пониманию изменения моральных норм и ценностей в ходе исторического развития общества, которое ведет к гуманизации общественных отношений. Думается, именно это имел в виду Ключевский, когда обращался к своим студентам:

«Не ищите в нашем прошедшем своих идей, в ваших предках — самих себя. Они жили не вашими идеями, даже не жили никакими, а знали свои нужды, привычки и похоти. Но эти дедовские безыдейные нужды, привычки и похоти судите не дедовским судом, прилагайте к ним свою собственную, современную вам нравственную оценку, ибо только такой меркой измерите вы культурное расстояние, отделяющее вас от предков, увидите, ушли ли вы от них вперед или попятитесь назад. Так называемая историческая объективность — бэконовская *virgo sterilis*»³⁴.

Такое понимание изменчивости нравственных норм в обще-

³² Цит. там же. С. 73.

³³ Ср.: *Oldfield A. Moral Judgement in History // History and Theory. Vol. 20. 1981. P.266-267.*

³⁴ Ключевский В.О. Соч. Т. IX. С. 358.

стве возможно лишь на основе отношения к людям прошлого как обладателям *иных* ценностей, у которых имеются *иные* культурно-исторические основания. Осмысление этого в процессе исторического образования может служить основой для воспитания толерантности, основанной на признании возможности существования иных обоснованных ценностных систем в современности.

«Короче, в наших трудах царит и все освещает одно слово: "понять". Не надо думать, что хороший историк лишен страстей — у него есть по крайней мере *эта* страсть. Слово, сказать по правде, чреватое трудностями и надеждами... Даже действуя, мы слишком часто осуждаем. Ведь так просто кричать: "На виселицу!" Мы всегда понимаем недостаточно. Всякий, кто отличается от нас — иностранец, политический противник, — почти неизбежно слывет дурным человеком. Нам надо лучше понимать душу человека хотя бы для того, чтобы вести неизбежные битвы, а тем паче, чтобы их избежать, пока есть еще время»³⁵.

Вместе с тем осмысление нравственных стандартов как «иных» предполагает более глубокое уяснение собственного ценностного отношения к современной окружающей действительности, более четкого определения собственных критериев оценки, что есть зло и что есть добро. Тем самым осмысление изменчивости системы ценностей в ходе исторического процесса ведет отнюдь не к основанному на релятивизме моральному нигилизму, а, напротив, к утверждению морали, но не как навязываемой содержательной нормы, а как принципа поведения. И вновь сошлюсь на Ключевского, обращавшегося к своим студентам:

«У каждого поколения могут быть свои идеалы, у моего свои, у вашего другие, и жалко то поколение, у которого нет никаких. Для существования идеалов необходимы энергия действия, энтузиазм убеждения; при осуществлении их неизбежны борьба, жертвы. Но это не все, что необходимо для их торжества; нужны еще и сообразительные умы. <...> Определяя задачи и направление своей деятельности, каждый из нас должен быть хоть немного историком, чтобы стать сознательно и добросовестно действующим гражданином»³⁶.

За этими словами стоит убеждение Ключевского в том, что не следует навязывать ученикам собственные нравственные нормы и идеалы, но должно формировать у них убеждение в том, что следует самостоятельно вырабатывать их, действовать в соответствии с ними и быть готовыми отвечать за свои поступки.

³⁵ Блок М. Апология истории... С. 82.

³⁶ Ключевский В. О. Соч. Т. I. М., 1987. С. 62.

Л.В. Таран (г. Киев, Украина)

НОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРОВОЙ И УКРАИНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В бывшем СССР делили науку на пролетарскую (марксистскую) и буржуазную, признавали возрастающие успехи первой и кризис второй, который «все углубляется». С середины 1980-х годов условия развития исторической науки в странах СНГ, в частности в Украине, как и отношение к немарксистской историографии, существенно изменились. Было признано, что состояние историографии той или иной эпохи определяет историзм ее исторического сознания: «Именно от сущностных характеристик эпохи, уровня развития наук как естественного цикла, так и гуманитарных, зависит структура знаний людей о мире и о самих себе, как субъектах истории».

По-новому была поставлена проблема кризиса исторического знания как имманентного явления в развитии науки, которое время от времени естественно возникает и периодически дебатруется учеными всего мира. Кризис – это смена научных парадигм вследствие смены социальных и научных условий развития историографии. О современном этапе кризиса исторической науки в мире и в Украине заговорили почти одновременно – в конце 1980-х гг.

Украинская историография прошла те же этапы развития, что и мировая. Даже в советское время историки бывшего СССР вели диалог (нередко подспудный) с коллегами из других стран.

Общепризнано, что XIX в. был веком немецких, а XX-й – веком французских историков школы “Анналов”, которые инициировали так называемую *nouvelle histoire*, которая считается едва ли не наиболее плодотворным обновлением исторического знания в XX в. не только во Франции, но и далеко за ее пределами.

Поскольку автор этих строк специально исследовала развитие французской, русской и украинской исторической мысли², имею основание утверждать, что с 70-х годов XIX в. до начала 30-х годов XX в. они двигались в одном направлении научных поис-

---

¹ Мальков В.Л. Предисловие // Современная зарубежная немарксистская историография: Критический анализ. М., 1989. С. 3.

² Таран Л.В. Французька історіографія (70-ті роки XIX – 80-ті роки XX ст.). Київ, 1991; она же. Историческая мысль Франции и России. 70-е годы XIX – 40-е годы XX в. Киев, 1994.

ков и развивались на плюралистических методологических основах позитивизма, марксизма и неокантианства. Конструктивными идеями позитивистского историзма, который в последней трети XIX в. господствовал в России, Украине, Франции, Англии, Италии и США, была опора на позитивное знание, полученное путем добросовестного изучения источников, уважение к профессионализму исследователя, внимание к индивидуальности и специфичности исторических явлений, признание их зависимости от места и времени, постулирование генетического принципа их изучения, требование максимально точного описания фактов, познавательный оптимизм, перенесение акцента с деятельности выдающихся людей на деятельность масс, сосредоточенность на процессах структурного характера в противовес событийно-повествовательным построениям провиденциального историзма³.

Основатели школы «Анналов» Л. Февр и М. Блок обрушили «всю силу и грубость критики» (рядом с ними в этом плане мог стоять только Ф. Симиан) на слабые стороны позитивистского историзма с его культом фактологизма, событийности, принципиальным отказом от выводов, обобщений, от услуг философии истории, от поисков закономерностей, причин (а если возникали проблемы исторического объяснения, то это были поиски ответа на вопрос «как», а не «почему»)⁴.

Острота социально-политической жизни Франции времен Третьей республики сделали приоритетным для ее историков изучение политического аспекта прошлого, например, политического опыта Французской революции конца XVIII в. (школа А. Олара). Проблемы пореформенного села России и Украины побудили сложившуюся в это время прославленную «русско-украинскую историческую школу» (из 3-х ее корифеев – И.В. Лучицкий и М.М. Ковалевский были украинцами, а Н.И. Кареев писал, что взгляды М.П. Драгоманова ему ближе, чем взгляды П.Л. Лаврова⁵) изучать аграрные аспекты Французской революции. О выводах И.В. Лучицкого в 1897 г. говорил с трибуны палаты депутатов Ж. Жорес. По его предложению и под его председательством была создана в 1903 г. комиссия по розысканию и публикации документов по экономической истории Французской революции. Фактически этим занимался А. Олар, школа которого пережила и эволюцию в целом⁶.

³ Таран Л.В. Французька історіографія... С. 17-19.

⁴ Bloch M., Febvre L. A nos lecteurs // Annales d'histoire économique et sociale. 1929. N 1. Bouvier L. Feu François Simiand? // Annales. E.S.C. 1973. N 5. P. 1174, 1175.

⁵ Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 152.

⁶ Олар А. Русское влияние в изучении Французской революции // Голос минувшего на чужой стороне (Париж). 1926. № 2. С. 7-9.

Начало XX столетия ознаменовалось сменой научных парадигм в мировой историографии. Кризис в естествознании, усложнение условий существования человека вынудили ученых акцентировать внимание на эпистемологических проблемах исторического знания, разработкой которых занялось неокантианство. Баденская школа (ее известнейшие представители – В. Виндельбанд и Г. Риккерт) предложили деление наук по методу познания и не признавали за историей, как идеографической наукой (в отличие от философии), право на формулирование законов. Наука в целом, по мнению неокантианцев, систематизирует историческую реальность, но и упрощает ее. В теорию познания был введен принцип релятивизма, признана зависимость познаваемости объектов науки от субъекта, который его познает и оценивает в соответствии с системой ценностных ориентаций эпохи. «Русско-украинская историческая школа» осторожно учитывала опыт неокантианства, но намного более – опыт марксизма. Благодаря первому, она ставила проблемы личности в истории, которая проявляет себя в совокупности своих антропо-психологических и частично – социальных качеств, а также проблемы междисциплинарности, как основы исторического исследования. При этом упор делался на сотрудничество с социологами, психологами и биологами.

Из украинских исследователей наиболее учитывал опыт неокантианства М.С. Грушевский⁷, сторонник идей Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля. Он основал в Вене Украинский социологический институт с целью распространения их идей (функционировал с 1919 по 1924 г.). Первые шесть томов его «Історії України-Руси» написаны пером не только позитивиста⁸, но и романтика, а последующие – пером социолога. Его творческая мысль, как и представителей «русско-украинской исторической школы», развивалась в том же направлении, что и мысль предшественников школы «Анналов» – Э. Дюркгейма, Ф. Симиана, А. Берра. Об этом свидетельствуют и материалы журнала «Первісне громадянство» – еще неисследованной страницы украинской историографии.

С точки зрения сегодняшнего дня взгляды академика М.В. Нечкиной относительно периодизации исторической науки в СССР неприемлемы⁹. Настоящим рубежом в историографии

---

⁷ Таран Л.В., Самойленко О.Г. Історіософія М.С. Грушевського та його взаємини з Ніжинською вищою школою // Історія та культура Лівобережної України. Матеріали міжнародної конференції. Київ–Ніжин, 1997. С. 88-98.

⁸ Прицак О. Історіософія та історіографія Михайла Грушевського. Київ–Кембридж, 1991.

⁹ Очерки по истории исторической науки в СССР. Под ред. М.В. Нечкиной. М., 1966. Т. IV. С. 11-20. Критика некоторых положений этого

СССР был 1929 год, год первой всесоюзной конференции историков-марксистов. В 1928 г. еще увидела свет книга Д.М. Петрушевского «Очерки по экономической истории средневековой Европы», в которой можно проследить влияние идей Риккерт и Дюпша. Харьковское издательство «Пролетар» выпускает труды А. Олара, А. Матьеза, К. Каутского, В. Бона, В. Блоса, активно публикует книги русских и украинских ученых по истории Франции XVIII в.¹⁰

На страницах журнала Института марксизма-ленинизма — «Прапор марксизму» до 1929 г. систематически появлялись материалы по проблемам всеобщей истории. Академик М. Яворский стремился разрешить проблемы методологии истории не путем подбора цитат из классиков марксизма-ленинизма, а полемизируя с Л. Ранке и Э. Бернгеймом, И. Кантом и Ф. Гегелем, А.С. Лаппо-Данилевским и М.М. Туган-Барановским, Н.И. Костомаровым и М.С. Грушевским¹¹. Однако с 1930 г. все это исчезает со страниц журнала; отныне здесь печатаются преимущественно официальные партийные материалы, освещается текущая политика. Борьба за утверждение марксизма приобрела и кровавый характер. Только в Украине (по неполным данным) 185 ученых прошли через ГУЛАГ, а многие и погибли там¹².

Естественный, общий с другими странами процесс развития исторического знания в СССР, в частности в Украине, который находил отражение в трудах В.М. Хвостова, Д.М. Петрушевского, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина, Р.Ю. Виппера, С.Л. Франка, И.В. Лучицкого, Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, оказался прерван, был положен конец плюрализму мнений. С начала 1930-х годов развитие исторической науки в СССР происходило на методологической основе упрощенного, вульгаризированного марксизма, который сомкнулся с позитивизмом, способным заземляться на эмпирическом, конкретном, на экономических факторах, маскироваться под материализм и марксизм¹³. Вследствие этого был ут-

---

коллективного труда содержится в книге: *Таран Л.В.* Развитие французской, русской и украинской исторической мысли (70-е гг. XIX — 40-е гг. XX в.) и изучение Французской революции конца XVIII века. Киев, 1993.

¹⁰ Подробнее об этом см.: *Таран Л.В.* Историческая мысль... С. 75-78.

¹¹ *Яворський М.* Провідні думки в розвиткові історичної науки // Прапор марксизму. 1929. № 1.

¹² Збірник на пошану українських учених, знищених більшовицькою Москвою. Накладом осередку праці Наукового товариства ім. Шевченка в Чикаго / Ред. М. Овчаренко. Париж—Чикаго, 1962. С. 63-69.

¹³ *Фурсов А.Н.* Революция как имманентная форма развития европейского исторического субъекта (Размышления о формационных и цивилизационных истоках Французской революции) // Французский ежегодник. 1987. М., 1989. С. 292-294.

рачен человек как субъект истории. Если иметь в виду, что составными частями парадигмы марксизма являются материализм, диалектика, историзм, системность и объектно-субъектный подход к исторической реальности¹⁴, то речь идет об утрате двух ее последних составляющих. Таким образом, формационная история стала историей социологических и политико-экономических абстракций, историей, в которой нет места конкретному человеку с его психикой, субъективным отношением к обществу, определенным представлением о своем месте в мире, системе производства и соответствующей деятельности¹⁵. Существовали и объективные социальные причины того, что в СССР с 1930-х гг. происходила десубъективизация марксистской теории. Это – объем экономических задач, которые стояли перед страной в 30-50-е годы, вследствие чего человек был «вытолкнут» из экономической проблематики, специфика сталинского режима, антигуманная десубъективирующая социальная реальность того времени.

1929 год был во Франции годом выхода в свет первого номера журнала «Анналы экономической и социальной истории» Л. Февра и М. Блока и основания ими школы «Анналов»¹⁶.

Среди парадигм школы выделим лишь следующие: Предмет истории, по мнению «Анналов» – глобален, тотален. Хотя, как пишет современный «анналист» А. Буро, ныне термин «тотальная

¹⁴ Там же. С. 287.

¹⁵ Гуревич А.Я. Теория формаций и реальность истории // Вопросы философии. 1990. № 4; Он же. Социальная история и историческая наука // Вопросы философии. 1990. № 11.

¹⁶ Первое упоминание о школе «Анналов» в СССР относится к 30-м гг. Оно принадлежит В.М. Далину (История техники // Историк-марксист. 1936. № 2). Раздел о французской историографии, написанный М.Н. Машкиным, был опубликован в книге «Историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки» (М., 1968). Автором этих строк в 1970 г. была защищена первая в СССР кандидатская диссертация, посвященная эволюции традиционного направления французской историографии и творческому пути Пьера Ренувена. В 1966–1975 гг. на страницах «Французского ежегодника» (изд. АН СССР), «Вопросов новой и новейшей истории» (изд. Киевского университета), "Leitschrift für Geschichtswissenschaft" (издание Академии наук ГДР) и др. было опубликовано девять наших работ. В книге московского историка Ю.Н. Афанасьева «Историзм против эклектики» (М., 1980) повторялись основные оценки нашей диссертации и опубликованных трудов. Назовем также несколько трудов по теме: М.Н. Соколова. Современная французская историография (М., 1979); В.М. Далин. Историки Франции XIX–XX вв. (М., 1981); Споры о главном. (М., 1993). Материалы Международной конференции в честь 60-летия школы «Анналов» (М., 1989); А.Я. Гуревич. Исторический синтез и школа «Анналов» (М., 1993).

история» употребляется нечасто¹⁷.

В условиях мирового экономического кризиса конца 20-х – начала 30-х гг. естественным было обращение деятелей школы «Анналов» к изучению экономической и социальной истории. Тем самым они заполняли лакуну, которая существовала в тогдашней французской исторической науке. В частности, проблемы социально-экономической истории были приоритетными в творчестве М. Блока.

В целом, до конца 80-х годов во французской историографии господствовала структуралистская парадигма. Для историка главной была «идентификация структур и отношений», которые, как считалось, независимы от мысли и воли людей и руководят хозяйственными механизмами, создают социальные связи, рождают формы дискурса. Отсюда вытекало принципиальное разграничение – собственно объекта исторического познания и субъективного сознания людей, которые действуют в истории. Ярким примером структуралистской истории были труды Ф. Броделя, с именем которого олицетворяется второе поколение школы «Анналов»¹⁸.

Второе требование к тогдашней истории было названо К. Гинзбургом «галилеевой парадигмой», что означало предъявление к истории тех требований, которые делают ее доступной для операций с числами, предвидят возможность через количественные методы выявить содержание исследуемых явлений и их место в исторической ретроспективе. Имеется в виду климат, биологические и физиологические факторы, технология. Это нашло отражение в труде П. Шоню¹⁹, а также в книге Э. Леруа Ладюри по истории климата за 1000 лет²⁰. И все-таки с 20–30-х гг. XX в. М. Блоком, Л. Февром и Ж. Лефевром (социалистический историк, последователь Ж. Жореса) в историографию было введено ключевое понятие ментальности, а сама цивилизация оказалась замкнутой на человеке²¹.

В связи с этим историография выходила на новый уровень постановки проблем исторического синтеза. Поиск его критериев является основной проблемой истории как науки, которая стре-

---

¹⁷ Буро А. Предложения к ограниченной истории ментальностей (Boureau A. Proposition pour une histoire restreinte des mentalites // Annales. E.S.C. 1989. N 6) // История ментальностей – историческая антропология. М., 1996. С. 66, 67.

¹⁸ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика, капитализм. XV–XVIII вв. В 3-х т. М., 1986, 1988, 1992 (есть украинский перевод).

¹⁹ Chaunu H. et P. Seville et Atlantique de 1504 à 1650. Paris, 1970.

²⁰ Le Roi Ladurie E. L'Histoire de climat depuis l'an 1000. Paris, 1967.

²¹ Как писал Л. Февр, «...цивилизация – это равнодействующая сил материальных и духовных, интеллектуальных и религиозных, которые действуют в данный отрезок времени, в данной стране на сознание людей». – Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 282).

мится отыскать механизм взаимодействия объективных исторических процессов и деятельности человека: не только великого человека, но и рядового человека – «человека из толпы» (по выражению французов). В позитивистском историзме синтезом было сортирование факторов, добытых из документов, по признаку однородности и в хронологическом порядке²². Например, в «Истории XIX века» (под ред. проф. Лависса и Рамбо. М., 1938. Т. 1-8) содержится основательный анализ политической, дипломатической, культурной истории, истории техники в рамках XIX-го в. Л. Февр называл такой подход к систематизации исторического материала «принципом комода», где в разных ящиках лежат отдельно «внутренняя политика» и «внешняя политика», «народные движения», «организация общества» и т.д. Ничто не пересекается, не объясняет друг друга, каждую из этих историй отдельно невозможно понять (ведь в жизни все переплетено!), как и исторический процесс в целом²³.

В марксистском историзме основой синтеза была категория общественно-экономической формации. В тесной связи с постановкой проблемы ментальности во французской историографии непосредственно критиковалась марксова теория «базиса-надстройки» как таковая, которая упрощает исторический процесс и механизм исторического движения, как парадигма, которая противопоставляет материальное и идеальное, выдвигает классовую борьбу как универсальный фактор объяснения истории, сводит ее к непосредственным столкновениям в сфере экономики. Еще в 1943 г. академик С.Д. Сказкин высказывал (конечно, статья писалась в стол) мысли о недостаточной разработанности марксовой теории «базиса-надстройки»²⁴. Позднее ее критиковали Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Р. Шартье – с французской стороны, с русской – М.А. Барг, А.Я. Гуревич, Ю.Л. Бессмертный и др.²⁵

Ныне кризис марксистской парадигмы общепризнан, но в современном процессе интеграции философско-исторических и кон-

---

²² Ланглуа Ш.-В, Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. СПб., 1899. С. 182, 183.

²³ Февр Л. Указ. соч. С. 64.

²⁴ Гутнова Е.В. Академик Сергей Данилович Сказкин (1890–1973) // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 155.

²⁵ Braudel F. Entretien, réalisé par Louis Bernard Robitaille pour "L'Actualité de Montréal" // Le nouvel Observateur. 6-12 Décembre 1985. P. 78; Барг М.А. К вопросу о современной структуре предмета истории как науки // Всеобщая история: дискуссии, новые подходы. Ч. 1. М., 1989. С. 94; Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки // Вопросы истории. 1991. № 2/3. С. 28; Споры о главном. Материалы Международной конференции в честь 60-летия школы «Анналов» (Москва, 1989 г.). М., 1993.

кретно-исторических подходов и концепций марксизму будет принадлежать не последнее место²⁶. Что касается системного подхода к истории – одной из важнейших составных исторической теории К. Маркса, то советской историографией, в том числе и украинской, он применялся только к явлениям базисным; вся надстроечная сфера – совокупность надстроечных явлений – не была представлена в качестве «самостоятельных и равноправных» компонентов единой системы общественно-исторического развития.

Две основных метаморфозы, которые пережила в XX в. мировая историография – обращение к изучению ментальности и «лингвистический поворот» – могут рассматриваться и как существенные попытки показать действие надстроечной сферы как «самостоятельной и равноправной» подсистемы. Сущностная характеристика формаций включала лишь базисные признаки, и поэтому современная философская мысль справедливо считает формационный подход методом типизации и периодизации, основанным на комплексном и фундаментальном, но все же особенном компоненте исторического развития²⁷.

Ментальность – «цветок науки XX века» – передвинула акцент исследований с центральной темы «высокой политики» и на периферию, повседневность, оставила в тени науку и обратилась к оккультизму, подсознательному, к жизни «маленьких людей» в «большой истории»²⁸. Так сформировалась и стала профилирующей линией исследований «новая социальная история». По мнению А. Буро, М. Блок и Л. Февр всегда считали ментальность особенной точкой зрения на социальное²⁹.

Одним из известнейших современных социальных историков Англии является Э.П. Томпсон, который считал себя марксистом, но на практике далеко отошел от ортодоксального марксизма. Широко известной стала его книга «Становление английского рабочего класса» (1963). О нетрадиционности подходов исследователя к социальной истории свидетельствуют названия его статей: «Моральная экономия нижних слоев английского населения XVIII в.»,

²⁶ Ковальченко И.Д. Сущность и особенности общественно-исторического развития // Исторические записки. Теоретические и методологические проблемы исторических исследований. М., 1995. Вып. 1. С. 23-27.

²⁷ Ковальченко И.Д. Теоретико-методологические проблемы исторических исследований // Новая и новейшая история. 1995. № 1. С. 24.

²⁸ История ментальностей. К реконструкции духовных процессов (Mentalitätengeschichte zur Rekonstruktion geistlicher Prozesse. W/Berlin, 1987) // История ментальностей... С. 38. Возникновение такой истории было связано с отрицанием великих идей в современных обществах европейского типа. См.: Казус. 1996. Индивидуальное и уникальное в истории. М., 1997. С. 311.

²⁹ Буро А. Предложения к ограниченной истории ментальностей // История ментальностей... С. 66, 67.

«Патрицианское общество, плебейская культура», «Этнология, антропология, социальная история», «Время, трудовая дисциплина и промышленный капитализм» и др.³⁰ Под пером Э.П. Томпсона традиционная социально-экономическая история изменялась, приобретая характер историко-антропологического исследования.

Известный анналист Р. Шартье, как историк ментальности, акцентирует внимание на соотношении в духовном мире человека стереотипов господствующей культуры (три четверти детерминизма) с его способностью выстраивать собственный внутренний мир («четверть [его] свободы»)³¹. В противовес большинству историков, сосредоточенных на «власти обычая», ученый исследует творческую способность индивидуума отстоять свою частицу свободы. В своих трудах «Читатели и читательницы во Франции Старого режима» и «Типы чтения» Р. Шартье дает блестящие образцы анализа того, как в обществе Старого порядка печатная продукция влияла на формы социальной жизни, модифицировала отношения власти.

Ученые XX в. пришли к выводу, что изучение ментальности – это сопоставление двух картин мира: картины мира «историка, исходя из которой он проводит исследование, и видение мира людьми эпохи, которая изучается»³². Это помогает понять, осмыслить, объяснить мотивацию их поведения, в которой, в конечном итоге, теснейшим образом переплетено материальное и идеальное; противопоставление этих сфер в законченной метафизической форме идет от марксизма и ведет к значительному упрощению действительности. Л. Февр, М. Блок, Ф. Бродель были убеждены в том, что проблема тотальной истории – это проблема соотношения общего, особенного и единичного. В антиномии общего и особенного Л. Февр и М. Блок сделали в свое время выбор в пользу общего.

Магистральные научные идеи школы «Анналов» на протяжении 60-ти лет имели во Франции (и не только во Франции) самый высокий авторитет и многочисленных сторонников, которые создали огромное количество исторических исследований. В них анализировались длительные процессы, большие социальные структуры, глобальные закономерности, что требовало формирования серийных данных из исторических источников. В результате была написана история больших человеческих масс, молчаливого большинства, ведущих тенденций, средних цифр, среднего человека. Такие

³⁰ Томпсон Э.П. Плебейская культура и моральная экономия. Статьи из английской социальной истории XVIII и XIX вв. // История ментальностей... С. 180-187.

³¹ Шартье Р. Одна четверть свободы, три четверти детерминизма // Споры о главном. С. 42, 43.

³² Гуревич А.Я. О кризисе современной исторической науки. С. 33.

же подходы были положены в основу истории ментальности, которая освещала массовые представления, оставляя в стороне индивидуальное.

С конца 70-х годов в мировой историографии происходил критический поворот. В это время в Италии сложился такой современный вариант социальной истории, как микроистория, представленная Дж. Леви, К. Гинзбургом, К. Пони, Э. Гренди. Ее истоками были некоторые тенденции школы «Анналов», в частности французская «история повседневной жизни». Вместе с тем, методологические подходы итальянцев были поддержаны французскими анналистами, среди которых особо выделяют Ж. Ревеля и Б. Лепти.

Подобные итальянской микроистории школы существуют в Германии, Англии, Австрии, Испании и России. Постмодернизм оформился в конце 1960-х гг. в трудах французских и американских писателей и ученых – Ж. Деррида, М. Фуко, Р. Барта, П. Де Мана, Х. Уайта, Х. Миллера. Он влиял на историософию уже с конца 70-х гг., на историографию – с 80-90-х.

Современная историография во Франции ведет родословную от Л. Февра, М. Блока, Ф. Броделя. На том этапе она поддерживала диалог с экономической наукой. С начала 70-х годов, широко используя концепцию ментальности, она искала контактов с этнологией или антропологией³³. Для микроистории характерным было стремление объединить общий взгляд на определенное историческое явление с анализом действий его участников, мотивацией их поведения, переживаний и т.д. Предметом ее внимания становились не структуры и механизмы, которые помимо какой-либо субъективности будто бы упорядочивают социальные отношения³⁴, а поведение – в определенном социальном контексте – родовых групп, семей, индивидуумов, признание за ними способности путем принятия нестандартных решений каждый раз по-своему актуализировать эти структуры³⁵. Именно это обновляло интерес к биографии как отражению сознательного выбора, свободы действий субъектов в истории, возможности воссоздать динамизм межличностных, семейных, эмоциональных отношений.

Одним из проявлений постструктурализма, постмодернизма в современной западной историографии стал вышеупомянутый «лингвистический поворот», который рассматривается как вторая (после обращения к проблемам ментальности) величайшая мета-

³³ Ле Гофф Ж. «Анналы» и «новая историческая наука» // Споры о главном. С. 90-92.

³⁴ Шартье Р. История сегодня: сомнения, вызовы, предложения // Одиссей. 1995. М., 1995. С. 194.

³⁵ Бессмертный Ю.Л. Что за «Казус...» // Казус. 1996. М., 1996. С. 19.

морфоза исторической науки XX в. В основе «лингвистического поворота» лежат извечные споры историков о природе исторического познания, их разочарование в том, что объективное, рациональное исследование даст возможность раскрыть настоящее содержание исторических текстов. Язык является не инструментом познания мира, а составной частью мира, историческая реальность не является внешней по отношению к познающему субъекту, а конструируется языковой и дискурсивной практикой³⁶.

В рамках постмодернизма поставлено под сомнение само понятие исторической реальности, критерии достоверности исторических источников, традиционные (берущие начало еще с эпохи гуманизма) модели понимания и познания прошлого. Если исследователь ищет связи внутри той реальности, которая организована языком, лингвистическими структурами, которые входят в те или иные дискурсы, то является ли существенной разница между фактом и вымыслом в историческом источнике? Возможно ли достижение объективной истины наукой?

В рамках «лингвистического поворота» обрела новое обоснование повествовательная история: после большой подготовительной работы над источниками историк отбирает и группирует факты в соответствии с законами «интриги», законами повествования. Содержание истории-рассказа зависит от формы, риторики повествования; язык и стиль изложения сказываются на интерпретации истории не менее, чем научные и идеологические позиции автора³⁷.

Постмодернизм менее всего заслуживает обвинения в том, что является способом «...самолюбования, самоутверждения историков»³⁸. С одной стороны, он должен быть оценен как углубленное понимание учеными опосредованности познания языком. Это понимание может привести к теории среднего плана; о необходимости наработки таких теорий давно ведет речь и мировая, и русская наука³⁹. С другой стороны, Л.М. Баткин справедливо считает, что «критика деструкционизма», как и критика «позитивизма, структурализма, М. Бахтина», должна вестись «...не как отторжение их, а как вхождение в блестящую и необходимую односторонность, в

³⁶ Репина Л.П. Вызов постмодернизма и перспективы новой культурной и актуальной истории // Одиссей. М., 1996. С. 25, 26.

³⁷ Гуревич А.Я. «Территория историка» // Одиссей. М., 1996. С. 86.

³⁸ Жук С.І. Західна історіографія та епістемологічні проблеми історичної науки // Укр. істор. журн. 1994. № 1. С. 51.

³⁹ В широком плане проблему опосредованности ставил М.А. Барг (Барг М.А. К вопросу о современной структуре предмета истории... // Всеобщая история... С. 97, 98; О проблемах эпистемологии см.: Спигея Габриель М. К теории среднего плана: историописание в век постмодернизма // Одиссей. – М., 1995. – С. 212, 213.

целом любой стоящей методологической позиции». Разматывание до конца «возможностей и парадоксов» деструктивизма приводит к границам этого метода⁴⁰. Если есть только тексты источников, на основе которых пишутся исторические тексты, то где же сама история? Химера ее конца вновь – в который раз! – кажется, маячит на горизонтах науки начала XXI века. Однако элементарный здравый смысл противостоит этому. «От бесконечного спора о постмодернизме» – пишет П. Рикер, – историки перешли к вопросу опасному, но вполне конкретному: является ли текстом Холокост, Шоа? Доступен ли дискурсу мир Освенцима? – спрашивает Г. Штайнер. Такие «события на пределе», – говорит Фридлендер, – это шок, которым «действительная история поражает «коллективную и индивидуальную память»». Внутри таких событий есть палачи, жертвы, свидетели. Что же делать историку? Как писать историю? Как и классические «Анналы» Л. Февра и М. Блока, «Анналы» 2000 года пишут: историку надлежит понимать, не обвиняя и не оправдывая⁴¹.

В книге «Время и рассказ» (М.-СПб., 2000, Т. 1-2) П. Рикер предложил употреблять термин «репрезентирование» прошлого, объясняя, что это означает одновременно и *замещение* (особа, замещающая монарха – не сам монарх) и *приблизительность* (наместник не равен тому, кого замещает)⁴². Считая такую интенцию претензией на прорыв, на продвижение вперед, П. Рикер вновь ставит извечный вопрос, касающийся правдоподобия исторического текста. И предлагает два ответа: 1) следует сравнивать два или несколько текстов: тот факт, что Французской революции посвящена «целая библиотека», говорит о желании историков как можно ближе подойти к оригиналу, к самому событию; 2) репрезентация прошлого – это не проблема истории, а проблема памяти. Исторические конструкции являются реконструкциями, т.е. результатом интенций, претензий, желаний... А степень их достоверности зависит не от человеческой порядочности историка, а определяется эпистемологическим характером интерпретации, т.е. зависит от тех причин, по которым историк задает доку-

---

⁴⁰ Баткин Л.М. Полемические заметки // Одиссей. М., 1995. С. 209. Я.Д. Исаевич справедливо констатировал наличие связи между общим состоянием общества (оптимистический виток его развития или период кризиса) и подходами ученых к проблеме познаваемости прошлого. См.: Исаевич Я.Д. Твердження про незнанність історії стирає грань між фальсифікацією та пошуком істини // День. 1996. № 13.

⁴¹ Рикер П. Историописание и репрезентация прошлого. Памяти Франсуа Фюре (Annales. HSS. 2000. Vol. 55. N 4. P. 731-747) // Анналы на рубеже веков: антология. М., 2002. С. 38.

⁴² Там же. С. 40-41.

менту тот или иной вопрос, выбирает тот или иной способ объяснения, определяя причину или мотивацию поступков, отдает предпочтение тому или иному языку⁴³.

Итак, «Анналы» по-прежнему ищут метод написания истории, с тем, чтобы ответить на вопрос, как циркулировать между прошлым, настоящим и будущим.

Совершая «критический поворот» в конце 1980-х годов, «Анналы» подводили итоги своей предыдущей деятельности. Междисциплинарность – это, может быть, лучшее, что дал журнал сообществу историков. Э. Дюркгейм мечтал объединить результаты всех наук с помощью социологии, а А. Берр, М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель ставили задачу *исторического синтеза*. Нынешние «Анналы» считают, что история должна вести диалог с социальными науками на равных. Символично в этом смысле изменение названия журнала, который с 1989 г. называется «Анналы. История и социальные науки»; ни одна дисциплина не может притязать на гегемонию в области социальных наук. Междисциплинарность стала рутинной практикой ученых, хотя разработка компаративного метода, который применяется лишь спорадически, по-прежнему остается насущной.

Категория ментальности, «темница времени большой длительности», ныне обвиняется в неопределенности, двусмысленности, многозначности... в изначальном компромиссе с понятием первобытного мышления. Забыть эту категорию поможет междисциплинарность, которая позволяет взглянуть на вещи с разных точек зрения⁴⁴.

В мировой историографии пройдены этапы и модернизма, и постмодернизма, пройдены, чтобы остаться с современниками в лучшей своей части. От постмодернизма, от метафоры общества, как текста, нам осталось представление о полисемии и активном участии читателя в производстве смысла. Из моделирования – хотя бы мысль о том, что хорошая историческая книга – это система прочно связанных между собой концепций. Вместе с тем, книга – это не миниатюрное отражение реальности, но выражение структуры, делающей эту реальность более или менее пронцаемой, в зависимости от исходных гипотез и принятых правил эксперимента⁴⁵. Значит, как таковая, она подлежит пересмотру. История переписывалась и будет переписываться. Современные «анналисты», так же, как Л. Февр и М. Блок в 30–50-х годах XX в. пишут, что история создает свой объект изучения.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Попробуем поставить опыт (Annales. HSS. 1989. Vol. 44. N 6. P. 1317-1323) // Анналы на рубеже... С. 21, 22.

⁴⁵ Там же. С. 19.

Историки современности едины в том, что необходимо отказаться от противопоставления микро- и макроанализа, и в подтверждение этого можно привести одно из современных определений истории. Оно таково: «Процессы, в пределах которых социальные персонажи заново определяют устройство социума, сообразно с тем, что они предполагают сделать и что делают, сами того не ведая, – и составляют предмет истории»⁴⁶.

***

Что происходит с украинской историографией? Переживает ли она кризис? Ответ на этот вопрос непрост. Если кризис истории как науки является результатом изменения социальных условий ее развития при повышенных запросах людей сегодняшнего дня к своему прошлому, а также интереса к истории других народов и государств, то украинская наука все это, безусловно, переживает.

Сегодня налицо кризис марксистской парадигмы, которая в течение долгого времени была единственно дозволенной методологией истории в СССР, что исключило возможность творческой разработки социологической теории марксизма с учетом общего развития философии истории. Ныне специалисты далекого и ближнего зарубежья едины в том, что историю следует писать на основе обобщения разнообразных взглядов и оценок. Синтез теорий, подходов, методов и конкретно-научных концепций рассматривается как органический компонент развития науки⁴⁷. Современные ученые, отказываясь от поисков наивысшей парадигмы, «низко кланяются» позитивизму, марксизму, веберизму, неокантианству, структурализму, достижениям школы «Анналов», кризису школы «Анналов», постмодернизму, не считая это каким-то вульгарным релятивизмом, а разделяя убежденность М.М. Бахтина в том, что «... не каждый прав по-своему, а правы все вместе»⁴⁸.

Какие же из этих, указанных российским ученым, этапов развития науки XX века прошла украинская историография? Можно указать на укрепление позиций позитивизма в современной украинской историографии, поскольку в предисловиях к своим новейшим трудам известнейшие историки Украины призывают друг друга «говорить правду» о прошлом, уверяют в том, что получение этой правды зависит от честного отношения к источникам, верят в то, что исторический факт добывается путем прямого прочтения источников. Между тем еще Л. Февр был убежден, что исторический

⁴⁶ Там же. С. 18, 19.

⁴⁷ Эмар М. Образование и научная работа в профессии историка: современные подходы // Исторические записки. М., 1995. Вып. 1. С. 10.

⁴⁸ Баткин Л.М. Указ. соч. С. 208.

факт является итогом большого, кропотливого труда историка, результатом выдвинутых им гипотез и предположений. Содержание исторического источника зависит не только от прошлого (основатели «Анналов» никогда не отрицали его объективности: «прошлое, — писал М. Блок, — является данным, где ничто не изменится больше»), но и от самого историка, его знаний, интеллекта, инициативы, умения использовать инструменты труда⁴⁹.

Кроме этого, каждое поколение историков создает свой образ прошлого, «пишет свою историю», потому что задает прошлому свои вопросы и данные источников оценивает в соответствии с системой ценностных ориентаций своей эпохи. Со времен неокантианцев такое отношение к относительности истины (релятивизму) в науке истории стало общепризнанным. На наш взгляд, добывание правды каждым поколением историков зависит от их отношения к источникам, и проблемы эпистемологии исторического знания выдвинулись ныне на передний край науки.

Более ста лет тому назад корифеи французской позитивистской историографии Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос, книги которых были настольными для русских и украинских ученых конца XIX — начала XX в., писали: «История есть ничто иное, как употребление в дело документов». Одно из современных взвешенных определений науки истории таково: «История является одной из форм "научной" практики, производящей знание, но модальности этой практики зависят от смены ее технических процедур, от принуждений, которые помещают ее в социальную среду и институты знания, в которых она осуществляется, а также правил, которые с необходимостью руководят ее написанием»⁵⁰.

Со времен «перестройки», а особенно со времени независимости, в Украине, как и в других странах СНГ, условия труда историка существенно изменились: в научный оборот были введены и продолжают вводиться новые массивы источников (хоть автор далек от идеализации положения в этой сфере), увидели свет труды репрессированных отечественных историков, которые десятилетиями пребывали в спецхранах, стали доступными работы зарубежных исследователей, налажен творческий диалог с историками диаспоры. Но, как заметил С.В. Кульчицкий, историографическое наследие остановилось на начале XX в., а недостатки зарубежной украинистики много в чем объясняются ее отделенностью от архивов⁵¹. Он считает насущной задачей украинской историографии

⁴⁹ Bloch M. Apologie pour l'histoire. P. 22; Febvre L. Combats pour l'histoire. P. 116, 117.

⁵⁰ Баткин Л.М. Указ. соч. С. 204.

⁵¹ Кульчицкий С.В. Комунізм в Україні: перше десятиріччя (1919-1928). К., 1996. С. 9.

создание обобщающих трудов по истории Украины на новых концептуальных основах. В последнее десятилетие появились как индивидуальные, так и коллективные монографии по различным проблемам отечественной истории, в которых она переосмысливается концептуально. Однако, как справедливо пишет Л. Зашкильняк, «в изучении прошлого Украины прочно утвердилась историческая схема, предложенная М. Грушевским, которая принуждает представлять историю в категориях линейного и закономерного развития украинской науки на пути к завоеванию независимости»⁵². Этот упрощенный подход, преобладающий в трудах по истории Украины, оставляет вне поля зрения массу важных исторических явлений, которые составляют сущность национальной истории.

В целом, в концептуальном плане история Украины переосмыслена кардинально. Если до начала 90-х гг. она рассматривалась отечественными историками как составная часть российской истории либо под углом зрения отношений Украины с Россией, то ныне их усилия направлены на разработку проблемы украинской исторической самоидентификации и континуитета украинского исторического процесса. Происходит естественный процесс смены трактовок тех проблем или периодов, которые были приоритетными для советской историографии; многое делается и для заполнения лакун, реставрации замалчиваемых страниц, возрождения намеренно забытых личностей – и здесь, естественно, работы у историков Украины намного больше, чем у их коллег из России. Поэтому некоторая часть украинской историографии и должна пройти этот позитивистский, описательный, событийный этап. Но кардинальной для нее проблемой является переосмысление общих методологических подходов к истории Украины и всемирной истории.

Н.М. Яковенко осуществила попытку проследить эволюцию и мутацию в условиях советского периода в историографии и до сегодняшнего дня двух основных концепций истории Украины – народнической (от М. Грушевского) и государственной (терминология введена В. Липинским)⁵³. Такая постановка проблемы была оправдана, но, оставаясь в рамках передовой для XIX века (наряду с марксизмом) идеологии либерализма, принадлежит истории исторической науки. В немецкой историографии XIX столетия господствующее «государственное» направление было представлено Тибо, «исторической школой права», Савиньи и Эйхгорном, Гегелем, Ранке. Но там развивалась и гейдельбергская школа, лидеры которой – Шлоссер, Циммерман – отдавали должное на-

⁵² Українська історіографія на зламі XX і XXI століть: здобутки і проблеми. Львів, 2004. С. 400.

⁵³ Яковенко Н. До питання про методологію вивчення історії України // Генеза. 1996. № 1 (4). С. 118-121.

роду как творцу истории. Такую антиномию можно проследить и во французской, и в других национальных историографии XIX в.

Какой же подход должна разрабатывать современная украинская историография – «государственный» или «народнический». Конечно, и тот, и другой. И они развиваются. Как отмечает В. Яремчук, в океане книг по истории Украины, появившемся после обретения независимости, нужно выделить труды, созданные учеными Института истории Украины под редакцией В.А. Смолія в середине 1990-х – начале 2000-х гг.⁵⁴ При всей их задекларированной и частично действительной новизне они восходят к традиционной схеме истории Украины – схеме М. Грушевского – и вбирают фактаж и оценки дореволюционной, советской и диаспорной историографии⁵⁵. Это традиционный, «академический» синтез, базирующийся на традиционной теоретико-методологической парадигме. Тем не менее, он имеет право на существование. Альтернативой ему являются труды Н.М. Яковенко, которая знакома с современной постановкой проблем методологии истории. В настоящее время, когда рушатся традиционные, идущие от гуманизма и Просвещения представления об историческом движении как прогрессивном и закономерном⁵⁶, исследовательница также выступает против использования этих категорий, сосредотачивается на человеке, его мировоззрении, ментальных характеристи-

⁵⁴ Історія України: нове бачення: У 2 т. / О.І. Гуржій, Я.Д. Ісаєвич, М.Ф. Котляр та ін. / Під ред. В.А. Смолія. Київ, 1995. Т. 1; Історія України: нове бачення: У 2 т. / В.Ф. Верстюк, О.В. Гарань, В.М. Даниленко та ін. / Під ред. В.А. Смолія. Київ, 1996. Т. 2. Эта книга, дополненная и переработанная, переиздавалась еще дважды – в 2000 и 2002 гг.

⁵⁵ Українська історіографія на зламі... С. 75.

⁵⁶ Российский историк К.В. Хвостова пишет: «Большинство аналитиков ... отказались от идей, согласно которым историческое развитие – это неуклонный закономерный прогресс, будь то развитие государственных институтов, социально-экономическое развитие или нравственное совершенствование человека. В настоящее время ... историческое развитие понимается как хаос, т.е. целостность, объединяющая многофакторность проявлений и многоаспектность проблем. Признаком хаоса является, например, наличие внутри этой целостности спонтанно развивающихся (саморегулирующихся) систем; связывающая разнообразные факторы причинность не бинарна, а множественна.

Такое представление о развитии распространяется теперь и на физико-химические, и биологические процессы. Такой характер развития постулируется и для исторического процесса, причем предполагается, что неопределенность и вероятностность ... усиливается вмешательством в каузальную взаимосвязь факторов индивидуальной и коллективной воли человека». См.: Хвостова К.В. Современная эпистемологическая парадигма в исторической науке. (Роль многозначной логики) // Одиссей. Человек в истории. М., 2000. С. 10.

ках и призывает обратить внимание на личностный фактор в истории⁵⁷. Учитывая наличие подобных исследований в Украине, можно сделать вывод, что украинская историография переходит на позиции модернизма (в то время как мировая прошла и модернистский, и постмодернистский этап). Если сущностью кризиса в мировой историографии конца XX века было преодоление вышеуказанных парадигм, то сущностью кризиса украинской историографии того же периода был кризис марксистской парадигмы, и миновать модернистский и постмодернистский этапы для украинской историографии оказалось невозможным. С неизбежностью приходится констатировать, что украинская историография, как и украинская модернизация, носит догоняющий характер.

Н.М. Яковенко не была пионером в применении модернистских подходов к изучению истории. Академик Я.Д. Исаевич еще в 1970-е годы на Федоровских чтениях в Москве, в докладе, посвященном читательским интересам украинских горожан XVI–XVII вв.⁵⁸, показал, как необходимо применять новый в то время метод социальной истории. С начала 1990-х гг. под его редакцией выходит межведомственный сборник научных трудов⁵⁹, на страницах которого освещаются проблемы украинской исторической ментальности, эволюции национальной идентичности и др. А.П. Толочко и Н.М. Яковенко с 1992 г. издают новую серию "Mediaevalia Ucrainica: ментальність та історія ідей". Своей задачей они считают изучение истории средневекового сознания, категорий повседневной культуры и элитарных теорий, византийско-православного и европейско-латинского корней украинской мысли. В этой серии публикуются не только ученые Украины, но и Польши, Болгарии, Италии и др.

И все же на сегодня основной задачей мировой – не только украинской – историографии является преодоление и позитивизма, и марксизма на путях методологического плюрализма. Только усвоение понятий и категорий, наработанных в мировой историографии в XX веке, даст возможность по-новому осветить как исторический путь Украины в целом, так и отдельные его составные компоненты. Украинской исторической науке насущно необходим диалог с наиболее перспективными течениями мировой историографии, которую в Украине не знают⁶⁰.

⁵⁷ Українська історіографія на зламі... С. 85, 87.

⁵⁸ Исаевич Я.Д. Круг читательских интересов городского населения Украины в XVI–XVII вв. // Федоровские чтения. 1976. Читатель и книга. М., 1978.

⁵⁹ Україна: культурна спадщина, національна свідомість, державність. К., 1992. Вип. 1. и т.д.

⁶⁰ В Украине в советское время изучением мировой историографии занимались: автор этих строк с 60-х годов XX в. – французской историографи-

Для творческой переориентации украинской историографии необходимы и организационные усилия. Ни в одном из трех киевских исторических институтов НАН Украины – Институте истории Украины, Институте археологии, Институте политологии и национальных отношений – нет отдела теории и методологии истории. Абсолютно необходимым является создание Института всеобщей истории, главной задачей которого, по нашему убеждению, будет работа над тем, чтобы вписать историю Украины в контекст мировой истории.

В дореволюционное время вообще не существовало этого искусственного разделения науки истории на всемирную и отечественную. Самые выдающиеся украинские историки – М.С. Грушевский, М.П. Драгоманов, И.В. Луцицкий, М.М. Ковалевский удачно объединяли в своих исследованиях сюжеты всемирной и украинской истории.

Ныне всеобщая история в Украине утрачена как в исследовании, так и в преподавании. Нет школ античников, византистов, медиевистов. Усилиями отдельных энтузиастов поддерживается изучение новой и новейшей истории стран мира. Утрачены отечественные прославленные школы. В то время как в России в 60-70-е гг. отечественная школа всеобщей истории в лице М.А. Барга, А.Я. Гуревича, Ю.Л. Бессмертного и др. перестроилась на новых методологических основах, в Украине она *de facto* прекратила свое существование. Как утверждает львовский историк Я. Грицак, история Украины вписана в мировой контекст историками диаспоры⁶¹.

На наш взгляд, феномен диаспорной историографии нуждается в специальном анализе, но уже сегодня ясно, что она дала блестящих исследователей, среди которых выделяются И. Лысяк-Рудницкий и О. Прицак. Первым синтезом украинской истории, представленным трудами О. Субтельного, зачитывалась вся Украина в годы «перестройки»⁶². Однако, чтобы вписать историю

ей, а Л.О. Зашкільняк – польской. С 2000 г. в пределах интересующей нас проблематики появились две работы по французской историографии: *Дюпон-Мельниченко Ж.Б., Абадуров В. Французька історіографія ХХ століття*. Львів, 2001; *Добровольский А.О., Мохненко С.С., Добровольская Ю.А. Школа Анналов. Новая историческая наука*. Одесса-Москва-Херсон, 2000.

⁶¹ Подробнее о наработках последних лет см.: *Українська історіографія на зламі... Розділ III*.

⁶² Взвешенная оценка работ О. Субтельного дана на страницах монографии «Українська історіографія на зламі...» (С. 60, 61). От себя добавим: напрасно С.В. Кульчицкий резко отрицательно оценил ее, как лишённую архивной основы. Л. Февр писал о том, что практика виртуоза в каменном деле не делает архитектора. Из трех школ гуманистической историографии – эрудитская, риторическая, политическая – самой слабой единодушно признана первая, несмотря на то, что ее представители – монахи

Украины в контекст мировой истории, необходима большая подготовительная работа специалистов.

Одной из центральных проблем, обсуждаемых сегодня, является периодизация украинского исторического процесса. По этому поводу высказывались такие авторитеты, как И. Лысяк-Рудницкий, Я.Д. Исаевич, Н.М. Яковенко⁶³. По нашему мнению, мнению специалиста по всеобщей, а не украинской истории, чтобы прийти к общему мнению, необходимо решить вопрос о хронологических рамках перехода от феодализма к капитализму для Украины. Переходная эпоха обратила на себя внимание ученых мира еще в 1950-е годы и стала предметом непрекращающихся научных споров⁶⁴. Они охватывают широкий круг сложных проблем: хронологических рамок для различных стран мира, фаз, ритмов, внутренней периодизации, особенностей складывания и функционирования мирового рынка, его структуры, основных показателей развития, которые характеризуют степень втягивания национальных экономик в международный обмен, развитие инфраструктуры мировой торговли, кредитно-денежной системы – с одной стороны, складывание гражданского общества, демократизация государственных институтов – с другой. Для Англии хронологическими рамками переходной эпохи являются середина XV в.

бenedиктинских и иезуитских монастырей проделали колоссальную работу по собиранию, критике и изданию документов и написанию на их основе многотомных трудов. См.: *Косминский Е.А.* Историография средних веков. М., 1963. Лекция IX.

⁶³ *Лысяк-Рудницкий И.* Историчні есе. К., 1994. Т. 1-2; *Исаевич Я.Д.* Українська культура в середньовіччі і на світанку нової доби // Україна: культурна спадщина... Вип. 1. С. 31-49; *Яковенко Н.* До питання про методологію вивчення історії України // Генеза. 1996. № 1 (4).

⁶⁴ В дискуссии, начатой американским специалистом Р. Палмером, поддержанной французскими учеными Ж. Годшо, Д. Робен и многими другими, принимали участие такие известные специалисты Института всеобщей истории РАН, как М.А. Барг, Е.Б. Черняк, В.Н. Малов и др. (Украинские имена отсутствуют в этом списке). Обзор литературы по данному вопросу подготовил в свое время Ж. Годшо (Современное состояние изучения Французской революции в странах Западной Европы и США // Французский ежегодник. 1970. М., 1972). Назовем также некоторые труды, появившиеся в связи с 200-летием Французской революции: *Нарочницкий А.П.* Юбилей Французской революции: поиски и проблемы // Новая и новейшая история. 1989. № 3; *Барг М.А., Черняк Е.Б.* О роли революций европейского масштаба в межформационном переходе от феодализма к капитализму // Новая и новейшая история. 1988. № 3; *Черняк Е.Б.* 1794 год: актуальные проблемы исследования Великой французской революции // Французский ежегодник. 1987. М., 1989; *Барг М.А., Черняк Е.Б.* Великие социальные революции XVII–XVIII вв. М., 1990; *Таран Л.В.* Историческая мысль Франции и России...

– 60-е гг. XIX в. (вторая парламентская реформа и переход к промышленному капитализму). Для Франции – середина XVI – последняя треть XIX в. (победа промышленного капитализма и режима Третьей Республики).

Примечательно, что известный специалист по истории Украины XIX – начала XX в. ставит под вопрос саму возможность определить хронологические рамки столь сложного явления⁶⁵. Для Украины верхнюю дату определить не берусь, ее должны определить украинисты, а нижняя, скорее всего, 1880-е годы – начало XX века: отмена крепостного права, промышленный переворот, судебная, административная, военная, школьная реформы, становление буржуазной государственности. С определением для Украины хронологических рамок переходной эпохи освободительная война под руководством Богдана Хмельницкого будет вписана в мировой контекст, о необходимости чего неустанно говорит академик В.А. Смолий. Он же стремится привлечь интерес украинских историков к проблемам методологии истории, о чем свидетельствует основание в 2002 г. при Институте истории Украины альманаха «Социум». Количество периодических изданий, в которых обсуждаются проблемы методологии истории в Украине, в последние годы непрерывно растет. Украинская историография пребывает, говоря словами Л. Февра, на марше. Чтобы этот «марш» был более плодотворным, необходимо пересмотреть содержание школьных программ преподавания истории и рабочие планы исторических факультетов в вузах.

⁶⁵ Реент О. Україна в імперську добу (XIX–початок XX ст.). Київ, 2003. С. 6.

Н.А. Селунская

ОСЕНЬ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ПОЗДНЯЯ АНТИЧНОСТЬ: КАК АНТИКОВЕДЫ С МЕДИЕВИСТАМИ ИСТОРИЮ ДЕЛИЛИ

Поговорим о странностях периодизации истории. Почему эта проблема волнует столь многих профессионалов и любителей истории, почему данный вопрос представляется принципиальным? В конце концов, ведь от условного подразделения на части, сама история – так же, как и картина истории – как будто бы не должна измениться?

Совершенно ясно, однако, что в основе периодизации истории заложено представление о некоей качественной перемене. Тема же перехода в новое качество является интересной как для историософского построения, так и для микроисторического анализа. Не удивительно, что тема упадка Великой Империи, и особенно представление об упадке Римского государства, стали излюбленными для европейского научно-исторического дискурса. Есть множество причин интереса к этой эпохе и к историографическому изображению ее реалий. Выделим только один пункт: долгое время идея упадка Империи являлась удобным основанием для проведения неоспоримой границы между исследовательскими интересами антиковедов и медиевистов¹.

Но вот появилась концепция «Поздней Античности» (*Late Antiquity*), которая снимает привычные барьеры и разграничения между изучением веков и народов, представлявших совершенно различными, не подходящими даже для историко-сравнительного анализа. Как мне кажется, сама по себе периодизация, предложенная сторонниками новой концепции, не является ее главной чертой. Хотя именно такая особенность, как присвоение названия «Поздняя Античность» нескольким векам (250-800 гг.) в первую очередь обращает на себя внимание и вызывает вопросы. Выделение этих столетий в качестве особого периода истории по верхней своей границе несущественно отличается от обозначения

---

¹ В большинстве систем одно историческое событие – падения столицы государства на Западе (вписанное в контекст упадка Древнего Рима) и принималось за маркирующую черту, иногда предшествующие кризисные состояния государства и усиление варварских народов уже трактовались как начало новой эпохи.

эпохи Раннего Средневековья в некоторых системах периодизации, в том числе отмеченных в учебных пособиях. Нижний барьер связан с общепризнанным моментом кризиса государства Древнего Рима. Что нового задает такая трактовка периодизации?

В каком случае вообще модель периодизации воспринимается как новая? Когда история «меняется» в восприятии исследователя и, в соответствии с представлениями историка, в среде читающих любителей истории? Вероятно, когда попытка переосмысления периодизации представляет собой результат применения нового метода исследования. А это в свою очередь обычно означает, что у историка, приступившего к изложению своей версии истории, уже сложилась особая картина мира, и именно способ периодизации истории – это наиболее концентрированный вариант ее описания.

Можно отметить два уровня в системе описания Поздней Античности: континуитет некоторых историко-культурных черт развития Империи на Западе, и более общее видение всего Средиземноморья, Восточного и Западного как целостной устойчивой системы, подверженной упадку по причине смен определенных административных и политических структур. При этом важными оказываются не сами по себе условные границы и исторические термины, не только то, как хронологическая схема исследователя очерчивает материал исторических свидетельств давних эпох, но и то, как периодизация истории вписывается в определенный современный контекст развития научной и состояния общественной мысли.

Именно поэтому необходимо отметить сроки и масштабы изменений историографических представлений, восприятия новой идеи в качестве предпочтительной концепции и хронологии истории. В случае развития представлений о последних веках существования Римской империи и новом мире варварских королевств на ее территории перемены происходили удивительно быстро. Концепция *Late Antiquity* стала известной в нашей стране в самое последнее время, хотя время ее европейского признания приходится на 1970-е годы, когда смена исторических парадигм происходила на памяти и в научной практике всего одного поколения историков. Так было и в России, где в конце двадцатого века, как и в его начале, все «смены вех» происходили весьма бурно. Несколькими десятилетиями раньше, чем в России и Восточной Европе подобный разрыв с базовыми посылками происходил и в мире англоязычной науки, с весьма долгой традицией изучения предпочтительно социально-экономической и институциональной истории, с ясными представлениями об историческом прогрессе, упадке старого и рождении нового мира.

Какие параллели этой концепции, можно найти в мире пред-

ставлений медиевистов о средневековье, какое видение средневековой истории кажется подобным парадигме «Поздней Античности» и по духу и, добавим, по успеху идеи?

Несомненно, романтический образ, который сразу же вспоминается медиевисту – это «Осень Средневековья». Припомним, какими чертами обладало описание «Осени Средневековья». Йохан Хейзинга, мыслитель и великий историк из маленькой протестантской страны XX столетия, заставил своих читателей увидеть великолепие последних веков средневековой католической культуры и сопереживать ее пышным праздничным краскам: «Век Бургундии» – так должно было первоначально называться сочинение. Не упадок, а листопад, долгое, яркое закатное сияние средневековой культуры – вот что воспел великий медиевист. Хейзинга приоткрыл секрет, почти недоступный читателям, воспитанным веком прогресса: несправедливо искать в прошлом лишь возникновение нового, не менее притягательно созерцание прекрасных плодов уже уходящей культуры. Созревание и сбор плодов осенней поры цивилизации происходит одновременно с зарождением начатков иного образа жизни и образа культуры. Разве возможно считать эти опавшие плоды лишь перегноем, плодородной почвой для нового? Ведь неизвестно, какому из сменяющих друг друга жизненных укладов и представлений еще суждено каким-то чудом связать прошлое и наше сиюминутное настоящее, стать более созвучным современному. Об этом свидетельствует признание, которое получили представления о «Поздней Античности» и «Осени Средневековья».

Обе концепции дают возможность проследить черты и своеобычности, и континуитета в культуре переходных эпох. Увидеть черты континуитета цивилизации вместо упадка основ и прекращения традиций весьма легко, если обратить внимание не на кризисы экономических и политических систем, а на культуру и выражение религиозного чувства, эстетического начала. Ведь культура, а тем более культура элиты, отпечаток которой мы обычно только и можем проследить по сохранившимся памятникам, не так жестко связана с «материальными» обстоятельствами, чтобы находиться в упадке по причине изменения экономической конъюнктуры или демографических колебаний. И эта культура продолжает приносить свои плоды. Правда, плоды, которые приносит дерево, порой совсем не похожи на ветви и ствол. Но плоды культуры также принадлежат тому дереву, от которого они произросли.

Именно такой образ и использовал Хейзинга, когда призывал увидеть в истории XIV-XV вв. «не возмещение Ренессанса, но завершение Средневековья». «Осень Средневековья» – это «попытка увидеть средневековую культуру в ее последней жизненной фазе, как дерево, плоды которого полностью завершили свое

развитие, налились соком и уже перезрели...»². Точно так же, как в Средневековье медиевист не хочет видеть лишь «преддверие Ренессанса»³, историк античности не согласен видеть в последних проявлениях древней культуры лишь зачаток нового мироздания.

Странно было бы отказать коллегам-антиковедам в праве так же продлить очарование любимого периода истории. В сущности, странным скорее кажется то, что антиковеды так долго и так легко отдавали «спорные века» на откуп исследованиям медиевистов. Более того, именно те историки, которые были подготовлены как специалисты по изучению средневековой культуры и изменили ситуацию по собственной инициативе.

Видимо, на определенном отрезке времени медиевистика как дисциплина развивалась быстрее и разнообразнее, меняя арсенал методик и инструментов исследования удачнее, чем это происходило в рамках любой другой специализации истории, например, в антиковедении. Не сразу, но постепенно историкам удалось уяснить, что тот инструментарий, который хорошо отвечает целям работы с историческими источниками, датируемыми периодом после тысячного года, должен быть скорректирован.

С другой стороны, специфика источниковой базы, качественно и количественно отличной от материала исследований «классических» веков средневековья создала такую ситуацию, что историки начального периода средних веков чувствовали необходимость обсуждать круг интересных им проблем, обособившись от собратьев по цеху медиевистов. Центры исследования Раннего Средневековья почти повсеместно существуют самостоятельно, организуя собственные форумы и дискуссии. Более близкими для этих историков кажутся не установки классических медиевистов-западников, но разработки византинистов, хронология истории Римской империи на Востоке. Само по себе продолжение истории Римской державы как Восточно-христианской империи и неприменимость к этой истории характеристик развития и периодизации истории средневекового Запада и заставляет усомниться в том, что такая периодизация является единственно возможной и правильной.

Кроме того, отметим такое отличие: исследователи, изучаю-

---

² Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. (Предисловие к первому изданию 1919). С. 5.

³ «Иными словами, мы рассматриваем некий период времени прежде всего как скрытое обещание того, что исполнится в будущем. Сколь ревностно мы выискивали в средневековой цивилизации ростки современной культуры. Столь ревностно, что порою казалось, будто история духовной жизни средневековья представляла собой не более чем преддверие Ренессанса». — Там же.

щие историю первых веков после захвата варварами столицы Западной Римской Империи, констатируют, что существование псевдоромантических мифов с националистической окраской идет вразрез с любым серьезным изучением исторических свидетельств эпохи, в то время как штудии классического средневековья часто вольно или невольно эти мифы питают. Таким образом, популярность важнейших результатов изучения данного периода истории категорически исключается, а сами эти выводы отторгаются обыденным сознанием среднего представителя «общественности». Тем больше причин признания актуальности исторического анализа данной эпохи, тем более важную роль может сыграть историческая наука в снятии как архаизмов, так и модернизации истории в общественном сознании.

Эту роль и пытались исполнить историки, приверженные концепции «Поздней Античности». Собственно, может быть, не совсем корректно называть представление, сложившееся в современной историографии по поводу позднего периода истории земель Римской империи, словом концепция. Тем более, на мой взгляд, нет нужды излагать ее в виде суммы тезисов и постулатов, и не только потому, что данная идея, несмотря ни на что, уже стала достаточно популярной, в том числе и в нашей стране⁴. Дело в том, что идея Поздней Античности появилась в исследовательской работе, даже в ряде работ нескольких одаренных авторов, а не в некоем декларативном виде. Очевидно, что любая попытка пересказать ее вряд ли будет удачной. Обратим внимание лишь на некоторые аспекты, опираясь на работы и выступления отдельных приверженцев рассматриваемой концепции и, прежде всего, коллективный энциклопедический труд или путеводитель по истории и культуре периода 250-800 гг., который вышел в самом конце века⁵. В данном случае некорректным было бы использование клише «страницы истории», так как в описании истории Поздней Античности важнейшую роль для ее исследователей играют не только и не столько письменные источники, сколько

---

⁴ Во всяком случае, по этой теме существуют университетские курсы, описание которых можно найти на сайтах ряда крупных университетов). У многих, что называется, «на слуху» сам термин «Поздняя Античность», хотя они и не пользуются им в своих исследованиях. При этом, насколько мне известно, диссертационных работ, описывающих историографическую идею «Поздней Античности» в Европе и Америке не существует, между тем, как в Институте всеобщей истории РАН такая диссертационная защита состоялась.

⁵ Late Antiquity: A Guide to the Postclassical World / Ed. by G.W. Bowersock, Peter Brown and Oleg Grabar. Cambridge, MA: Belknap Press of Harvard University Press, 1999.

визуальный ряд: монументальная живопись и миниатюра, а также археологические находки и артефакты. И важны они именно не как дополнительный и подсобный материал, а как более адекватное свидетельство истории, помогающее получить более полное представление и о социальной, и о ментальной жизни людей античной культуры. Вспомним, что Хейзинга также акцентировал понятие «духовная культура Средневековья», и говорил, что отправной точкой работы для него была «потребность лучше понять искусство братьев ван Эйков и их последователей, потребность постигнуть их творчество во взаимосвязи со всей жизнью эпохи»⁶.

Концепт Поздней Античности лишь является следствием принципиально нового подхода к выбору приоритетных сфер исследования и арсенала источников. Институциональная история, экономические и социальные изменения, письменные и правовые источники, бывшие наиболее традиционными темами академических штудий, сменились к началу 1970-х гг. интересом к визуальным источникам, истории религиозности и культуры, причем не только к истории нарождающегося мира христианского Запада, но и Византии, и развитию культур нехристианского Востока. Вообще, исследования конфессиональной культуры, аспектов коллективных и индивидуальных представлений стали гораздо более значимыми для историков, особенно эта перемена заметна в британской историографии, которая долгое время характеризовалась подчеркнуто секулярным характером исследовательских интересов, что отличало ее и от континентальной европейской науки, и от американских университетов.

Однако невольно создается представление, что концепция оформилась и стала признанной историографической идеей (как в американской, так и в европейской исторической науке) во многом благодаря трудам одного ученого⁷. Как Хейзинга, который один

---

⁶ Хейзинга Й. С. 5-6.

⁷ *Interpreting Late Antiquity: essays on the postclassical world* / G.W. Bowersock, P Brown, O. Grabar (eds.). Cambridge, Mass.: Belknap Press of Harvard University Press, 2001; *Authority and the sacred: aspects of the Christianisation of the Roman world* / Peter Brown. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1995; *Governanti e intellettuali: popolo di Roma e popolo di dio, I-VI secolo* / Peter Brown, Lellia Cracco Ruggini, Mario Mazza. Torino : Giappichelli, 1982; *Brown P. Poverty and leadership in the later Roman Empire, 2002; "L'antiquité tardive" // Histoire de la vie privée. Vol. 1. Editions du Seuil, 1985; The Rise of Western Christendom: triumph and diversity, 200-1000 A.D. 1996. Power and persuasion in Late Antiquity: towards a Christian empire, 1992; The World of Late Antiquity: A.D. 150-750. 1989; Society and the holy in Late Antiquity, 1982; The Making of Late Antiquity. 1978; Late antiquity: a guide to the postclassical world.; The Study of Elites in Late Antiquity // Arethusa*

среди многих приверженцев изучения самоценности позднего Средневековья, создал особый образ эпохи, так и в успехе идеи Поздней Античности и в широком распространении представления об особом периоде человеческой истории между 250 и 800 гг. ключевую роль сыграл Питер Браун. П. Браун безусловно, не является единственным изобретателем идеи Поздней Античности: термин существовал в научном обороте и до его публикаций. Но именно емкая работа проф. Брауна *The world of Late Antiquity, A.D. 150-750* получила особенно широкий резонанс. Отметим, что периодизация, первоначально предложенная в этой ранней работе, была позже пересмотрена.

Возможно, некоторые штрихи биографии исследователя будут не лишними для понимания особенности концепции, которую высказал Питер Браун. В частности, немаловажно то, что студенческие годы он провел, во-первых, изучая медиэвистику, а во-вторых, изучая историю в Оксфорде, где он затем и начал свою исследовательскую и преподавательскую карьеру. Тогда же в Оксфорде была подготовлена работа «Мир Поздней Античности», увидевшая свет в 1971 г. и обратившая на себя внимание научных кругов. Важна в данном случае не репутация одного из старейших университетов, а *priori* внушающая уважение к научным проектам, созданным в его стенах. Важен климат данного научного сообщества, который одновременно и подстегивает романтическое воображение исследователя, и заставляет его идти против существующих традиций. Во всяком случае, так, по всей видимости, и происходило становление идей П. Брауна.

В частности, показательное отношение к классической работе Э. Гиббона. Концепция глобального упадка античного мира, выраженная в классическом труде Гиббона, безусловно, отражала общий строй воззрений европейской исторической науки на протяжении большого периода⁸, но именно в британской историографии инерция монументальных построений Гиббона продолжалась особенно долго. Следует принять во внимание, что значительная

33.3 (2000) 321-346. электронная версия текста размещена в Интернете: <http://muse.jhu.edu/journals/arethusa/v033/33.3brown.html>.

⁸ Историографическое и методологическое влияние концепции Э. Гиббона является предметом исследования многих выдающихся историков современности, в том числе и тех, кто разрабатывает новую парадигму Поздней Античности. См.: Edward Gibbon and the Decline of the Roman Empire / Ed. G.W. Bowersock. Cambridge, Mass, 1977; Momigliano A. Gibbon's contribution to the historical method // Studies in Historiography. London, 1966. P. 40-55; Nippel W. Edward Gibbon, Verfall und untergang des romischen Imperiums bis zum Ende des Rieches im Western, sonderdruck aus Band 6, Einführung. München, 2003.

обобщающая работа А.Х.М. Джонса, последователя М.И. Ростовцева, во многом продолжающая традиционную линию исследования институциональной истории, вышла в свет в 1964 г., а своеобразный «манифест» идеи Поздней Античности – «Мир Поздней Античности» Питера Брауна – был опубликован спустя всего семь лет, в 1971 г.⁹ Позиция Джонса и его интерес к институциональной истории, видимо, представляли собой определенную реакцию на развитие марксистской концепции, и стремление оградить университетскую науку от вульгаризации истории и от популярности экономических учений. Позиция же Питера Брауна может быть рассмотрена как реакция на традицию использования исключительно узкого круга письменных источников в британской школе исторических исследований, а также преимущественного изучения институционального материала.

Уже приобретая известность, ученый связал свою карьеру после 1976 г. с американскими университетами, и именно работая в таких известных центрах, как Беркли и Принстонский университет, П. Браун опубликовал и издал (в качестве со-редактора) монументальные труды, развивающие концепцию Поздней Античности. Так возникла идея выделения особого периода истории, на основе обращения к данным археологии, использования визуального ряда исторических свидетельств, при анализе артефактов не с точки зрения истории искусства, но с позиций культурно-антропологического исследования. Новая трактовка эпохи постклассического мира базировалась на социокультурных аспектах, трактуемых как жизненно важные, а не второстепенные для развития общества. Не удивительно, что два принципиально различных круга источников, и смена приоритетов в тематике исследований обуславливают ту ситуацию, что в науке появляются взаимоисключающие концепции и хронологии.

Интересно акцентировать, как развивается идея Поздней Античности в современной университетской среде в Великобритании и как она анализируется и пропагандируется. Отмечу имена и труды двух весьма авторитетных британских историков, об исследовательских позициях которых я могу судить не только по пространственным монографиям, но и по концентрированному изложению основных идей и приоритетов исследований в публичных выступлениях.

Работы П. Хизара в большей степени связаны с частными трактовками проблем позднеантичной истории, а не с попыткой представить картину современной историографии вопроса, например критику концепции «упадка». Исследовательские интересы этого ученого связаны с изучением Римской Империи как на Запа-

---

⁹ The world of late antiquity. A.D. 150-750, 1971.

де, так и на Востоке, роли и особенности политических элит Поздней Империи, инструментов идеологического воздействия и средств пропаганды. В последних трудах исследователя рассматриваются также сюжеты, связанные с миграцией и этничностью в период 250-600 гг., в основном, история варварских народов, пришедших на территорию Западно-Римской Империи¹⁰. В частности, уделяется особое внимание оценкам эффективности военной и политической организации Поздней Империи: созданию системы тетрархии, ситуации в армии. Полицентризм власти представлял собой по мысли исследователя, необходимый и более гибкий механизм, нежели осуществление единовластия. Соответственно, введение такой формы правления было проявлением государственной мудрости, а не кризиса власти. При этом прозорливых политиков и правителей не остановили предрассудки и опасения общества, для которого такое деление могло показаться провозвестником гражданской войны и разрушения империи. В целом, можно сказать, что исследователь не видит упадка институтов империи, другое дело, что понятие «институт», видимо, подразумевает для британского ученого нечто, отличное от того значения, которое придавалось этому термину классической наукой.

А. Камерон на протяжении двух десятилетий преподает и изучает одновременно проблемы поздней римской истории и истории Восточно-Римской (Византийской) империи¹¹. О многогранности интересов исследовательницы свидетельствует также членство в научных обществах и комитетах историков разного профиля: в частности, А. Камерон занимает посты в Британской Академии, Обществе по изучению истории церкви и многих других научных институтах. Работы А. Камерон отличаются сбалансированностью и взвешенностью суждений. Аверил Камерон, как представительнице оксфордской университетской культуры, известны многие особенности той среды и традиции, реакцией на которую и стало создание парадигмы Поздней Античности. Можно было бы назвать ее подход «позицией-третьейского судьи», тщательно прорабатывающего про-

---

¹⁰ Основные публикации автора: *Goths and Romans 332-489*. (Oxford, 1991); 'State, lordship and community in the West (AD 400-600)' // *Cambridge Ancient History*. Vol 14 (2001). Pp. 437-468; (with D. Moncur). *Politics, propaganda, and Empire in the fourth century*. (Liverpool, 2001).

¹¹ Камерон является автором и соиздателем фундаментальных трудов по историографии и источниковедению, истории культуры: *Cameron A. The Mediterranean World in Late Antiquity, A.D. 395-600* (London: Routledge, 1993); *Changing Cultures in Early Byzantium* (Ashgate, 1996); (ed. with Peter Garnsey), *Cambridge Ancient History, XIII: The Late Empire, AD 337-425* (Cambridge, 1998); (ed. with Stuart G. Hall) *Eusebius, Life of Constantine*, Clarendon Ancient Writers (Oxford, 1999).

блему психологической мотивации сторонников и противников концепции: от усталости от инерции изучения институциональной истории до поисков «политической корректности».

Из числа интересных коллективных проектов хочется отметить организованные в Будапеште инициативы Центрально-Европейского Университета (ЦЕУ)¹², серию университетских семинаров, в которых также выкристаллизовывается не декларативное, но глубокое понимание сути таких парадигм, как «концепция упадка» или «поздняя Античность». Особенно активной является деятельность нового и чисто исследовательского центра ЦЕУ Center for Humanities и Center for Historical Studies в осуществлении проекта семинаров "Empires Unlimited". Лекции и дискуссии семинара посвящены как изучению имперской идеи в целом, так и отдельным аспектам истории древних империй, теме культурного и идеологического наследия империй в истории цивилизаций, риторике и теологии, связанным с сакрализацией власти в империи, системам внутренних связей, образующих имперское единство. В ходе проекта проводятся научные мероприятия различного плана: серии семинаров, дискуссии и симпозиумы в ЦЕУ, на которых выступали (или приглашены выступить в ближайшем будущем) специалисты по проблемам истории Древнего Востока и Античности, а также медиевисты. Теперь гостями ЦЕУ часто становятся историки Поздней Античности и Раннего Средневековья, которые неординарно анализируют проблемы истории и историографии этого сложного переходного периода, в том числе участники, пожалуй, наиболее известной монументальной публикации по проблеме Поздней Античности¹³.

Летом 2004 г. прошел двухнедельный курс по программе «летний университет» по теме изменений интеллектуальной среды в период Поздней античности (Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity)¹⁴. Отметим лишь основные, но весьма показа-

---

¹² Центр исторических исследований (полное название: Pasts, Inc. Center for Historical Studies) был основан при университете лишь в апреле 2002 г., но уже заявил о себе, как о месте встреч ведущих специалистов-историков Европы и Америки.

¹³ Late Antiquity: A Guide...

¹⁴ Летний университет ЦЕУ опубликовал программу курса Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity July 19-30, 2004 на своем сайте: [ceu.hu/sun/ Changing Intellectual Landscapes in Late Antiquity.html](http://ceu.hu/sun/Changing%20Intellectual%20Landscapes%20in%20Late%20Antiquity.html). Центральное место в ней занимают работы именно тех ученых, кто внес первый вклад в развитие идеи Поздней Античности на уровне конкретного исследования и толкования общих проблем эпохи:

Bowersock, Glen Warren. *Hellenism in Late Antiquity* (Ann Arbor: University of Michigan Press, 1990).

тельные из заявленных тем: идея трансляции империи, культ святых в поликультурном пространстве христианского и исламского мира Европы, Азии и Африки, ранний монастицизм, платонизм, идея политеизма и монотеизма в поздний период античности. Очевидно, что весьма закономерным явилось проведение в рамках проекта лекций профессоров Оксфордского университета Аверил Камерон и Питера Хизара, прозвучавших в Центральном Европейском Университете с небольшим промежутком в конце февраля—начале марта 2004 г.

Естественно, обе лекции были посвящены сюжету Поздней Античности, но при этом весьма различались по задачам и методам подачи материала. Материал, представленный в данных устных выступлениях весьма выпукло обозначил особенности «интеллектуального ландшафта», культурной среды не только поздних этапов истории Империи, но и современной научной атмосферы. Работа семинара и указанные лекции помогают оценить тот факт, что концепция Поздней Античности возникла как продукт развития рафинированной оксфордской университетской культуры и как реакция на консерватизм ее традиций. На данном этапе популярность концепции связана в основном с американской университетской практикой и начинает восприниматься как гораздо более радикальная и к тому же «политически корректная» идея, учитывающая полицентризм и поликонфессиональность мира Поздней Античности.

Идеи приверженцев парадигмы Поздней Античности приобретают особый интерес, когда проблемы развития поздней Римской Империи рассматриваются в контексте общих вопросов изучения истории: историографии проблемы «эпохи упадка», проблемы сакрализации власти и социальных связей. На мой взгляд, такой подход дают и особенно ценные публикации, например, «Путеводитель по истории постклассического мира» под редакцией П. Брауна

Brock, Sebastian P. Syriac Perspectives on Late Antiquity (London: Variorum Reprints, 1984).

Brock, Sebastian P. From Ephrem to Romanos: Interactions Between Syriac and Greek in Late Antiquity (Aldershot: Ashgate, 1999).

Brown, Peter Robert Lamont. Power and Persuasion in Late Antiquity: Towards a Christian Empire (Madison, WI: University of Wisconsin Press, 1992).

Brown, Peter Robert Lamont. The Body and Society: Men, Women, and Sexual Renunciation in Early Christianity (New York: Columbia University Press, 1988).

Cameron, Averil. Bryan Ward-Perkins and Michael Whitby (editors). Late Antiquity: Empire and Successors, A.D. 425-600 (Cambridge: Cambridge University Press, 2000).

Fowden, Garth. Empire to Commonwealth: Consequences of Monotheism in Late Antiquity (Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993).

и некоторые научные инициативы, например, уже упомянутый мною проект «Империи». Напомню, что в семинаре участвуют также и медиэвисты, усматривающие многие черты континуитета в развитии средневековой империи Запада и Востока, например, проф. Дж. Нельсон¹⁵. В ЦЕУ проводились недели исследований по средневековой тематике, посвященные истории падения Восточно-Римской империи (Византии)¹⁶. Прошел в ЦЕУ при содействии департамента средневековой истории семинар, посвященный взятию Константинополя крестоносцами, что повлекло за собой существенную трансформацию развития империи, иной цикл развития средневековой государственности на Востоке.

Центр исторических исследований и университетский семинар подходит к новому этапу работы над проектом: готовится конференция под названием «Теология империи», которая состоится весной 2005 г., причем достаточное внимание, как планируется, в дискуссии, будет уделено древним империям, хотя целью ставится обращение к общим проблемам сакрализации власти, имперской риторики и идеологии.

Как было подчеркнуто, проект *empires Unlimited* проводится университетскими кафедрами совместно с недавно созданными исследовательскими центрами. Можно предположить, что именно сплав педагогической и исследовательской практики и знакомство с традицией различных академических центров помогает участникам университетского семинара рассмотреть природу каждого нового историографического тезиса, найти в спорных вопросах истории переходных эпох точки пересечения интересов исследователей разного профиля и образования, а не поле для полемики между антиковедами и медиэвистами по поводу «территории исследования».

Я достаточно подробно останавливаюсь в этой аналитической статье на вопросах и примерах организации научных, или лучше сказать научно-педагогических инициатив, поскольку

---

¹⁵ В работах Джанет Нельсон (King's College London), в сущности, анализировались те же вопросы, что и в трудах антиковедов, в том числе приверженцев идеи Поздней Античности: проблемы внутренних взаимосвязей в рамках сообществ раннесредневекового мира и роль таких традиционных (и узнаваемых для специалиста в области древней истории) инструментов поддержания духа единства, как совместная трапеза, организованная правителем, или совместное купание воинов с их полководцем и повелителем.

¹⁶ Constantinople 1453: The Fall of an Empire, the Rise of an Empire. Workshop in co-operation with the Medieval Studies Department at CEU and in the framework of the "Empires Unlimited" University Seminar. 28-29 November, 2003.

больше всего меня интересует вопрос возможности более широкого обсуждения научных парадигм, а не вероятности их широкого и восторженного принятия. Будет ли возможность организовать в России диалог антиковедов и медиевистов по вопросу использования парадигмы Поздней Античности? Возможно ли проведение других дискуссий историков, имеющих сходные сюжеты изучения, например, историографическую проблему описания переходных эпох через парадигмы упадка и расцвета?¹⁷

К сожалению, ситуация в отечественной науке такова, что, на изучение данной сложной эпохи могут быть направлены незначительные силы. В частности, была прервана традиция изучения права, а ведь проблема кодификации права и интерпретации развития правовых институтов весьма важна, когда речь идет о поздней античности. Для работы с материалом правовых свидетельств нужны особые навыки, в том числе и умение интерпретировать результаты формального анализа в том или ином социально-историческом контексте. Этого качественного анализа невозможно достичь, пока не получили распространения понятия об ограничениях в области использования правового вида исторических источников, об опасностях, которые таит простодушное чтение правовых формул в качестве нарратива, дающего объективную информацию. Изучение правовой культуры как составляющей культуры социальной жизни еще ждет оригинальных трактовок отечественных исследователей.

Точно так же немногочисленны ряды серьезных исследователей религиозной культуры Поздней Античности. Правда, именно ситуация гипертрофированного внимания научных школ Великобритании к секулярным аспектам жизни общества в конце концов показала необходимость поиска новых подходов к проблематике истории Поздней Империи, по контрасту высветила новаторские исследовательские интерпретации религиозной культуры – как текстов, так и образов. В современной России академические исследования истории церкви и религиозности как основного пласта культуры лишь только возобновились, но авторы их слишком часто предпринимают попытки соотнести свои исследовательские результаты с дореволюционной практикой науки. В прошлом отечественной исторической мысли также практически отсутствует традиция не конфессионального, а академического интерпретирования сюжетов, связанных с развитием религиозности и истории церкви.

---

¹⁷ Если взять инициативы последних лет, то наиболее оптимальной для такого обсуждения мне представляется практика университетского семинара в Будапеште – с привлечением не только исследователей, но и педагогов, и студентов.

При этом найдется равным образом малое число специалистов (как антиковедов, так и медиевистов), обладающих достаточной филологической подготовкой для чтения текстов многих тонких авторов эпохи Поздней Античности. Кроме того, в «соревновании» антиковедов и медиевистов за спорные исторические территории, если такое состязание, паче чаяния случится, победит та часть историков, которая научится интерпретировать визуальные источники и артефакты с точки зрения исторического анализа. На данный момент подобные навыки у медиевистов развиты еще хуже, чем у антиковедов, хотя бы минимально работающих с археологическим материалом. Отнюдь не облегчает ситуацию то, что историки искусства столь же редко проявляют интерес и компетентность, когда речь идет о текстах. Объединение историков разного профиля для участия в обсуждениях общих вопросов исторического знания и в научных проектах было бы решающим позитивным моментом в развитии исторической дисциплины в России. Объединяющим может стать и интерес к такой парадигме, как представления о Поздней Античности, ее обсуждение.

Что касается продолжения использования в науке той или иной исторической парадигмы: думается, что у интерпретации переходной эпохи как упадка, все еще столько же шансов на существование, сколько и у концепции Поздней Античности. Но в конечном итоге, реакция на этот континуитет, чтобы не сказать стагнацию, может оказать более бурной, чем она была в англоязычной историографии. Наибольшие же опасения внушает возможное продолжение: то, что единодушное большинство сторонников концепции Поздней Античности внесет свой вклад в вульгаризацию и примитивизацию идеи.

В заключение хочется еще раз воспроизвести несколько штрихов историографического очерка, которые показались мне наиболее интересными в описании парадигмы Поздней Античности. Любопытно, что новаторская теория, которая пользуется мировым признанием, и, прежде всего, распространением на американском континенте, по сути, является внутрисемейным делом одного из старейших университетских центров Старого Света, плодом развития оксфордской школы исторических исследований. Эта была реакция на консервативную составляющую британской историографии и результат противоречий между приверженцами правовой и институциональной истории и сторонниками изучения более общих вопросов культуры общества: от материальной до конфессиональной составляющей, расширения спектра исторических источников.

Подобная ситуация находит параллели в той, что характери-

зует состояние исторической науки в нашей стране, начиная с периода перестройки, поэтому данный частный аспект представляется важным и даже поучительным.

Трудно было представить себе, что идея, используемая меньшинством в противовес воззрениям большинства научного сообщества, в конечном счете, сама станет общим местом и господствующей точкой зрения, преобладающим тоном даже там, где она звучала диссонансом в согласном хоре. Теперь возникает та ситуация, которую описал герой романа о перипетиях академической жизни Дэвида Лоджа: «Если каждый с тобой соглашается, что же следует из этого?» Обычно широкое распространение концепции означает ее упрощение: искажение до неузнаваемости основных идей, поддающихся краткому пересказу, и забвение всех прочих характеристик. В частности, возможно, что в нашей стране, несмотря на приведенные скептические заключения о перспективах разработки истории поздней античности силами отечественных исследователей, концепция Поздней Античности станет не просто популярной, но преобладающей.

В Европе, где в 1980-90-х восприятие постклассического мира, предложенное Брауном и Бауэрсоком, являлось преобладающим, наметилась критическая тенденция, скептицизм по поводу континуитета Поздней Империи и реабилитация некоторых черт концепции упадка¹⁸.

Естественно, безоговорочное принятие данной идеи и отрицание всех иных, в том числе традиционных позиций описания истории Поздней Империи было бы неоправданным. Это не противоречит тому обстоятельству, что концепция Поздней Античности является значимой для развития историографии в целом. Важно, особенно в нашей стране, чтобы идея обсуждалась детально, изучалась вся палитра ее красок, а не общий итог. Дискуссии по поводу данной парадигмы могут оказаться весьма ценными для развития методик исторической интерпретации переходных эпох, уяснения условности концепта «упадок цивилизации» в истории, зависимости представлений об «упадке» от вкусов и источниковых предпочтений историка.

---

¹⁸ *Wolf Liebeschuetz's 'Pagan Historiography' and the Decline of the Empire* (pp. 177-218 // Gabriele Marasco (ed.), *Greek and Roman Historiography in Late Antiquity. Fourth to Sixth Century A.D.* Leiden: Brill, 2003.

Д.А. Щеглов (Санкт-Петербург)

ТАБЛИЦА КЛИМАТОВ ГИППАРХА:

оценка полноты и достоверности сведений Страбона

1. Предварительные замечания о терминах «климат» и «система климатов»

Система климатов – ключевых широт, формирующих основу географической карты – была одной из базовых концепций античной математической географии¹. Термин κλίμα происходит от глагола κλίνω и переводится как «наклон». Первоначальное значение этого термина в географии можно определить так: наблюдаемый в данной местности угол наклона небесной сферы², который можно точно выразить определённым числом, а также географическая широта, которую характеризует этот угол³.

Это определение показывает то принципиальное различие, которое первоначально существовало между терминами κλίμα, παράλληλος и οἰκησις. В современной географии параллель рассматривается как элемент сетки координат, тесно связанный с понятием широта. В античности термин «параллель» появился задолго до градусной сетки координат и до термина «широта»

---

¹ Основные работы о климатах *Kubitschek W. Klima 2 // RE. Bd. XI.1. 1921. Sp. 838–844; Honigmann E. Die sieben Klimata und die πόλεις ἐπίσημοι. Eine Untersuchung zur Geschichte der Geographie und Astrologie in Altertum und Mittelalter. Heidelberg, 1929. Существенные дополнения дают Diller A. Geographical Latitudes in Eratosthenes, Hipparchus and Posidonius // Klio. Bd. 27. Heft 3. 1934. P. 258–269; Dicks D.R. The ΚΛΙΜΑΤΑ in the Greek Geography // Classical Quarterly. N.S. Vol. 5 (49). № 3–4. 1955. P. 248–255; idem. The Geographical Fragments of Hipparchus. London, 1960. Neugebauer O. A History of Ancient Mathematical Astronomy. Pt. 1–3. Berlin, Heidelberg, New York, 1975. P. 43–45, 333–336, 725–733; Szabó Á., Maula E. Les débuts de l'astronomie de la géographie et de la trigonométrie chez les grecs. Traduit par M. Federspiel. Paris, 1986. Подробное рассмотрение вопроса о значении термина климат, его эволюции и о развитии системы климатов выходит за рамки данной работы.*

² Inclinationes caeli quas Graeci κλίματα dicunt, et aeris et locorum: Vitruv. I 1.10.

³ Ср. определения: *Kubitschek. Klima. Sp. 838; Honigmann. SK. S. 4; Dicks. The ΚΛΙΜΑΤΑ. P. 248–249; idem. Hipparchus. P. 154; Neugebauer. HAMA. P. 333–334, 725; Marcotte. Op. cit. P. 264.*

(πλάτος). Координатную сетку в географии впервые использовал Гиппарх, а термины «широта» и «долгота» впервые появились только у Птолемея⁴. Гиппарх, чтобы указать широту в градусах, использовал выражение «высота полюса» (ἕξάρματα τοῦ πόλου; Comm. I 3.6–7; 11.8 Manitius 26.15, 18; 28.27, 114). Первоначально термин «параллель» не содержал в себе указания на измеримый характер широты. Определяющей чертой параллели был её абстрактный геометрический характер: так назывался круг, параллельный экватору и проходящий через любой произвольно выбранный пункт. Термин *οἰκесис* обозначал конкретную населённую местность или пояс, широта которого характеризуется соответствующим климатом (cf. Ptol. Alm. VIII 6 Heib. I 528: τὸ ὑποκείμενον κλίμα τῆς ἐπιζητούμενης οἰκήσεως)⁵.

До появления градусной сетки только концепция климата давала способ для описания широты данной параллели или ойкесиса. Поэтому все три термина могли без дополнительных оговорок использоваться для обозначения одного и того же предмета – местности, лежащей на данной широте – в зависимости от требований контекста: *климат* – для того, чтобы указать на определённый и измеримый характер этой широты, *параллель* – чтобы связать данную местность с абстрактной сеткой координат, на основании которых строится карта, *ойкесис* – чтобы подчеркнуть конкретный географический характер данной местности. Иначе говоря: *ойкесис* – это местность, лежащая на *параллели*, широту которой характеризует κλίμα, термин в своём узком значении обозначающий угол наклона.

До появления деления окружности на 360° и сетки координат существовало только два способа, позволявших выразить широту при помощи числа: 1) измерение отношения между длинами гномона и его тени в день равноденствия (= $\tan \varphi$), и 2) измерение

⁴ Это отмечают *Bunbury E.H.* A History of Ancient Geography. 2nd Ed. N.Y. 1959. Vol. I. P. 626. Note 9; II. P. 550; *Tannery P.* Recherches sur l'histoire de astronomie ancienne. P., 1893. P. 134; *Honigmann.* SK. S. 4. Note 1; *HAMA.* P. 333; *Janni P.* La mappa e il periplo. Cartografia antica e spazio odologico. Roma, 1984. P. 68–71.

⁵ Говоря о таблице Гиппарха, Страбон называет её широты то *климатами*, то *ойкесисами*, то *параллелями*: I 1.20 C12; 1,4,1; II 5.7; 34–36 C62, 113, 131–133. Птолемей не делает никакого различия между климатами и ойкесисами: Alm. VIII 6 Heib. I 528; *ойкесис* как синоним параллелей «таблицы теней»: II 6 Heib. I 104, 191. О термине *ойкесис*: *von Mžik H.* (Übers. und Erläuter.). Des Klaudios Ptolemaios Einführung in die darstellende Erdkunde. Bd. I. Wien, 1938. S. 16 Anm. 1; *Aujac G.* Lexique grec // *Strabon. Géographie.* T. I. Pt. 2 / Texte établi par G. Aujac. Paris, 1969. P. 188–189; Термин *ойкесис* мог иногда использоваться и как синоним *зоны*: *Cleomed.* I 4.3, 6, 132 Todd 18, 23; *Aujac G.* Lexique de termes techniques // *Géminos.* Introduction aux phénomènes / Texte établi et traduit par G. Aujac. Paris, 1975. P. 195.

максимальной (M) или минимальной (m) продолжительности дня (или ночи) в дни солнцестояний или их соотношение ($M:m$).

Для создания системы климатов второй способ имел решающее преимущество: только измерение M могло заменить отсутствующую сетку координат, позволяя построить единую шкалу для оценки широт любых местностей. Это позволяет вывести более узкое определение той концепции климата, на основании которой в античной географии формируются подробные системы климатов: *климат* – это географическая широта, являющаяся функцией от продолжительности максимального дня на этой широте ($\varphi = f(M^m)$ при $\Delta M^m = \text{const}$) и служащая репером для организации географической карты⁶. Подчеркнем, что такое определение в прямой форме не даётся ни в одном источнике и, напротив, может противоречить употреблению термина *κλίμα* во многих из них. Большинство авторов, даже те, которые описывают различные системы климатов (Страбон, Гемин, Клеомед), продолжают использовать термин *κλίμα* в его первоначальном широком значении: они называют климатами любые широты, даже, если они не связаны ни с какой системой и не соответствуют формуле $\varphi = f(M)$. Напротив, географы, занимающиеся построением карты (Эратосфен, Гиппарх, Плиний VI 211-219, Птолемей в «таблице теней»), как правило, предпочитают называть широты, являющиеся $\varphi = f(M)$, не климатами, а параллелями.

Жёсткая привязка термина *κλίμα* к широтам, являющимися $\varphi = f(M)$, прослеживается в системе семи климатов Птолемея, в системе 7 «астрологических» климатов, которые использовались для расчета продолжительности жизни⁷, в таблице климатов Марциана Капеллы (VIII 876–877 Dick 462), а также в пересказе таблицы Гиппарха у Страбона. Показательно также, что уже Гипсикл (36 De Falco-Krause-Neugebauer) и Гиппарх, который ссылается на Эвдокса (Comm. I 2.22 Manitius 23 = F 68 Lasserre), самые ранние авторы,

⁶ Ср. Neugebauer. HAMA. P. 334.

⁷ Веттий Валент: Anth. I 7 Kroll 24, 157; Фирмик Матерн: Math. II 11 Kroll-Skutsch I 53–55; Мичиганский папирус 149: XI 38–47. Особенностью этой системы является то, что в ней 7 широт следуют с чередующимися интервалами $\Delta M = 8^m, 16^m, 24^m$ ($m = \text{минута}$), причём две самых южных широты связаны с Александрией и Вавилоном. Об «астрологических» климатах: Honigmann. SK. S. 31–50, подробнее: *idem*. Die Anaphorai der Alten Astrologen. Ein Versuch, die Anaphorai und Klimata des Michigan-Papyros 149 zu erklären // Michigan Papyri. III. Papyri of the University of Michigan Collection. Miscellaneous Papyri. Ann Arbor, 1936 (= University of Michigan Studies. Humanistic Series. Bd. XL). S. 301–321; более подробный обзор вопроса, с исправлением ошибок Хонигманна: Neugebauer O. On Some Astronomical Papyri and Related Problems of Ancient Geography // Transactions of American Philosophical Society. 1942. 32. P. 251–263; *idem*. HAMA. P. 706–733.

упоминающие термин κλίμα, понимают его именно как широту $\varphi = f(M')$. Эти факты показывают, что в античной географии имело место и строгое понимание термина κλίμα как широты $\varphi = f(M)$.

Вкратце, основные вехи развития системы климатов в античной научной географии можно представить следующим образом. С Эвдоксом Книдским часто связывают появление концепции климата. С Эратосфеном, согласно гипотезе Э. Хонигманна, связано появление системы 7 климатов, которую затем используют Марин Тирский и Птолемей⁸. Гиппарх создаёт первую подробную таблицу климатов, в которой часто видят прототип «таблицы теней» Птолемея. Марин Тирский и Птолемей используют систему 39 параллелей «таблицы теней», среди которых они особо выделяют 7 климатов. Вместе с тем, Птолемей впервые отказывается от системы климатов и делает сетку координат единственным и универсальным способом записи географических сведений. Нам известны только три «подробные» таблицы климатов, широты которых являются $\varphi = f(M)$, и в которых приводятся также подробные географические сведения и данные о тени гномона. Гиппарха, Плиния (VI 211-219) и Птолемея. «Таблица теней» из «Альмагеста» – можно считать образцовым примером системы климатов (II 6 Heib. I 101-117). «Таблица» состоит из 39 параллелей, которые следуют от экватора до полюса, сначала – через интервал $\Delta M = \frac{1}{4}^h$, а начиная с климата 18^h (часов; 58°) – через $\frac{1}{2}^h$, а с климата 20^h (63°) – через 1^h . Для этих параллелей приводятся данные: 1) продолжительность дня M , 2) широта в градусах, 3) длина тени гномона в дни солнцестояний и равноденствий, 4) для 29 параллелей от экватора до Туле – названия соответствующих им пунктов, 5) для пунктов, лежащих южнее тропика – продолжительность периода, когда тени падают на юг.

Семь из этих широт Птолемей выделяет особо – только их он называет климатами – они следуют с интервалом $\Delta M = \frac{1}{2}^h$: 13^h – Мерное, $13\frac{1}{2}^h$ – Сиена, 14^h – нижний Египет, $14\frac{1}{2}^h$ – Родос, 15^h – Геллеспонт, $15\frac{1}{2}^h$ – середина Понта и 16^h – устье Борисфена. Эту систему Птолемей использует в «Альмагесте» (II 12 Heib. I 172-187; VI 4, 5 Heib. I 175, 181-182), в «Подручных таблицах» и в «Аналемме»⁹.

2. Проблема полноты и достоверности сведений Страбона

Таблица климатов составляла наиболее важную часть трактата Гиппарха «Против географии Эратосфена»¹⁰. Единственным прямым

⁸ Honigmann. SK. 1929. Эта гипотеза нуждается в отдельном рассмотрении и аргументации.

⁹ См. Neugebauer. NAMA, P. 125-129, 852-853, 978, 990-991.

¹⁰ Географии Гиппарха посвящены два фундаментальных исследования: Berger H. Die geographischen Fragmente des Hipparch. Leipzig, 1869 (сокращённо изложено в Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen. 2. Aufl.

источником сведений об этой таблице является краткий обзор её содержания в конце второй книги Страбона¹¹. Страбон упоминает в сумме 17 параллелей: 14 из них являются $\varphi = f(M)$, причём 12 основаны на $\Delta M = 1^h, \frac{1}{2}^h, \frac{1}{4}^h$ (см. табл. 3), кроме, по-видимому, Вавилона ($14 \frac{2}{5}^h$) и Афин ($14 \frac{3}{5}^h$); для трёх параллелей указана длина тени гномона (Александрия, Карфаген, Массалия); для четырёх северных климатов ($16^h, 17^h, 18^h, 19^h$) – данные Пифея о высоте Солнца в день равноденствия; для пяти широт – данные о видимых звёздах (Страна Корицы, Сиена, Александрия, середина Понта, устье Борисфена). Задача данной работы состоит в том, чтобы, проанализировав сведения Страбона, более точно реконструировать содержание таблицы Гиппарха и определить её роль в развитии систем климатов и в предыстории географии Птолемея.

Многие исследователи принимают рассказ Страбона за чистую монету, рассматривая его как достаточно точное и полное изложение содержания таблицы¹². В данной работе будет показана ошибоч-

---

Leipzig, 1903) и *Dicks*. Hipparchus. Более ранняя работа большей частью ошибочна и не используется современными исследователями, но её методы во многом унаследованы Бергером и Диксом: *Gossellin P.F.J.* Recherches sur la Géographie systématique et positive des anciens. Vol. I. Paris, 1798. Важные дополнения дают *Honigmann*. SK; *Diller*. Geographical Latitudes; *Пьянков И.В.* Средняя Азия в античной географической традиции. Источниковедческий анализ. М., 1997; *Bianchetti S.* Dall'astronomia alla cartografia: Ipparco di Nicea // ΠΟΙΚΙΛΙΑ. Studi in onore di Michelle R. Cataudella in occasione del 60° compleanno. La Spezia, 2001. P. 146–147. Ничего нового не добавляет *Hübner W.* Hipparch // Geschichte der Mathematik und der Naturwissenschaften in der Antike. Bd. 2. Geographie und verwandte Wissenschaften. Stuttgart, 2000. S. 93–101. Трактат Гиппарха датируется ≈ 135 –128 гг. до н.э.: 1) до открытия прецессии равноденствий: *Berger*. Erdkunde. S. 505; *Dicks D.R.* Strabo and the ΚΛΙΜΑΤΑ // Classical Quarterly. N.S. Vol. 6 (50). № 3–4. 1956. P. 246; *idem*. Hipparchus. P. 163; *Hübner*. Op. cit. S. 97; 2) после составления Гиппархом каталога звёзд ок. -130 ± 5 : *Maeyama Y.* Ancient Stellar Observations, Aristilus, Hipparchus, Ptolemy; the dates and accuracies // Centaurus. Vol. 27. 1984. P. 280–310; 3) возможно, после вспышки сверхновой в июле 134 г.: *Neugebauer*, НАМА, 284–285; 4) вероятно, после открытия Гиппархом наклона эклиптики $23\frac{3}{4}^\circ$: *Rawlins D.* An Investigation of the Ancient Star Catalog // Proceedings Astronomical Society of the Pacific. Vol. 94. 1982. P. 371; см. 2.5.2.

¹¹ Далее все ссылки без указания автора относятся к Страбону по изданию: *Radt S* (Hg.). Strabons Geographika. 1. Prolegomena. Buch I-IV. Text und Übersetzung. Göttingen 2002. Фрагменты Гиппарха указываются по Бергеру и Диксу, Эратосфена – по Бергеру.

¹² *Gossellin*. Recherches. I; *Müllenhoff K.* Deutsche Altertumskunde. Bd. I. V., 1870. S. 326–351; *Forbiger A.* Handbuch der alten Geographie. Bd. I. 2. Aufl. Hamburg, 1877. S. 199; *Bunbury*. History. Vol. II. P. 5–11; *Gisinger F.* Géographie // RE. Suppl.-Bd. IV. 1924. Sp. 621; *idem*. Rez. Honigmann. SK // Gnomon. 1933. S. 97–98; *Aujac G.* Strabon et la science de son temps. Les sciences du monde. Paris, 1966. P. 168–170, 187–188; *Aujac*. Lexique grec // Strabon. Géographie. T. I. Pt. 2. / Texte établi par G. Aujac. Paris, 1969. P.

ность этой точки зрения.

Возможны только три способа проверки степени достоверности и полноты рассказа Страбона о таблице Гиппарха: 1) обращение к прямым указаниям Страбона о степени полноты его сведений; 2) выявление в данных Страбона элементов, чуждых Гиппарху, принесённых самим Страбоном из системы Эратосфена; 3) сопоставление сведений Страбона с данными параллельных источников, зависящих от Гиппарха. В данной работе будут рассмотрены два первых способа.

2.1 Страбон пересчитывает широты Гиппарха из градусов в стадии

Страбон прямо указывает, что он даёт только эксцерпт из таблицы Гиппарха, называя четыре критерия, в соответствии с которыми он производит отсев ненужных с его точки зрения сведений: 1) он пересчитывает широты таблицы из градусов в стадии, 2) не упоминает те северные и южные климаты, которые, по его мнению, выходят за границы ойкумены, 3) говорит только о наиболее важных широтах, 4) упоминает только о наиболее простых небесных явлениях на этих широтах. Рассмотрим эти критерии по порядку.

Большинство исследователей соглашается с тем, что Гиппарх все широты указывал в градусах, которые Страбон пересчитал в более привычные ему стадии, округляя результат до целых сотен¹³. Об этом говорит ряд фактов: 1) Птолемей прямо отмечает, что Гиппарх указал «высоту полюса» ряда городов (ἑξάρματα τοῦ βορείου πόλου; I 4.2 Müller 12-13 = F IV 6 Berger); 2) в «Комментарии» Гиппарх указал в градусах «высоту полюса» (ἑξάρματα τοῦ πόλου; I 3.6-7; 11.8 Manitius 26.15, 18; 28.27, 114) всех трёх упомянутых им климатов: Родоса (36°), Афин (37°) и Геллеспонта (41°); 3) некоторые расстояния между параллелями Гиппарха, приведённые Страбоном, кратны 1° = 700st¹⁴; 4) как показано в разделе 2.5.1, согласие Гип-

195–197; *Дитмар А.И.* Рубежи ойкумены. М., С. 86–87; *Neugebauer*. *NAMA*. P. 333–334; *Szabó, Maula*. *Op. cit.* 89–92; отчасти также *Dicks*. *Hipparchus*.

¹³ *Berger*. *Hipparch*. S. 37–38, 41ff; *idem*. *Erdkunde*. S. 479; *Müllenhoff*. *DA*. Bd. I. S. 328; *Diller*. *Geographical Latitudes*. P. 265–268; *Dicks*. *Strabo and the ΚΛΙΜΑΤΑ*. P. 247; *idem*. *Hipparchus*. P. 164, 170, 194; *Aujac*. *Strabon*. P. 168–170; *Nicolet C.* *L'inventaire du monde. Géographie et politique aux origines de l'Empire romain*. Paris, 1988. P. 77; *Bianchetti*. *Dall'astronomia*. P. 152.

¹⁴ 700st = 10° от Александрии до Геллеспонта, 3640st = 5° 12' от Александрии до Родоса, 4900st = 7° от Родоса до Византия, 1400st = 2° от Византия до середины Понта, 700st = 1° от Карфагена до Тира. Эти факты отмечают: *Neugebauer*. *NAMA*. P. 335; *Bianchetti*. *Op. cit.* P. 152. Не смотря на это, Нейгебауер выдвигает причудливую теорию о том, что Гиппарх выражал широты в целых сотнях стадиев (так же *Szabó, Maula*. *Op. cit.* P. 88–89), и что его система широт была построена на основе довольно

парха с Эратосфеновой оценкой размеров Земли продиктовано именно тем, что Гиппарх указывал широты в градусах. Тот факт, что сообщаемые Страбоном расстояния не всегда кратны 700st, показывает, что широты были указаны с точностью до долей градуса, которые Страбон округлял до ближайшей (или до наиболее удобной) сотни стадиев¹⁵.

Главное свидетельство об использовании Гиппархом градусной сетки даёт сам Страбон (II 5.34 C132 = F V 1 = F 39):

Ведь если разделить наибольший круг Земли на триста шестьдесят частей, то каждая из этих частей будет [составлять] семьсот стадий; [Гиппарх] использует эту меру для определения расстояний на упомянутом меридиане через Мерое. [Гиппарх] начинает с обителей экватора, а затем, всегда через [промежуток в] семьсот стадий, по порядку проходя ойкесисы вдоль названного меридиана, он пытается для каждого из них указывать [небесные] явления.

Сложность для интерпретации представляют слова Страбона о том, что Гиппарх указывает небесные явления, идя вдоль меридиана через промежуток в 700st. Г. Бергер и Д. Дикс понимали слова Страбона буквально, полагая, что Гиппарх действительно указывал в своей таблице небесные явления для всех 90 параллелей. Бергер отметил, что только немногие данные Гиппарха основывались на реальных наблюдениях, а остальные были рассчитаны теоретически¹⁶. Дикс, неверно поняв слова Бергера, решил, что он считал данные обо всех 90 параллелях основанными на наблюдениях¹⁷, и возразил, что ни один античный географ не располагал достаточным для этого объёмом данных (ср. фразу Птолемея о том, что Гиппарх указал широту только небольшого числа городов: I 4.2 Müller 12-13 = F IV 6 Berger)¹⁸. Дикс предположил, что Гиппарх составил две таблицы, которые Страбон по

сложной арифметической прогрессии: *Neugebauer*. HAMA. P. 304–306, 334; так же: *Toomer G.J.* Hipparchus // *Dictionary of Scientific Biography*. Vol. XV. Suppl. I. Topical Essays. New York, 1978. P. 210; убедительная критика этой теории: *Rawlins D.* Competence Held Hostage #2: The Princeton Institute vs Aubrey Diller // *Dio*. Vol. 4.2. 1994. P. 55–57 (<http://www.dioi.org>); *Jones A.* Eratosthenes, Hipparchus and the Obliquity of the Ecliptic // *JHA*. Vol. 33. № 1. 2002. P. 18 note 7.

¹⁵ *Müllenhoff*. DA. Bd. I. S. 327–328; *Honigmann*. SK. S. 14–15; однако иначе: *Neugebauer*. HAMA. P. 334.

¹⁶ *Berger*. Hipparch. S. 29–31; *idem*. Die geographischen Fragmente des Eratosthenes. Leipzig, 1880. S. 104–105; также *Rehm A.* Hipparchos 18 // *RE*. Bd. VIII.2. 1913. Sp. 1678.

¹⁷ На самом деле такое мнение высказали *Uckert F.A.* Geographie der Griechen und Römer von frühesten Zeiten bis auf Ptolemäus. Bd. I. Abt. 2. Weimar, 1816. S. 182; *Szabó, Maula*. Op. cit. P. 91.

¹⁸ Против мнения Бергера также: *Honigmann*. SK. S. 14 Anm. 2.

ошибке представил как одну: 1) таблицу климатов, основанную на немногих реальных сведениях, эксцерпт из которой даёт Страбон, и 2) таблицу, содержащую теоретически рассчитанные данные о небесных явлениях для всех 90 параллелей¹⁹. О. Нейгебауер отметил, что теоретический расчёт явлений для 90 параллелей был бы столь же титанической и бессмысленной работой, как и проведение реальных измерений на всех параллелях²⁰. По его мнению, за высказыванием Страбона стоит неверно понятая им фраза Гиппарха – аналогичная есть в «Комментарии к Арату» (II 4.1-3 Manitius 183–184) – о том, что он нашёл универсальный метод для расчёта небесных явлений на всех широтах.

Все эти интерпретации не устраняют сложности, поскольку они постулируют существование некой (нигде не упоминаемой) теоретически рассчитанной таблицы Гиппарха (или способа для её расчёта), тогда как Страбон ясно говорит об одной таблице, эксцерпт из которой он приводит ниже. На мой взгляд, правильное и простое объяснение высказывания Страбона предложили К. Мюлленхоф и Э. Хонигманн – Страбон хотел сказать, что широту каждого из *ойкесисов*, для которых Гиппарх «указывал небесные явления», он выражал посредством промежутков в 700st – то есть просто в градусах²¹. Поэтому в таблице Гиппарха не сами *ойкесисы* следуют через 700st, а 90 абстрактных параллелей, с помощью которых определяется широта каждого конкретного *ойкесиса*. Именно о таком использовании сетки параллелей говорит Страбон, описывая способ картографической проекции, который, вероятно, восходит к Гиппарху²²: сетка параллелей используется не сама по себе, а только как удобный способ изображения «климатов, ветров и прочих отличий», которые характеризуют широту (II 5.10 C116-117 = Erat. F III A 25)²³.

¹⁹ Dicks. Strabo and the КЛИМАТА; *idem*. Hipparchus. P. 41, 160–163; правда, в итоге Дикс допускает, что в таблице Гиппарха, как и в таблице теней Птолемея, климаты, вероятнее всего, следовали не через каждый 1°, а через интервал ΔM .

²⁰ Neugebauer. HAMA. P. 337.

²¹ Müllenhoff. DA. Bd. I. S. 327, 505; Honigmann. SK. S. 14.

²² Как предположил Berger. Erdkunde. S. 476–478.

²³ Опираясь на ошибочное определение климата как полосы в 400st, Хонигманн попытался доказать, что Гиппарх счёл, что климаты не соответствуют его требованиям к точности расчётов полностью отказался от них в пользу сетки параллелей: Honigmann. SK. S. 11–17, 19–21; ср. также, независимо от Хонигманна: Aujac. Strabon. P. 169; *eadem*. Lexique grec // Strabon. Géographie. T. I. Pt. 2. P. 186; *eadem*. Eratosthène de Cyrène, le pionier de la géographie. Sa mesure de la circonférence terrestre. Paris, 2001.

2.2 Страбон опускает сведения о климатах севернее Иерны и южнее Страны Корицы

Страбон подчёркивает, что таблица Гиппарха охватывала всё пространство от экватора до полюса, но сам он не будет касаться тех её широт, которые в его понимании лежат за границами ойкумены: южнее Страны Корицы (8800st от экватора $\approx 12^\circ 35'$; Сомали) и севернее Иерны ($\approx 38100^{\text{st}}$ от экватора $\approx 54^\circ 25'$; Ирландия).

Астрономам должно поступать скорее так же, как Гиппарх. Ибо [он] записал, как он сам говорит, различные положения небес для каждой местности Земли из тех, что расположены в нашей четверти, я имею в виду [пространство] от экватора до северного полюса. Географам не следует заниматься тем, что [лежит] вне нашей ойкумены... (II 5.34 C131-132 = F III 3 = F 39).

[Гиппарх] начинает с обителей экватора... Нам же не следует начинать оттуда. Ведь даже если этот ойкесис обитаем, как полагают некоторые, то это особая ойкумена, проходящая узкой [полосой] через середину области, необитаемой из-за жары, и не являющаяся частью нашей ойкумены. Географ рассматривает только нашу ойкумену; она же ограничена с юга параллелью Страны Корицы, с севера — [параллелью] Иерны... Начать же следует, как Гиппарх, с южных частей (II 5.34 C132 = F V 1 = F 39).

[Местности], лежащие далее [на север], уже близки к [области], необитаемой вследствие холода, и [поэтому] не подходят для [работы] географа. [Если] желаешь узнать об этих [местностях] и об остальных небесных явлениях, которые изложил Гиппарх, но которые мы опустили, так как [они] более ясно [изложены у Гиппарха], чем [их можно представить] сейчас в данной работе, то обратись к Гиппарху (II 5.43 C135 = F V 17 = F 62).

В другом месте Страбон противоречит своим словам о том, что таблица Гиппарха начиналась с экватора, заявляя, что Гиппарх считал началом ойкумены параллель Страны Корицы (II 1.13 C72 = F V 3a = F 44) — самую южную в системе параллелей Эратосфена. Многие исследователи предполагают на этом основании, что таблица Гиппарха начиналась с широты Страны Корицы²⁴. Я думаю, что ука-

P. 100. Это мнение представляется не обоснованным: *Diller*. *Geographical Latitudes*. P. 265; *Janni*. *Op. cit.* P. 68–69; *Szabó, Maula*. *Op. cit.* P. 91–93.

²⁴ *Gossellin*. *Op. cit.* P. 100; *Letronne A.J.* *Discussion de l'opinion d'Hipparque sur le prolongement de l'Afrique au sud l'équateur et sur la jonction de ce continent avec le s.-e. de l'Asie // Journal des Savants*. 1831 = *L'oeuvre choisies. Sér. 2. T. I. Paris, 1883. P. 323*; *Forbiger*. *Handbuch*. S. 199; *Schoy C.* *Die geschichtliche Entwicklung der Polhöhestimmungen bei den älteren Völkern // Aus dem Archiv der Deutschen Seewarte*. Jg. XXXIV. № 2. Hamburg, 1911. S. 10; *Gisinger*. *Geographie*. Sp. 621; *Abel K.* *Zone // RE. Suppl.-Bd. XIV. 1974. Sp. 1048, 1058–1059*; *Honigmann*. *SK*. S. 15 Anm. 1. *Berger*. *Hipparch*. S. 30–31, 41 соглашается с тем, что таблица начиналась

знание об экваторе заслуживает большего доверия, поскольку оно противоречит взглядам Страбона. Вопрос о южной границе ойкумены принадлежал к числу тех, которые затрагивали наиболее глубокие убеждения Страбона, основания его картины мира. Есть много примеров того, как в аналогичных ситуациях Страбон относился к мнениям других географов, противоречащим его убеждениям: игнорировал их, искажал, молчаливо подстраивал под собственные взгляды. Именно так Страбон отнёсся к идеям Эратосфена, Полибия и Посидония об экваториальной умеренной зоне²⁵. Вероятно, таким же пренебрежительным было его отношение и к позиции Гиппарха в этом вопросе. Свидетельством именно такого отношения служит то, что возражения, которые Страбон выдвигает против включения Гиппархом южных широт в таблицу, в действительности направлены против теорий Полибия и Посидония об умеренной зоне на экваторе (II 5.34 C132). Тем самым Страбон приписывает Гиппарху чужие теории, ни слова не сказав о его собственном отношении к проблеме обитаемости экватора.

Таким образом, нет причин не доверять указанию Страбона о том, что таблица Гиппарха начиналась с экватора²⁶. Это указание дополнительно подтверждается сообщением Помпония Мелы, которое показывает, что Гиппарх помещал вблизи экватора остров Тапробану (III 7.70 Silberman 87 = F VIII 2 = F 5)²⁷. Эта черта сближает таблицу Гиппарха с «таблицей теней» Птолемея и отличает её от системы широт Эратосфена (см. 2.4).

Только случайно Страбон кратко упоминает о северных климатах Гиппарха в качестве дополнительного аргумента для своей критики рассуждений Гиппарха об Индии. Гиппарх, возражая Эратосфену, предлагал провести северную границу Индии ещё севернее (II 1.2-4 C68-69 = F IX 2a, b = F 12). Ошибочно трактуя высказывания Гиппарха (II 1.12 C71-72), Страбон утверждает, что эти высказывания вынуждают поместить Бактрию (лежащую севернее Индии) севернее самых дальних климатов Кельтики – последних его собственной таблицы (II 1.18 C75-76). Этим Страбон хотел показать, что выводы Гиппарха ошибочны дважды: 1) он

с экватора, но отрицает, что Гиппарх мог приводить сведения о южных широтах, основанные на реальных измерениях.

²⁵ Berger. Eratosthenes. S. 83–85; *idem*. Erdkunde. S. 505–510, 554–555; Aujac. Strabon. P. 139–140, 182 note 2; Abel. Zone. Sp. 1049–1050, 1062–1064; 1075–1078; Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. III. Commentary on Books XIX–XL. Oxford, 1979. P. 575–576.

²⁶ Cp. Kubitschek W. Karten // RE. Bd. X.2. 1919. Sp. 2055; Gisinger. Geographie. Sp. 620.

²⁷ Как правильно отметил Пьянков. Средняя Азия... С. 144.

помещал Бактрию на широтах северной оконечности Кельтики, что невероятно, 2) северная Кельтика в действительности расположена южнее, чем думал Гиппарх.

Страбон упоминает три климата северной Кельтики – 17^{h} , 18^{h} и 19^{h} , добавляя, что широта 17^{h} проходит также через северную оконечность Меотиды (F V 15c, 16 = F 59-62). При этом Страбон допустил две ошибки. 1) Расстояния до климатов 17^{h} и 18^{h} , указанные им в стадиях, соответствуют широтам ($52^{\circ} 17'$; $56^{\circ} 17'$), которые проходят на 2° южнее, чем необходимо ($54^{\circ} 15'$; $58^{\circ} 15'$) – поэтому исследователи предполагают, что Страбон по невнимательности потерял 2° при пересчёте чисел Гиппарха из градусов в стадии²⁸. 2) Страбон утверждает, что Гиппарх помещал Британию севернее самого крайнего климата Кельтики (61°), и подчёркивает абсурдность такого мнения. Скорее всего, это утверждение ошибочно²⁹: Страбон интерпретирует данные Гиппарха, исходя из собственных представлений о том, что Кельтика на востоке ограничена Рейном, а Британия расположена севернее неё. Гиппарх, вероятно, следуя Пифею, относил побережье восточнее Рейна к Кельтике, а Британию помещал параллельно на тех же широтах³⁰.

В итоге нам остаётся только гадать о том, сколько неизвестных нам южных и северных климатов было в таблице Гиппарха, насколько подробно они описывались и насколько надёжными сведениями об этих климатах располагал Гиппарх.

2.3 Упоминание Страбоном лишь о некоторых из «небесных явлений», указываемых Гиппархом для каждого климата

Страбон называет ещё два критерия, следуя которым, он сокращает таблицу Гиппарха: 1) из числа климатов, расположенных в установленных Страбоном границах ойкумены, он указывает только самые важные; 2) из небесных явлений, которые Гиппарх приводит для каждого климата, Страбон указывает только τὰς σημειώδεις καὶ ἀπλουτέρας.

Географам не следует заниматься тем, что [расположено] вне нашей ойкумены, [но] и в самой этой части ойкумены им не следует ука-

²⁸ Berger. Hipparch. S. 66–67, 70–71; *idem*. Eratosthenes. S. 148–149 Anm. 1; *idem*. Erdkunde. S. 486; Diller. Geographical Latitudes. P. 266–267; Dicks. Hipparchus. P. 185, 187–188; Aujac. Strabon. P. 166 note 2; Neugebauer. HAMA. P. 305.

²⁹ Только Diller. Op. cit. P. 268 почему то принимает его на веру.

³⁰ Об этом: Berger. Hipparch. S. 67–69; *idem*. Eratosthenes. S. 148–149 Anm. 1; Dicks. Hipparchus. P. 188–190. Ср. Knapowski R. Probleme der Chronologie und der Reichweite der Entdeckungsreise des Pytheas von Massalia. Poznan, 1958.

зывать для политика такое количество таких всевозможных различий [в небесных явлениях, какие указывает Гиппарх]; ибо это скучно. Но [нам] достаточно установить значительные и более простые (τὰς σμειώδεις καὶ ἀπλουστέρας) [различия] из указанных им...

Помня о предмете географии, [также] не следует ни перечислять всё то количество ойкесисов, которое заключено внутри названного расстояния, ни указывать все [небесные] явления (II 5.34 C131-132 = F V 1 = F 39).

Обещание указывать только τὰς σμειώδεις καὶ ἀπλουστέρας из небесных явлений на деле выражается в том, что Страбон приводит такие сведения только для шести климатов. При этом он даёт намёк, позволяющий судить о характере и объёме остальных астрономических явлений, указанных в таблице Гиппарха:

...не нужно обладать таким точным знанием, чтобы быть знакомым в общих чертах с одновременными восходами, заходами и прохожденьями через меридиан, высотой полюсов, созвездиями [стоящими] в зените и другими подобными меняющимися явлениями, зависящими от изменений горизонтов и различий в арктических кругах, либо только кажущихся, либо действительных (I 1.21 C12 = F IV 5 = F 40).

...не в меньшей степени определение заходов, восходов и прохождений через меридиан – поскольку [эти явления] общие для всех – для человека, который заранее узнал состояние неба и его движение ... содержат географическую информацию... (II 5.1 C109)³¹.

Исследователи отмечают, что перечисленные здесь явления, вероятно, отражают именно содержание таблицы Гиппарха³². Сравнение этого перечня с теми пятью сообщениями о небесных явлениях, которые приводит Страбон, ярко демонстрирует то, в какой степени он сократил таблицу Гиппарха.

Два главных способа определения широты – измерение тени гномона и продолжительности дня *M* – были известны уже со времени Эвдокса³³. Третий способ – ориентация по звёздам – вероятно, впервые был предложен именно Гиппархом³⁴. Одним из самых эффектных достижений Гиппарха в астрономии было составление каталога звёздных координат, что сделало возможным

³¹ Berger. Erdkunde. S. 477.

³² Berger. Hipparch. S. 16, 38–39, 67–69; *idem*. Erdkunde. S. 474; Schoy. Op. cit. S. 9; Honigmann E. Strabo 3 // RE. Bd. IVA. 1931. Sp. 114, 131; Dicks. Hipparchus. P. 164–166.

³³ Schoy. Op. cit. S. 7; Kubitschek. Klima. Sp. 838–839; Heidel W.A. The Frame of the Ancient Greek Maps. New York, 1937. P. 49, 98–99; Thomson J.O. History of Ancient Geography. Cambridge, 1948. P. 116–117; Aujac. Strabon. P. 168; Neugebauer. HAMA. P. 729, 733 note 28, 737–746; Szabó, Maula. Op. cit. P. 154–157; Marcotte D. La climatologie d'Ératosthène à Poséidonios: genèse d'une science humaine // Sciences exactes et sciences appliquées à Alexandrie (IIIe siècle av J.-C. – Ier ap J.-C.) Saint Etienne, 1998. P. 263–264.

³⁴ Szabó, Maula. Op. cit. P. 92.

определение географической широты любой местности на основании наблюдений за звёздами. Этот способ является одним из наиболее важных нововведений Гиппарха в области географии. Эратосфен, судя по имеющимся данным, ещё не использовал этот способ, а после открытия Гиппархом прецессии географы вынуждены были отказаться от него (Ptol. Geogr. VIII 2.2-3).

2.4 Упоминание Страбона из климатов Гиппарха только наиболее важных и имеющих аналоги в географии Эратосфена

Большинство исследователей признают, что Страбон сильно сократил таблицу Гиппарха³⁵. Бергер и Хонигманн обратили внимание на то, что обещание Страбона указывать только наиболее важные из широт Гиппарха на деле выражается в том, что большинство параллелей, которые он далее приводит, имеют близкое соответствие в системе Эратосфена³⁶.

Основу географии Эратосфена формируют две «оси координат», называемые *στοιχεῖα* – главные параллель и меридиан, пересекающиеся на Родосе. Эратосфен использовал эти две оси для того, измеряя вдоль них отрезки расстояний от одного пункта к другому, получить общую оценку длины и ширины ойкумены. Если объединить отрезки, измеренные им вдоль главного меридиана³⁷, получится примерно следующая шкала расстояний³⁸.

Таблица 1. Система параллелей Эратосфена

Параллель	Расстояние от предыдущего пункта вдоль меридиана	Расстояние от экватора
Страна Корицы		8800 st
Мерое	3000 st	11,800 st
Сиена	5000 st	16,800 st
Александрия	5000 st	21,800 st
Родос	≈ 4000 st (3750 st)	≈ 25,800 st (25,500 st)
Геллеспонт	≈ 4000 st (4350 st или 4450 st)	≈ 29,800 st (29,800 st или 29,900 st)
Устье Борисфена	5000 st	34,800 st или 34,900 st
Остров Туле	11,500 st	

³⁵ Müllenhoff. DA. Bd. I. S. 329–330, 505; Bunbury. History. Vol. II. P. 5; Dicks. Strabo and the ΚΛΙΜΑΤΑ. P. 243.

³⁶ Berger. Hipparch. S. 37, 41–45, 67–70; idem. Eratosthenes. S. 188–195; idem. Erdkunde. S. 422–425; Honigmann. SK. S. 14, 16.

³⁷ I 4.2 C62–63 = F II C 2, 7; 2,5,42 C135 = F II C 5, 7; 2,5,35–42 C133–134 = F III A 17–22; II 1.3 C68 = F III A 2; II 5.7 C114; Cleomed. De motu. I 7.53; 108 Todd 35, 37 = F II B 34; Plin. Nat. hist. II 183 = F II B 38; II 1.19 C76 = F III A 9; cf. II 2.2 C95; 5.7 C114. Berger. Eratosthenes. S. 152–153.

³⁸ Ср. похожие таблицы Berger. Eratosthenes. 142–155; idem. Erdkunde. 408–409, 414–417; Cp. Diller. Op. cit. P. 261–263; Neugebauer. HAMA. P. 1313. Fig. 291.

Все эти параллели присутствуют в Страбоновом пересказе таблицы Гиппарха в качестве 1^h и $\frac{1}{2}^h$ -кратных климатов (за исключением Страны Корицы, не связанной с *M*). Напротив, из числа $\frac{1}{4}^h$ -кратных климатов, которые являются не имеют соответствий в системе Эратосфена, Страбон указывает только два наиболее важных: Тира³⁹ и Византия⁴⁰. «Таблица теней», помимо этих двух, приводит ещё 10 климатов $\frac{1}{4}^h$. Остаётся только гадать о том, сколько климатов таблицы Гиппарха были опущены Страбонем и могут ли некоторые другие параллели «таблицы теней» также восходить к Гиппарху.

2.5 Смещение сведений Гиппарха и Эратосфена в рассказе Страбона

Три обстоятельства показывают, что данные Страбона о четырёх южных параллелях (Страна Корицы, Мерое, Сиена, Александрия), а также о параллели середины Понта принадлежат не Гиппарху, а Эратосфену.

2.5.1 Страбон заменяет числа Гиппарха числами Эратосфена

Расстояния между этими четырьмя южными параллелями совпадают с данными Эратосфена (экватор – 8800st – Страна Корицы – 3000st – Мерое – 5000st – Сиена – 5000st – Александрия)⁴¹.

Следующая фраза Страбона может рассматриваться как основание для доверия указанным им числам (I 4.1 C62 = F III 1 = F 35):

1) тем не менее⁴², для обозначения небесных явлений в каждом из ойкесисов Гиппарх использует эти [установленные Эратосфеном] расстояния на меридиане через Мерое, Александрию и Борисфен, сказав, что они мало расходятся с истиной.

Буквально понимая смысл этой фразы, можно заключить, что Гиппарх без особых изменений принял установленные Эратосфеном расстояния⁴³, по крайней мере, между тремя назван-

³⁹ Только *Neugebauer*. *NAMA*. P. 335, следуя своей ошибочной теории о том, что климаты Гиппарха были выражены в стадиях и рассчитывались на основе арифметической прогрессии, отрицает принадлежность климата Тира к таблице Гиппарха.

⁴⁰ Причём Страбон не мог не упомянуть здесь о параллели Византия, поскольку он уже говорил о ней, обсуждая измерения северных широт, проведённые Пифеем (I 4.4 C63; II 1.12 C71/72, 16 C74, 4.3 C106, 4.8 C115 = F V 13b, d, e, f = F 53–55).

⁴¹ Это правильно отметил *Neugebauer*. *NAMA*. P. 334–335. I 4.2 C62–63 = F II C 2, 7; II 1.19 C76 = F III A 9; II 5.42 C135 = F II C 5, 7; II 5.35–42 C133–134 = F III A 17–22; II 1.3 C68 = F III A 2; II 5.7 C114; ср. II 2.2 C95, 5.7 C114; Cleomed. I 10 = F II B 34; Plin. II 183 = F II B 38.

⁴² Несмотря на то, что не все соглашались с Эратосфеном относительно размеров Земли.

⁴³ Именно так понимают её смысл *Szabó, Maula*. *Op. cit.* P. 91–92.

ными пунктами. Однако такой интерпретации противоречит то, что во всех других случаях широты одних и тех же климатов у Эратосфена и Гиппарха не совпадают, и иногда проходят через разные, хотя близкие пункты (таблица 2).

Таблица 2 (широты выражены в стадиях как расстояния от параллели Александрии)

Климат		Эратосфен	Гиппарх	расхождение
14 ^h	Александрия (Эратосфен), 400 st южнее неё (Гиппарх)	0 st	южнее на 400 st	400 st
14½ ^h	Родос	4000 st точнее 3750 st	3640	360 st или 90 st
15 ^h	Лисимахия (Эратосфен), Александрия в Троеде (Гиппарх)	8000 st , точнее 8100 st	7000 st	1000 st или 1100 st
16 ^h	устье Борисфена	13000 st или 13100 st	12200 st или 12300 st	от 700 st до 900 st

Это сравнение позволяет на деле оценить, что стоит за фразой Страбона о том, что Гиппарх *«использует расстояния»* Эратосфена, полагая, что они *«мало расходятся с истиной»*⁴⁴. Позволительно думать, что в других случаях, о которых Страбон прямо не говорит, расхождения между широтами Эратосфена и Гиппарха были столь же значительны.

Подтверждением этого вывода служит тот факт, что указанная Страбоном широта Страны Корицы явно противоречит данным Гиппарха. Страбон отмечает, что эта параллель является самой южной широтой, на которой Малая Медведица лежит в пределах арктического круга, и помещает её в 8800st или в 8400st от экватора (12° 34' или 12°) – в соответствии с представлениями Эратосфена. К счастью, Птолемей сохранил указание Марина о том, как сам Гиппарх определял эту широту (I 7.4 Müller 17 = F 45 Dicks): согласно Гиппарху, самая южная звезда Малой Медведицы (α Umi) отстоит от полюса на 12° 24', что соответствует расстоянию в 8680st от экватора до Страны Корицы⁴⁵. Следовательно, числа 8800st или 8400st Страбон также заимствовал у Эратосфена⁴⁶.

Как показано в предыдущем разделе, таблица Гиппарха, несомненно, опиралась на систему параллелей Эратосфена, но при этом

⁴⁴ Ср. Neugebauer. NAMA. P. 1313 Fig. 291.

⁴⁵ Это отметил Jones. Eratosthenes. P. 18 note 9; однако Dicks. Hipparchus. P. 170–171 не видит противоречия между этими числами.

⁴⁶ Это также предположил Berger. Hipparch. S. 44–45.

исправляла и дополняла её везде, где это было возможно, в соответствии с общим подходом Гиппарха к труду своего предшественника. Что касается приведённого пассажа Страбона о том, что Гиппарх «использует расстояния» Эратосфена, то единственный путь к его объяснению я вижу в сравнении с двумя другими высказываниями Страбона о том, в чём выражается согласие Гиппарха с Эратосфеном:

2) (Гиппарх) говорит, что, приняв в качестве гипотезы величину Земли, как [её] указал Эратосфен, затем следует отделить [от этого вопроса вопрос о величине] ойкумены: ибо нет большой разницы в отношении небесных явлений для каждого из ойкесисов использовать ли это измерение или то, которое предложили позднее (II 5.7 C113 = F III 2 = F 36).

3) [нам] достаточно установить значительные и более простые [различия в небесных явлениях] из указанных [Гиппархом], приняв, как и он, в качестве гипотезы величину Земли за двести пятьдесят две тысячи стадиев, как предложил Эратосфен: ибо от этого не будет большой разницы в отношении [небесных] явлений для расстояний между ойкесисами (II 5.34 C132 = F III 3 = F 39).

Три элемента из первого пассажа показывают, что по своему содержанию он аналогичен этим двум: Гиппарх использует расстояния Эратосфена, так как он считает, (1) «что они мало расходятся с истиной», (2) если дело касается определения небесных явлений для различных ойкесисов, (3) и вне зависимости от того, как решается вопрос об измерении окружности Земли. Единственное различие заключается в том, что в двух последних пассажах говорится о согласии Гиппарха с результатом измерения Земли, а не отдельных расстояний. Такое совпадение позволяет предположить, что в первом пассаже была заложена та же мысль, что и двух других, хотя Страбон выразил её в менее ясной форме.

Если это предположение верно, то согласие Гиппарха с Эратосфеном в действительности касалось только измерения окружности Земли и, но не тех конкретных расстояний, которые указывал Эратосфен. Правда, оценка окружности Земли Эратосфена была действительно основана на измерении отдельных расстояний вдоль главного меридиана и могла впоследствии использоваться Гиппархом для расчёта других расстояний вдоль него. Возможно, именно это обстоятельство послужило причиной того, что Страбон упомянул в первом пассаже о согласии Гиппарха с отдельными расстояниями, установленными Эратосфеном, а не с его общей оценкой окружности Земли. Эти тексты показывают принципиальное различие между подходами Эратосфена и Гиппарха: основу географии Эратосфена составляли оценки расстояний в стадиях, а основу географии Гиппарха – астрономические измерения широт в градусах (2.1). Эратосфен пытался на основе измерений отдельных расстояний оценить

размеры Земли⁴⁷. Гиппарх, наоборот, рассчитывал отдельные расстояния на основе измерения широт и оценки размеров Земли. Обещание Страбона указать широты таблицы Гиппарха, «приняв в качестве гипотезы» измерение Земли Эратосфена, подразумевает, что Страбон пересчитывал значения широт из градусов в стадии. Это же подразумевают его слова о том, что Гиппарх оценивал расстояния между параллелями Афин и Вавилона менее, чем в 2400^{ст}, «предположив, что весь меридиан имеет в длину столько стадий, сколько считает Эратосфен» (II 1.29 C82 = F III 4 = F 22).

Только так можно объяснить равнодушное отношение Гиппарха к вопросу о размерах Земли: решение этого вопроса не оказывает никакого (а не только значительного, как говорит Страбон) влияния на оценку широты, выраженную в градусах⁴⁸. Гиппарх для удобства принимает измерение Земли Эратосфена, так как расстояния, рассчитанные на его основе, демонстрируют лишь незначительные расхождения с результатами реальных измерений.

2.5.2 Гипотеза О. Диллера о значении наклона эклиптики в географии Гиппарха

Гипотеза Диллера даёт дополнительный способ проверки аутентичности сведений Страбона о таблице Гиппарха. Гипотеза основана на том, что Гиппарх указывал широты климатов в градусах и рассчитывал их тригонометрически – вероятно, используя метод аналемм⁴⁹. Диллер конвертирует указанные Страбоном значения широт из стадиев в градусы и для каждой широты рассчитывает соответствующую ей оценку наклона эклиптики по формуле $\sin \frac{1}{2} (15^\circ \times M - 180^\circ) = \tan \varphi \tan \varepsilon$. Формула адекватно отражает суть тригонометрического метода Гиппарха, показывая связь между тремя величинами: широтой местности – φ , максимальной продолжительностью дня на этой широте – M , углом наклона эклиптики – ε ⁵⁰. В

⁴⁷ Один раз Эратосфен произвёл обратную операцию: уточнил расстояние от Александрии до Родоса (получив 3750^{ст} вместо грубой оценки 4000–5000^{ст}, основанной на длительности плавания), используя измерения широт этих пунктов и свою оценку окружности Земли (II 5.24 C125 = F II B 28; ср. *Diller. Geographical Latitudes. P. 264*).

⁴⁸ Ср. похоже: *Müllenhoff. DA. Bd. I. S. 328; Honigmann. SK. S. 15*.

⁴⁹ О тригонометрических методах Гиппарха: *Neugebauer. HAMA. P. 301–304; Toomer. Hipparchus. P. 209–211; Szabó, Maula. Op. cit.; Wilson C. Hipparchus and Spherical Trigonometry // Dio. Vol. 7.1. 1997. P. 14–15. Об истории метода аналемм: *Neugebauer. HAMA. P. 839–847*.*

⁵⁰ В античности не существовало записи в виде формул, а в тригонометрии использовалась только одна функция – хорда, соответствующая современному синусу: $\text{crd } \alpha = 2 \sin \frac{1}{2} \alpha$.

итоге получается следующая серия значений ϵ ⁵¹:

Таблица 3. Значение наклона эклиптики в географии Гиппарха

КЛИМАТ	M	расстояние от экватора по Страбону	ϕ	ϵ	ϵ округ- лённое
Мерое	13 ^h	11800 st	16° 51'	23° 18'	23 1/3°
Сиена	13 1/2 ^h	16800 st	24°	23° 40'	23 2/3°
Александрия	14 ^h	21400 st	30° 34'	~ 23° 40'	23 2/3°
Тир (Финикия)	14 1/4 ^h	23400 st	33° 26'	23° 43' 30"	23 2/3°
Родос	14 1/2 ^h	[25400 st] ⁵²	36° 17'	23° 39'	23 2/3°
Геллеспонт	15 ^h	28800 st	41° 9'	23° 39'	23 2/3°
Массалия	15 1/4 ^h	30300 st	43° 17'	23° 40'	23 2/3°
Середина Понта	15 1/2 ^h	31700 st	45° 17'	23° 39'	23 2/3°
Борисфен	16 ^h	34100 st	48° 43'	23° 42'	23 2/3°
Танаис	17 ^h	[38000 st]	54° 17'	23° 38'	23 2/3°
Кельтика	18 ^h	[40800 st]	58° 17'	23° 36'	23 2/3°

Таблица 3 показывает, что для большинства широт $\epsilon = 23\frac{2}{3}^\circ$. Если учесть ту допустимую норму округления, которая применялась в античной астрономии (до ближайших крупных долей градуса: половины, трети или четверти), то следует признать, что это значение наилучшим образом передаёт наклон эклиптики, который в действительности существовал в период деятельности Гиппарха –150 г. – 23° 42' 55". Всё это доказывает, что таблица Гиппарха была основана на значении $\epsilon = 23\frac{2}{3}^\circ$ ⁵³.

Опираясь на этот вывод, Диллер отмечает, что указанная Страбоном широта Мерое выделяется среди остальных, давая иное значения ϵ . Диллер предполагает, что Страбон сознательно заменил широту, указанную Гиппархом – 11600st (= 16° 35' при $\epsilon = 23\frac{2}{3}^\circ$) – на

⁵¹ Diller. *Geographical Latitudes*. P. 265; ср. Rawlins. *Competence Held Hostage*. P. 55.

⁵² В скобках указаны исправленные значения Diller. *Op. cit.* P. 266–267.

⁵³ Через полвека после выхода работы Диллера этот вывод получил два независимых подтверждения. Д. Ролинс, исходя из гипотезы о том, что звёздный каталог Птолемея является переработкой каталога Гиппарха, пришёл к выводу, что каталог Гиппарха был составлен на основе $\epsilon = 23^\circ 41' \pm 4'$. Rawlins. *An Investigation*. P. 359–372. Надаль и Бруне предположили, что координаты звёзд, которые Гиппарх приводит в «Комментарии», основаны не на непосредственных наблюдениях, а определены по специальному глобусу звёздного неба: Nadal R., Brunet J.P. Le «Commentaire» d'Hipparque. I. La sphère mobile // *Archive for History of Exact Sciences*. Vol. 29. 1984. P. 201–236. Проанализировав эти координаты, они пришли к выводу, что глобус Гиппарха был настроен на $\epsilon = 23^\circ 43' \pm 5'$ и $\phi = 36^\circ 15' \pm 3'$. Нельзя признать убедительной попытку Ролинса доказать, что в основе таблицы климатов Плиния также лежит значение $\epsilon = 23\frac{2}{3}^\circ$. Rawlins D. *Ancient Geodesy: Achievement and Corruption* // *Vistas in Astronomy*. Vol. 28. 1985. P. 262–253.

близкое, но более привычное значение, даваемое Эратосфеном.

К этому следует добавить три дополнительных примера.

1) Широта Сиены, которую приводит Страбон ($16800^{\text{st}} = 24^\circ$), точно совпадает с тем значением, которое соответствует $M = 13\frac{1}{2}^{\text{h}}$ при $\epsilon = 23\frac{3}{4}^\circ$, поэтому Диллер признал эти данные Страбона достоверными. Однако он не учёл того, что параллель Сиены была исключением из общего правила – её традиционно проводили не по климату $13\frac{1}{2}^{\text{h}}$, а по тропику Рака, который проходил очень близко к широте $13\frac{1}{2}^{\text{h}}$. Так Птолемей, в соответствии со своей оценкой ϵ , помещал Сиену на широте $23^\circ 51'$ (II 6.7 Heib. I 107 etc.)⁵⁴. Широта Сиены, указанная Страбоном, основана на принятой Эратосфеном традиционной и весьма приблизительной оценке $\epsilon = 24^\circ$, которая была установлена ещё Энопидом Хиосским и благодаря своей простоте ($24^\circ = 1/15$ окружности: VS 41 A 7) пользовалась широким признанием на протяжении всей античности. Это позволяет считать значение 16800st заимствованным из географии Эратосфена. Гиппарх, как показано, должен был использовать значение $\epsilon = 23\frac{3}{4}^\circ \approx 16600^{\text{st}}$.

2) Страбон оценивает расстояние от экватора до параллели середины Понта в 28800st , что соответствует широте $\approx 41^\circ 10'$ – и климату 15^{h} при наклоне эклиптики $\epsilon = 23\frac{3}{4}^\circ$. Однако, противореча этой цифре, Страбон отмечает, что параллель середины Понта лежит на равном расстоянии от экватора и от полюса, что соответствует широте 45° – и климату 15^{h} при $\epsilon = 24^\circ$ – значении, которое принимал Эратосфен. Параллель середины Понта отсутствует в прямых фрагментах Эратосфена, поэтому Бергер считал её нововведением Гиппарха. Однако два обстоятельства говорят в пользу того, что параллель середины Понта присутствовала у Эратосфена: 1) Все параллели Гиппарха проходят через конкретные пункты, а положение этой параллели, напротив, весьма неопределённое – она проходит через середину пути корабля от Геллеспонта к Борисфену (II 5.41 C134 = F V 14 = F 56). 2) Все параллели Гиппарха (не считая параллели Византия и тех шести, которые были уже у Эратосфена) проходят через пункты, лежащие вне главного меридиана Эратосфена, а середина Понта расположена на меридиане. Это позволяет предположить, что Страбон, говоря о параллели середины Понта, смешал данные Эратосфена и Гиппарха.

3) Два противоречия существуют между сообщениями Страбона о широте Родоса (II 5.39–40 C134 = F V 9, 12 = F 51–

⁵⁴ Это отметил Goldstein B.R. The Obliquity of Ecliptic in Ancient Astronomy // Archives internationales d'histoires des sciences. Vol. 33. 1983. P. 4–5.

51). Во-первых, он помещает параллель Родоса в 3640st от параллели Александрии, но затем, противореча этой цифре, помещает параллель Геллеспонта в 3400st севернее Родоса и 7000st – севернее Александрии, что требует 3600st для расстояния Александрия–Родос. Во-вторых, он утверждает, что параллель Родоса проходит через середину острова, однако расстояние 3640st точно соответствует широте города Родос на северной оконечности острова ($36^{\circ}26'$). Трудно поверить, что Гиппарх, который провёл на Родосе большую часть своей жизни, мог иметь столь неточное представление о широте острова⁵⁵. В то же время, расстояние 3640st не соответствует значению наклона эклиптики $\epsilon = 23\frac{3}{4}^{\circ}$, но 3600st – соответствует. На этом основании Диллер предпочёл исправить в тексте Страбона 3640st на $3600^{\text{st}56}$. Однако у нас нет достаточно веских оснований для того, чтобы отрицать аутентичность цифры 3640st , тем более, что она точно конвертируется в градусы: $3640^{\text{st}} = 5\frac{1}{5}^{\circ}$. Я полагаю, что аутентичными могут быть обе цифры: 3640st на 3600st . Дело в том, что в действительности Страбон упоминает о двух близких параллелях: одна в таблице Гиппарха была проведена через Родос и Ксанф в Ликии, а другую Эратосфен проводил через Родос и Карию, то есть – севернее первой (Эратосфен помещал её в 3750st от Александрии: II 5.24 C125 = F II B 28). В другом пассаже Страбон даёт понять, что Гиппарх также использовал параллель через Родос и Карию (II 1.35 C87 = F V 10a = F 18). Поэтому возможно, что изначально числа 3640st и 3600st были связаны у Гиппарха с этими двумя параллелями (3640st – параллель города Родос и Кари, 3600st – середины Родоса, Ксанфа и климата $14\frac{1}{2}^{\text{h}}$), но затем были перепутаны Страбоном.

2.5.2.1 Свидетельство Птолемея о значении наклона эклиптики у Гиппарха

Гипотеза Диллера не нашла понимания у других исследователей⁵⁷. Это связано с тем, что гипотеза противоречит традиционной интерпретации указания Птолемея о величине ϵ у Гиппарха –

⁵⁵ Анализ координат звёзд, которыми Гиппарх оперировал в своих расчётах, показывает, что широту свою он знал с высокой точностью: Rawlins D. Hipparchos' Rhodos Observatories Located: Lindos & Cape Prassonesi // Dio. Vol. 4.1. 1994. P. 33–47; *idem*. Hipparchos at Lindos: a Modest Confirmation // Dio. Vol. 7.1. 1997. P 16–17.

⁵⁶ Diller. Geographical Latitudes. P. 265 note 1 Менее удачно исправление 3640st на 3440st , которое предложил Dicks. Hipparchus. P. 176–177.

⁵⁷ Dicks. Hipparchus. P. 169, 194; Neugebauer. NAMA. P. 734 note 14 лишь кратко отмечают, что гипотеза не обоснованна, так как ни один источник прямо не подтверждает значение $23\frac{3}{4}^{\circ}$.

единственного прямого свидетельства о том, что античные учёные использовали более точную оценку ϵ , чем традиционная $\epsilon = 24^\circ$.

Птолемей отмечает, что он сам «в течение многих лет» проводил измерения угла склонения солнца в дни солнцестояний и всегда получал значение $47\frac{3}{4}^\circ < 2\epsilon < 47\frac{1}{4}^\circ$ (Alm. I 13 Heib. I 67-68; пер. И.Н. Веселовского):

Отсюда получается почти то же отношение, что у Эратосфена, которым пользовался и Гиппарх. Действительно, величина дуги между тропиками составляет приблизительно 11 таких частей, каких в полу-денном круге будет 83.

В своей астрономии Птолемей всегда использует получающееся отсюда значение $\epsilon = 23^\circ 51'$.

Обычно этот пассаж интерпретируют следующим образом: Эратосфен впервые получил «точное» значение $2\epsilon = 11/83$, $\epsilon = 23^\circ 51' 20''^{58}$, которое затем приняли Гиппарх⁵⁹ и Птолемей. Однако текст Птолемея не даёт оснований приписывать значение $11/83$ Эратосфену и Гиппарху. Птолемей отмечает три факта: 1) благодаря серии измерений он получил оценку 2ϵ в широком диапазоне, 2) эта оценка почти совпадает с данными Эратосфена и Гиппарха, 3) точное значение можно выразить соотношением $2\epsilon = 11/83$. Ссылка на Эратосфена и Гиппарха может быть связана только с широким значением ϵ , упомянутым перед ней, а не с точным $2\epsilon = 11/83$. При этом Птолемей уточняет, что это значение только $\sigma\chi\epsilon\delta\acute{o}\nu$ совпадает со значениями Эратосфена и Гиппарха. Ничто не позволяет нам связывать вторую часть замечания Птолемея с третьей, которая, скорее, является продолжением его первой части и касается только измерений, проведённых самим Птолемеем.

Ни один источник не подтверждает того, что Эратосфен и Гиппарх использовали оценку $2\epsilon = 11/83$. Напротив, Страбон (II 5.43 C136) и Марциан Капелла (VI 596 = F II B 41) указывают, что Эратосфен в своей географии принимал традиционную «грубую» оценку $\epsilon = 24^\circ$.

⁵⁸ Bunbury. History. Vol. I. P. 664–665; Müllenhoff. DA. Bd. I. S. 255; Thalamos F.A. La géographie d'Ératosthène. Versailles, 1921. P. 120; Dicks. Hipparchus. P. 107, 167–169; Taisbak C.M. Posidonius Vindicated at al Costs? // Centaurus. Vol. 18.4. 1974. P. 267–268; Neugebauer. HAMA. P. 734 note 15; Rawlins D. Eratosthenes' Geodesy Unraveled: Was there a High-accuracy Hellenistic Astronomy? // Isis. Vol. 73. 1982. P. 259–265; idem. Reply to David Fowler's "Eratosthenes' Ratio" // Isis. Vol. 74. 1983. P. 561–562; Fowler D.H. Eratosthenes' Ratio for the Obliquity of Ecliptic // Isis. Vol. 74. 1983. P. 556–561; Geus K. Eratosthenes von Kyrene. Studien zur hellenistischen Kultur- und Wissenschaftsgeschichte. München, 2002. S. 248–249; Jones. Op. cit. P. 16–19.

⁵⁹ Mannert K. Einleitung in die Geographie der Alten und Darstellung ihrer vorzüglichen Systeme. Leipzig, 1829. S. 97; Berger. Hipparch. S. 45; idem. Erdkunde. S. 480; Dicks. Hipparchus. P. 192, 194; Abel. Zone. Sp. 1057; Szabó, Maula. Op. cit. P. 93; Goldstein. The Obliquity of Ecliptic... P. 3–14.

Трудно представить, чтобы Птолемей после «многих лет» наблюдений безоговорочно принял значение, установленное ещё Эратосфеном. Трудно предположить, чтобы Эратосфен и Гиппарх на основании собственных измерений получили бы то же самое значение $\varepsilon = 23^\circ 51'$, что и Птолемей, тем более, что это значение значительно отличалось от правильного: при Эратосфене – $23^\circ 43' 40''$, при Гиппархе – $23^\circ 42' 55''$. Поэтому нет оснований приписывать Эратосфену и Гиппарху значение $\varepsilon = 23^\circ 51'$ – оно может принадлежать только самому Птолемею⁶⁰. Тем более недопустимо на основании указания Птолемея вносить произвольные исправления в данные Страбона о географии Эратосфена: изменять широту Сиены $24^\circ = 16800^{\text{st}}$ на $23^\circ 51' = 16700^{\text{st}61}$.

Два обстоятельства иногда рассматривают как подтверждение того, что Эратосфен использовал «точное» значение $23^\circ 51'$. (1) Согласно Страбону, Эратосфен помещал Туле на широте полярного круга (II 5.8 C114 = F II C 8), и при этом оценивал расстояние от экватора до Туле в 46300st (I 4.2 C62-63 = F II C 2). Таким образом, расстояние от Туле до полюса = $\varepsilon = 63000^{\text{st}} - 46300^{\text{st}} = 16700^{\text{st}} = 23^\circ 51'^{62}$. Однако в другом месте Страбон прямо указывает, что Туле отстоит от полюса на $\frac{4}{60}$ большого круга, несомненно следуя в этом Эратосфену (II 5.43 C136). Появления числа 46300st имеет более простое объяснение: в этом расчёте было использовано «точное» значение расстояния от Александрии до Геллеспонта – 8100st , тогда как в других случаях Эратосфен приводил округлённое – 8000st (II 5.42 C135 = F II C 5, 7)⁶³. (2) Согласно Клеомеду, Эратосфен оценивал дугу между Александрией и Сиеной в $\frac{1}{50}$ большого круга (Cleomed. I 10 = F II B 34, 35). Если допустить, что Эратосфен принимал традиционную в античности широту Александрии $\arctg \frac{3}{5} = 30^\circ 58' \approx 31^\circ$ (II 5.38 C133 = Hipp. F V 6 = F 48; Vitruv. IX 7.1), то он мог бы определить широту Сиены $31^\circ - \frac{5000}{700}^\circ = 23^\circ 51' 26''^{64}$. Однако это предположение требует слишком многих необоснованных допущений.

Б. Голдштейн предложил гипотезу, подтверждающую, что Гип-

⁶⁰ Berger. Eratosthenes. S. 131–132, 137; *idem*. Erdkunde. S. 411, 414; мнение Бергера принимают: Heath T.L. Aristarchus of Samos. The Ancient Copernicus. A History of Greek Astronomy to Aristarchus. Oxford, 1913. P. 131 note 4; Thomson. History. P. 163; также см. Taisbak C.M. Eleven-Thirties. Ptolemy's Reference to Eratosthenes in Almagest I.12 // Centaurus. Vol. 27.2. 1984. P. 165–167.

⁶¹ Как делает большинство учёных, отмеченных в прим. 58. Müllenhoff. DA. Bd. I. S. 255, 268, 270 и Abel. Zone. Sp. 1046 справедливо отмечают, что Эратосфен мог использовать разные оценки ε .

⁶² Bunbury. History. Vol. I. P. 664.

⁶³ Berger. Eratosthenes. S. 155.

⁶⁴ Geus. Eratosthenes. S. 248–249; Jones. Eratosthenes. P. 16.

парх использовал значение $23^{\circ} 51'$ ⁶⁵. Согласно Гиппарху, широта Византия соответствует климату $15\frac{1}{4}^h$ и в то же время соотношение длин гномона и его тени на этой широте составляет в день солнцестояния $\frac{41.8}{120}$ (II 5.41 C134 = F V 13a = F 52). Если предположить, что это значение не основано на реальных измерениях, а теоретически вычислено для климата $15\frac{1}{4}^h$, то такое вычисления должно основываться на значении $\epsilon = 23^{\circ} 51'$. Однако, вопреки этому, в другом месте Страбон ясно указывает, что соотношение длин гномона и его тени было измерено Пифеем в Массалии, а затем Гиппарх получил такой же результат в Византии (I 4.4 C63 = F V 13d = F 53)⁶⁶. При всём правдоподобии гипотезы Голдштейна, возможно, что Гиппарх условно связал широту Византия и Массалии с климатом $15\frac{1}{4}^h$, не смотря на небольшое несоответствие результатов измерения тени гномона⁶⁷. Аналогичным образом Гиппарх связывает самые северные широты, на которых побывал Пифей, с климатами 17^h , 18^h и 19^h . Трудно представить, чтобы сам Пифей смог измерить длительность дня при солнцестоянии на всех этих широтах⁶⁸. Скорее Пифей проводил в разные дни отдельные измерения длины тени гномона или высоты Солнца над горизонтом, на основании которых Гиппарх условно связал эти местности с тремя северными климатами своей таблицы.

2.5.3 Страбон вставляет в таблицу Гиппарха сведения Эратосфена

Бергер отмечает, что сведения о трёх параллелях таблицы Страбона соответствуют представлениям Эратосфена, причём именно тем, против которых возражал Гиппарх: 1) Тапробана считается островом и помещена на широте Страны Корицы, 2) на широте Мерое помещены оконечности Индии, 3) на параллели Александрии – Вавилон и верхняя (северная) Сирия.

Между тем, Мела отмечает, что Гиппарх не считал Тапробану островом (III 7.70 Silberman 87 = F VIII 2 = F 5). Страбон прямо указывает, что Гиппарх отвергал мнение Эратосфена о широте южной Индии (II 1.20 C77 = F IX 4 = F 17), а следовательно, и о широте неразрывно связанной с ней Тапробаны. Гиппарх помещал Вавилон значительно севернее Александрии, явно полемизируя с Эратосфеном (II 1.29 C82 = F V 7 a = F 22; II 1.36 C88 = F V 7b = F 26), который, очевидно, помещал Вавилон примерно на

⁶⁵ Goldstein. Op. cit. P. 10–12; Jones. Eratosthenes: P. 17.

⁶⁶ Dicks. Hipparchus. P. 178–179.

⁶⁷ Так же: Bianchetti. Dall'astronomia. P. 152; ср. Szabó Á. Das geozentrische Weltbild. Astronomie, Geographie und Mathematik der Griechen. München, 1992. S. 179–182.

⁶⁸ Это отмечают: Dicks. Hipparchus. P. 186–188.

широте Александрии или даже южнее неё⁶⁹. Поэтому нет оснований для конъектуры Гроскурда и Госселлина, принятой в ряде современных изданий, которая исправляет в таблице климатов Βαβυλῶνος на Βαβυλωνίας⁷⁰. Упоминание северной Сирии на широте Александрии, вероятно, также восходит к Эратосфену и связано с его оценкой широты Вавилона⁷¹.

На основании этих фактов Бергер заключает, что Страбон даёт не просто эксерпт из таблицы Гиппарха, а скорее, взяв за основу систему широт Эратосфена, дополняет её сведениями Гиппарха⁷². Этот вывод позволяет Бергеру реконструировать систему параллелей Эратосфена. Показательно, что, говоря о параллелях Родоса и Геллеспонта, Страбон разделяет параллельные сведения Гиппарха и Эратосфена (II 5.39, 40, 42 C134, 135 = F III A 21, 22; F V 9, 12a = 50, 51). Вероятно, в других случаях он так же смешивает данные обоих авторов, но уже не отметит этого прямо.

3. Таблица климатов Гиппарха и «таблица теней» Птолемея

Итак, три главные черты отличают таблицу Гиппарха от системы параллелей Эратосфена: 1) таблица охватывает всё пространство от экватора до полярного круга, 2) появляются климаты $\frac{1}{4}^h$, 3) широты рассчитываются на основе тригонометрических методов и выражаются в градусах⁷³. Эти три черты характерны также для «таблицы теней» Птолемея. Птолемей прямо упоминает Гиппарха как своего единственного предшественника, помимо Марина:

один Гиппарх для небольшого числа городов, по сравнению со

⁶⁹ Berger. Eratosthenes. S. 193–195; *idem*. Erdkunde. S. 424; Miller K. *Mappae mundi. Die ältesten Weltkarten. Bd. VI. Stuttgart, 1898. S. 120; Thomson. History. P. 205.*

⁷⁰ Bunbury. *History. Vol. II. P. 7 note 7; Strabon. Géographie. T. I. Pt. 2. P. 121; Grosskurd C.G. Strabons Erbeschreibung. Bd. I. Berlin, 1831. S. 219;* чтение Βαβυλῶνος принято в Berger. Eratosthenes. S. 193–194; Radt. *Op. cit. S. 328.*

⁷¹ Berger. Eratosthenes. S. 192–193; *idem*. Erdkunde. S. 424.

⁷² Berger. Hipparch. S. 37, 41–45, 67–70; *idem*. Eratosthenes. S. 188–195; *idem*. Erdkunde. S. 422–425; *cp. Kubitschek. Klima. Sp. 839–840; Dicks. Strabo and the KLIMATA. P. 247; Aujac. Strabon. P. 118.* Отчасти прав Гойс, цитируя почти весь раздел Страбона о климатах как единый фрагмент Эратосфена, за вычетом астрономических деталей, которые он относит к Гиппарху: Geus. Eratosthenes. S. 273.

⁷³ Диллер предложил простое объяснение чисел, которые описывают расстояния между параллелями Эратосфена: интервалы между часовыми климатами уменьшаются в арифметической прогрессии: 10000st от 13^h до 14^h (Мерое – Александрия), далее – 8000st до 15^h (Лисимахия), 5000st до 16^h (Борисфен); климаты $\frac{1}{2}^h$ проведены через середины этих интервалов: Сиена – в 5000st от Александрии и от Мерое, Родос – в ≈4000st от Александрии и от Лисимахии.

стольким множеством размещённых на географической [карте], указал нам высоту северного полюса и [пункты], лежащие на тех же самых параллелях (I 4.2 Müller 12-13 = F IV 6 Berger).

Многие элементы таблицы Гиппарха (помимо 7 канонических климатов) находят отражение в «таблице теней» и в географии Птолемея⁷⁴: оба упомянутые Страбоном климата $\frac{1}{4}^h - 1) 14\frac{1}{4}^h$ – Тир (у Страбона: Птолемаида, Сидон и Тир: II 5.39 C133 = F V 8 = F 49)⁷⁵, 2) $15\frac{1}{4}^h$ – Византий, Массалия, Никея и Амис (I 4.4 C63; II 1.12, 16 C71/72, 74; 4.3, 8 C106, 115; 5.40 C134 = F V 13 = F 52-55); 3) 15^h – Илион и гора Ида в Троаде (у Гиппарха здесь фигурирует Александрия в Троаде: II 5.40 C134 = F V 12a = F 51); 4) север Метотиды и устье Танаиса – 17^h (II 5.42 C136 = F V 15c, 16 = F 59-62); 4) Вавилон – $14^h 24^m$ (II 1.29 C82 = F V 7a = F 22; II 1.36 C88 = F V 7b = F 26)⁷⁶, 5) Афины – $14^h 36^m$ (ср. Comm. I 3.12; 4.8 Manitius p.28 24, p. 34 14 = F V 11)⁷⁷, возможно, также 6) Карфаген и 7) Сиракузы⁷⁸. Всё это позволяет рассматривать таблицу Гиппарха как прототип и непосредственный источник «таблицы теней»⁷⁹.

Заключение

Проведённый анализ позволяет точнее реконструировать объём и содержание таблицы климатов Гиппарха и более адекватно оценить её роль в развитии античной математической географии. Выводы данной работы могут служить основанием для реконструкции тех разделов географии Гиппарха, которые не получили прямого освещения в трактате Страбона, но нашли косвенное отражение в других источниках, в частности – в труде Птолемея.

⁷⁴ Diller. Geographical Latitudes. P. 268 ошибался, полагая, что таблица Гиппарха не повлияла на развитие географии.

⁷⁵ Гиппарх либо условно связывал широты этих городов с одним климатом (Honigmann. SK. S. 20), либо приводил для каждого из них отдельно более точные значения, которые Страбон опустил: Berger. Hipparch. S. 53.

⁷⁶ Это предположил Honigmann E. Die Anaphorai der Alten Astrologen. S. 312–313. Вопрос нуждается в отдельном рассмотрении и аргументации.

⁷⁷ Как полагают Gossellin. Recherches. P. 56; Berger. Hipparch. S. 50–52.

⁷⁸ По данным Страбона, Карфаген лежал на широте $32^{\circ}28' \approx 32^{\circ}30'$, а Сиракузы – на $36^{\circ}49' \approx 36^{\circ}50'$ (II 1.38–39 C133–134 = F V 6 = F 48, 49; F V 9 = F 50; Berger. Hipparch, даёт $32^{\circ}28'$ и $36^{\circ}44'$; Gossellin. Recherches – $32^{\circ}25'$ или $32^{\circ}28'$ и $36^{\circ}34'$ соответственно). Птолемей приводит близкие значения: $32^{\circ}40'$ и 37° (III 4.4 Müller 399; Bunbury. History. Vol. I. P. 631 note 1; Vol. II. P. 561 note 5 о широте Карфагена).

⁷⁹ Это также предполагают Berger. Erdkunde. S. 594, 612; Szabó, Maula. Op. cit. P. 85–90; Bianchetti. Dall'astronomia. P. 146–147.

Т.В. Чумакова (Санкт-Петербург)

МЕДИЦИНА В СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

В древнерусской книжности в различные периоды отношение к человеческой телесности и интерес к ней не были постоянными. Наиболее интересными для анализа этой проблемы являются произведения XV–XVII вв.

Аскетический дискурс в принципе свободен от безотчетного неприятия телесности. В Древней Руси первые больницы при монастырях стали возникать еще в XI–XII вв. Излечением тела, как и души, на Руси занимались монахи, так в «Киево-Печерском патерике» сохранилось житие «Преподобного Агапита врача». Позже Иосиф Волоцкий заявлял, что «нестъ бо вреда въ врачевныхъ искусствохъ»¹.

Страшные эпидемии XIV–XVII вв. сделали необходимым поиск новых путей врачевания. В монастырях переводятся и составляются медицинские сборники. Древнейший из известных нам – это составленный в Кирилло-Белозерском монастыре трактат «Галиново на Ипократа», который представляет собой компиляцию из различных сочинений, приписываемых Галену. Следуя традициям школы Гиппократата, монастырские врачеватели видели свои задачи в том, чтобы лечить человека естественным путем (*physis*). В лечебниках врач так и называется – «естеству служитель», а «врачевство есть художество, мера здравствующих, исцелитель болящимъ».

Развитие медицины в допетровской Руси косвенно подтверждается тем, что в этот период появляются первые признаки развития медицинской терминологии. До нашего времени дошло множество названий болезней: «корчи» и «корчения» (тик, хорез), «прикорчения» (ангилозы и контрактуры), «трясновения», «падучая немощь» (эпилепсия), «кичание долу» (дрожательный паралич), «бешенство», «исступление ума» (различные формы психозов), «каркыня» (рак), «прокажение» (проказа), «дно» (все виды внутренних заболеваний, конкретнее – желчекаменная и почечная колики), «сухотная» (чахотка), «трясьце» (малярия), «вдуша» (астма), «усовь» (плеврит), «огневица» (тиф), «воспа» (натуральная и вет-

---

¹ Житие Иосифа Волоцкого // Казакова Н.А., Лурье Я.С. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV – начала XVI века М.-Л., 1955.

ряная оспа, корь, скарлатина), «водный труд» (водянка), «камчюга» (артриты, подагра, каменная болезнь), «свербежь» (чесотка)².

Однако отсутствие профессиональных врачей тормозило развитие русской медицины, и их место заняли западные специалисты. Их приезд в Россию не был явлением экстраординарным. В истории отечественной культуры значительную роль играли два основных течения. Это византийское культурное влияние, а также западное влияние, которое шло двумя основными путями: один путь преимущественно немецкого влияния шел через Новгород и Псков в города Ганзейского союза, другой – через юго-запад, со стороны Польши. К концу XV века, когда прекращаются традиционные контакты с попавшим под власть турок Константинополем и возникает конфликт с принявшей Флорентийскую унию греческой церковью, культурно-экономическое взаимодействие с Западной Европой усиливается. Это были не только торговые отношения, но и контакты в области просвещения. Благодаря территориальной близости наиболее тесные отношения с XV века устанавливаются у России с Германией. Первые достоверные сведения о приезде «немецких» (иностранных) врачей относятся к царствованию Ивана III, когда «некий немчин Антон приехал к великому князю»³.

«Врач» в средневековье, это человек хорошо образованный, знающий толк не только в медицине, но и в гуманитарных науках, а также в астрологии. Лечение больных в соответствии с расположением звезд составляло в те времена особую область медицины – ятрософию. Трактаты по ятрософии стали широко известны на Руси с XVI века. Человек в них понимался как существо, чье тело, сотканное из четырех стихий мира, причастно этому миру и живет в соответствии с его законами, и, следовательно, подчиняется движению звезд, Луны и Солнца. Преобладание той или иной стихии формирует определенный психосоматический тип, которому соответствуют не только определенный темперамент, физические способности, но и внешность и даже интеллект. Врач-ятрософ должен был быть специалистом не только в области медицины, но и в астрологии, физиогномике и прочих средневековых науках. Поэтому не случайно, что одним из первых врачей, оказавшихся в России стал уроженец Вестфалии, выпускник Кембриджа, Елисей Бомелий, автор астрологического сочинения *De utilitate astrologia*, в котором излагалась теория о пятисотлетних циклах в жизни государств. Он был выслан из Англии как черно-

² См. Михайлова И. Борьба со злыднями // Родина. № 3. 2000.

³ О приглашении иностранных медиков в Россию см. Новомбергский Н. Черты врачебной практики в Московской Руси. (Культурно-исторический очерк). СПб., 1904.

книжник и привезен в Москву послом Ивана Грозного Иваном Саниным. В Московии он не только врачевал царя, но и создавал яды для его противников. В царствование Грозного из Германии был приглашен персонал целой клиники: четверо врачей, аптекари, операторы, цирюльники и восемь подлекарей, но все они были задержаны в Риге и в Россию не попали.

Несмотря на плохую репутацию в России иностранных врачей как колдунов и отравителей, со времен Ивана III все русские князья и цари пользовались услугами врачей иностранцев (Я. Рейтенфельс, Дж. Флетчер, А. Олеарий и др.). Они приезжали на Русь по личному приглашению царя, были полностью в его подчинении (врачами, аптекарями и часовщиками ведал Аптекарский приказ); те, кто желал воспользоваться их услугами, обращались к царю с прошениями⁴. Привлекательность царской службы для иностранцев состояла в достаточно высоких условиях оплаты.

Так, в одном из царских указов говорилось, что «дохтуры приезжали и ныне приезжают из разных земель и сторон в московское государство по их великих государей опасным грамотам, со свидетельством учения и искусства, с листами цезаря римского и разных государств королей и курфистровъ и прочихъ великихъ государей, также и с листами техъ школь и академий ученыхъ людей, в которыхъ они учены; а аптекарей и лекарей потому же принимали ... свидетельства техъ людей, где и въ которыхъ странахъ они науку свою изучили ... А за ту их службу великие государи по своему государскому рассмотрению ихъ дохтуровъ и прочихъ иноземцевъ аптекарского чину жалуют большими годовыми окладами, именными кормами, и приказными дамами, и дворами, паче иных странъ»⁵.

Зарботки врачей-иностранцев были весьма значительны. Об их размерах нам известно не только из документов Аптекарского приказа, но и из записок иностранцев. Так, Адам Олеарий пишет, что лейб-медик царя Михаила Федоровича Гартман Граман помимо жалованья в 62 рубля, или 124 талера в месяц, получал также ежегодно 300 рублей, что составляло в целом 2088 талеров, а также пищевое довольствие в виде хлеба в зерне и в печеном виде, солоду, меду и других вещей для домашнего хозяйства. За различные манипуляции врач мог быть вознагражден деньгами, вещами, дорогими тканями или мехами⁶. Врачи могли быть не только кормовые, но и поместные. Пять врачей, прибыв-

⁴ См., напр.: Мулюкин А.С. Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII вв. СПб., 1909.

⁵ Флоринский В.М. Русские простонародные травники... С. 196.

⁶ Адам Олеарий. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. Введ., пер., прим. и указ. А.М. Ловягина, СПб., 1906.

ших в 1600 г. на службу к Борису Годунову, получили поместья от 30 до 40 крестьян. Артемий Дий при Михаиле Федоровиче был пожалован поместьем⁷. Медики получали четыре вида денежных пособий: вознаграждение за проезд, кормовое жалованье, денежный и поместный оклад⁸, пособие за крещение в православную веру, деньги на дворовое строение.

Дорога в Москву была долгой, и выписанным из-за границы докторам обычно вручали «опасную грамоту» для свободного проезда. Грамоты эти начинались полным титулом государя, содержали гарантии личной безопасности и выгоды путешествия, описание дороги, удостоверение о вольном проезде. Отправляя иностранного доктора к царю, воеводы Архангельска, Пскова, Новгорода или других пограничных городов, давали ему проводника и охрану. Так, в 1633 г. доктору Венделиусу дали 5 стрельцов и пристава Ивана Пустошкина⁹. Помимо грамоты доктора получали для проезда кормовые деньги: Доктора (Вендель Зибелист) – до 8 алтын и 2 деньги в день (не столь известные врачи получали обычно меньше – 5 алтын), аптекари – по 2 алтына в день¹⁰.

По прибытии в Москву, доктор удостоивался аудиенции у царя. На аудиенции царь жаловал его к руке, а затем думный дьяк обращался к доктору с речью подобного содержания:

«Великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Руси, самодержец и многим государствам государь и обладатель, велел тебе

⁷ Мулюкин А.С. Приезд иностранцев... С. 81.

⁸ Наибольшую плату получали доктора, так Зибелист в 1633 г. получил 2 бархата, атлас, 2 камки, 2 сукна лундыша, 40 соболей в 40 руб и 70 руб деньгами. Громан в 1639 г. – 1 бархат, атлас, 2 камки, 2 сукна лундыша, 40 соболей в 40 руб и 70 руб деньгами; Бильс в 1642 г. – бархат, камка, сукно лундыш, 50 соболей в 40 руб. и 40 руб. деньгами. Докторам, как и переводчикам и военным, выдавалось кормовое и питейное жалованье. Иногда кормовое жалованье выдавалось деньгами: так, Артемий Дий получал 72 руб. Аптекари получали меньше: Филипп Бриот – 11,5 алтын в день, алхимик – 5, лекарь – всего 3 алтына и 1 деньгу. Питейное жалованье (ежедневное) докторам выдавалось такое: 4 чарки вину, 4 кружки меду, половина или целое ведро пива. Аптекари и лекари могли и вовсе не получать питейного содержания. Аптекарю Рандольфу и окулисту Бруно в 1631 г. выдавали по 3 чарки вина и 2 кружки меда паточного и цеженого и четвертику пива Поместный оклад докторов составлял до 200 руб в год, но Зибелист и Артемий Дий получали по 250. См. Лаппо-Данилевский А.С. Иноземцы в России в царствование Михаила Федоровича // Журнал Министерства народного просвещения. 1885. Сентябрь. С. 66–106.

⁹ Лаппо-Данилевский А.С. Иноземцы в России... С. 86.

¹⁰ Там же. С. 87.

говорить: приехал ты к нам Великому государю служить докторством своим, чтобы жалованье наше получить. И мы; великий государь, тебя похваляем, что ты нашего царского жалованья получить желал. И ты бы нашему царскому величеству служил и на нашу царскую милость и жалованье был надежен; а мы, великий государь, начнем держать тебя в призрение и награждать нашим царским милостивым жалованием»¹¹

После чего сообщался размер жалованья и оглашался список подарков, которыми царь жаловал доктора, его семью и помощников. Затем иностранные врачи присягали на верность русскому царю, давая клятву:

«Яз имя рек. Целую сие святое евангелие великому государю царю и великой княгине Евдокие Лукьяновне и их царским детем ... На том, что мне государю служити и прямити и добра хотети во всемъ въ правду и до своей смерти безо всякия хитрости, а лиха мне ему государю своему царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Руссие и его царице, и их царским детем, не хотети ни какова не мыслити, ни думати ни которыми делы и ни которою хитростьюи въ естве и въ питье и в лекарствах во всяких и въ ином ни в чем лиха ни какова не учинити и не испортить ни которыми делы и ни которою хитростью и зелья лихова и коренья не давати и съ лихим ни с каким злам умышлениемъ и съ порчею къ ним государем ни приходити и въ своем лекарстве и въ составех и въ лечебных ни в чем никакого злаго зелья и коренья не примешати...»¹²

То, что врачи, приезжавшие в Россию, были из стран, где государственной религией являлись те или иные варианты протестантизма (Англия, Германия)¹³ не было случайностью. К протестантизму отношение было относительно лояльным. В отличие от обширной антикатолической, в Московской Руси XV–XVI вв. антилютеранская полемика («люторовой ересью» на Руси в середине XVI века называли все реформационные течения) не получила широкого распространения. Она касалась в основном внешней стороны религиозной жизни (иконописание, церковные службы). Это во многом было связано с внешнеполитической ситуацией, которая заставляла рассматривать католиков традиционно как врагов, а протестантов – как потенциальных союзников (чем отчасти объяснялся интерес Ивана Грозного к союзу с Англией). Из полемических сочинений второй половины XVI века до нас, помимо сочинений Артемия Троицкого, дошли труды Ивана Грозного и Андрея Курбского. Но все же отношение к лютеранам было не слишком радушное: еще в начале XVII века после общения с ними мыли руки (что в те времена было не слишком распространено). Так в материалах

¹¹ Цит. по Лалпо-Данилевский А.С. Иноземцы в России... С. 87-88.

¹² Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881. С. 85.

¹³ См.: Лалпо-Данилевский А.С. Иноземцы в России... С. 74.

Аптекарского приказа сохранились документы, рассказывающие о том, что русские ученики иностранных специалистов, получают жалованье отдельно от хозяина, «чтобы им от него не оскверниться»¹⁴. Но это не было большим препятствием к общению. Современники епископа Холмогорского Афанасия отмечали, что «его нетерпимость к иностранцам ограничивалась только сферами религиозной и бытовой жизни, не простираясь на его личное отношение к ним. Он не чуждался общения с иностранцами и обходился с ними «по пристойности политично», «со изрядным порядком»¹⁵.

Сложно было попасть на государеву службу и прижиться на Руси, но не менее сложно было покинуть русское государство¹⁶. Не всегда это удавалось с легкостью. В 1516 г. отпустить «Немчина» Фефила (Теофила) просил маркграф Альбрехт, но получил ответ, что «тот человек у нас лечить человека доброго, и намъ его ныне отпустить непригожь; а впредь, ажъ дастъ Богъ, Фефила к магистру отпустим»¹⁷. В 1522 г. с аналогичной просьбой отпустить в Стамбул врача Марка обращался султан Солиман. На что был получен ответ: «Марко приехал к государю нашему давно, да бил челом в службу... а ныне в Великом Новгороде болен бояринъ князь Алексей Володимирович, и государь послал его того боярина лечити»¹⁸.

Контакты России с другими странами в области естественных наук были возможны, поскольку медицинское и техническое знание было относительно свободно от влияния догматов, иначе в России конца XV века не мог бы оказаться человек, который служил новгородскому архиепископу как переводчик священных текстов, папе римскому Юлию II – как астролог, а русскому царю – как врач. Это был Николай Булев из Любека¹⁹.

Николай Булев родился в состоятельной семье Ганса Бюлова (Bulov), бюргера Любека. Он получил хорошее образование, а в 1483 г. защитил научную степень в Ростокском университете. Современники называли Булева «профессором медицины, астроло-

---

¹⁴ Материалы для истории медицины в России. Вып. 1. СПб., 1881. С. 57.

¹⁵ *Верюжский В.* Афанасий, архиепископ Холмогорский. Его жизнь и труды в связи с историей Холмогорской епархии за первые 20 лет ее существования и вообще русской церкви в конце XVII в. СПб., 1908. С. 673.

¹⁶ О правах иностранцев см. *Андреевский И.* О правах иностранцев в России до вступления Иоанна III Васильевича на престол великого княжества Московского. СПб., 1854.

¹⁷ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. LIII. С. 23.

¹⁸ *Мулюкин А.С.* Приезд иностранцев... С. 83.

¹⁹ О Николае Булеве (Бюлове или Луеве) см. *Буланин Д.М.* Николай Булев. Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 1. Л., 1988. С. 101-103.

гии и основательнейшем во всех науках». В период пребывания в Новгороде Булев занимался не только составлением пасхальных таблиц, но и переводами астрологических трудов. Их присылал из Германии другой любекчанин – Бартоломей Готан (B. Ghotan)²⁰. Возможно, именно так в Россию попал «Луцидарус», переработанный трактат *Imago Mundi* немецкого схоласта первой половины XII в. Гонория Отенского, куда были добавлены другие произведения, в частности апокриф *Elucidarium*. Эта своеобразная энциклопедия («Луцидарус» в переводе на русский – «Просветитель») представляет собой смесь аристотелевской физики с духовными поучениями. По способу организации и объему информации, он является типичной схоластической *Summa*, цель которой – обозреть всю картину мироздания. Разнообразие сведений, сообщаемых «Луцидарусом» сделало его популярным, исследователи прослеживают влияние памятника на труды русских авторов, в том числе и на формирование медицинских представлений.

Закончив составление пасхальных таблиц, Николай Булев покинул Новгород, и поступил в 1504 г. на службу к папе Юлию II (1503–1513), знатоку и покровителю астрологии. Во второй приезд Булева в Россию, он становится придворным врачом великого князя Василия Ивановича. Тогда же Булев, по заданию митрополита Даниила²¹, переводит с немецкого (нижнесаксонского) на русский язык первую медицинскую энциклопедию. Она стала на многие десятилетия (и даже столетия) учебником для практикующих врачей Древней Руси, известным как «Вертоград» или «Травник» 1534 г. Огромное число последующих «Вертоградов», «Травников» и «Лечебников» были списками с рукописи Булева. Перевод Булев делал с опубликованной в Любеке в 1499 г. книгопечатником Стефаном Арндсом (Steffan Arnds), в русском переводе он назван «Стефаном Андреевым сыном», книги *De genochlichke Gharde der suntheit* («Благопрохладный вертоград здоровья»). Объем перевода – 303 листа. Трактат предва-

²⁰ О Б. Готане см. *Арсеньев С.В. О любском типографшике Варфоломее Готане, бывшем в Москве в XV в. // Чтения в обществе истории и древностей российских. 1909. Кн. IV. С. 48–56; Raab H. Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums // Zeitschrift für Slavistik. Bd. III. H. 2–4. Berlin, 1958. S. 323–335.*

²¹ Митрополит Даниил был очень образован, сам переписывал и редактировал рукописи. Являлся заказчиком множества переводов. По мнению Змеева (*Змеев Л.Ф. Русские учебники. Исследования в области нашей учебной письменности. СПб., 1895. С. 34*), его деятельность «не была лишена соревновательности с западным духовенством». В своих посланиях (например, во «Втором послании Дионисию») он призывал всех, кто может исцелять, не отказывать в помощи больным.

ряется указателем, «по которому обрести можем врачества в травах и в каменьях». Затем следуют 20 бесед о травах (524 названия растений расположены в алфавитном порядке), и на 34-х листах беседы о «каменьях», также широко употреблявшихся в лечебных целях. Далее описывается лечение кровопусканием, сопровождающееся рассказом о кровеносных сосудах («жилах»): «36 жил во всем теле, когда из какой пущать». Помимо чрезвычайно важного для той эпохи рассказа о признаках заболевания чумой, в «Вертограде» большой раздел посвящен профессиональным заболеваниям, а также особо рассказывается о лечении «бражников» и состоятельных людей. Завершает «Вертоград» натурфилософское учение о четырех состояниях круга летнего, «ему же уподобися естество человеческое», которое оказало важное влияние на развитие антропологических представлений в России. В XVII в. переводится значительное число изданных в Европе медицинских учебников и трактатов: пособия по педиатрии, по акушерству, анатомические трактаты. Помимо перевода базельского издания учебника анатомии Везалия, сделанного Епифанием Славинецким, на русский было переведено сочинение немецкого анатома Иоганна Ремелина (*Joganaes Remelin*)²² *Catoptorum microcosmicum*.

В XVI в. переводится «Сказание о пропущении вод (дистилляции – Т.Ч.) из трав на врачевание людем, испытано мудрыми дохтуры, изложено по азбуце». Это лечебник Иеронима Браунгшвейского (XV в.), опубликованный в Страсбурге в 1537 г. Русский переводчик лечебника приспособил его к местным условиям, добавив замечания о заболеваниях «мореходьцев» и «корабельцев». Всего в нем 262 главы по числу растений, приводятся данные по их использованию и выращиванию. Оканчивается трактат «Сказанием, како каждая немочь именуется по дохтурски, и по немецки, и по русски, и по латыни». Словари, подобные этому «Сказанию» сыграли значительную роль в формировании русской естественнонаучной терминологии.

В XVI–XVII вв. на русский язык было переведено множество произведений, затрагивающих вопросы внутриутробного развития человека²³. В частности переводится схоластический трактат «Альберт Славный Таинств женских, еще о силах трав, камней, зверей, птиц и рыб»²⁴, близкий к распространенным в эту эпоху

---

²² Иоганн Ремелин родился в Ульме в 1583 г., учился в Тюбингене. В 1607 г. защитил докторскую диссертацию в Базеле, после чего работал «физиком» (санитарным врачом) в Ульме. В 1632 г. умер от сыпного тифа.

²³ См. Змеев Л.Ф. Русские врачевники...

²⁴ О трактате см. Колосов М.А. Альбертус – книга преудивительная та-

псевдоаристотелевским сочинениям²⁵, вроде *Problemata Aristoteles*, известного в России в переделке польского автора Андрея из Кобылина (1535 г.)²⁶. То, что это произведение приписывалось Альберту Великому (Альберту фон Больштедт) (1200–1280) не удивительно. Этот богослов (он получил прозвание *Doctor Universalis*), «охристианивший» Аристотеля²⁷, считался в те времена автором множества подобных сочинений, знакомивших европейцев часто с наследием не только античной и эллинистической, но и восточной медицины²⁸.

Несомненно, в России западноевропейские книги были известны не только в переводах, но и в оригиналах. Документально этот факт подтвердить сложно²⁹, но известно, что русские книжники уже с конца XV в. получали книги на языках оригиналов с Запада, и анализ возможного состава русских книжных собраний и библиотек, собранных уже в конце XVII в. также подтверждает этот факт³⁰.

инств женских // Труды акушерско-гинекологического общества при 1-м МГУ. 1926. Вып. XXXI. С. 326.

²⁵ К псевдоаристотелевским сочинениям относят сочинения, приписываемые традицией Аристотелю, но на самом деле созданные в Средние века, когда множество произведений анонимных авторов приписывались какому-нибудь известному философу, богослову или святому. Особенно хорошо известны сочинения Псевдо-Дионисия Ареопагита, Псевдо-Беды, а также множество сочинений, атрибутируемых в Средневековье Альберту Великому.

²⁶ *Andrzeja Z. Kobylina. Gadki o skladnosci czlonkow czlowieczych.* Krakow, 1893.

²⁷ Об Альберте Великом и аристотелевских рецепциях см. *Albertus Magnus // The Encyclopedia of Religion / Ed.-in-chief. M. Eliade. Vol. 1. N.Y., 1993. P. 180–182.*

²⁸ См., например, *Kibre P. Alchemical Writings Ascribed to Albertus Magnus // Speculum. 17. 1942. P. 499–518; его же. An Alchemical Tract Attributed to Albertus Magnus // Isis. 35. 1944. P. 303–316.*

²⁹ Дело в том, что переводы книг светского характера производились русскими переводчиками обычно не по их личной инициативе, а по заказу. Поэтому списки переводов могли им не принадлежать. Да и некоторые лица духовного звания сами владели языками.

³⁰ См.: Библиотека А.А. Матвеева (1666–1728). Каталог. М., 1985; Библиотека Ивана Грозного. Реконструкция и библиографическое описание / Сост. Н.Н. Зарубин; подг. к печати А.А. Амосова под ред. С.О. Шмидта. Л., 1982; *Боннер А.Г. Бесценные сокровища.* Иркутск, 1979. С. 75–76; *Викторов А.Я. Библиотека и историческая деятельность Московской Синодальной типографии.* М., 1859; *Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук.* М.-Л., 1956. Вып. 1. С. 429–431; *Оглоблин Н.Н. Библиотека сибирского митрополита Игнатия, 1700 г. // Библиограф. 1892. № 8/9. Отд. 1. С. 286–291; Слухов-*

Этот процесс значительно усилился в XVII в. Так, из переписки Дмитрия Ростовского (1651–1709) с поставщиком книг купцом Исаакием Вандербургом (Isaacio Vanderburg), который ввозил свой товар в Россию через Архангельск, известно, что для составления «Келейного летописца» среди прочих книг, Дмитрий Ростовский заказывал книги Фрэнсиса Бэкона («Franc. Baconis de Verulamio»³¹).

Переводы делали также и иностранцы, жившие в России. До нашего времени дошли диетические предписания, переведенные с латыни Самуилом Коллинсом для царя Алексея Михайловича:

«Свинина повреждает. Пользуетъ мясо говьяжье свежее, естли вареное, чтобъ без чесноку и соли множества, а когда жарить, прежде да покропится солю. Но лучшаго сока естъ мясо баранье и агнчее. Так же здорово естъ рябчики, курятка, молодые журавлики, утки дики, тетеревы, перепелки, молодые тетеревки и лебедки». Научно обосновывалось время и продолжительность сна: ...сонъ полуполуденный умеренный или ни единь, а и ночью опочивать чтобъ не больше семи часовъ»³².

С конца XVI века появилась потребность в подготовке собственных специалистов (детей иностранцев, служивших царю), но неоднократные отправки студентов в Западную Европу особыми успехами не увенчались. Например, Адам Олеарий упоминает о сыне переводчика Ганса Гельмеса, которого отправили на учебу за границу в 20-х годах XVI века, но получив докторскую степень в Оксфорде, молодой человек в Россию не вернулся. Сохранились также сведения о том, что «отпущень въ Цысарскую землю для подлинного дохтурского ученья Артмана Грамона племянник Михель... Мы Великий Государь указали дохтура Артмонову племяннику Михелю изъ Цысарской земли быть къ Москве»³³. Но «Артмонов племянник» Михель так и не вернулся.

Не всегда устраивал уровень вернувшихся с учебы молодых специалистов: так, отправленный «по челобитью доктур Фалетнина Петрова Билса» «въ Галанскую землю» его сын Валентин (Фалентинь), хотя и «выучился розным языкомъ и грамоте и доктурству достаточно... и приехал онъ ко Государю доктурствомъ своимъ служить на вечную службу»³⁴, однако не сразу сумелполучить приличную должность, так как не смог достойным образом

ский М.И. Библиотечное дело в России до XVIII в. М., 1968; Янковская Л.А. Библиотека Дмитрия Ростовского. Автореф. дисс. докт. филолог. наук. М., 1994.

³¹ Шляпкин И.Ф. Святой Дмитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.

³² Материалы для истории медицины в России. Т. 3. СПб., 1884. С. 787.

³³ Там же. С. 794–795.

³⁴ Материалы... Т. 1. СПб., 1881. С. 69–70.

сдать экзамен. А поскольку на подготовку сына Валентина Бильса в Лейдене было потрачено более 1000 рублей³⁵, более выгодным оказался экспорт уже готовых специалистов или подготовка части специалистов в России.

В 1675 г. в Аптекарском приказе на службе состояло уже 19 учеников из русских, это были алхимики, костоправы, рудометы, лекари чепучинного, гортанного, и зубного дела³⁶. Экзаменовали претендентов на докторские должности на основании царского указа и приказа «боярина князя», возглавлявшего Аптекарский приказ. Так, 28 июня 1631 г. «дохтурь Артемий аптекаря Филиппа Бритье допрашивал и он сказал, что онъ аптекаръ полный и вместо лекаря научен». Филиппу Бритье было задано 23 вопроса об аптекарском, и 22 вопроса о «лекарском» деле³⁷.

Лекарь должен был врачевать «всякия раны, удары и всякия раны гнилыя, и костяной переломъ, и составы вправливать, всякия вереды и чирьи, и все измятыя места, и все что к тому делу доведется». Он должен был знать названия всех необходимых инструментов: «бритвы, ножницы, клящи, ножик чемъ анны разрезають, щипцы чемъ на ранах ошупываютъ, железо с крюкомъ чемъ кость подымають, щурпъ чемъ уста разщурпываютъ, лопаточки, буравцомъ кость из горла вывертываютъ, игла, чемъ раны зашиваютъ». Должен был уметь производить разрезы, заживлять раны после хирургического вмешательства, и конечно же знать классификацию кровеносных сосудов (различие между артериями и венами). А «аптекарю надобно знать и ведать всякия травы, и цветы, и коренья, и гуммы всякия, и по дохтурскому приказу лекарство всякое составы составлять про здоровье всяких людей». Кроме того, аптекаръ должен был уметь «водок из надобных трав и из цветов перепускать и варить, и порошки всякия делать, и из коренья всякия силы и остракты делать», а также знать «как духи добываютъ и перепускають»³⁸.

Доктора занимали высшую ступеньку в медицинской иерархии, за ними следовали лекари (хирурги), аптекари (им подчинялся низший персонал: алхимики, дистилляторы, аптекарские ученики и травники), затем шли окулисты, цирульники («барберы»), рудометы (кровопускатели), костоправы и подлекари³⁹. Различие в статусе выражалось не только в размерах оплаты труда, но и в занятости. Доктора преимущественно находились дома и на во-

³⁵ Цветаев Дм. Протестантство и протестанты в России до эпохи преобразований. М., 1890. С. 728.

³⁶ Там же.

³⁷ Флоринский В.М. Русские простонародные травники... С. 202.

³⁸ Там же. С. 205–207.

³⁹ См., например, Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань, 1891.

прос, что они делают дома, торжественно отвечали, что заботятся о здоровье царя и ради сего постоянно читают книги⁴⁰. Аптекари весь день проводили в аптеке за приготовлением лекарств. Огромная работа ложилась на плечи лекарей (хирургов), так в 1661 г. русские лекари были вынуждены обратиться к царю с челобитной, жалуясь на обилие работы и в походах, и в Москве, а также на маленький заработок, утверждая, что «им, лекарем иноземцомъ, твое государево годовое жалованье, и корм идет большой; а мы, холопи твои, людюшки бедные, твоего государева жалованья и корму идетъ на день только по десяти денег»⁴¹.

Необходимым спутником врачей всегда были лекарства. Среди популярных еще в Древней Руси лекарств значились прежде всего травы и драгоценные камни⁴². Свидетельства об их удивительных свойствах можно обнаружить в самых ранних древнерусских рукописях. Доверял силе драгоценных камней и царь Иван Грозный. Джером Горсей приводит рассказ царя о таинственной силе камней:

«Вот прекрасный коралл и прекрасная бирюза, которые вы видите, возьмите их в руку, их природный цвет ярок; а теперь положите их на мою руку. Я отравлен болезнью, вы видите, они показывают свое свойство изменением цвета из чистого в тусклый, они предсказывают мою смерть»... Затем он указал на рубин. «О! Этот наиболее пригоден для сердца, мозга, силы и памяти человека, очищает сгущенную и испорченную кровь». Затем он указал на изумруд. «Этот произошел от радуги; он враг нечистоты. Испытайте его; если мужчина и женщина соеди-

---

⁴⁰ Яков Рейтенфельс. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 54.

⁴¹ Цветаев Дм. Протестантство и протестанты в России... С. 728.

⁴² Впрочем, иностранцы с удивлением отмечали, что русские обычно и вовсе не пользуются лекарствами. Маржерет писал: «Среди них много людей пожилых, 80-, 100- либо 120-летних. Только в этом возрасте они подвержены болезням. Они не знают, что такое врач, разве только император и некоторые главные вельможи. Они даже считают нечистым многое из того, что используется в медицине, среди прочего неохотно принимают пилюли; что касается промывательных средств, то они их ненавидят, как и мускус, цибет и тому подобное. Но если простолюдины заболевают, они берут обычно водки на хороший глоток и засыпают туда заряд аркебузного пороха или же головку толченого чеснока, размешивают это, выпивают и тотчас идут в парильню, столь жаркую, что почти невозможно вытерпеть, и остаются там, пока не попотеют час или два, и так поступают при всякой болезни» (Россия начала XVII в. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 38), а Флетчер замечал: «Такая пища могла бы произвести в них разные болезни, но они ходят два или три раза в неделю в баню, которая служит им вместо всяких лекарств именно» (Дж. Флетчер. О государстве русском. М., 2002. С. 53).

нены вождением, то он растрескается. Я особенно люблю сапфир, он сохраняет и усиливает мужество, веселит сердце, приятен всем жизненным чувствам, полезен в высшей степени для глаз, очищает их, удаляет приливы крови к ним, укрепляет мускулы и нервы»⁴³.

Особо ценился рог единорога (носорога). Считалось, что он не только «служит верным средством от чумы, оспы, кровавого поноса»⁴⁴, но и позволяет определить наличие яда, поэтому им пользовались ежедневно⁴⁵, и стоимость его была так велика, что этот рог считался настоящим сокровищем⁴⁶. Первая аптека в Москве возникла лишь в 1581 г. Эта аптека обслуживала только царский двор, а доступная всем «новая» аптека была построена в 1672 г. Обустройством первой аптеки занимался приехавший вместе с доктором Робертом Якоби аптекарь Джеймс Френшам (Яков Астафьев). Аптека была создана в помещении Чудова монастыря. Как и должно царской аптеке, она была красиво убрана: стены и потолки были покрыты росписями, а потолок и двери обиты дорогим сукном; пол покрыт коврами, а окна блистали разноцветными стеклами, фляжки в этой аптеке были из хрусталя с позолотой. Украшенная часами, чучелами, глобусом и другими заморскими диковинами, аптека вполне могла считаться настоящей кунсткамерой.

Лекарства поступали из собственных огородов, а также из российских земель и, конечно же, из-за границы. Среди лекарственных средств, привезенных в Россию из Англии аптекарем Френчем в 1602 г. значились: опий, камфора, шпанская муха, морской лук, сабур, александрийский лист, манна, ирь, серные цветы, кубеба, диагридий, *gummi Benzoe*, *gummi Tragacanthae*, *Asa foetida*, *Borax*, цыгварное семя, калган и проч. Кроме того, он привез сироп лимонный, засахаренные померанцевые и лимонные корки⁴⁷.

Среди лекарств того времени значились и яды, в частности ртуть и мышьяк, которые часто использовали при лечении кожных и венерических заболеваний. И не удивительно, что нередко лечение заканчивалось для пациента печально⁴⁸. Впрочем, часто врачи бы-

⁴³ Джером Горсей. Записки о России. XVI – начало XVI в. М., 1990. С. 43.

⁴⁴ Загоскин Н.П. Врачи и врачебное дело в старинной России. С. 43.

⁴⁵ Джером Горсей. Записки о России... Записки капитана Маржерета...

⁴⁶ Николаас Витсен упоминает рог единорога среди подарков, преподнесенных голландским посольством царю Алексею Михайловичу. См. Николаас Витсен. Путешествие в Московию. СПб., 1996, а Яков Рейтенфельс и Джером Горсей упоминают его среди предметов царского облачения (посох из рога единорога).

⁴⁷ Флоринский В.М. Русские престоноардные травники... С. V.

⁴⁸ При эксгумации царских останков, хранившихся в Архангельском соборе Московского Кремля, и останков цариц, попавших туда в 1929 г. по-

ли в этом вовсе не виноваты, поскольку осмотр венценосных особ был затруднен, особенно в случаях, когда речь шла о женщинах.

Яков Рейтенфельс вспоминал: «когда им приходится лечить царицу или кого-либо из царских дочерей, то им не позволяют осматривать больную, но они обязаны на основании показания некоей старухи или приближенной какой-либо служанки определить болезнь и назначить лекарство. Мало того, им не позволено прибегать к разнообразным лекарствам вообще, даже в случае, если они необходимы. Для того чтобы все это точнее соблюдалось, учреждено в Москве врачебное судилище, или приказ, в котором председательствовал последнее время Лукиан Тимофеевич Колосов, единственный из уроженцев Москвы, хорошо знающий по-латыни, тогда как в другое время в нем обыкновенно председательствовали бояре, ближайшие родственники царя, ради полной безопасности и почета»⁴⁹.

И тут достаточно вспомнить историю царицы Ирины, жены царя Федора Иоанновича, для лечения которой из Англии приехали личный лейб-медик королевы Елизаветы и акушерка, которая должна была работать под его руководством⁵⁰. Ни Якоби, ни английская акушерка до царицы допущены не были.

К концу XVII века профессиональная медицина уже перестает быть прерогативой царского окружения. В документах находят многочисленные упоминания о военных врачах (прежде всего хирургах), а также о частных врачах: известно, что такие врачи были в «дальних имениях» Строгановых. В 1675 г. в Вологду для устройства аптеки был отправлен аптекарь Петр Понтан. А в 1682 г. по указу Федора Алексеевича было решено построить в Москве две «шпитальни» в Знаменском монастыре за Никитскими воротами, но исполнению замысла помешала смерть царя.

Как видно из этого краткого обзора, развитие российской медицины в XVIII–XIX вв. было обусловлено не только петровскими преобразованиями, но и всем предшествующим развитием отечественной медицины, вобравшей в себя как опыт монастырской и народной медицины, так и западноевропейскую ученость.

сле разрушения некрополя собора Вознесения Богородицы, было обнаружено значительное превышение содержания ртути и мышьяка. См., например: Герасимов М.М. Документальный портрет Ивана Грозного // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. М., 1965. Т. 100. С. 140; Корецкий В.И. Смерть Грозного царя // Вопросы истории. 1979. № 9. С. 96–97.

⁴⁹ Яков Рейтенфельс. Сказание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии // Утверждение династии. М., 1997. С. 17.

⁵⁰ См. Толстой Ю.В. Первые сорок лет сношений между Россией и Англией. 1553–1593. СПб., 1875. С. 250.

Л.И. Осипьянц

ПРИНЦИПЫ И ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОВЫХ ВИГОВ НА РУБЕЖЕ XVIII И XIX вв.

Одним из наиболее ярких проявлений свободы мысли и слова в Европе Нового времени стали воззрения основоположника нового вигизма Чарльза Джеймса Фокса (24.01.1749, Лондон — 13.09.1806 Чисвик, Девон), знаменитого защитника свобод, первого министра иностранных дел Британии, постоянного противника Георга III¹, а также их восприятие, переосмысление и воплощение группировкой его последователей или «фокситов», как по-иному называют новых вигов. Последователи Фокса сформировали весьма своеобразную для своего времени и достаточно стойкую политическую культуру, которая предвосхитила идеи либерально-го движения XIX века.

Не секрет, что существует множество различных пониманий термина «политическая культура». Чтобы внести ясность оговоримся, что для автора настоящей статьи при обращении к изучению политической культуры нового вигизма наиболее правомерным методом видится не политологический анализ, а синтез культурно-антропологического и социологического подходов. Поэтому под политической культурой будет пониматься система межличностных отношений на социальном и эмоциональном уровнях², в рамках определенной политической субкультуры (или связанных субкультур), строящаяся по субъективному принципу и являющаяся совокупностью индивидуальных и корпоративных позиций и ориентаций участников данной системы.

Один из наиболее авторитетных разработчиков методологии политической культуры, Габриэль Алмонд выделяет в качестве

---

¹ Карьера Фокса, на первый взгляд, состояла из череды неудач: он постоянно находился в оппозиции и, по сути, пребывал в Кабинете в общей сложности менее года.

² *Ingham J.M. Psychological anthropology reconsidered. N.Y.: Cambridge university press, 1996. P. 4-5.*

одной из базовых составляющих понятия «политическая культура» «аффективную ориентацию», т.е. ощущение связи, вовлеченности, противодействия³. В рассмотрении политической культуры нового виггизма этот аспект представляется чрезвычайно важным, поскольку для сторонников Фокса решающее значение имело ощущение общности их целей и идеалов, единства в противодействии общим врагам. С точки зрения субкультуры – это общность ценностей, единство картины мира, единообразие стиля и образа жизни, вплоть до отождествления личных интересов с общественными и наоборот.

Стиль и образ жизни, социальные роли и статусы, тесные корпоративные связи, сложившиеся внутри группы фокситов, заслуживают особого внимания. Стиль жизни понимается как социально-психологическая категория, выражающая определенный тип поведения людей. Это понятие позволяет сконцентрировать внимание на субъективной стороне человеческой деятельности, мотивах, формах поступков, повседневного поведения индивида, семьи, других социальных групп. Образ жизни, соответственно, охватывает совокупность типичных проявлений и условий жизнедеятельности индивида, социальной группы, общества в целом. Эта категория дает возможность комплексно, во взаимосвязи рассматривать основные сферы жизнедеятельности людей: их быт, общественную деятельность и культуру, выявлять причины их поведения, обусловленного укладом, уровнем и качеством жизни. Образ жизни индивида в культуре (в том числе, и в политической) и субкультуре предполагает набор ролей, выполняемых им в разных обстоятельствах⁴. Политическая культура фокситов характеризуется совокупностью политических и иных ориентаций, присущих этой группе; по Гирцу – это комплекс смыслов и значений образа жизни определенной группы людей. Выявление соотношения корпоративных и личных интересов внутри группировки фокситов, роли социальных связей является одним из ключевых моментов в анализе их политической культуры.

Детская социализация и образование являются одними из основных черт политической культуры, формирующих ее содержание. Дух дружбы и сотрудничества зародился у будущих членов группировки задолго до 1790-х годов. Лесли Митчелл отмечает

---

³ Цит. по: Политическое сознание и политическая культура польского общества 80-х годов: Науч.-аналитический обзор. М., 1991. С. 4.

⁴ См.: *Слюсаревский Н.Н.* Субкультура как объект исследования // Социология: теория, методы, маркетинг. 2002. № 3. С. 117-127.

значение школьных, а затем и университетских связей фокситов⁵. Действительно, в тесных и замкнутых социальных рамках общества XVIII века такие связи играли важную роль.

Дружба между фокситами подкреплялась отчасти и ощущением своего отличия от поколения их родителей. Впоследствии, шотландский виг написал об этом времени:

«Взрослые люди в то время говорили только о Французской революции и ее предполагаемых последствиях; а высокообразованная молодежь была увлечена химией и политической экономией... Однако эта пища молодого либерала несомненно смаковалась и желудками старших. Все это вело к пробуждению интеллекта и давало начало захватывающим исследованиям, то есть к тому, что считалось опасным теми людьми, чей разум сформировался немного ранее»⁶.

На роль лидера молодых людей идеально подходил Чарльз Джеймс Фокс. Юные многообещающие политики открыто приглашались вступить в круг Фокса. В ответ на почти раболепное почтение со стороны младших союзников Фокс очень серьезно относился к высказываемым ими взглядам. Он не стал вмешиваться и в формирование группы Друзей народа в 1792 г. (движения сторонников парламентской реформы и расширения избирательных прав) на основании того, что, как он сам признался, «не любит обескураживать молодежь»⁷.

Иногда Фокса даже обвиняли в том, что он направляет младшее поколение против политической системы, выстроенной их отцами. В 1790-х фокситы особенно гордились своими передовыми взглядами. Потерпев поражение при попытке продвинуть в 1792 г. петицию в поддержку экстренных мер Питта, Сэмюэль Уитбред-старший столкнулся с сопротивлением собственного сына и записал в дневнике: «Мой сын *очень* сильно завязан с Фоксом и Компанией»⁸.

Томас Пейн в «Правах человека» заметил: «Кто были те, к кому обращался м-р Бёрк? Группа ребячливых мыслителей и полуполитиков, родившихся в прошлом столетии, люди, чьи принци-

---

⁵ Mitchell L.G. Charles James Fox and the Disintegration of the Whig Party. Oxford, 1971. P. 251-252. Cp. Austen-Leigh R.A. The Eton College Register 1753-1790.

⁶ Cockburn, Henry. Lord Cockburn, Memorials of His Time. Edinburgh, 1856. P. 40-41.

⁷ Grey C. Some Account of the Life and Opinions of Charles, Second Earl Grey. 1861. P. 11.

⁸ Fulford, Roger Thomas Baldwin. Samuel Whitbread, 1764-1815: a study in opposition. London: Macmillan, 1967. P. 67.

пы не распространялись далее установленных партией целей»⁹. Однако такая точка зрения неверна: сторонники Фокса вовсе не стремились оставаться в рамках партийных догм. Общепризнанный партийный идеолог Эдмунд Бёрк не раз жаловался на то, что он, «Нестор» партии вигов, не удостоивается того уважения и внимания, которое ему позволяли его заслуги. Внутривнутрипартийные отношения осложнились после Французской революции, когда часть вигов поддержала Питта¹⁰. В мае 1791 г. Бёрк объявил в парламенте о разрыве. «Конечно, в любое время, а особенно в моем возрасте, – говорил Бёрк, – неосторожно давать друзьям повод тебя покинуть, но все же долг перед обществом и благоразумие заставляют меня сказать последнее слово: бегите прочь от Французской революции!». На глазах у Фокса выступили слезы. Прерывающимся от волнения голосом он произнес: «Но ведь это не конец дружбы?!». Бёрк ответил твердо, словно отрезал: «Мне жаль, но это так! Я выполняю долг ценой потери друга»¹¹.

В 1804 г. Томас Криви ответил на предложение Питта войти в кабинет: «Я сказал им, что сохраню им много времени и оберегу от беспокойств, если сразу заявлю, что мое политическое кредо очень просто и ограничено – это «Преданность Фоксу»»¹². Таким образом, новое поколение вигов было предано в первую очередь не «партийным целям», а непосредственно Фоксу.

Для фоксита образца 1794 года было необходимо следовать убеждениям Фокса: принимать и поддерживать Французскую революцию, требовать эмансипации католиков и отвергать насилие в любых формах его проявления, стремиться к дальнейшему продвижению комплекса реформ 1770-х и 80-х гг., от которых отвернулось большинство современников¹³.

⁹ Paine T. *The Rights of Man*. L., 1966. P. 144.

¹⁰ По этой проблеме см: O'Gorman F. *The Whig Party and the French Revolution*. L.: Macmillan, 1967; Morris M. *The British Monarchy and the French Revolution*. New Haven; L.: Yale Univ. Press, 1998; Cookson J.E. *The Friends of Peace: Anti-war Liberalism in England, 1793-1815*. Cambridge: Univ. Press, 1982; Brown Ph.A. *The French Revolution in English History*. L.: Frank Cass & Co. Ltd., 1965.

¹¹ *The Parliamentary History of England from the Earliest Period to the Year 1803*. L. 1817. Vol. 29. Col. 387-388. (Перевод А.В. Чудинова).

¹² T. Creevy to Dr. Currie, 21 Jan. 1804 // *The Creevy Papers*, 1903. V. I. P. 22.

¹³ Например, реформы Рокингема 1782 года, основанные на «экономических» идеалах Эдмунда Бёрка, включавшие в себя снижение административных расходов и устранение синекуры, а также парламентская реформа, избирательная и пр.

Таким образом, само возникновение нового вигизма было подготовлено, с одной стороны, центробежным процессом в эволюции вигов – распадом партии на группировки, а с другой – слиянием большинства с партией власти и выделением сторонников Фокса, явивших собой наиболее слабую оппозицию за всю историю Великобритании Нового и Новейшего времени.

Несомненно, роль и значение Фокса в партии в значительной мере определялись его постоянно активной общественной жизнью, которую бичевала питтовская пресса. Его племянник, лорд Холланд вспоминал впоследствии, «как сильно мощь и единение партий зависели от частных обедов, ужинов в тавернах, попок и, возможно, невоздержанности в целом»¹⁴. Такова была традиция, которую Холланд-Хаус – фамильный дворец Фокса в Лондоне – унаследовал и приумножил. В 1780-х гг., до того, как влияние Элизабет Бриджет Кейн, известной также как миссис Армистед (одной из известнейших куртизанок того времени, с 1783 г. любовницы, а с 1795 г. – тайной жены Фокса) позволило ему уединение в поместье Сент Эннз Хиллз, Фокс являлся безоговорочным лидером пирушек. В это время молодые люди, попадая в парламент, видели в Фоксе не только великолепного оратора, отстаивающего передовые идеи, но также и одного из самых замечательных гастрономов и застольных собеседников своего времени.

Центром «двора» Чарльза Джеймса Фокса был Клуб Брукс. Этот клуб, находившийся на улице Сэнт-Джеймс, в доме № 60, был основан в 1778 г. и наряду с клубом Уайта¹⁵ являлся самым эксклюзивным заведением для джентльменов, основными занятиями в котором были игры, сплетни и прием пищи в щегольских туалетах. К 1799 г. число его членов ограничивалось 450-ю, с годовым членским взносом в десять гиней и пятью гинейми за вход. Брукс являлся клубом сторонников партии вигов, в нем часто бывал принц Уэльский¹⁶.

По крайней мере, 39 членов парламента, голосовавших с Фоксом в 1792 г., были членами Брукса, а 15 из них были продвинуты в парламент либо самим Фоксом, либо двумя его ближай-

---

¹⁴ Fulford R. Th. B. Samuel Whitbread... P. 149.

¹⁵ Старейший лондонский клуб торийской направленности, находился через дорогу напротив Брукса

¹⁶ Изначально клуб содержал Макколл, основатель Альмака – игрового клуба, в котором молодой Фокс спускал тысячи фунтов за ночь. Затем владельцем клуба стал Брукс (Brooks), давший ему свое имя.

шими друзьями – Фицпатриком и Кроуфордом¹⁷. После создания коалиции с лордом Нортон, сторонники последнего также попали в Брукс и нашли его весьма увлекательным. Лорд Пальмерстон признался своей жене, что он «провел там много времени, обнаружив, что Брукс удивительно приятен, и отужинал несколько раз с Фоксом и Хэа, Фицпатриком Шериданом и лордом Нортон...»¹⁸. Несомненно, Фокс был центром всеобщего внимания. Даже в феврале 1792 г., когда приглашение на обед с Фоксом могло скомпрометировать политика, Пальмерстон отказал сэру Филиппу Фрэнсису в свидании, поскольку «был приглашен на более интересную встречу с Фоксом в клуб».

Зачастую, общественное значение Фокса было даже выше, чем политическое. В мае 1782 г. Джеймс Хэа, несмотря на то, что был удовлетворен возвращением Рокингэма в кабинет, жаловался Фицпатрику на то, что «это шок – одновременно потерять Чарльза и Вас, и видеть, как все наши друзья превращаются в людей бизнеса, в то время как я единственный остаюсь безнадежным весельчаком из нашей компании...», и на то, что Фокс «редко появляется там [в Бруксе] дольше, чем на полчаса, [и только] если хочет с кем-нибудь поговорить, и никогда не обедает там после заседания парламента, так что некоторые из этих северных джентри [шотландцев – П.О.], которые оплатили четырехпятiletнее членство, вероятно, вложили свои деньги не так удачно, как они на это рассчитывали»¹⁹. Впрочем, хотя пребывание Фокса в кабинете и было кратковременным, даже в этот период свидетельств того, что он отказывался от своих «общественных обязательств» невелико. Его лошади удачно выступали на бегах в Ньюмаркете²⁰, и даже столик для игры в Фараон в Бруксе не был им заброшен²¹.

Общественная жизнь Лондона имела свои параллели и в провинции. Главами клуба Оукли Хант (Oakley Hunt) в Бедфордшире был герцог Бедфорд, Уитбред и Энтони, а в число его чле-

¹⁷ Джон Кроуфорд (1742?-1814) – член парламента от Старого Сарума (1768-74), Ренфрю (1774-80), Глазго (1780-4, 02-06 1790), очень близкий друг Фокса со времен Итона, голосовал неустойчиво, но поддерживал Фокса до начала революции во Франции.

¹⁸ Mitchell L.G. Op. cit. P. 255.

¹⁹ Ibid. P. 256.

²⁰ Newmarket – город в Форест Хис, графство Саффолк. Место нахождения Клуба Жокеев и знаменитого ипподрома, на котором бега проводились со времен Якова I. Знаменит школой дрессуры лошадей.

²¹ Morning Herald, 12 Apr. 1782.

нов входили Фицпатрик и Сент Джон²². Кроме того, политическое значение приобрела привязанность вигов к скачкам. Появление множества вигских аристократов в Донкастере или Йорке должны были продемонстрировать влияние Фицвильяма и Кавендиша в этих местностях. Электорат Шеридана в Стаффорде, как сообщала пресса, подвергся массовой «PR-акции», когда перед выборами их навели высокопоставленные особы: «Герцогини Девонширская и Портлендская, достопочтенный м-р Фокс, лорд Саррей, полковник Фицпатрик и многие другие, которые окажут честь сопровождать мистера и миссис Шеридан»²³. Для «предвыборной кампании» члена нижней палаты поддержка таких значимых фигур имела большое значение. Включение сторонников Норта в партию вигов после 1783 г. в этом отношении прошло вполне гладко. Осенью 1784 г. Пальмерстон неизбежно оказался в Ньюмаркете и так описал происходящее жене: «Мы присутствовали на множестве заездов, они начались в 12 и закончились в четыре. Принц был там и затем обедал в клубе (который похож на Брукс), а вечером увлеченно играл в вист...»²⁴.

Поражает уровень близости, достигнутый внутри круга общения, сформировавшегося вокруг Фокса. Довольно обыденными были обмена каретами, любовницами, домами. Так, например, жена Фокса в 1780-84 гг. являлась любовницей принца Уэльского, а до этого – лорда Джорджа Кавендиша, брата герцога Девонширского²⁵. В мае 1782 г. Фокс писал Джону Бергойну, воспользовавшись его назначением командующим в Ирландию: «Понимая, что Ваш дом не занят, и нуждаясь в нем сейчас, я собираюсь пожить у Вас до тех пор, пока мне не попадет тот, который был бы мне по душе. Если Вы вернетесь (а я надеюсь, что так и будет) вы сможете пожить у меня»²⁶. Подобная манера поведения была вполне нормальной: в свою очередь, Бергойн предпочел умереть в Сент Эннз Хиллз, поместье Фокса²⁷.

С точки зрения сторонников Питта, общественная деятельность Фокса несомненно носила скандальный характер. Автор памфлета 1789 года настаивал на том, что «за столиком для карточных игр нет места ни единой добродетели; и я бы не хотел уз-

²² Fulford R. Th. B. Samuel Whitbread... P. 83-4.

²³ Morning Chronicle, 26 Oct. 1784.

²⁴ Mitchell L. G. Op. cit. P. 257.

²⁵ http://www.georgianindex.net/mistresses/prinny_mistresses.html#TOP

²⁶ Fox to J. Burgoyne. May 1783 // Life and Correspondence of the Rt. Hon. John Burgoyne. L., 1876. P. 429.

²⁷ Mitchell L. G. Op. cit. P. 255.

нать, сколько его [Фокса – П.О.] времени, средств и чести было потрачено там»²⁸. В этой интерпретации Фокс был «одним из самых значительных примеров интеллектуальной перверсии...»²⁹. Правомерность такого замечания признавалась многими современниками, однако оно отражало лишь одну сторону вопроса.

В действительности, лидерство Фокса в общественной жизни вигов реально поддерживало его политические позиции в партии. Некрологи многих из 55-ти членов партии фокситов образца 1794 года подчеркивают тот факт, что политическая и общественная активность для них едва ли разделялись. Сэр Эдвард Виллингтон, помимо всего прочего, был «приятным, интересным и поучительным собеседником»³⁰, в то время как дом Микеланджело Тейлора был «на протяжении многих лет... rendezvous для партии вигов; а его либеральное и элегантное, но ненавязчивое гостеприимство запомнятся надолго»³¹. Таким образом, доминирование Фокса в общественной жизни вигов служило ему значительной поддержкой в его политическом лидерстве, а его единственный интеллектуальный конкурент – Эдмунд Бёрк – не мог с ним в этом соперничать.

Помимо молодости и бурной общественной жизни другой несомненной ценностью для группировки новых вигов была интеллектуальная сфера. Фокс и Шеридан были в числе первых 35-ти членов Литературного клуба³², созданного «Доктором Джонсоном» и сэром Джошуа Рэйнолдсом в 1764 г. и первоначально называвшегося просто *Клуб*. И хотя Джонсон часто жаловался на то, что Фокс был не слишком активен на собраниях, последний часто посещал их³³. Раннее развитие Фокса было обнаружено уже в школе, которую он должен был покинуть еще в юном возрасте в связи с тем, что был «слишком умен, чтобы жить там, и немного безнравственен»³⁴. В течение всей своей жизни Фокс интересовался классиками, историей и иностранными языками. Его переписка с ученым Гилбертом Уэйкфилдом демонстрирует его знания и интересы. Обмену идеями между Фоксом и Уэйкфилдом обязано датирование годов жизни греческого поэта Ликофрона³⁵. Благода-

²⁸ Combe W. A Letter from a Country Gentleman to a Member of Parliament, on the Present State of Public Affairs. L., 1789. P. 23-24.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Gentleman's Magazine. Jan. 1805. P. 91.

³¹ Gentleman's Magazine. Oct. 1834. Pp. 430-1.

³² Gentleman's Magazine, Feb. 1785. P. 98.

³³ Boswell J. The Life of Dr. Samuel Johnson. Oxford, 1965. P. 1196.

³⁴ Austen-Leigh R.A. The Eton College Register 1753-1790. P. 204.

³⁵ Callimachus and Lycophron / Ed. by A.W. Mair. P. 482.

ря своему образованию Фокс мог держаться на равных с ведущими учеными и литераторами его дней, и снискал их признание.

Эти достоинства, несомненно, восходят к обязательному образованию и воспитанию джентльменов XVIII века, однако успехи фокситов на этом поприще были весьма значительны даже на таком фоне. Из 55-ти членов группы новых вигов многие имели литературные или художественные дарования, были эрудированными собеседниками. Сэр Джон Обри «был хорошим ученым классической школы, совершенным и изысканным джентльменом»³⁶; Дж. Джервуаз был «членом литературного сообщества»³⁷; лорд Уильям Рассел «увлекался искусством и дизайном, а его дом был полон картин»³⁸; Томас Томпсон был человеком, чье «чувство искусства было тонко отточено»³⁹. Можно добавить к этому списку драматурга Шеридана, поэта Чарльза Тауншенда, Уильяма Смита и Чарльза Уэстерна, чьи коллекции книг и античных скульптур были весьма значительны даже для просвещенного XVIII века. Таким образом, фокситы 1794 года воспринимали Фокса не только как политического предводителя или вожака общественной жизни, но и как интеллектуального лидера, которым восхищались и которому стремились подражать.

Общими для группировки новых вигов были финансовые трудности. Сам Фокс не раз обращался за помощью к друзьям в трудные моменты своей жизни. Так в 1785 г., когда судебные приставы выносили его книги и картины за долги, Фицвильям и Портленд материально поддержали его⁴⁰. Впоследствии поддержку Фоксу оказывал Дж.Б. Чёрч, о котором лишь известно, что он нажил состояние на торговле с Америкой. Отношения между ними, должно быть, были весьма тесными, поскольку Фокс неоднократно обращался к Чёрчу за деньгами в довольно свободной форме. В 1789 г. Фокс писал, что у него: «были весьма значительные затруднения в деньгах... Сложности с тех пор увеличились и, по правде говоря, я нахожусь в весьма неловкой ситуации: две тысячи гиней очень бы мне помогли, однако не лишили бы меня необходимости обратиться к некоторым другим друзьям за деньгами

³⁶ *Gentleman's Magazine*. Mar. 1826. P. 272-3.

³⁷ *Wilson J. A Biographical Index of the Present House of Commons*. L., 1980. P. 674.

³⁸ *Gentleman's Magazine*. Aug. 1840. P. 204-5.

³⁹ *Williams W.R. The Parliamentary History of the County of Gloucester*. 1213-1845. Hereford, 1898. P. 154.

⁴⁰ *The Historical and Posthumous Memoirs of Sir Nathaniel Wraxall* / Ed. H.B. Wheatley. Vol. IV. P. 71.

для начала кампании в Ньюмаркете. Четыре тысячи вполне бы меня устроили»⁴¹.

Если финансовые затруднения в такой тесной группе, как верхушка партии вигов стали важным политическим фактором, то неурядицы в интимной могли бы произвести значительный центробежный эффект. В ходе подготовки Билля об Индии, Фокс подвергся риску потерять поддержку на выборах со стороны герцога Девонширского, завязав роман с его женой Георгианой⁴². Грей не преминул начать интрижку с той же дамой в период регентского кризиса, в то время как Шеридан настойчиво уговаривал лорда Дунканнона развестись с женой⁴³. Такие тесные отношения среди новых вигов, придавали партии значительную сплоченность, но, с другой стороны, они делали фокситов более уязвимыми. Для слабой оппозиции образца 1792 года эти связи приобретали еще большее значение, поскольку политическая роль группы ослабевала, и на первый план выходила общественная жизнь.

При изучении политической культуры нового вигизма одной из основных проблем является определение того, насколько крепка была политическая традиция фокситов после 1792 г. и в какой мере ей обязаны виги начала XIX века. Важную роль в этом вопросе играет акцент на культе, созданном вокруг имени Фокса. В Воберне⁴⁴ был даже выстроен Пантеон, в центре которого находился бюст Фокса, окруженный другими видными деятелями партии вигов. Даже в 1831 г. преклонение перед Фоксом не уменьшалось. Томас Бабингтон Маколей писал своей сестре: «Даже в наши дни, через двадцать пять лет [после смерти Фокса – П.О.] существуют люди, которые не могут и четверти часа не говорить о Фоксе без слез»⁴⁵. В каждом доме, где проживала семья с вигскими убеждениями, было обязательным наличие бюста или портрета этого политического героя. Так, портрет Фокса висел и в салоне Сары Сиддонс, одной из величайших английских трагических ак-

⁴¹ Mitchell L.G. Op. cit. P. 259.

⁴² Duchess of Devonshire to Lady E. Foster, 18 Oct. 1783 // *Georgiana. Extracts from the correspondence of Georgiana, Duchess of Devonshire* / Ed. Earl of Beesborough. London: John Murray, 1955. P. 68.

⁴³ R. Sheridan to Lady Duncannon, c.1788-9 // *The Letters of R.B. Sheridan*. Oxford, 1966. Vol. I. P. 207.

⁴⁴ Woburn Abbey, Bedfordshire, England – главная резиденция герцогов Бедфордов и, в частности, 5-го герцога, Фрэнсиса Рассела, ярого сторонника Фокса.

⁴⁵ T. Macauley to H. Macauley, 7 June 1831 // *The life and letters of Lord Macaulay* / Ed. G.O. Trevelyan. L., 1959. P. 158.

трис того времени⁴⁶. Примечательно и то, что в начале XIX в. достаточно большое число детей получило в крещении имя «Фокс». Прецедент был установлен лордом Эдвардом Фитцджеральдом и Памеллой де Жанлис, попросивших Фокса стать крестным отцом их сына⁴⁷.

Подобные действия имели не только и не столько сентиментальное содержание. В общественной среде начала XIX века они являлись как бы декларацией политических взглядов. Теккерей в своем знаменитом романе «Ярмарка тщеславия», рисуя характер мисс Кроули, отмечал, что «она остроумный человек и чрезвычайный радикал своего времени» на основании того, что «в каждой комнате ее дома было изображение Фокса»⁴⁸. Сэмюэль Уитбред-младший⁴⁹ был еще более детален. Избавляясь от портрета Питта, он объяснял другу, что «живя в его эпоху, сражаясь в рядах оппозиции под командованием мистера Фокса, чьими политическими принципами и мудростью полны мои сердце и разум; и имея полный дом воспоминаний о нем, я не могу получать удовольствия от созерцания портрета мистера Питта, чьим поступкам, последствия которых мы ныне оплакиваем, посвящены пророчества мистера Фокса»⁵⁰. Заявления такого рода, сделанные уже после смерти и Питта, и Фокса подчеркивают тот факт, что постоянное обращение к памяти этих людей и их высказываниям было не просто ностальгией, а утверждением двух враждующих политических позиций, отмеченных именами этих двух политиков.

Более яркой демонстрацией приверженности позициям Фокса было участие в так называемом «Фокситском обеде» ("Foxite Dinner"), устраиваемом в честь дня рождения героя вигов. Лесли Митчелл отмечает, что такие обеды стали особенно популярны после 1820 г.⁵¹ Подобные ассамблеи обладали, по крайней мере, двумя достоинствами. В начале 1800-х гг., когда оппозиция подвергалась общественному ostracismу или даже преследованию со стороны закона, такие обеды представляли собой место собраний фокситов. В Шотландии, как записал один сторонник Фокса, «день рождения Фокса обычно отмечался обедом каждый год.

---

⁴⁶ Emily, Duchess of Leinster / Ed. B. Fitzgerald. L., 1949. P. 178.

⁴⁷ Ibid. P. 211.

⁴⁸ Thackeray W.M. Vanity Fair. P. 88.

⁴⁹ Samuel Whitbread (1758-1815) – преданный сторонник Фокса, в парламенте с 1790 года.

⁵⁰ S. Whitbread to R. Ward, n.d. // Fulford R.T.B. Samuel Whitbread... P. 116.

⁵¹ Mitchell L. The Whigs in Opposition. 1815-1830. Oxford, 1967. P. 54-7.

Однако лишь избранные виги... приглашались на эти собрания. Приглашать многих было небезопасно; особая осторожность требовалась при произнесении речей и тостов. При этом, даже избранным, едва ли своим числом превышавшим дюжину или две, редко позволялось собираться без надзора представителей властей, посланных с целью записать имена пришедших»⁵². Эти обеды проводились в Эдинбурге до 1825 года.

В менее напряженной атмосфере Англии такие обеды давали удобную возможность возвестить о своих вигских принципах. Например, на одной из таких встреч в Саффолке лорд Элбермейл «заявил..., что имя мистера Фокса должно лечь в основу конституции: он подчеркнул полезность этих собраний – они, – говорил Элбермейл, – сплачивают умы для обсуждения политических предметов: они выявляют либеральные точки зрения и смягчают грубые края нашей природы так, что люди разного положения и с разной степенью информированности объединяются в поддержку конституционных принципов»⁵³. Кобёрн также отмечал, что эти ассамблеи «воодушевляли, направляли и объединяли партию вигов»⁵⁴.

Мы пытаемся установить истинное значение для вигов этих собраний с целью понять, был ли культ Фокса лишь поводом для провозглашения своего протеста против политической системы, установленной Питтом-младшим, или же они являлись проявлением особой политической позиции. В 1819 г. были запрещены традиционные обеды у герцога Норфолка⁵⁵ под предлогом того, что на них проявлялись «чувства, направленные против неконституционной деятельности торийской администрации»⁵⁶. Довольно демонстративен был лондонский обед, на котором побывал Томас Криви. На нем объединились «гранды с людьми третьего сословия («tiers-etat»)», и все они «были настроены на реформистский лад»⁵⁷, таким образом, демонстрируя свою приверженность взглядам Фокса.

---

⁵² *Lord Cockburn. Memorials of His Time / Ed. H. Cockburn. Edinburgh, 1909. P. 83.*

⁵³ *Mitchell L. Op. cit. P. 56.*

⁵⁴ *Lord Cockburn. Memorials... P. 398.*

⁵⁵ В это время герцогом был Бернард-Эдвард Говард, 12-й герцог Норфолк (1765-1842), ставший первым католическим пэром, занявшим место в палате лордов после билля об эмансипации.

⁵⁶ 23 Jan. 1819 // *Albermale, Earl of. Fifty Years of My Life. L., 1876. P. 104-110.*

⁵⁷ T. Creevy to Miss Ord, 29 Jan. 1821 // *The Creevy Papers, 1903. V. II. P. 6.*

Наиболее четко можно проследить значение таких обедов на примере «Фокситского обеда», предпринятого в Бэри Сент-Эдмундс⁵⁸ в 1822 г. Председательствующий открыл собрание, объявив, как он был доволен тем, что извещения об этом обеде сопровождались требованием парламентской реформы, поскольку он считал, что «они исполняли свой долг, демонстрируя свою верность тем принципам гражданской и религиозной свободы, которые так смело и так красноречиво отстаивал мистер Фокс»⁵⁹. Затем, с приведением цитат из речей и высказываний Фокса, была заявлена необходимость парламентской реформы и религиозной терпимости. Кроме того, был затронут вопрос о признании южноамериканских республик, вопрос, которого никогда не касался Фокс, но при этом он был добавлен к стандартным доктринам и наделен статусом «благословленного Фоксом». Провозглашенные на этом обеде три тоста ясно демонстрируют связь между культом Фокса, подтверждением верности старым принципам и приверженности новым. После тоста за «бессмертную память Чарльза Джеймса Фокса» председатель объявил тост «за гражданскую и религиозную свободу во всем мире», а затем «за патриотов Испании, Португалии и Колумбии»⁶⁰.

Таким образом, эти обеды были не только местом встреч вигов в беспокойные для них времена, но также предоставляли возможность для провозглашения и утверждения кредо вига, а решающее значение при этом принадлежало имени и личности Чарльза Джеймса Фокса.

Широко известен факт, что виги изначально ощущали служение народу как свое особое предназначение. Отметим, что народ для вигов представлялся важнейшей *ценностью*, т.е. этот идеологический аспект был ключевым для самоидентификаций политика или общественного деятеля того времени – как вига. Эта *ценность* консолидировала субкультуру вигов, была, как мы увидим ниже, их «крестом» и смыслом существования одновременно.

Обращение к «Народу» стало одним из наиболее распространенных клише в писаниях вигов в 1789-1830 гг. Митчелл считает, что народные движения при руководстве вигов не были опасны, поскольку протесты и требования перемен моментально

---

⁵⁸ Bury Saint Edmunds – старинный город в графстве Саффолк.

⁵⁹ The Times, 23 Aug. 1822.

⁶⁰ Ibidem.

находили поддержку и получали отражение в законах⁶¹. Виги не сомневались в необходимости наделения «Народа» всеми возможными правами вплоть до права утверждения правительства.

За годы до Французской революции Ричард Уотсон, епископ Лландафф говорил Кембриджской конгрегации, что «Народ создан не для того, чтобы поддерживать достоинство Власти, но Власть повсеместно установлена для защиты интересов Народа... К несчастью, наши управители настолько пренебрегают своими обязанностями, что Народу приходится выражать свое мнение относительно своего руководства, а такой вердикт обычно написан мечом и подписан кровью»⁶².

Стремление Уотсона наделить народ всеми правами вплоть до права сопротивления получило широкое распространение. Джон Рассел отмечал, что «виги обращены к народу, чье благосостояние есть конечная цель и предназначение любого правления»⁶³.

Народ стал основной нитью всех речей, памфлетов и проповедей вигов. Поколение Рассела, получавшее образование в университетах Глазго и Эдинбурга, было воспитано на идеях таких авторов, как, например, Джон Миллар, описавший взгляды вигов в 1787 г. в своей работе «Исторический обзор управления Англией» (“Historical view of the English government”):

«Виги... основывали власть суверена и всех подчиненных ему судей и правителей на принципе полезности. Они настаивали на том, что вся система управления должна быть нацелена на защиту естественных прав человечества и на обеспечение благополучия человеческого общества, а любое использование власти, не связанное с этими целями, незаконно и преступно; и будет верхом абсурда полагать, что, когда власть захвачена незаконно и неоправданно, народ не имеет права противостоять ее осуществлению путем наказания узурпатора»⁶⁴.

Писатели-тори пародировали эту позицию вигов в скверных стихах на страницах прессы. Так уже в 1840 г. Blackwood's Magazine опубликовал сатирическое стихотворение, начинавшееся так:

Звучало на трибунах, в залах и в особняках:
«Слишком долго мы были рабами Короны».
За НАРОД - источник законной власти,

⁶¹ Mitchell L. G. The Whigs, the People, and Reform // Reform in Great Britain and Germany. 1750-1850 / Ed. By T.C.W. Blanning and P. Wende. NY: Oxford university press, 1999. P. 27.

⁶² Anecdotes of the Life of Richard Watson, Bishop of Llandaff. L., 1817. P. 352.

⁶³ Russell, Lord John. An Essay on the History of the English Government and Constitution. L., 1823. Pp. 180-1.

⁶⁴ Lehmann W.C. John Millar of Glasgow. L., 1960. P. 352.

Поднимались кубки, хотя вино, возможно,кисло,
Как только закончился тост⁶⁵.

Стихотворения, подобные этому, явно не имеют художественной ценности, однако они являются свидетельствами того, насколько велико было значение особых отношений с народом для самоидентификации и, по-видимому, самоутверждения вигов.

Народ, предоставленный самому себе и бесконтрольный, продемонстрировал свои «возможности» в континентальной Европе. Виги ощущали ответственность за «фильтрацию мутного потока народного мнения через различные формы размышлений и советов»⁶⁶. Они были обременены задачей предотвратить «любое столкновение между королем и народом», одновременно контролируя могущественную исполнительную власть и «несдержанные стремления» снизу⁶⁷. Неспособность контролировать народ влекла за собой тяжкие последствия. «Edinburgh Review» в 1810 г. напоминало Грею и другим лидерам вигов, что «если народ не поддерживает вигов, у них не будет другой поддержки, и, следовательно, если народ отдаляется от них, то они должны пойти за ним и вернуть, поскольку покинуть его на растерзание демагогам оправдано не более, чем оставить под гнетом тирана»⁶⁸. Как отметил Джон Аллен, бывший библиотекарем в Холланд-Хаусе, если его хозяева когда-либо потеряют связь с народом, они превратятся в «обычную аристократию»⁶⁹.

Контакты с простыми людьми не были простым поводом для речей и философствований. Иногда, виги даже жаловались на то, что ради незначительного вознаграждения им приходится идти на жертвы, сталкиваться с невоздержанностью и фамильярностью. Когда Холланд протестовал против «неблагодарности и недоверия по отношению к вигам» со стороны радикалов⁷⁰, он повторял лейтмотив многих авторов-вигов того времени, однако последние стойко переносили свои «мучения». Во время выборов виги поки-

⁶⁵ Blackwood's Magazine, 47 (1840). P. 792-793.

⁶⁶ Russell, Lord John. The Causes of the French Revolution. L., 1832. P. 197.

⁶⁷ Russell, Lord John. A letter to the Rt. Hon. Lord Holland. L., 1831. См. также: Brougham H. в Edinburgh Review, 85 (1825). P. 234.

⁶⁸ Edinburgh Review, 15 (1810). P. 514.

⁶⁹ J. Allen to Sir C. Vaughan [1809], All Souls Coll., Oxford. — Цит. по Mitchell L.G. The Whigs, the People, and Reform // Reform in Great Britain and Germany. 1750-1850 / Ed. T.C.W. Blanning and P. Wende. N.Y.: Oxford University Press, 1999. P. 29.

⁷⁰ Holland to Caroline Fox, 3 Nov. 1806 // Цит. по Mitchell L.G. The Whigs... P. 32.

дали свои дворцы в Уэст-Энде Лондона и направлялись в маленькие провинциальные городки. Так семейство Бессборо пользовалось большим влиянием в городке Сент-Олбанс, однако цена этого влияния была действительно высока. Леди Бессборо писала:

«Мой брат прислал ко мне, чтобы умолять меня приехать сюда и оказать ему любезность – посетить утренний бал и навестить нескольких жен фригольдеров, которым он стремился угодить. Представьте себе, [как я – П.О.], одетая в наилучшие наряды в одиннадцать часов утра, была втиснута в пышущую жаром комнату для ассамблей трактира «Ангел» и пичкала пятьдесят олдерменов и их жен горячими булочками с маслом, в то время как Джон и Фред плясали с этими мисс, играли на четырехпенсовики в *Commerce* и *Tradille*, а затем посещали всех подряд в веселом городке Сент-Олбанс. Приносили ли Вы когда-нибудь более существенную жертву?»⁷¹.

Мужчин-вигов избиратели из простонародья носили на руках, их жены и сестры целовались в губы с простым народом. Герцогиня Девонширская и леди Каролин Лэмб пили с завсегдатаями пивных и даже перепивали их. С ними вольно обходились и свободно общались. Когда леди Гренвилл столкнулась с женщиной, спросившим о здоровье ее мужа в следующей форме: «Ну, черт вас возьми, как там Гренвилл сегодня?», она была вынуждена отметить, что «сложно, встретившись с такими воодушевлением и живостью, добиться хоть каких-то успехов»⁷².

Виги-фокситы стали постоянным объектом для карикатуристов. Несомненно, люди высокого социального положения, стремившиеся смешаться с простым народом, подражая его одежде, языку, образу жизни, хлопавшие друг друга по спине при встрече, не могли не выделяться в обществе того времени. Комизм ситуации был понятен и самим вигам. В декабре 1829 года Сидни Смит писал лорду Батхёрсту:

«Мой ближайший сосед умер, туда ему и дорога, ведь он был порядочным дьяволом – однако, он оставил свое имущество... мелкому торговцу полотном в одном городишке в Дорсетшире; а у моего купца есть 8 взрослых сыновей, и все они взращены в низких профессиях, и теперь они все переедут сюда жить. Что это, как не кара Провидения за мои вигские принципы? Вот уж действительно, тяжкая доля народа»⁷³.

В глазах тори привязанность вигов к народу была лишь

⁷¹ Lady Bessborough to G. Leveson Gower [1794] // Lord Granville Leveson Gower. L., 1916. P. 98-99.

⁷² Lady H. Granville to Lady G. Morpeth, 11 Oct. 1811 // *Leveson-Gower F. The Letters of Harriet, Countess Granville*. L., 1894. V. I. P. 23.

⁷³ Bell A. Sydney Smith. Oxford, 1980. P. 150.

уловкой, популистским лозунгом для достижения политических целей и, в определенные моменты, могла представлять опасность для страны в связи с возможным альянсом вигов и радикалов. Дэвид Робинсон, один из наиболее активных анти-вигски настроенных пропагандистов, писал:

«Даже самый ярый сторонник тори должен обладать сердцем, сделанным из очень странной материи, чтобы не сочувствовать убожеству современного вигизма. Цветущая девица, которая раскрылась завораживающей красотой в 1688 г., пожертвовала своей добродетелью во Французскую революцию, а ее последующие похождения и нынешнее состояние демонстрируют, что она испила горькую чашу предложенных обольщений, даже самых непривлекательных. Она последовательно бросалась в объятия Буонапарте, радикалов, либералов, карбонариев, бентамитов и других грязных людей, а теперь пала так низко, что все отказываются от нее»⁷⁴.

Впрочем, такое отношение к вигам несправедливо – их намерения были вполне искренни. В августе 1810 г. лорд Холланд заметил в письме к лорду Джону Расселу, что «для хорошего виги необходимо», чтобы он обладал «склонностью к реформе парламента и не боялся ее, если состояние [этого парламента – П.О.] обнаруживает неспособность оправдать доверие и исполнять волю народа»⁷⁵. Сорок лет спустя, Вальтер Бейджхот поддержал идею, что вигизм являлся «склонностью»:

«на самом деле, вигизм – это не кредо, а характер. Возможно, [существовавший – П.О.] благодаря людям, обладавшим хладнокровной и умеренно решительной настойчивостью, не одаренным богатой изобретательностью, мало подверженным фанатизму, не заботящимся о глубоких теориях и концепциях, пренебрегающим мечтательным скептицизмом; с ясным представлением о собственном следующем шаге и мудрым намерением поступать именно так; твердо верящим в основы науки и непоколебимо убежденным в том, что современный мир может и должен совершенствоваться. Таковы были виги»⁷⁶.

Люди, обладающие описанным Бейджхотом нравом, вполне могут быть обнаружены и в других европейских политических группировках, однако нигде такой образ мышления не соединялся столь тесно с концепцией народного блага и с уверенностью в том, что правителей следует опасаться более, чем простых людей, а следовательно – последние становятся естественными союзниками.

В политической, общественной и интеллектуальной жизни

⁷⁴ Blackwood's Magazine, 16 (1824). P. 540.

⁷⁵ Holland to Lord John Russell, 13 Aug. 1810 // The Early Correspondence of Lord John Russell, L., 1913. V. I. P. 137.

⁷⁶ National Review, I. 1855. P. 262.

Британии Фокс был явлением длительным – его влияние было столь сильным, что его последователи ни разу не отступили от его убеждений и выдвинутых им требований. Поэтому, фокситы приобрели значение не своим числом, а упорством, с которым они оставались верны позициям Фокса. Джон Рассел писал: «В худшие дни Фокса один обозреватель писал о его партии: «Их только сорок, но каждый из них готов быть повешен за Фокса»⁷⁷.

Влияние этого политика было обусловлено, во многом, его личными качествами. Он являлся не только политическим, но и общественным лидером. Радикализм отстаиваемых им взглядов (поддержка американских колоний, революционной Франции, борьба с патронажем короны, протест против рабства и пр.), его чистосердечие и простота в обращении не могли не привлекать молодых политиков. Довольно точно высказался герцог Портленд:

«Широта взглядов мистера Фокса, доверительные отношения, в которых он жил как в своих политических, так и в личных делах, и присутствие ему привычки сделали его несклонным к зависти и подозрительности. Он был уверен в высокой степени разумности народа Англии и в его приверженности Конституции...»⁷⁸.

Таким образом, при рассмотрении политической культуры нового вигизма можно отметить, что важнейшую роль в ее формировании сыграли политические взгляды, моральные принципы и черты характера Чарльза Джеймса Фокса. Это и подчеркнутое уважение к народу, и простота в общении, и приоритет социальной жизни перед политической (отчасти вынужденный), и значение общих собраний, позволявших открыто заявить о своих взглядах. При этом преданность памяти Фокса была важнейшей составляющей кредо новых виггов, а решения, принимаемые относительно текущих событий, обязательно «освящались» именем Фокса. Стержнем идеологии и важным компонентом политической культуры нового вигизма было свойственное фокситам постоянное обращение к идее суверенитета народа. Это обращение не имело популистского содержания и было вполне чистосердечно, что позволяет нам отождествлять этот принцип с ценностными ориентирами. Если же сопоставить индивидуальные и корпоративные позиции фокситов, то первый фактор явился определяющим для второго, поскольку Чарльз Джеймс Фокс как лидер новых виггов стал определяющей мотивацией для своих сторонников.

⁷⁷ Russell J. Recollections and Suggestions. 1813-1873. P. 268.

⁷⁸ The Duke of Portland's reply to the Prince of Wales. 21 Jan. 1793. // The Later Correspondence of George III. V. I. P. 652.

ПУБЛИКАЦИИ

М.Р. Ненарокова

ВАНДАЛЬБЕРТ ПРЮМСКИЙ: СТОЛКНОВЕНИЕ ДВУХ ТРАДИЦИЙ

(к публикации перевода «Жития св. Гоара»)

Монастырь Прюм, основанный в Трирской диоцезе в 721 г. при Меровингах, не утратил при смене династий своего привилегированного положения. Отец Карла Великого, Пипин (714/5–768) в 765 г. передал Прюму эремиций¹ св. Гоара, где был похоронен этот святой². С этого времени св. Гоар, ранее никак не связанный с Прюмом, стал считаться одним из покровителей монастыря. Поэтому первое житие св. Гоара было создано неизвестным автором вскоре после передачи эремиция монастырю, когда вновь оживилось почитание святого (к. VIII в.). В 829–853 гг. настоятелем Прюма стал Марквард, широко образованный человек, который нашел первое «Житие св. Гоара» неудовлетворительным и поручил диакону своего монастыря Вандальберту составить новое житие, достойное славы святого покровителя Прюма.

Сведения о жизни Вандальберта скудны³. О нем известно лишь то, что он сообщил о себе в своих писаниях. Вандальберт родился около 813 г., предположительно во Франкии. В молодости он поступил в монастырь Прюм. Когда ему в 839 г. было поручено заново составить житие св. Гоара, он уже состоял в братии монастыря. Поскольку, по церковным канонам, монах мог быть рукоположен во диакона в 25 лет, можно предположить, что к началу работы над новым «Житием св. Гоара» Вандальберт уже был диаконом. Пресвитером он не стал, что в IX в. не было редкостью⁴.

---

¹ Эремиций – маленький монастырь, включающий в себя келью святого, жилище его учеников, церковь, хозяйственные постройки, гостиницу. В традициях восточного христианства ему соответствует скит.

² Позже вокруг этого места возник городок Санкт-Гоар, а напротив него, на правом берегу Рейна – Санкт-Гоархаузен (оба в 30 км от Кобленца).

³ См.: "Markward" // *Lexicon des Mittelalters*. München-Zürich, 1977–. "Prüm", "Wandalbert" // *Lexicon für Theologie und Kirche*. Freiburg, 1957. Шульц Ю.Ф. Дидактическая поэзия каролингского и посткаролингского времени // Валафрид Страбон. Вандальберт Прюмский. Марбод Реннский. М., 2000. С. 118-119.

⁴ Так, не принимал пресвитерского сана Алкуин, один из наиболее известных соратников Карла Великого в его церковно-просветительских ре-

Упомянутый Марквард сыграл немаловажную роль в жизни Вандальберта, поощряя его ученые занятия и побуждая к литературным трудам. В настоятельство Маркварда Вандальберт возглавлял монастырскую школу. Возможно, по делам монастыря, Вандальберт время от времени ездил в Кельн, где по просьбе одного из пресвитеров этого города Отрика приступил к созданию второго своего произведения – стихотворного «Мартиролога». В составлении «Мартиролога» ему помогал его друг Флор Лионский. Вандальберт использовал в качестве источников более ранние мартирологи, например, произведение этого жанра, принадлежащее перу Досточтимого Беда. В «Мартирологе» Вандальберта прослеживается влияние Пруденция и Боэция. До нашего времени также дошла дидактическая поэзия Вандальберта – стихотворения о двенадцати месяцах. Этот стихотворный цикл завершается небольшой поэмой «О сотворении мира», рассказывающей о шести днях Творения.

Составляя на основе анонимного жития VIII в. новое житие, Вандальберт не только исправлял погрешности языка и стиля, переписывая неясные места так, чтобы они стали понятны читателю, но и добавлял свои собственные краткие комментарии к происходящему. Он также упорядочил сведения о святом Гоаре, в соответствии со сложившимся к этому времени агиографическим каноном и, возможно, разбил житие на главы. Происхождение св. Гоара весьма интересно. Гоар – аланское имя, означающее «добывающий скот». Святой Гоар, этнический алан, родился в Аквитании, куда аланы попали во время Великого Переселения народов. Часть алан ушла вместе с вандалами в Испанию, другая часть, возглавляемая Гоаром (одноименным герою жития), стала союзниками Рима, была расселена в Галлии и должна была охранять дороги и границы империи⁵. События, описанные в житии, происходят недалеко от Трира и Меца⁶. Из этого следует, что святой, покинув родную Аквитанию и людей, знавших его лично, все же не ушел из мест, населенных его соотечественниками⁷. Он поселился на восточной границе той области, которую аланы населяли на севере Галлии, в местности, называемой Трикория (земля Рейнланд-Пфальц) и соседствующей с берегами Рейна.

формах, а также друг Вандальберта диакон Флор Лионский, поэт сер. IX в.

⁵ См.: Бахрах Б.С. Аланы на Западе. М., 1993. С. 47-58.

⁶ Трир и Мец и прилегающие к ним земли находятся на восточной границе расселения алан в северной Галлии. См. Цит. соч. С. 75-77.

⁷ Данные топонимики показывают, что большое количество аланских поселений находилось в Аквитании (с центром в Тулузе) и в области к северу от Луары между городами Амьеном и Аррасом на западе и Триром, Мецем, Лангром на востоке (с центром в Реймсе). См. Цит. соч. С. 47-48.

Там, в месте слияния рек Лорбах и Рейна вблизи старой римской дороги, в дне пути от Трира (гл. 4, 16), Гоар построил свою келью, из-за чего это место так и называлось – Келлия.

Житие содержит указания на время, когда происходят описанные в нем события. В частности, указывается, что Гоар родился «во дни» короля Хильдеберта и дожил до правления Сигиберта (гл. 3)⁸. В житии упоминаются также два епископа с «говорящими» именами: Феликс («блаженный»), покровительствовавший Гоару (гл. 3), и Рустик («грубый», «неотесанный»), поверивший клевете на подвижника и угрожавший ему казнью (гл. 9). В интересующий нас период времени на Трирской кафедре не было епископа с именем Феликс, однако с 566 по 573 гг. Трирской диоцезой управлял епископ Рустик. Его правление длилось семь лет, т. е. столько времени, сколько святой Гоар, согласно житию, пребывал на одре болезни, искупая грех оклеветавшего его епископа (гл. 25). Можно предположить, что события, описанные в житии, происходят в 566 г. (и это верхняя временная граница), а умирает св. Гоар в 576 г. – через год после кончины короля Сигиберта. Что касается нижней временной границы, то ее можно условно отнести к рубежу V–VI вв. В ряду управлявших Трирской диоцезой епископов имя «Феликс» соотносится, пожалуй, только с именем епископа Фибиция (500–526). В таком случае оказывается, что Гоар родился во времена не Хильдеберта, а его отца, основателя франкского королевства Хлодвига I (481–511), имя которого также упоминается Вандальбертом (гл. 3), поскольку святой покинул Аквитанию, уже будучи пресвитером, т. е., вероятно, достигнув канонического возраста 30 лет.

Хотя, согласно требованиям жанра, житие рассказывает о всех периодах жизни св. Гоара, внимание автора сосредоточено на нескольких днях из жизни святого, когда он, будучи оклеветан и обвинен перед епископом в смертных грехах, вынужден добиваться своего оправдания (гл. 19–21). В соответствии с текстом жития, св. Гоар был известен как подвижник и муж святой жизни (гл. 5). Особенно он отличался странноприимством, подкрепляя бедняков и странников пищей (гл. 5, 7). Это позволило завистникам предъявить Гоару два обвинения, положившие начало конфликту, на котором, собственно, и сосредоточено внимание агиографа. Первое из обвинений состоит в том, что он – «чревоугодник и винопийца» (гл. 10). Странноприимство св. Гоара и связанное с этим служением обязательное угощение приходящих, в котором принимал участие и сам святой, не могли не вызвать недомыслия у его собратий. У населения внутренних областей Галлии

---

⁸ Вероятно, агиограф имеет в виду франкского короля Хильдеберта I Старшего (511–558) и короля Австразии Сигиберта (561–575).

сформировался образ отшельника, которому св. Гоар не соответствовал. В представлениях галльских христиан, отраженных в житиях, которые составил Григорий Турский (539–594), отшельник избегает людей (как, например, подвижники Фриард и Эмилиан⁹), питается очень малым количеством рыбы, овощей, хлеба, лишнее пересылает беднякам (как отшельник Калуппан¹⁰); если же подвижник не покидает населенных мест, он уходит в затвор, поселяясь в темной келье с крошечным окошком, через которое ему подают скудную пищу (как затворница Монегунда и подвижник Лупицин¹¹). Так или иначе, признаками отшельничества являются уединение и очень строгий пост. При том, что в житиях, составленных Григорием Турским, равно осуждаются все грехи, подробно рассказывается о том, какое страшное наказание постигает чревоугодников¹².

⁹ См.: *St. Gregory of Tours. Vita Patrum*. Tr. Fr. Seraphim (Rose) and Paul Bartlett. Platina, 1988. P. 231, 240.

¹⁰ Op. cit. P. 238.

¹¹ Op. cit. P. 245, 280.

¹² Параллель такому пониманию чревоугодия можно найти в сирийской традиции, которая как бы усиливала общехристианские воззрения на аскетизм. Когда Исааку Сирину пришел помысел понести величайший позор и уничижение, навлечь на себя наибольшее поношение, он изложил своему собеседнику, старцу, план, ныне звучащий довольно невинно: «пойти в воскресный день на церковную паперть, сесть там и рано утром есть» (см.: *Прп. Исаак Сирин. Слова подвижнические*. М., 1993. С. 50). Имеются многочисленные примеры, демонстрирующие взаимосвязь Сирии и Галлии, такие, как паломничества к сирийскому подвижнику Симеону Столпнику или ссылка одного из Трирских епископов (св. Павлина) из Галлии в Малую Азию. Южное побережье Галлии, в отличие от внутренних ее областей, тяготело к Египту (монастырь Лерин, монастыри, основанные святым Иоанном Кассианом Римлянином). При всей строгости личной аскезы египетские отцы считали, что «Авраам был страннолюбив, – и Бог был с ним; Илия любил безмолвие, – и Бог был с ним» (см.: *Древний патерик*. М., 1991. С. 16). Известны многочисленные поучения египетских отцов о высоте странноприимства, о необходимости оставить даже личный пост ради пришедших братьев (*Указ. соч.* С. 244, 245, 247). Смысл этого выражен неким старцем в следующих словах: «ядущий по любви исполняет две заповеди: потому что он оставляет и собственную волю и исполняет заповедь, успокоив (т. е. доставив удовольствие пищей – М. Н.) братьев» (*Указ. соч.* С. 247). В Сирии такой взгляд был менее принят. Египетские патерики сохранили рассказ о сирийском старце, который, хотя и в гораздо меньшей степени, претерпел неприятности того же рода, что и святой Гоар. Подобно Гоару, построившему свою Келлию у старой римской дороги (ее местоположением объясняется большое количество бедняков и странников, которых кормил Гоар), этот сириец жил «при пути пустыни» (видимо, в Сирии) и кормил всех, кто приходил к нему. Как и в случае с Гоаром, только чудо показало, что делание старца не греховно (*Указ. соч.* С. 246–247). Различие египетского и сирийского взглядов на странноприимство в случае св. Гоара дали основание его собратиям-пресвитерам обвинить святого в весьма тяжелом грехе – в чревоугодии.

Тот факт, что святой Гоар придерживался иной церковной традиции, чем его собратия, косвенно подтверждается тем, что клеветники называют его перед епископом «иноземцем и человеком слабоумным» (гл. 10), хотя св. Гоар прожил в окрестностях Трира много лет. В этом состоит второе обвинение. Интересно, что примерно в то же время подозрения подвергся еще один святой — Вульфолайк (ум. 565). Его подвижничество также отличалось от привычных в Галлии форм аскетизма: он был единственным в Западной Церкви столпником. Согласно тому, что он рассказал Григорию Турскому¹³, некие епископы неоднократно уговаривали его отказаться от столь необычного для Галлии подвига. Они ссылались как на кажущуюся нескромность подражания св. Симеону Столпнику, так и на слишком холодный климат¹⁴. Однажды, когда подвижник, по благословиению епископа, поехал в какое-то селение, его столп был разрушен и сожжен. Вульфолайку пришлось сделать то, о чем неоднократно беседовали с ним епископы, а именно: переехать на жительство в монастырь. В случае с Вульфолайком окружающими отмечается не подражание известному и почитаемому в Галлии подвижнику, а уклонение от принятых в Трирской диоцезе образцов подвижничества. Обоих святых объединяет не только необычность подвига, но и тот факт, что они оба «иноземцы»: св. Гоар — из Аквитании, св. Вульфолайк — из Лангобардии, т. е. из местностей, известных различными ересями, и в первую очередь, арианством. Трирская же кафедра прославилась в истории Церкви, как один из центров борьбы с арианством¹⁵.

Современник Гоара и Вульфолайка, св. Ницетий (527–566), был известен как строгий подвижник, успешно противостоявший различным нарушениям в мирской и церковной жизни, при этом еще и мудрый и рассудительный человек. И в этом случае уже можно говорить не о частных конфликтах, причиной которых становятся зависть или недоверие, а о противостоянии более общего характера: конфликтом между свободным от ересей севером и зараженным ересями югом.

Перевод выполнен по изданию *Patrologia Latina*. Ed. J.-P. Migne. Paris, 1852. Vol. 121. P. 639-654.

¹³ St. Gregory of Tours. *Op. cit.* P. 313-316.

¹⁴ *Op. cit.* P. 315.

¹⁵ На Трирской кафедре никогда не было епископов, сочувствующих этой ереси. За борьбу с арианством в Трир были сосланы св. Афанасий Александрийский (336–338) и Павел, шестой патриарх Константинопольский (341). Обоим принимал и поддерживал св. Максимиан (335–352), также стойкий борец с этой ересью. Его преемник, св. Павлин, епископ Трирский (353–358), был отправлен в ссылку также за противодействие арианству, о чем уже говорилось выше.

ВАНДАЛЬБЕРТ ПРЮМСКИЙ ЖИТИЕ СВЯТОГО ГОАРА

Во имя Христово благоприлично начинается Пролог диакона Вандальберта к Житию, деяниям и чудесам блаженного Гоара, составленный для славного мужа Маркварда, настоятеля Прюмского монастыря.

1. Мы узнали, что человеческому роду следует неповрежденной верой воспринимать чудеса божественных дел и рассказывать о них для их благочестивого прославления, как увещает Священное Писание и как это же ангел повелел святому Товии¹⁶. Однако в наше время многие из чудес, которые Сила Христова или Сама совершает, или творит через святых мужей, поставленных для примера миру, бывают иногда менее известны или славны потому, что мы, заботясь о преходящем, узнаем о них мало и поверхностно, а те из них, которые приводят нас в восхищение своим величием, мы не столько по незнанию, сколько по лености душевной, оставляем без внимания и по небрежности не передаем на письме для будущих веков. По этой причине наша вина гораздо более очевидна и непростительна, чем вина наших предков. Конечно, в течение многих лет в Галлии усердие к словесности было в упадке¹⁷, и нелегко вновь отыскать за прошедшее время многих, кто занимался бы свободными искусствами, но к нашему времени искусство первых по благородству мысли и лучших мужей настолько поспособствовало изучению наук, что ныне мы по заслугам подтвердили бы недоброжелательные обвинения, если бы мы позволили деяниям святых мужей, которые дошли до нашего сведения, окончательно пропасть для знания потомков. И не должно слушать тех, кто столь много придает внимания прошлому, что, утвердившись в своем мнении заранее, совершенно отрицает, будто и ныне совершается нечто, считающееся достойным словесности; так как Божественным Провидением установлено правило и образ действия, отвечающие потребностям человеческого рода в отдельные эпохи мировой истории, и нам не пристало желать блаженства людей, живших прежде нас, и им, если бы они могли предвидеть то, что ныне творится, не пристало бы порицать состояние нашего времени. Конечно, ныне также есть в Церкви много людей, славных добродетельной жизнью, и часто для обнаружения заслуг святых в священных храмах совершаются поразительные

¹⁶ См. 1 Пар 16:12; Пс 9:12; Пс 72:28; Пс 104:1; Пс 117:17; Тов 12:6-7.

¹⁷ В VI-VII вв. из Галлии не вышел ни один крупный писатель.

чудеса, которых по той причине немного, что им почти никто не удивляется, ибо из-за своей частоты они обесцениваются для уже очерстневших людских сердец.

2. Итак, поскольку вы, святой и любезнейший отец Марквард, принуждаете меня приложить руку к новому труду, а именно: чтобы я более тщательно изложил «Деяния святого исповедника Христова Гоара», которые до сего дня оскорбляют слух многих совершенно ничтожным пером и слогом, и прибавил чудеса, совершившиеся при воспоминании его имени, о которых достоверно сообщают многие. Я вкратце <хотел бы> оправдаться перед теми, кого, возможно, могло бы оскорбить написанное мною, ибо я и не беру на себя самонадеянно исправление сочинения, которому благосклонность многих снискала уважение, и не прилагаю дерзостно имя литературного труда к новосоставленному писанию; но так как я просто отдаю должное послушанию, о чем я сказал в начале, мне кажется, что, согласно Писанию, похвально излагать дела Божии и передавать деяния святых грядущим после нас векам, и в самом деле, предпринимая этот труд, я более всего уповаю на заслуги святого мужа; немало побуждает меня и Ваше повеление, которому я обязан всем, что я могу. Я думаю, на меня не много повлияют ни пересуды, ни чье-нибудь заранее сложившееся мнение, и если дело совершенной истины и свидетельство веры удастся, я обрету награду у благосклонных людей.

Во имя Христово кончается Пролог.

Начинается Книжечка о Жизни и деяниях святого Гоара, день которого празднуется накануне июльских нон¹⁸.

3. Об отечестве, родителях и добродетелях святого Гоара

Святой Гоар был уроженцем провинции Аквитания, которая занимает почти третью часть всей Галлии. Он происходил от славных предков. Отца его звали Георгием, а мать Валерией. Он родился в дни Хильдеберта, короля франков, происходившего из рода славнейшего короля Хлодвига, которого блаженный Ремигий¹⁹, епископ ремов²⁰, первого вместе с его войском, обратил в христианство своей проповедью, и жил до времен короля Сигиберта, столицей которого был город Медиоматрик²¹. Гоар был

¹⁸ Память св. Гоара празднуется 6 июля.

¹⁹ Ремигий (437–533) – родился в городе Лан, происходил из знатного рода. В 22 года (459) стал епископом Реймса, оставаясь им в течение 70 лет.

²⁰ Ремы – племя белгов, живших на землях между реками Матрона (ныне Марна) и Аксона (ныне Эна). Их главный город Дурокорторум позже назывался Реми, затем Реймс.

²¹ Медиоматрик – ныне Мец (на северо-востоке Франции, на реке Мозель, Лотарингия).

образом жизни честен и благороден, деяниями знаменит, обликом достоин и видом весел, душой смиренен, телом целомудрен, верой непорочен, трудами заметен. С детства он был в высшей степени предан делам благочестия и милосердия, скоро явилась в нем вершина святости, так что он был и совершитель чудес, и свидетель небесных тайн. И в то время как в нем день ото дня возрастали любовь и стремление к Небесной Отчизне, и вскоре затем явился в изобилии плод добрых дел, его жизнь стала примером ко спасению и прочим людям, так что многие, увещаемые не только его проповедью, но и примером, обратились от нечестия к лучшей жизни и праведным делам; и те, кто прежде служил дьяволу, после стали Христовыми воинами.

4. О том, как святой Гоар, сделавшись священнослужителем, ушел в Германию и построил там церковь

Поскольку не может укрыться город, построенный на горе²², слава этого святого мужа и известия о его жизни распространились повсюду, так что он, приняв сан священнослужителя и честь пресвитерства, стал стражем Христовых Тайн и распространителем в народе Божественного слова. Затем, когда дух святого Гоара возрос во все более сильном стремлении к вышним благам, его переполнило влечение к невидимому и презрение ко всему видимому. Святой Гоар оставил родителей и отечество и удалился как странник мира сего и гражданин небесной отчизны к крайним пределам Галлии. Итак, придя в провинцию, соседствующую с берегами реки Рейн, которая называлась Трикория и принадлежала к диоцезе Тревириков²³, он избрал отшельническое служение Богу в пределах Васалиенских. Там в некоем месте, над рекой, которая ныне называется Вокара, с согласия и по воле епископа, который тогда возглавлял город и народ Тревириков, по имени Феликс построив церковь, он собрал в ней множество реликвий святых, а именно: Пресвятой Богородицы и Блаженного Крестителя Иоанна, и других святых, которых я не счел необходимым перечислять.

²² «...город... на горе...» – аллюзия на Мф 5:14. Этот и два следующих евангельских стиха содержат упоминание о свете и свече на подсвечнике. Хотя Вандальберт не использует в своем житии распространенный в каролингской агиографии образ свечи, поставленной на подсвечник, так что ее свет виден всем, его читатель, знакомый с текстом Священного Писания, мог вспомнить этот образ по ассоциации и получить дополнительную характеристику святого, тем более запоминающуюся, что она всплывает в памяти сама.

²³ Тревиры – германское племя, жившее по среднему течению Рейна и по среднему и нижнему течению реки Мозель. Земли тревиров доходили до реки Маас. Население на землях тревиров было смешанное, кельто-германское.

5. О том, что святой Гоар отличался странноприимством

Итак, святой Гоар служил Богу в этом месте много лет, посвящая дни и ночи бдениям, молитвам и постам и усердно подвизаясь в терпении и особенно в странноприимстве. Он так во всякое время по силам своим упражнялся в этой добродетели, что странноприимство считалось особенно свойственным только ему, хотя он отличался всеми добродетелями души.

6. О том, как святой Гоар приводил к вере язычников

Тем временем святой Гоар начал возвещать слово спасения язычникам, по причине заблуждения преданным поклонению кумирам и обманутым лживыми суевериями идолопоклонства, и, будучи благим возвестителем Евангелия, оставившим все свое, он стал учителем многих в познании вечной жизни. Совершилось так, что многие язычники из соседних областей, которые до того времени упорствовали в ложной вере, наученные его словом и побуждаемые его примером, отвергли языческие суеверия и обратились на путь христианской жизни. И сила его проповеди не лишена была также и знамений, чтобы неверующие умы, которые не могли быть убеждены доводами разума, были бы подвигнуты к вере чудесами. Святой Гоар не раз силой имени Христова совершал благодетельные исцеления среди больных и претерпевающих телесную слабость. И сегодня мы видим, что святой муж различными способами благоволит обращающимся к нему, когда наблюдаем, как, при воспоминании его имени и слепые обретают зрение, хромые – способность ходить, одержимые нечистыми духами – неповрежденность души, а иные, угнетенные болезнями, – здоровье, как это исполнилось у святого мужа Псалмописца: *Весьма почитаемы друзья твои, Боже, весьма крепко первенство их (Пс 138:17)*²⁴.

7. О том, каковы были усердие святого Гоара в молитве и любовь к бедным

У святого Гоара был заведен обычай, чтобы во всякий день он, торжественно совершая миссу²⁵, приносил Жертву Тела и Крови сообразно с установлениями Церкви; и, молясь со вниманием, полностью прочитывал Псалтирь, затем принимал на себя служение любви по отношению к странникам и беднякам, без которых почти

---

²⁴ Перевод Пс 138:17 наш. Данный перевод близок к церковнославянскому, ср.: «...зело честни быша друзи, Твои, Боже, зело утвердишася владычествия их».

²⁵ В настоящем тексте латинское слово *missa* нами переводится как *мисса*, с целью передачи различия между богослужением Неразделенной Церкви (до 1054 г.) и Католической Церкви (со времени разделения Церквей до наших дней).

никогда не обходилась трапеза; препоручая их Богу в молитве, он, тем не менее, подкреплял их вещественной пищей, чтобы зашедший к нему случайно странник вместе со словом спасения и помощью молитвенного заступничества получил также и пищу для плоти. Святой муж делал это, помня апостольское речение: ибо дающего с радостью любит Бог (ср. 2 Кор 9:7), и желал принять Христа в лице бедняков и странников, чтобы удостоиться от Него слов: *так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне (Мф 25:40).*

8. О том, как святой Гоар возбудил зависть диавола

Так как древний враг, завидуя избранным, всеми силами стремится противодействовать их преуспеянию, все, кто желает благочестиво жить во Христе, терпят гонения. Диавол весьма скорбел, что святой муж совершает такие дела проповеди и любви. Он начал то тайно, то явно готовить святому Гоару коварные соблазны и трудился, чтобы отвратить его разными способами от его цели. Однако святой муж переносил все со спокойным расположением духа, зная, что многими скорбями надлежит войти в Царствие Божие. По этой причине святой Гоар не мог удержаться от проповеди, заботясь всегда о приобретении душ Богу, и от дел любви, которые, как он знал, наиболее угодны Богу, и никак не желал, чтобы ему препятствовали; так что ежедневно к нему приходили многие люди, которые или прибегали к истинности веры от языческого тщеславия, или, по его примеру, стремились вступить в добровольное служение Христу.

9. О том, что святой Гоар терпел притеснения завистников

Как добрым людям свойственно радоваться чужим делам, которые им кажутся достойными похвалы, и обращать их к своему духовному преуспеянию, так, напротив, умы дурных людей всегда стараются очернить дела избранных и усердно поносить устами вредоносными те дела, которым не могут или не желают подражать. Потому случилось так, что однажды к блаженному Гоару пришли под ложным видом благочестия двое приближенных епископа по имени Рустик, который возглавлял тогда Церковь Треви-ров. Одного из них звали Альбин, другого Альдавин. Они сказали, что пришли приобрести то, что необходимо для освящения церкви святого Петра уже упомянутого города. В то время как они искали средства для вещественного света или скорее делали вид, что они их ищут, они не могли скрыть, каким мраком завистливости они были ослеплены.

10. О том, как святой Гоар был обвинен перед епископом

Эти люди увидели, что делает слуга Христов, а именно: непрерывно проповедует проходящим к нему слово Божие, еже-

дневно на рассвете возносит хвалы и псалмопение Христу и вслед за тем служит миссу, после завтракает с приходящими к нему странниками и бедняками, явно совершая это по усердию к любви и по неумолимой привычке к доброжелательности. Так как дурным людям неприятна жизнь добрых, они подумали, что найдут какой-нибудь повод, чтобы обвинить слугу Божия и до некоторой степени опорочить его жизнь. Итак, возвратясь к своему покровителю, они начали, говоря неправду, сообщать ложное про людей и поняли, что могут сделать многое, чтобы привести к порицанию и гибели других; и о самом Гоаре они сказали, что он скорее чревоугодник и винопийца (как думают несведущие), чем священнослужитель; конечно тот, кто рано ест и пьет, не может соблюдать обычное и должное время принятия пищи и вести образ жизни, приличный клирику; и кто после этого проповедует, тот под покровом слов прячет порочный нрав; и делает еще очень многое другое; а это, если бы не сдерживалось епископской властью, в будущем принесло бы самому епископу бесчестье поношения и порицания, так как он позволяет, чтобы такое делалось в его диоцезе иноземцем и человеком слабоумным; должно призвать Гоара на открытый суд Церкви, и пусть он даст отчет в своих делах, чтобы не возросла в других дерзость, видящая снисхождение, и чем более людям так угодно делать, тем более обессиливается епископская власть. Завистники говорили все это, но, возводя клевету на слугу Христова, они, по Божественному суждению, более явно показали другим людям жизнь святого мужа, и возвестили о себе, насколько они сами достойны осуждения.

11. О том, как святой Гоар был вызван на суд к епископу

Итак, услышав такую клевету на мужа Божия от своих приближенных, епископ, — ведь иногда бывает, что мысль предстоятелей, к тому же совершенно плотских, заботясь о различных занятиях, разделяется на многие дела, тем меньше внимания уделяя отдельным, и едва ли хочет отличить, что и по какой причине говорится многими, — взволнованный их речами, предписал этим же своим приближенным поспешно возвратиться к блаженному Гоару и поручил им как можно быстрее доставить к нему святого мужа, чтобы произвести дознание о его делах. Альбин и Адальвин, как им было приказано, быстро вернулись к святому мужу и, желая искусным притворством утаить свои козни и обвинения, но не имея возможности скрыть их от святого Гоара, приветствовали его от имени своего владыки. Они потребовали и приказали, чтобы святой Гоар быстро явился к епископу. Услышав это, святой муж в простоте духа исполнился обо всем великой радостью и воздал благодарение Богу за то, что он удостоится приказания поспешить к своему владыке и посетить его. Ликуя,

сказал: «Да сотворит Господь, да сотворит так, чтобы я смог сделать это, ибо надлежит без промедления оказать послушание». Ибо если даже святой Гоар мог иметь подозрения относительно приказа епископа, он помышлял о полноте власти Господа над Апостолами: *Слушающий вас Меня слушает, и отвергающийся вас Меня отвергается (Лк 10:16)*, и такое, сказанное апостолом Петром: *Будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа (1 Пет 2:13)*.

12. О том, как святой Гоар задержал вестников епископа на ночь

Когда же неотвратимо приблизился предел дня, святой Гоар не смог тотчас же немедленно пуститься в путь. Он задержал своих гонителей на ночь и, устроив трапезу по своим силам, согласно обычаю, присущему человеколюбию, покормил их ради трудной дороги; сам же он, как это было у него заведено, провел ночь в гимнах и хвалах Богу. С первыми лучами солнца святой муж, как и до того он делал много дней, начал возносить Богу псалмопения и молитвы, и только когда он сделал это, он, приступив, совершил торжество миссы. Затем святой Гоар велел ученику, чтобы тот, как мог, приготовил завтрак его гонителям и ему, говоря: «Сын, приготовь нам угощение из наших запасов, чтобы посланцы нашего владыки потрапезовали с нами; может быть, Бог присоединит некое бедняка, который мог бы во Христовой любви принять с нами еду и питье». Когда люди с завистливым умом и давно испорченной душой услышали это приказание, они, не желая дольше скрывать гибельность внутренней злобы, явили то, что несли в душе; и, словно те, кто справедливо укоряет дурно живущего, сказали: «Нехорошо ты делаешь, презирая законное и каноническое время принятия пищи; и мы не поддержим тебя во вкушении яств в неурочный час дня». Как если бы Царство Божие есть еда и питье, а не праведность, мир и любовь; или в потреблении пищи промедление имеет большую силу, чем мера и воздержность; или будто бы святой муж делал это ради желудка, а не по причине радушия! Ведь святой Гоар именно потому непременно приказал приготовить еду, думая, что его гости хотят выехать в более удобное время; он хотел ради трудного пути покормить их пораньше и не позволить им уехать голодными; он радовался, что в них, хотя и недостойных, он принимает Христа²⁶. Когда святой Гоар увидел, что Альбин и Адальвин несдержанно и упрямо противоречат ему, он, будучи все-

²⁶ «...в них... он принимает Христа...» – аллюзия на Мф 10:40 и Мф 25:35. Ср. рассказ святого Иоанна Кассиана Римлянина об одном старце, сказавшем своим гостям: «Принявши одного из вас в виде Христа, как должник, буду служить со всяким усердием».

гда спокоен духом, сказал: «Плох тот дом, где не боятся Господа. Вы же, если бы истинно боялись Бога, не отвергли бы любви». В то время как он говорил это, пришел его отрок и указал на странника, стоящего у дверей. Услышав это, святой Гоар возрадовался и, приняв странника в доме, сказал: «Вот, сколь хорошо и сколь приятно жить братьям в единстве!». И, накрыв на стол, и сам приступил к еде вместе со странником.

13. О том, как блаженный ГОАР снабдил дорожными припасами своих завистников

Видя это, завистники с великой поспешностью и проворством оседлали своих лошадей, говоря в это время, что они точно нашли, в чем обвинить Гоара, и смогут возвести на него явную клевету у того, кем они посланы. Однако они попросили святого Гоара, чтобы он ради трудностей пути и нужд дороги уделил им что-нибудь из еды и питья, что они могли бы съесть по пути. Святой муж, всегда исполненный любви и готовый благотворить всем, даже неблагодарным, весело принял их просьбу и приказал положить своим завистникам в сосуды то, что они попросили. Так, попросив на дорогу то, чем всегда питался святой Гоар, они вместе отправились в город Тревириков.

14. О том, как по воле Божией завистники томились от голода и жажды

Пока путники ехали, уже приблизилась середина дня, солнце возшло высоко в небе, и, вот, в отмщение за Своего слугу наступило Божественное наказание: те, кто незадолго до этого отвергли избилание предложенных им из любви еды и питья, весьма сильно захотели есть и пить, и вдобавок их начала изнурять столь великая усталость, какой они никогда не испытывали. Между тем святой муж пребывал погруженным в божественные хвалы и псалмы, следуя такому речению Апостола: *Непрестанно молитесь, за все благодарите (1 Фес 5:17–18)*. Когда путники миновали уже шестой милиарий²⁷ и достигли того места, что называется «Павлово Поле», Альбин сказал своему товарищу Адальвину: «Меня снедает голод и жажда». А тот ему в ответ: «И я, если быстро не попью, умру тотчас же». Они направились к некоей речке, которая, как им было известно, текла поблизости, чтобы напиться из нее и на берегу ее принять пищу. Но, придя туда, они не нашли в ее русле никакой воды. Вода в речке, конечно, иссякла по воле Божией из-за тех, в ком пылала столь великая злоба. Затем Альбин и Адальвин протянули руки, чтобы взять из мешочков куша-

²⁷ Милиарий – мильевой камень, отмечавший расстояние (римская миля равна 1480 м).

нья, уделенные им, как они помнили, святым мужем, но и мешочки нашли пустыми. И правильно: те, кто был лишен любви, которая есть полнота всех благ, нашли пустыми сосуды, в каких приняли пищу от мужа, исполненного любви.

15. О том, как святой Гоар чудесным образом накормил своих завистников

Завистники пришли в смятение, ибо они еще не полностью осознали свою вину. Они удивились тому, что сделалось по отношению к ним, и продолжили путь верхом. Их слабость возросла до такой степени, что Альбин упал с коня, словно бездыханный, и Адальвин, обратившись к мужу Божию, стал умолять его многими просьбами, чтобы тот сжалился над ним и его товарищем. Тогда святой муж, который читал: *Если враг твой голоден, накорми его, если жаждет, напой его: ибо, делая сие, ты соберешь ему на голову горящие уголья (Рим 12:20)* и внимал предписанию Господню: *Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас (Мф 5:44)*, ответил просившему его: «Сын, подобает вспомнить, что Бог есть любовь, и кто пребывает в любви, пребывает в Боге, и Бог в нем. Потому, когда вы видели сегодня, как я предлагал вам пищу ради любви Христовой и сам принимал ее, не должно вам было отказываться от долга любви. Ныне же Бог совершает это для вашего исправления, чтобы, переменившись по Его увещанию, вы научились принимать любовь, которая есть начало совершенства». Говоря это, святой Гоар увидел вдали трех ланей замечательной красоты, свои числом словно знаменующих Таинство Святой Троицы. Тотчас же, призвав силу Святой Троицы в молитве, святой муж велел ланям подойти, куда он пожелал. Лани тотчас же послушались и подчинились Божественному Имени, и, хотя и бессмысленные умом, молча обвиняли черствость и непослушание. Святой Гоар взял небольшой сосуд и, подойдя к ланям, подоил их²⁸. Затем, разрешив им отойти, он помазал члены своих спутников, лежавших, словно бездыханные, молоком, которое он надоил, и тотчас же восстановил их в прежней силе и здравии. Потом он велел Альбину и Адальвину вернуться к речке, почерпнуть воды и подкрепить голодные тела, взяв пищу из мешочков. Так было сделано, чтобы те, кто прежде, обидев святого мужа, нашли сосуды пустыми и речку пересохшей, затем, вымолив его милость, обрели достаточно и воды в реке, и еду, положенную в свои сосуды.

²⁸ Параллели в ирландской (житие святых Албеуса, Байре, Береха, Комгена, Бригитты, Молинга) и англосаксонской (житие святой Вербурги) агиографии.

16. О том, как святой Гоар ясно показал, что должно слушаться предстоятеля

Когда завистники жевали, удивляясь и поражаясь тому, какие они видели деяния по отношению к себе, блаженный Гоар начал выпрашивать, по какой причине епископ задумал призвать его к себе; святому мужу казалось удивительным, что у владыки к нему какое-то дело. «Ибо мы должны выказывать послушание предстоятелю, – сказал святой Гоар, – не без причины случилось то, что Божественная сила изволила явить по отношению к нам сегодня через животных, но для того, чтобы показать, как Бог заботится о Своих рабах и как не презирает надеющихся на Него, ибо Господь имеет власть приготовить трапезу в пустыне, и для того, чтобы мы увидели, сколь возвеличены дела Твои, Господи». Угнетенные страхом и трепетом, обидчики ничего не ответили, но решили, что они скоро погибнут, потому что они узрели в слугителе Христовом столь великую действенность силы, которую они до некоторой степени дерзнули оскорбить. После этого они, отправившись в путь, ближе к вечеру достигли города Тревириков. Когда они приехали в город, святой муж, как это у него было в обычае, вошел в церковь, чтобы поручить себя и свое дело Господу.

17. О том, как епископ сделал святого Гоара жертвой клеветы

Когда же Альбин и Адальвин, как можно скорее отправились к епископу, приведя туда святого Гоара, они по порядку рассказали владыке все, что выпало им на долю в пути, и то, что заметили в человеке Божиим. Епископ же вместо того, чтобы обратиться к восхищению божественными делами, пришел в ярость и стал говорить стоящим около него, что деяние святого Гоара совершенно скорее не божественной помощью, а волшебным искусством и злыми чарами, и что никакого признака истинной добродетели не могло существовать в том человеке, кто, преданный плоти и чреву, рано ел и пил и не терпел воздержания в пище во время поста, в то время как древние святые и праведники угождали Богу постом, воздержанием и милостыней. Это так произносилось, словно какой-нибудь святой жил только лишь воздержанием, а не искренней любовью к людям и Богу.

18. О том, как святой Гоар повесил свой плащ на луч солнца²⁹

Пока все это происходило у епископа в присутствии клира Церкви, досточтимый пастырь вошел в дом, в котором епископ

²⁹ Параллели в ирландской (житие святой Бригитты) и англосаксонской (житие святой Мильбурги) агиографии.

находился вместе со своими грубиянами, и начал высматривать, куда бы пройти его ученику, который сопровождал его, или где он сам мог бы повесить свой плащ. И вот, в углу дома он увидел словно бы палку, прикрепленную к стене (а это был солнечный луч, входящий в малое оконце); подойдя туда, святой муж повесил на солнечный луч свой плащ, ибо, как уже сказано, он принял его за палку, и велел ученику стоять подле. Неудивительно, что солнечный луч обрел из послушания святому мужу крепость дерева; ведь тому, кто преданно служит Творцу, даже и сотворенное подчиняется по воле Творца.

19. О том, как святой Гоар опроверг обвинение в магическом искусстве

Когда епископ увидел это, он стал спрашивать себя, для чего пришедшему нужно было повесить свою одежду на солнечный луч. Епископ решил, что немощный человек сделал это самонадеянно, а не благодаря божественному чуду, скорее самохвальством и обманом магического искусства, чем по заслугам добродетели. Затем святой Гоар подошел ближе к епископу и рассказал о своих деяниях; и епископу показалось удивительно, что тот, в ком нет высоты святости, доит диких зверей и использует солнечный луч как деревяшку. Пока это выспрашивали у святого мужа и возводили клевету на его честную и чистую совесть, человек Божий, который хорошо знал, что он никогда не изучал дурных искусств, ответил просто: «Богу — Праведному Судии, сильному и долготерпящему, Сердцеведцу, видящему все тайное, известно, что я решительно никогда не знал магического искусства прежде и не знаю сейчас, и что я никогда не восставал против какого-нибудь общего мнения. Я доил диких зверей не благодаря каким-то заклинаниям, из которых я совершенно не знаю ни одного, но исполнил то, что мне позволило и определило Божественное Милосердие для спасения моих спутников; и я знаю, что повесил свою одежду на дубовую палку, а не на солнечный луч, как говорят. Что же до сказанного обо мне, что я рано ем и пью, да видит Тот, Кто зрит и судит всяческое, делал ли я это когда-либо из-за порока чревоугодия или по долгу любви».

20. О том, какой обычай был у тревиров по отношению к подкидышам

В то время как святой Гоар говорил это, неожиданно вошел некий отрок из клириков Церкви, по имени Леобгиз, неся на руках младенца, которому, как полагали, от часа рождения исполнилось всего три дня. Никто не знал, кто были его родители. Тогда у тревиров был такой обычай: если так случится, что некая женщина произведет на свет дитя и не хочет, чтобы его родители были извест-

ны, или никак не могут пропитать его из-за отсутствия средств, она подкидывает рожденного малыша к некую мраморную раковину, которая была поставлена для этого. (Ныне эта раковина, отданная в собственность Прюмского монастыря как дар славнейшего короля Пипина, доставляет братьям воду для трапезной в обители); когда же подкинутое дитя будет обнаружено, найдется некий человек, который примет его и вскормит, движимый состраданием. Дотронувшись до дитяти, стражи или писцы Церкви берут мальчика и спрашивают у народа, не хочет ли кто-нибудь случайно принять его на воспитание и растить, как собственного ребенка; когда же кто-либо предложит себя для этого, подкинутого дитятю относят к епископу, и по его постановлению тому, кто принял его от писцов, дается право питать и растить малыша.

21. О том, как невиновность святого Гоара была защищена словами младенца

Тогда случилось подобное, и младенец, найденный в раковине вышеупомянутым клириком, был принесен в присутствие епископа и Церкви. Увидев ребенка, епископ обратился в своим приближенным со словами: «Ныне мы сможем легко испытать, от Бога ли деяния Гоара или от врага. Пусть он теперь объявит нам, кто родители принесенного мальчика; и, если он сияет божественной силой, что против обычая природы, пусть он сделает так, чтобы трехдневный младенец заговорил³⁰ и назвал имена своих родителей». Муж Божия принудили выполнить это условие; епископ приказал ему, чтобы он совершил чудо, чтобы обнаружить невинность своих деяний и святость своей честной души. Муж Божий должен был сделать нечто такое, чтобы дух сомневающихся укрепился, в будущем слушая его и подражая ему; если же он либо не захочет, либо не сможет сотворить это, значит, не будет веры ни его прежним делам, ни тому, что он говорил о себе, как о невинном и чистом человеке, и все, что он делал до сих пор, будет приписано волхвованию, а сам он будет казнен как волшебник и чародей. Тогда блаженнейший муж стал сильно горевать и сокрушаться потому, что его предстоятель приказывает ему совершить такое дело, говоря, что, кажется, и попробовать это будет некоторой самонадеянностью, и отказаться от него – неотвратимой трудностью, ибо ему всегда было достаточно своей собственной совести и свидетельства Вышнего Судии, и что не подобает приказывать таковое, что это не для него, знающего о себе, что он грешник во всем, но что это чудеса святых. Но так как святой Гоар не мог противиться приказам епископа и опечалился от того, что ненадежная совесть тех,

---

³⁰ Параллели в ирландской (житие святых Албеуса, Бригитты, Кольмана Эло, Сенана) и галльской (житие святого Иллидия) агиографии.

кто привык слушать только себя, была в своих оценках введена в заблуждение, он, обратившись к молитвам и умоляюще простирая руки к Богу, сказал: «Христе, Который вынес Свое истощание ради искупления человечества и изволил принять образ раба, окажи мне, хоть и недостойному служителю Своему, милосердие и яви мощь Своей силы в этой нужде, чтобы присутствующий здесь епископ и народ его узнали, как я Тебя люблю, Тебя почитаю, Тебе желаю непрестанно служить, Творец всяческих и Искупитель». Сказав это, святой Гоар подошел к клирику, принесшему дитя, и спросил, сколько дней от рождения этому младенцу. Когда тот ответил, что младенцу от рождения уже три дня, муж Господень добавил: «Святая Троица, Тебя призываю, и прошу тебя, младенец, чтобы ты во имя Святой Троицы ясно назвал своих родителей по именам». Тогда младенец, протянув руку к епископу, совершенно самостоятельно ответил: «Этот вот человек, епископ Рустик, мой отец, а мать моя зовется Флавией». Так, по справедливому суду Божию, пока этот епископ воздвигал клевету на слугу Господня и силился очернить дела, которыми должен был бы восхищаться, злобным вымыслом коварства, Тот, Кто судит о всех открыто, сделал известным и то, что совершил сам епископ, и то, какую тайную жизнь он вел.

22. О том, как святой Гоар побудил епископа к раскаянию и дал обет приносить за него покаяние семь лет

Когда епископ увидел, что он изобличен, и то, что он был уверен, можно было утаить, сделалось открытым для всех, он в смущении упал к ногам блаженного мужа. Он сказал, что он без сомнений признает, что святой Гоар – муж святой и любезный Богу, и что его – епископа – преступление, которое, как он думал, никому, кроме него, той, с кем он вступил в незаконную связь, и одного лишь младенца, не известно или не станет известно, благодаря Божественной силе, более того, по причине Божественного наказания сделалось видимым всем посредством невинного и еще не говорящего по своему младенческому обычаю ребенка. Святой муж, обдумывая происшедшее, неподвижно стоял в изумлении, более того, испускал тяжелые вздохи из глубины сердца. Он заплакал, обратившись к епископу, так как увидел, что предстоятель был разоблачен из-за него, говоря, что лучше было бы епископу принести добровольное признание втайне, и, прежде чем его бы стали порицать всенародно, ему следовало бы искупить обвинение совести исправлением по своей собственной воле и соответствующим наказанием, и что, конечно, истинно и незыблемо речение: *Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узно (Мф 10:26)*. Как только епископ нашел утешение в спасительных советах, он убедил себя, что по

суждению пресвитера Гоара он примет за свою собственную провинность суровое и долгое покаяние, которое состоит не только в словах, но исходит из глубины души, и попросит прощения в истинной слезной скорби и сокрушении духа у Бога, желающего жизни каждого. Точно так же, как Рустик усердно работал диаволу, которому он принес веселие и прибыль в виде себя, так как совершил столь великое преступление, ныне он принес печаль и смущение, достойно совершив покаяние; ибо никому не должно отчаиваться в милости, не говоря уже и о самом епископе, когда Сам Господь провозгласил устами пророка: *Не хочу смерти грешника, но чтобы обратился и жил, и в какой бы день ни обратился бы грешник, все нечестие его да будет забыто* (ср. *Иез 18:23,32*) и Сам говорит в Евангелии: *Я пришел призвать не праведников, а грешников к покаянию* (Лк 5:32). И в то время как Высшее Милосердие готово отпустить грехи, людям подобает быть скорыми на покаяние; святой Гоар хотел, по умеренности сил, принять на себя грех епископа и нести покаяние и желал бы упросить за него Бога непрестанными молитвами и плачем; но святой муж знал, что в будущем многие добрые и лучшие мужи будут усердно оплакивать прегрешение епископа и помогать ему своими молитвами, согласно тому, что сказал апостол Иаков: *Молитесь друг за друга, чтобы исцелиться* (Иак 5:16). Святой Гоар побуждал епископа к покаянию этими и подобными словами; по любви, которой пылал ко всем, святой муж, сострадающий несчастьем епископа, выпрашивал для него у Бога милости, помня реченье апостольское: *Обративший грешника от ложного пути его спасет душу от смерти и покроет множество грехов* (Иак 5:20).

23. О том, как святой Гоар из послушания ответил королю Сигиберту о себе и о преступлении епископа

После того, как произошли эти события, молва о них быстро дошла до короля Сигиберта; тотчас же направив к блаженному Гоару своих посланников, король позаботился пригласить его к себе. И вскоре, узнав, что приглашенный прибыл, король спросил его о тех событиях, молва о которых была донесена до него, а именно: о послахе епископа и о животных, которых подоил святой муж, а также о самом епископе и о младенце, который заговорил прежде времени своего возраста. Так как святой Гоар ничего не отвечал на это, считая, что это распространяют о нем без разбора; король в раздражении повелел, чтобы из послушания, которое сам муж Божий должен был оказывать королям, властителям и святителям, святой Гоар по порядку открыл то, о чем его спросили. Только тогда, вынужденный необходимостью, святой муж попросил расспрашивающего его короля, что же тот хочет от него услышать. Когда король ответил, что он спрашивал о посланниках

епископа и животных, и о епископе, святой муж попросил, чтобы тот сам назвал деяния таким образом, как он о них услышал. В таком же порядке, как это сделал король, святой муж изложил события так, как они происходили, и добавил: «Я не должен пренебрегать послушанием, однако ты не услышишь от меня ничего, кроме того, что сказал сам, ибо в рассказе обо мне передается сделанное другими».

24. О том, как святой Гоар отказался от епископства

Тогда король, исполнившись восхищения, начал при всех рассказывать то, что он узнал о деяниях святого мужа. Вслед за этим все возгласили, что святой Гоар достоин, по изгнании Рустика, стать епископом Тревиров, что это совершилось не без Божественного определения, что должно возглавить Церковь тому, кто может во всем украсить достоинство пастырского служения чудесами и знаменами, а равно и заслугами жизни. К тому же, и король радостно и бодро пожелал присоединиться к голосам возглашающих. И с одобрения присутствовавших священнослужителей и знатных мужей, служащих при королевском дворе, король приказал, чтобы святой Гоар принял епископскую кафедру уже упомянутой Церкви. Святой муж, который просил всегда за других, а не за себя, знал, что нужно соблюдать такое речение мудрого мужа: *Сколько ты велик, столько смиряйся (Сир 3:18)*, и такое слово Господне: *Мы рабы ничего не стоющие, потому что сделали, что должны были сделать (Лк 17:10)*. Святой Гоар восскорбел и опечалился: он с неохотой выслушал повеление короля и сказал, что он лучше умрет, чем захватит место епископа Рустика, что королю должно по отношению к епископу подумать над божественным речением, в котором говорится: *Довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его (Мф 10:25)* и *Если хозяина дома назвали вельзевулом, не тем ли более домашних его? (Мф 10:25)*, что не должно отказывать епископу Рустика в месте покаяния, что Царь Всяческих пребывает на небесах и выносит суждение о каждом человеке, и если король желает, чтобы Он отпустил ему грехи, ему должно и Рустика позволить, чтобы тот усердно вымолил у Небесного Царя помилование за свои деяния; не столь легко отрешить от служения священнослужителя, когда мы все смертны и по немощи плоти склонны ко греху.

25. О том, как святой Гоар настоятельно просил у короля отсрочки

Король ответил на услышанное следующим образом: он и епископу не откажет в покаянии, и желает слушаться советов того, посредством кого были совершены столь великие чудеса, но что он не может противиться воле священнослужителей и суждению на-

рода, а именно: не может не возвысить того, кого все просят сделать епископом. Видя, что король упорно возражает ему, святой муж смиренно и со слезами попросил короля, чтобы тот дал ему возможность удалиться в свою келью и там наедине с собой без принуждения обдумать это предложение в течение некоторого времени, и только так он сможет ответить королю то, что ему покажется надлежащим. Король немедленно дал на это согласие и приказал, чтобы святой Гоар через двадцать дней пришел к нему в город Медиоматрик, который ныне зовется Меттис. Святой Гоар отправился в келью, решив, без сомнения, сделать тем временем иное, с помощью чего можно было бы отклонить предложение короля. Придя в келью, святой муж простерся в молитве и начал усердно и со вздохами просить Господа, чтобы Он милосердно изволил освободить его от столь великого бремени пастырского попечения, говоря, что ему достаточно, если он будет тайно и в сокровенных глубинах своей совести служить Ему в течение оставшихся дней своей жизни, что он не может нести бремя, которое хочет на него возложить король. И в то время как святой Гоар так наедине с собой скорбел, упорствуя в молитвах, по воле Божией он, охваченный сильной лихорадкой, заболел и долгое время томился телесной тяготой. Чего же больше? Так приключилось, что муж Божий избежал епископства, и король, полагая, что увидит его через двадцать дней, не увидел его и через семь лет. Божественное Провидение устроило так по отношению к рабу Своему, что святой Гоар и отклонил настойчивость короля, желавшего возвести его в сан епископа, и исполнил то, что обещал епископу Рустикю, а именно: семь лет молился за него, хотя находился в немощи. Ибо как всю свою жизнь, так в особенности эти семь лет святой Гоар посвятил молитве, молясь, как предписал апостол, за всех людей, за королей и за всех, кто занимал высокое положение, чтобы они проводили *тихую и безмятежную жизнь во всяком благочестии и чистоте* (см. 1 Тим 2:2). По прошествии этих семи лет он, прекращая, проливал слезы и постоянно просил Господа, помня Его речение: кто сеет в слезах, пожинает в радости (ср. Пс 125:5). Зная, что конец его жизни совсем недалек, он желал разрешиться и быть со Христом (ср. Флп 1:23).

26. О том, как святой Гоар

НЕ СМОГ ОТПРАВИТЬСЯ В КОРОЛЮ СИГИБЕРТУ ПЕРЕД БОЛЕЗНЬЮ

Когда прошло семь лет, король Сигиберт вспомнил то, что ему самому, народу и придворным хотелось относительно святого Гоара; и тут же, отправив к святому мужу гонцов, сказал, что тот должен прийти к нему. Но муж, исполненный Духа Божия, зная, что близится смерть его плоти, ответил посланным пророческим голосом: «Скажите, сыночки, господину вашему, что он не увидит

моего лица в сей жизни, если только не захочет вдруг сам прийти в нашу келью, так как, охваченный тягостной болезнью, я никуда не могу выехать, хотя эти бичи божественного правосудия долгое время легки были моим грехам». Когда посланные принесли этот ответ королю Сигиберту, он, опечалившись, стал говорить, что и он не достоин иметь такого учителя, и народ не заслужил иметь столь великого предстоятеля. Однако король послал еще других гонцов, посредством которых он решительно потребовал, чтобы святой муж изволил поторопиться к нему и не отказывал бы властителю, сильно желающему с ним встречи. Когда посланцы пришли к служителю Христову, они нашли его страдающим от сильной лихорадки и тяжело больным, но непрерывно усердствующим в хвалах Богу. Святой муж сказал им, вставшим около него: «Не торопите больше, о сынки, ни самих себя, ни вашего короля, ибо я доподлинно знаю и твердо надеюсь, по Вышнему Милосердию, что я не выйду за пределы этого места, и не претерплю иного поднятия с ложа, чем для погребения». Так, оставаясь твердым в своем намерении, святой Гоар безвыходно пребывал в неизменной хвале Богу и молитве.

27. О том, как святой Гоар попросил у короля место своего погребения и пресвитеров для его совершения

Тогда посланные спросили у святого мужа, к которому они пришли, что он желал бы попросить от своего имени у короля. Святой Гоар ответил им: «Мое единственное прошение таково: если королю угодно, пусть сие место станет причиной увеличения его заслуг и вечного воздаяния в Царстве Небес; когда же для меня придет последний в этой жизни день и должный конец, пусть он пришлет ко мне своей властью и приказом пресвитеров Агриппина и Евсевия, которые должны предать погребению мои останки». Получив такой ответ, посланные вернулись к королю и по порядку передали слова и просьбу пресвитера Гоара. Узнав об этом, король, весьма встревожившись, восскорбел и переменился в лице, так как он понял, что столь великий муж вскоре оставит его. Вскоре он пригласил к себе вышеназванных пресвитеров и повелел им отправиться в келью святого Гоара в соответствии с волей святого мужа, поручив им исполнить его повеление со всяческим усердием и старанием.

28. О том, как святой Гоар умер и как был похоронен

По прошествии семи лет, о каковом сроке мы упоминали выше, блаженный муж еще три года и три месяца пребывал в немощи и возносил хвалу Богу; исполнившись днями и добрыми делами и усовершенствовавшись в деяниях праведности, он умер в присутствии приставленных к нему вышеназванных пресвитеров и

множества других добрых и честных людей в своей келье, где он много дней служил Богу. Святой Гоар скончался за день до июльских нон, оставив плотью сей мир, страсти и похоти которого он уже давно победил из-за любви к Небесному Отечеству, и придя к Царю Христу, к Которому он непрестанно стремился, и достигнув блаженства небесной жизни. Тот будет без конца обладать вечными благами, кто не хотел, когда мог, иметь на земле блага, считая их о благами века сего, и тот будет иметь со Христом нерукотворное, вечное жилище на небесах, кто свое тело сделал Христу смиренным домом и земным пристанищем. Агриппин и Евсевий, а также другие пришедшие туда священнослужители и знатные мужи с высшей почестью и почтением позаботились об уже бездыханном теле святого мужа и предали его погребению в том же месте и церкви, которую он сам построил.

29. Свидетельство достоверности и заключение составителя

То, что я написал о жизни святого мужа Гоара в своем повествовании, я узнал, восприняв из старинных и очень древних списков; неповрежденной верой следовал я истине деяний и по Вашей воле, славный муж и почтенный отец, попытался исправить только лишь безыскусность речи, которая могла бы немало оскорбить образованных людей. Я желал, чтобы заступничество и заслуги столь великого мужа всегда помогали и мне, и всем, кто это прочтет, пред Божественным Милосердием, чтобы мы, ежедневно нарушающие божественные законы по причине немощной плоти и оков мимолетного бытия, обрели заступничество того, кто в течение своей жизни служил нерушимому закону Христову, получили облегчение бремени грехов и удостоились помощи в доброй жизни, что да дарует нам Господь Иисус Христос, Которому со Отцом и Святым Духом честь и слава во веки веков: Аминь.

Здесь благополучно кончается книжечка о Жизни и деяниях святого и блаженного исповедника Гоара, составленная диаконом Вандальбертом.

Перевод с латинского и примечания

М.Р. Ненароковой

В.В. Петров

Ἄρταυμός и *ἄρταυμα*Критические замечания к статье о Павла Флоренского
«*He восхищение непщева* (Флп 2:6-8)»

Большинство современных исследований Флп 2:6-11 принадлежит перу западноевропейских ученых. В России по известным причинам подобные работы были прерваны в начале XX в., хотя до этого искомый фрагмент не раз становился предметом толкования русских богословов. Из ранних можно указать на заметку А.С. Хомякова, который предложил следующий – правильный и корректный – перевод строки 6: «Христос, Который не замыслил (или не предпринял, или не подвигся на) *хищение* быть равным Богу». «Христос, – поясняет Хомяков, – будучи образом Божиим, не задумал своевольно себе приписать равенство с Богом (божественность), но от Бога же ожидал Своей судьбы и славы»¹.

В специальной статье² о Павле Флоренский разбирает смысл существительного *ἄρταυμός* (Флп 2:6), приводя многочисленные тексты из Гомера и христианских авторов, в которых глагол *ἀρτάζειν* описывает действие высших сил, возносящих человека с земли на небо, или экстатическое (духовное) вознесение

¹ «Заметка на текст Послания апостола Павла к Филиппийцам. Глава II, стих 6» (конец 1850-х гг.), опубликована посмертно в кн.: А.С. Хомяков. Сочинения. Т. I-IV. М.: Прага, 1861–1973. Т. II. С. 397-398; перепечатано: Сочинения. Т. 2. М., 1994. С. 328-329, с примечаниями о Николае Балашова (с. 448-449), который указывает следующую русскую библиографию по вопросу: И. Назарьевский. Послание святого апостола Павла к Филиппийцам. Сергиев Посад, 1893; М.М. Тареев. Основы христианства. Т. 1. Сергиев Посад, 1908. С. 10-38; А.И. Чекаловский. К уяснению учения о самоуничтожении Господа нашего Иисуса Христа. Киев, 1910; Н.Н. Глубоковский. Христово уничтожение и наше спасение // Православная мысль. Вып. 2. Париж, 1930. С. 86. (В цитате из Хомякова курсив мой – В.П.).

² «*He восхищение непщева* (Флп 2:6-8). К суждению о мистике» (1915). См.: Флоренский. Соч. в 4 тт. Т. 2. М.: Мысль, 1996. С. 143-188.

индивида в высшие сферы. Не подвергая сомнению то, что глаголы и причастия от основы *ἀρπα(γ)-* имеют смысл «взятия наверх» почти во всех *выбранных* им примерах, я не могу согласиться с основным тезисом о. Павла о том, что и исходно глагол *ἀρτάζειν* подразумевал «вознесение», и что тот же смысл он имеет в Флп 2:6. Напротив, не подлежит сомнению, что в этой строке Послания *ἀρπαυμός* имеет свой основной (и единственный до Павла) смысл, а именно «хищение», «то, что берется без разрешения и / или силой», «объект хищения»³. В этом мое мнение совпадает с тем, как понимается это место в современных переводах Послания к Филиппийцам⁴ и комментариях к этому месту⁵.

В отличие от Флоренского, мои выводы основаны не на ограниченной выборке фрагментов, но на учете *всех* текстов, содержащих *ἀρπαυμός / ἀρπαυμα* и хронологически предшествующих Посланию к Филиппийцам⁶. Слабые стороны аргументации о. Павла состоят в следующем.

1) Основная. Методологически неприемлемо рассматривать новозаветные тексты в свете догматических представле-

³ Словари единодушны: *ἀρπαυή* – «захват», «грабеж», «похищение»; *ἀρπαυμά* – «добыча»; *ἀρπαυμός* – «грабеж», «похищение», «объект захвата». См.: H.G. Liddell, R. Scott. A Greek-English Lexicon, revised by H.S. Jones, with a new Supplement. Oxford: Clarendon Press, 1996. P. 245; G.W.H. Lampe. A Patristic Greek Lexicon. Oxford: Clarendon Press, 1961. P. 228. Этимологические словари тоже понимают *ἀρπαυμός* и *ἀρπαυμα* как «добычу», «объект захвата». См.: H. Frisk. Griechisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg: Karl Winter, 1960. S. 148; P. Chantraine. Dictionnaire étymologique de la langue Grecque. Histoire de mots. T. I. Paris: Éditions Klincksieck, 1968. P. 113-114.

⁴ Переводы Библии на английский язык см. на сайте *BibleGateway.com*. *Advanced Search* – <http://www.biblegateway.com/cgi-bin/bible>.

⁵ Ср. Gordon D. Fee. "Philippians". The InterVarsity Press New Testament Commentary Series. Vol. 11 (IVP, 1999), интернет-версия: <http://www.biblegateway.com/cgi-bin/webcommentary?book=PHIL>. Комментарий базируется на переводе The Holy Bible. New International Version (далее NIV). Применительно к Флп 2:6-11 специально рассматриваются четыре вопроса: 1) Почему Павел говорит «in the form» of God (альтернативный перевод на полях NIV), вместо того, чтобы просто сказать «as God»? 2) Что означает слово *ἀρπαυμός* (NIV предпочитает перевод «something to be grasped» варианту «taking advantage of»)? 3) Что означало для Христа «опустошить себя» (NIV: made himself nothing)? 4) Почему «in human likeness» предпочтено переводу «in his humanity» или чему-то подобному?

⁶ Имеются в виду все тексты, включенные в электронную текстовую базу данных Thesaurus Linguae Graecae. A Digital Library of Greek Literature. CD-ROM E (далее TLG E). Это примерно 3600 авторов, а число принадлежащих им сочинений превышает эту цифру в несколько раз.

ний, выработанных на Вселенских соборах⁷. Но именно это – отправной пункт рассматриваемой работы Флоренского (с. 144 сл)⁸. Уже здесь весь его последующий анализ обесценивается, становится псевдо-научной завесой для процесса подгонки фактов под заранее известный ответ.

2) Ошибки частного плана, следующие из основной. Цель Флоренского – установить значение существительного ἄρταγυμός. Традиционно, если нужно выяснить смысл слова у какого-либо автора, то смотрят на значение этого слова у других авторов. При этом для фигур, тексты которых повлияли на последующую традицию, а именно таковым является ап. Павел, предшественники и современники много важнее последователей. Из текстов, предшествующих апостолу, Флоренским выбраны фрагменты из Гомера и Филона (о последнем см. ниже пункт 4). Однако в приведенных отрывках из *Одиссеи* и *Илиады* мы видим не собственно ἄρταγυμός (masc. sing.) или близкое к нему ἄρταγμα (neut. sg.), но только аористные глаголы и причастия, образованные от основы ἄρτα(γ)-: Эос похитила Клита⁹; боги

⁷ Отрывок Флп 2:6-11 отличается ярким субординатизмом, при котором Христос рассматривается как меньший, чем Бог Отец. Ср. *Джэймс Д. Данн*. Единство и многообразие в Новом Завете. Исследование природы первоначального христианства (1990²), пер. Н. Балашова и Г. Ястребова. М.: Библиейско-Богословский институт св. апостола Андрея, 1997. С. 241: «Пытаясь добраться до истоков христологической мысли I века, мы не должны проецировать на то время позднейшие выводы классических христологических споров; мы не должны *предполагать*, будто повсюду скрыта ортодоксия, ожидающая своего раскрытия; иначе непредубежденный подход к новозаветному материалу окажется невозможен. Если человек станет рассматривать период начала христианства, а в ушах у него будет звучать классические формулировки христианской ортодоксии, он едва ли сможет уловить подлинный характер христианской мысли I века (если она окажется иной). Мы скорее должны поставить себя на место евреев того времени, имевших строгую монотеистическую традицию, и попытаться понять, как они воспринимали Иисуса и первых христиан».

⁸ В этом смысле, неправильно и толкование Флоренским Мф 11:12, в смысле «усвоить силою высокого подвига» (с. 145). Благочестию, узнававшему Евангелие на уроках Закона Божия, было сложно представить, что некогда слова Христа обладали взрывной силой, звучали парадоксально, что Его деятельность и учение были вопиющим нарушением существовавших норм. Подробное обсуждение значения ἄρπάζειν в Мф 11:12-13 и Лк 16:16 см. в кн. *Иоахим Иеремиас*. Богословие Нового Завета. Часть первая. Провозвестие Иисуса (1973), пер. с нем. А.Л. Чернявского. М.: Восточная литература, 1999. С. 47-50, 56-60, 65-66, 124, 133-139.

⁹ ἤρτασεν, аог. ind. act. 3 sg. от ἄρταζω. Морфологический анализ

похитили Ганимеда, люди полагают, что Гарпии похитили Одиссея; Гарпии похитили Пандаровых дочерей¹⁰; Пенелопа желает, чтобы вихрь унёс её¹¹.

Однако значение глаголов и причастий не обязательно тождественно значению существительного от той же основы. Например, русский глагол «взирать» имеет несколько значений и множество дериватов, но образованное от той же основы существительное «взятка» гораздо более однозначно (ср. также «резать» и «резня»). Флоренский, разумеется понимает это, а потому помещает гомеровские фрагменты, которые хронологически, а стало быть логически приоритетны, не в начало своих рассуждений, а в конец. Почему он не поискал у Гомера *ἀρπαγμός* или *ἀρπαγμα*? Просто потому, что до ап. Павла *ἀρπαγμός* не фиксируется ни в одном тексте, а значение близкого к нему *ἀρπαγμα* однозначно – «разбой и хищение».

3) Оставим в стороне *ἀρπαγμός* и еще раз посмотрим на примеры из Гомера, приводимые о. Павлом. Почти всегда боги «похищают» смертного для своих целей, не спрашивая его желания, и лишь как сопутствующий момент, – поскольку высшие существа уносят человека в место своего обитания, – это перемещение оказывается для смертного возвышением. Поэтому у *ἀρπάζειν* нет смысла «поднятия вверх» или, тем более, «восхождения». Как видно из примечаний 10 и 11 (т.е. за исключением случая с Эос) используется не просто глагол *ἀρπάζω*, но его производные, полученные путем добавления приставки *ἀνα-*. Это значит, что исходный глагол для Гомера не связывается с перемещением по вертикали и, чтобы выразить этот момент, он добавляет соответствующий префикс (так это и в русском языке, ср. Синодальный перевод 2 Кор 12:1-4, где тоже выбрано «вос-хищение», – слово, усиленное приставкой). Таким образом, не выдерживает критики и несостоятелен тезис о. Павла (с. 170), гласящий, что первоначально глаголом *ἀρπάζειν* описывали «мистическое» представление об экстатическом или же избавительном восхищении, и лишь впоследствии, «в устах не-мистических», значение слова трансформировалось, сведясь к «хищению».

4) Перейдем к цитируемым Флоренским христианским ав-

словоформ проведен при помощи Perseus Word Study Tool. Morphological Analyses for Inflected Greek Words, <http://www.perseus.tufts.edu/cgi-bin/resolveform>.

¹⁰ ἀντρείψαντο, aor. med. ind. 3 pl. от ἀνερειπτομαι.

¹¹ ἀναρπάξασα, part. aor. act. fem. nom. sg. от ἀναρπάζω.

торам. Как и в случае с Гомером ἄρπαγμός или ἄρπαγμα у них не встречается. Ранние авторы используют либо причастия пассивного аориста (Филон, Плотин и Антоний), либо глагол в аористе (Афанасий)¹².

Правда, у более поздних, – подобно Нилу Синайскому († 430–450), Иоанну Мосху († 619), Иоанну Лествичнику († ок. 600 / 649), Исааку Сирину († нач. VIII в.) и пр., – мы видим существительное ἄρπαγή. В приведенных цитатах оно значит именно то, что требуется о Павлу, а именно, – «духовное исступление, возвышение». Проблема, однако, в том, что ценность этих примеров, как независимых свидетельств, равна нулю. Упомянутые авторы воспитаны в языковой традиции, сформированной после Павла и под влиянием Павла. Все они с детства знают наизусть 2 Кор 12:1-4 («восхищен был до третьего неба») и ориентированы на этот языковой узус. Таким образом основной тезис о Павла не выдерживает научной критики.

В заключение выскажем несколько наблюдений относительно ἄρπαγμός или ἄρπαγμα, сделанных нами при работе с TLG E.

Ἄρπαγμός. В текстах появляется в I веке н. э. Это редкое слово встречается лишь дважды: в Послании к Филлиппийцам ап. Павла (ок. 3–62 гг. н. э.) и у Плутарха (ок. 46–120)¹³, в обоих случаях означая «хищение». Можно предположить, что оно или зародилось в круге Павла, или было введено лично им. Лишь после Павла ἄρπαγμός входит в широкое употребление, причем преобладающими значениями становятся те, что вычитывались последующими поколениями толкователей строк 2 Кор 12:1-4 и Флп 2:6-11.

Ἄρπαγμα. Фиксируется раньше, чем ἄρπαγμός, но и здесь до Павла случаи его употребления единичны. В классический период оно встречается в Письме VII, составленном учениками Платона, означая «грабеж»¹⁴; о «хищениях» (ἄρπάγματα) на флоте говорил

¹² ἄρπασθέντες, part. aor. pass. masc. nom. pl. со значением «восхищенные» (Филон); ἄρπασθεῖς, part. aor. pass. masc. nom. sg. со значением «восхищенный» (Плотин); ἄρπαγέντα, part. aor. pass. masc. acc. sg. (Антоний); ἤρπάγην, aor. ind. pass. 1 sg. (Афанасий).

¹³ De liberis educandis 12A: «καὶ τοὺς μὲν Θήβησι καὶ τοὺς ἐν Ἡλιδι φευκτέον ἔρωτας καὶ τὸν ἐν Κρήτῃ καλούμενον ἄρπαγμόν, τοὺς δ' Ἀθήνησι καὶ τοὺς ἐν Λακεδαίμονι ζηλωτέον».

¹⁴ Платон. Письмо VII, 335ab: «Человек жадный... грабит (ἄρπάξει) все, что только захочет... не видя, что его захватничество (τῶν ἄρπαγμάτων) сопряжено с нечестием».

в 330 до н. э. Эсхин¹⁵. слово встречается также у Ликофрона (перв. пол. III в. до н. э.)¹⁶. Зенон и Хрисипп (у Галена) рассуждают с его помощью о консистенции спермы. В Септуагинте оно встречается 12 раз и всегда означает «хищение, похищенное, украденное, грабительство, добыча; незаконное отнятие»¹⁷.

Хронологически ближайшее к ап. Павлу употребление слова *ἄρπαγμα* принадлежит Иосифу Флавию (ок. 37 – ок. 101) и означает «добыча». Это свидетельство важно еще и потому, что принадлежит такому же грекоязычному иудею, каким был и сам Павел¹⁸. В том же значении мы видим его и у Плутарха (ок. 46–120)¹⁹. Общий вывод — *ἄρπαγμός* или *ἄρπαγμα* всегда обладают смыслом «хищение», «отнятие силой» и пр. Они могут иметь оттенок «схватить и понести», но никогда (до Павла) «схватить и понести на небо» или, тем более «вознестись, взойти».

Заключение

1. Ниже приведены все строки с *ἄρπαγμα* в Септуагинте (Синодальный перевод):

Лев 6:4: он должен возвратить похищенное, что похитил (τὸ ἄρπαγμα, ὃ ἤρπασεν);

Пс 61:11: Не надейтесь на грабительство, и не тщеславьтесь хищением (ἐπὶ ἄρπαγμα);

Иов 29:17: из зубов его [я] исторгал похищенное (ἄρπαγμα);

Ис 42:22: сделались [объектом] грабежа... [стали] добычей (ἄρπαγμα)...»;

Иез 18:7: «хищения не производит (ἄρπαγμα οὐχ ἄρπᾶται)»;

18:12: «насилно отнимает» (ἄρπαγμα ἤρπασεν);

18:18: «грабил добычу» (ἄρπάσῃ ἄρπαγμα);

18:33: «за похищенное заплатит» (ἄρπαγμα ἀποτείσῃ).

Мал 1:13: и приносите украденное (ἄρπάγματα);

Ис 61:8: «Я, Господь... ненавижу грабительство (ἄρπάγματα)»;

Иез 19:3: «[львенок] научился ловить добычу (ἄρπάζειν ἄρπάγματα)»;

¹⁵ Эсхин. Против Ктесифонта 222, 1-2 (Martin и Budé).

¹⁶ Ликофрон. Alexandra I. 87 (Mascialino): Λεύσσω θεόντα γρυνὸν ἐπτερωμένον τρήρωνος εἰς ἄρπαγμα, Πεφναίας κινός, ἦν τόρυγος ὑρόφοιτος ἐκλοχεύεται, κελυφάνου στρόβιλον ὠστρακωμένην.

¹⁷ Ср. Лев 6:4; Иов 29:17; Пс 61:8, 11; Сир 16:13; Ис 42:22; Иез 18:7, 12, 18, 33; 19:3; Мал 1:13. А также Псалмы Соломона 2:24.

¹⁸ Иосиф Флавий. Иудейские древности. Кн. 11. Гл. 5, 6 (М.: Ладомир, 1994. Т. 1. С. 633), (= 11, 162, 1 – 163, 1, Niese): «страдания нашего народа, который... стал добычей (ἄρπαγμα) и игрушкой всех?».

¹⁹ Плутарх. De Alexandri magni fortuna aut virtute 330D: ἄρπαγμα καὶ λάφυρον.

Сир 16:13: «не убежит от Него грешник с хищением (ἐν ἄρπαυματι)»;

Псалмы Соломона (I в. до н. э. – I в. н. э.) 2:24: излили гнев свой на нас в расхищении (ἐν ἄρπαυματι).

2. Цель этой заметки – указать на ошибочность тезиса одной из небольших работ Павла Флоренского. Есть ли смысл в научной критике текста почти вековой данности? Смысла не было бы при наличии непрерывавшейся академической традиции и специальных периодических изданий, в которых бы получали объективную оценку все заметные публикации в соответствующих гуманитарных дисциплинах. Сегодняшняя ситуация далека от описанной. Благое дело по изданию наследия ученых, философов и богословов, чьи труды не могли прийти к читателю в советский период, не имеет противовеса в виде печатания рецензий, объективно оценивающих их научную значимость. В последние два десятилетия свет увидели работы, многие из которых были созданы в отсутствие доступа к зарубежной научной литературе, вне дискуссий с коллегами, часто в тяжелых материальных условиях. Не удивительно, что критерий строгой научности подчас не был в числе авторских приоритетов²⁰.

К этим сочинениям, богословским по преимуществу, обратились широкие слои образованной публики, состоящей из людей не получивших классического образования. Возвращенные к жизни работы получили чуткую и некритически настроенную аудиторию, на которую в обычных условиях не могли бы рассчитывать, обрели влияние, несоизмеримое с их объективной научной ценностью – ведь многие тексты не отвечали критериям научности уже в момент написания. Однако, их авторы давно уже превратились в полумифические фигуры: собственные имена ограждают их от любого рода критики.

Конкретным поводом для написания этой заметки послужило обсуждение коллегами моей статьи. Поскольку я ссылался на Флп 2:6-11, один из выступавших, специалист по философским проблемам математики, и, одновременно, человек, интересующийся христианской философией, указал на то, что я не использую статью о П. Флоренского, выводы которой противоречат моей трактовке Флп 2:6-11. Ознакомившись со статьей, я понял, что для опровержения её основного тезиса достаточно заглянуть

---

²⁰ Статья Флоренского, изданная в 1915 г., писалась во вполне благополучной обстановке. Тогда же (с некоторыми оговорками) она получила благоприятные отзывы В.Ф. Эрн и Вяч. Иванова. Таким образом, её ненаучность обусловлена не внешними причинами.

в словарь древне-греческого языка. Проблема состояла в том, что мой собеседник греческого не знал, но главное – авторитет Флоренского был для него непререкаем. Свои соображения, составляющие текст этой заметки, я передал ему в письменном виде, но он на них не ответил: скорее всего, остался при своем мнении.

Я не собирался печатать эти замечания, но недавно тема напомнила о себе ещё раз. Оказывается, в беседах с помощником на искомую статью Флоренского ссылался и А.Ф. Лосев, разделявший тезис о том, что «восхищение» в Флп 2:6 имеет смысл «экстаза»²¹. Лосев фигура знаковая и неоднозначная, к нему приложимо всё сказанное выше о полумифических героях. Как и в случае с Флоренским, теперь на него большей частью ссылаются неспециалисты в своих спорах с уступающими им в численности профессионалами. Публикуя эту заметку, я выступаю на стороне последних.

²¹ В.В. Бибихин, Алексей Федорович Лосев. Сергей Сергеевич Аверинцев. М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2004. С. 162.

С.В. Беспалова (Саратов)

СОЦИАЛЬНО-НРАВСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В «ВЫБРАННЫХ МЕСТАХ ИЗ ПЕРЕПИСКИ С ДРУЗЬЯМИ»

Системная организация «Выбранных мест из переписки с друзьями» была впервые исследована Александром Матвеевичем Бухаревым (архимандритом Федором), известным в XIX в. духовным писателем, преподавателем Московской духовной академии. В 1849 г., т.е. сразу после опубликования «Переписки», он написал «Три письма к Н.В. Гоголю», в которых, по сути, дал оригинальный, развернутый комментарий к его сочинению.

Бухарев, в частности, констатировал в «Выбранных местах» наличие трех проблемно-тематических уровней, «которые только изложены не систематически, а по разным отдельным статьям и письмам»¹. Первый уровень «составляют общие и основные мысли – о бытии и нравственности, о судьбах рода человеческого, о Церкви, о России, о современном состоянии мира и пр.». Во второй уровень входят мысли, касающиеся искусства, в особенности поэзии. Третий «состоит из некоторых личных объяснений ваших о себе, о сочинениях ваших, об отношении вашем к публике и пр.»²

Ю.Я. Барабаш считает такую систематизацию весьма полезной в методологическом плане: «С известной долей условности предложенное системное членение текста гоголевской книги и сегодня может быть признано в научном смысле корректным, стать исходным пунктом анализа»³. Он полагает, что, например, первый, «социально-философский» уровень, сам состоит из «множества подсистем» (подсистема России, религиозная подсистема и т.д.).

Нам представляется справедливой мысль о существовании нескольких «проблемных узлов» в «Выбранных местах из переписки с друзьями». Здесь действительно имеет место некоторая фрагментарность композиции при единстве идейно-тематического плана. А. Терц не принял такую структуру «Переписки», считая,

---

¹ Цит. по: Барабаш Ю.Я. Гоголь. Загадка «Прощальной повести» («Выбранные места из переписки с друзьями»). Опыт непредвзятого прочтения). М., 1993. С. 33-34.

² Там же. С. 34-35.

³ Там же. С. 36.

что в этом произведении произошло «смешение жанров, законных в разрозненном виде и стыкнувшихся тут в нечто противоестественное: Библии и поваренной книги, молитвы и газеты, земных и небесных забот»⁴. Однако существует аргументированное объяснение Гоголя, касающееся жанровой «разноголосицы» в книге. Николай Васильевич в «Авторской исповеди» называет «Переписку» «верным зеркалом человека», в котором «находится то же, что во всяком человеке»⁵. Обращение к Библии и поваренной книге звучит на этом фоне всего лишь как отражение различных сторон человеческой природы.

Общественная проблематика «Переписки» – «сплошной и страстный призыв к личности – отдать все силы на служение общему благу»⁶ – вызвана желанием достучаться до души каждого человека, каждой личности, потому что «все существование общества определяется существованием корней», а «корни эти – в душах людей»⁷. Какой бы социальный вопрос ни рассматривался писателем, какие бы ответы на него ни предлагались, любой «проблемный узел» в книге «завязан» на «индивидуальном духе человеческой личности».

«Выбранные места из переписки с друзьями», на наш взгляд, – цельный, эстетически организованный ансамбль «проблемных узлов». Каждый из них подчинен единой задаче книги – обратить внимание современников на духовно-нравственный кризис поколения 1840-х. М.О. Гершензон в «Исторических записках» определяет целевую установку Гоголя как «защиту гибнущей родины»⁸. Гоголь обозначил в «Выбранных местах» многие «печальные события» в общественной жизни. При этом, «общественный быт он видел в совокупности человеческих личностей, человеческую личность – в совокупности душевных движений»⁹. Исправление поврежденных нравов, по его мысли, можно и должно производить посредством воздействия на «душевные корни» каждого индивида. И действенным, целесообразным средством оздоровления души Гоголь-писатель, конечно же, видел искусство.

---

⁴ Терц, Абрам. В тени Гоголя // Терц, Абрам. Собр. соч. В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 12.

⁵ Гоголь Н.В. Авторская исповедь // Гоголь Н.В. Собр. соч. В 7 т. М., 1967. Т. 6. С. 435.

⁶ Гершензон М.О. Исторические записки (о русском обществе). М., 1910. С. 98.

⁷ Там же. С. 96.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 94.

во. Магическая сила преображения, определяемая как категория прекрасного, исходящая из первоизданной нравственной чистоты жизни, способна, по Гоголю, вернуть гармонию человеческому обществу, согласовать устремления отдельной личности с естественным природным движением.

Не случайно в центре «Переписки» стоят фигуры Женщины и Художника¹⁰. Автор создает два базисных образа общественно-совершенствования. Будучи непосредственными носителями феномена прекрасного, они осмысливаются в качестве залога будущего духовного возрождения. Так, ставя женщину на пьедестал духовного возрождения России, он пишет:

«Клянусь, женщины у нас очнутся прежде мужчин, благородно прекнут нас, благородно хлыстнут и погонят нас бичом стыда и совести, как глупое стадо баранов, прежде чем каждый из нас успеет очнуться и почувствовать, что ему следовало давно побежать самому, не дожидаясь бича». (VI, 257).

Чрезвычайно высоко Гоголь оценивает и роль художника: «В лиризме наших поэтов есть что-то такое, чего нет у поэтов других наций, именно – что-то близкое к библейскому, – то высшее состояние лиризма, которое чуждо движений страстных и есть твердый взлет в свете разума, верховное торжество духовной трезвости» (VI, 237), – пишет Гоголь, имея в виду душевную красоту, сопряженную с понятиями действительно библейскими – доброта, кротость, великодушие. Злая, сварливая женщина *a priori* не может быть красивой, корыстный в своем творчестве художник уже перестает быть художником. Гоголь и предъявляет такие высокие требования к этим ипостасям потому, что считает их безусловными носителями абсолютной нравственности.

Свою программу нравственного возрождения общества автор выстраивает на основе прогрессивных социальных преобразований. При этом художник не должен вмешиваться в общественно-политические неурядицы: его задача – пробуждать к жизни нравственные силы человеческого духа.

«Если бы он (Гоголь) закрепился на этой безупречной позиции спасения человечества силами красоты – чтением «Одиссеи», общением с прекрасными женщинами, слушанием музыки, – никто бы на него не обиделся и не рассердился. Но Гоголь дело русского языка, дело претворения в плоть слова красоты, принял к сердцу буквально... В подмогу искусству он не замедлил привлечь гражданские и церков-

---

¹⁰ См. Беспалова С.В. Искусство и Женщина – «ступени к христианству» (о духовном возрождении общества в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В. Гоголя) // Пропагандист великого наследия. Вып. 3. Саратов, 2002. С. 73-83.

ные ведомства, хозяйственный статус и разум, съевший собаку в вопросах психологии, педагогики и т.п.», — эмоционально отмечает А. Терц¹¹.

Нам представляется, что тотальность проблематики, стремление затронуть весь спектр российского общественного уклада, возможно, непосильный труд даже для гения, но в результате был создан многогранный образ России 1840-х годов, образ поколения россиян и удивительный по глубине и масштабности обобщенный образ русского человека с его представлениями, чаяниями, поисками духовных истин.

В главе «Споры» он пишет: «Все эти славянисты и европеисты, или же старoverы и новoverы, или же восточники и западники, все они говорят о двух разных сторонах одного и того же предмета, никак не догадываясь, что ничуть не спорят и не перечат друг другу» (VI, 251)¹².

Гоголю искренне непонятны и неинтересны политические разногласия, его волнует объединяющая спорящих нравственная идея — любовь к России. Формально не принадлежа ни к одному лагерю, он стремился постичь смысл существования Российского государства, выделить его особенное место среди западного мира.

Так или иначе, историки и теперь не склонны упрощать процессы, имевшие место в общественном сознании 1840-х гг. Д. Олейников полагает, что «к началу 40-х годов начитанная "образованная публика" пришла к выводу, что подражание Западу — реальность прошлого, что этот этап пора преодолеть»¹³. Гоголю, учитывая его близость к авторам «Москвитянина», несомненно, был знаком пафос, с которым А. Студитский выступил в № 9 этого журнала за 1842 год:

«Было время, когда увлеченные Западом, мы жили его жизнью, вторяли его слова, мы дышали остатками его дыхания... Наша литература была долго отголоском Запада, наша мысль светила заимствованным светом. И теперь, при распространении мысли о народности, — нам надобно снять чужое платье, сбросить подрывшую нас кору, чтобы, наконец, явиться в своем виде, просветлеть своим светом»¹⁴.

¹¹ Терц, Абрам. В тени Гоголя. С. 27.

¹² Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Собр. соч. В 7 тт. М., 1967. Т. 6. С. 313. — Здесь и далее ссылки на это издание даются в тексте (римская цифра — том, арабские — страницы).

¹³ Олейников Д. Странности любви // Родина. 1995. № 11. С. 34.

¹⁴ См.: Москвитянин. 1842. Ч. V. № 9. Критика. С. 205.

Мотив «просветления» становится ведущим в «Переписке» при разработке патриотической тематики, более того, становится определяющим в рассуждениях об уникальности русского национального менталитета:

«Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово "просвещение". Даже и не задумывались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке, оно только у нас. Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветить человека во всех его силах, а не в одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь» (*Просвещение*) (VI, 277).

В думах об Отечестве звучит не дилетантизм эмигранта, поучающего из своего «прекрасного далека», но деятельное желание писателя-психолога содействовать российскому благу.

Гоголь – консерватор по своему мировосприятию, но консерватор прогрессивного толка.

«Преобразование общества, — пишет он, — начинается с приказа: всем оставаться на своих местах. Не рвать ни одной традиции, не изменять ни одного учреждения. Ибо все институты, законы, должности и установления совершенны... Одним словом, чем больше всматриваешься в организм управления губерний, тем более изумляешься мудрости учредителей: слышно, что сам Бог строил незримо руками государей. Все полно, все достаточно, устроено именно так, чтобы споспешествовать в добрых действиях, подавая руку друг другу, и останавливать только, на пути к злоупотреблениям» (*Занимающему важное место*) (VI, 354).

Эта позиция при всей своей утопичности выглядит гораздо привлекательней той, что описана П.В. Анненковым в его «Замечательном десятилетии»:

«Герцен был заодно с Белинским, и они оба смотрели прямо и открыто в лицо всем симптомам разложения, грозившим, по их мнению, Европе... Они думали, что из пепла старой цивилизации Европы возникнет феникс – новый порядок вещей как венец и последнее слово ее тысячелетнего развития»¹⁵.

В решении вопроса о будущем России размышления писателя весьма осторожны. Анализ писем друзей из России, получаемых из разных мест одновременно, дал ему возможность увидеть целостную картину положения общества, словно он сам побывал в разных уголках России. Это видение целого поразило его, и он с тревогой отмечает:

¹⁵ Анненков П.В. Замечательное десятилетие. 1838-1848 // Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 250.

«...еще никогда не бывало в России такого необыкновенного разнообразия и несходства во мнениях и верованиях всех людей, никогда еще различие образований и воспитания не оттолкнуло так друг от друга и не произвело такого разлада во всем» (*Нужно проездиться по России*) (VI, 296).

Россия современная вызывает у Гоголя серьезное беспокойство. Более того, состояние общества исторгает у него вопль души: «Соотечественники! Страшно!».

«Его отношение к Родине из любви выросло в жгучую тревогу, почти в ужас, и этим чувством, вызвавшим к жизни самую книгу его писем, дышит каждая его строка. Эта книга – как набат в глухую полночь; невнятные от ужаса словами она кричит: Россия гибнет! Проснитесь спящие! Нельзя медлить!.. Ему кажется, что никогда еще Россия так громко не звала своих сыновей... И потому он не устает молить всех встать на служение ей»¹⁶, – комментирует переживания Гоголя М.О. Гершензон.

Опасения Гоголя родились не на пустом месте. Административно-чиновничий аппарат управления России позднее будет «воспет» Салтыковым-Щедриным, но именно Гоголь в «Переписке» создает образ не взяточника, а взяточничества как явления из разряда «страхов и ужасов России», сравнимого разве что с чуждой или нашествием супостата:

«Уже крики на бесчинства, неправды и взятки – не просто негодованье благородных на бесчестных, но вопль всей земли, послышавшей, что чужеземные враги вторгнулись в бесчисленном множестве, рассыпались по домам и наложили тяжелое ярмо на каждого человека» (VI, 293). «Настал другой род спасенья – не бежать на корабле из земли своей, спасая свое презренное земное имущество, но, спасая свою душу, не выходя вон из государства, должен всяк из нас спасать себя самого в самом сердце государства». (*Страхи и ужасы России*) (VI, 340).

Позволю себе заметить, насколько актуальна для русской интеллигенции такая постановка вопроса...

Путь спасения России, по Гоголю, в нравственном просветлении общества. Именно оно должно, по его мнению, пробудить глубинные нравственные силы личности. Они уже вполне оформлены и закреплены естественным ходом истории. Изменить порядок вещей в России – значит нарушить коренные, природные взаимосвязи и окончательно обречь себя на гибель. Отсюда – спасение своей души «не выходя из государства». Гоголь – не социолог и не политик, он Божьей милостью Художник, гениальный психолог. Он прекрасно осознает необходимость преемст-

¹⁶ Гершензон М.О. Исторические записки. С. 92.

венности и традиций в способе и образе мышления каждого поколения. Он скрупулезно описывает те действия помещика, губернатора, которые «просветляют» личность и служат общественной пользе. Гоголь не создает социальных новаций, он обращается к психологии человека, призывая честно выполнять единожды установленную социальную функцию:

«Не смущайся мыслями, будто прежние узы, связывавшие помещика с крестьянами исчезли навеки... Собери прежде всего мужиков и объясни им, что такое ты и что такое они... Скажи им всю правду: что с тебя взыщет Бог за последнего негодяя в селе, и что по этому самому ты еще больше будешь смотреть за тем, чтобы они работали честно не только к тебе, но и к себе самим» (*Русский помещик*) (VI, 317).

Здесь усматривается некоторый утопизм во взглядах, но нет утопии как таковой.

Несмотря на констатацию глубочайшего общественного кризиса, Гоголь остается историческим оптимистом. Он верит в мессианскую идею России, «просветленной» и «облагороженной» своими гражданами:

«В России еще брезжит свет, есть еще пути и дороги к спасению, и слава Богу, что эти страхи наступили теперь, а не позже... Еще пройдет десяток лет, и вы увидите, что Европа придет к нам не за покупкой пеньки и сала, но за покупкой мудрости, которой не продают больше на европейских рынках» (*Страхи и ужасы России*) (VI, 342).

Поистине нужно обладать величайшей патриотической стойкостью, чтобы верить в «светлое воскресение» своей страны. «Больше той любви к родине, какая сказалась здесь, не может быть»¹⁷, – утверждаем мы вслед за автором «Исторических записок». Россия для Гоголя – та глубокая и постоянная боль души, исцеление которой возможно только через «нравственное просветление» каждой личности:

«Не полюбивши России, – пишет он, – не полюбить вам своих братьев, а не полюбивши вам своих братьев, не возгореться вам любовью к Богу, а не возгоревшись любовью к Богу, не спастись вам". (*Нужно любить Россию*) (VI, 293).

Нам представляется важным подчеркнуть эту отмеченную Гоголем взаимообусловленность: процветание общества обеспечивает процветание каждой личности, а процветание личности зависит от ее «просветленности». Гоголь-художник утверждает, что именно прекрасное в жизни должно стать источником «про-

---

¹⁷ Там же.

светления» и, в конечном итоге, началом обретения Россией «своей национальной формы»:

«Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского... Разнесется звонкими струнами поэтов, развозвестится благоухающими устами святителей, вспыхнет померкнувшее – и праздник светлого воскресения воспряднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!» (*Светлое воскресение*) (VI, 420).

Образ «Светлого воскресения» звучит в книге апофеозом России, выстраданным Гоголем в его мученических исканиях.

Поколение 1840-х годов отвергло книгу Гоголя, и механизм этого отторжения известен. Изучение психологии отторжения, названного Ю.Д. Марголисом «смертоносным вихрем»¹⁸, и утверждение гениальности Гоголя-художника было начато Н.Г. Чернышевским в «Очерках гоголевского периода русской литературы». Чернышевский, вопреки устоявшемуся мнению о Гоголе как продолжателе и последователе критики Белинского, прямо противостоит этой критике в защите Гоголя от обличений Белинского, заявляя, что «Гоголь 1850 года заслуживал такого же уважения, как и Гоголь 1835 года»¹⁹. Он пишет, что Гоголь «до конца жизни остался верен себе как художник, несмотря на то, что как мыслитель мог заблуждаться; ...высокое благородство сердца, страстная любовь к правде и благу всегда горели в душе его, ...страстной ненавистью ко всему низкому и злому до конца жизни кипел он»²⁰.

---

¹⁸ Марголис Ю.Д. Книга Н.В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». Основные вехи истории восприятия / Под ред. Г.А. Тишкина. СПб., 1998. С. 100.

¹⁹ Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч. В 15 т. М., 1939-1953. Т. 4. С. 664.

²⁰ Там же. Т. 3. С. 13.

А.Е. Беликов

О МИХАИЛЕ ГУМИЛЕВСКОМ И ЕГО ПОДРАЖАНИИ ВЕРГИЛИУ

Михаил Гумилевский, которому посвящена настоящая заметка, – в монашестве Моисей, епископ Феодосийский и Мариупольский, викарий Екатеринославской епархии, – родился в 1747 году во Владимире, в семье бедного священника, который мог самостоятельно выучить сына только грамоте¹. Вначале он обучался во Владимирской семинарии, затем, в 1774 году, перешел в Московскую Академию, в которой, спустя три года (1777 г.) его определяют учителем греческого и еврейского языков², а чуть позднее (1778 г.) переводят в класс поэзии; в дальнейшем, в Академии Гумилевский преподавал риторику и философию.

В 1779 году Михаил Гумилевский принимает монашество. В 1786 году он становится префектом Академии и в этом же году архиепископ Платон назначает его на должность постоянного духовного цензора книг, печатающихся в вольных типографиях. В начале 1788 года Гумилевский, по требованию князя Потемкина, был вызван в Молдавскую армию в должности армейского обер-иеромонаха и посвящен в архимандрита первоклассного Спасо-Николаевского монастыря, основанного тогда в Екатеринославской епархии. В июне 1791 года он был рукоположен в

Автор выражает искреннюю благодарность Алексею Игоревичу Любжину, без помощи которого эта статья не могла бы быть написана.

¹ См.: *Michael Humilevsky. Epistola Eminentissimo Domino Platoni Archiepiscopo Mosquensi et Calugensi atque Lavrae Sanctae Trinitatis Sanctique Sergii Archimandritae, eidemque Sanctissimae Synodi Rossicae Membro Dignissimo, nec non Academiae Slaveno-Graeco-Latinae Mosquensis Directori ac Protectori liberalissimo devotissimo oblata a philosophiae studioso Michaelae Hvmilevsky. Anno 1777. mense Ianuario. Typis Vniuersitatis Caesareae Mosquensis.*

² Он также давал уроки кн. И. Вл. Долгорукому. См.: *Долгорукий И. М. Записки кн. Ивана Михайловича Долгорукого // Сочинения. СПб., Изд. А. Смирдина, 1849. Т. 2. С. 526.*

сан епископа. Через год (в 1792 г.) его убили в Крыму домашние при неизвестных обстоятельствах³.

Из сочинений Гумилевского были опубликованы: 1) *Рассуждение о вычищении, удобрении и обогащении Российского языка*; 2) *Еллиногреческая Грамматика*, законченная Семеном Потасовым; 3) *Две Надгробные Речи* князю Потемкину.

Гумилевский также был переводчиком. Например, он перевел: *Макария Египетского Беседы о совершенстве, Христианам приличном; Дионисия Ареопагита Книги о Небесной Иерархии и Церковном Священноначалии*. По заказу Светлейшего князя Таврического он начал переводить с французского языка *Церковную Историю* Флери.

Судя по биографии, Гумилевский был незаурядным человеком. Он сделал головокружительную карьеру, добившись епископской кафедры благодаря личным способностям. Будучи учителем в Академии, он, по словам митрополита Евгения, «писал много на разные случаи Латинских, Греческих и Российских стихотворений»⁴. Он исполнял распоряжения князя Потемкина и переводил довольно сложные тексты. Именно ему поручили писать поздравительные стихи покровителю Академии архиепископу Платону, что говорит о высокой оценке его талантов и доверии руководства Академии его поэтическому мастерству⁵. Это произведение, относящееся к памятникам новолатинской литературы⁶, заслуживает самого пристального внимания.

³ См.: *Егунов А. Н.* Гомер в русских переводах XVIII–XIX веков. М., 2001 (перепеч. изд. 1954 г.). С. 60.

⁴ *Митрополит Евгений (Болховитинов)*. Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина Греко-Российской церкви. М., 1995. С. 224–225.

⁵ Можно сказать, что он представлял собой образовательный идеал, сложившийся в русской (в том числе великорусской) духовной школе XVIII в. под влиянием как западной, так и малороссийской образованности. В частности, по этому вопросу, см.: *Любжин А. И.* Харьковский коллегийум в XVIII и начале XIX столетия // Лицейское и гимназическое образование. 1998. № 6 (7). С. 19–24; 1999. № 1 (8). С. 17–27.

⁶ Памятники русской новолатинской литературы исследованы недостаточно, особенно, начиная со второй половины XVIII века. Между тем, по ним можно получить представление о круге чтения и уровне интересов наиболее образованных людей той эпохи. О русской новолатинской литературе первой половины XVIII века см.: *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII – первая половина XVIII века. М., 2000; *Helgus Nikitinski.* De eloquentia latina saec. XVII et XVIII: Dialogus. Neapoli, 2000; *Davidis Ruhnkenii oratio De Doctore Umbratico.* Edidit Helgus Nikitinski. Neapoli, 2001.

Упомянутое сочинение, далее называемое идиллией⁷, относится к имеющему фольклорные корни жанру буколик. Напомним, образцы этого жанра были созданы сицилийским поэтом Феокритом (перв. пол. III в. до н. э.), изобразившим сценки из городской или сельской жизни. Его герои – городские обыватели и поселяне; их мир узок и ограничен. Позднее, следуя Феокриту, Вергилий создает свои «буколики», накладывая новый отпечаток на поэзию этого жанра. Так, грубо-реалистичные элементы уходят на задний план, ирония теряет остроту, преобладает косвенное изображение. Персонажи Вергилия, будучи образованными, тонко чувствующими поэтами, лишь условно носят маски пастухов. Во время творившего под влиянием Вергилия Кальпурния (I в. н. э.), стихи этого жанра становятся более дидактичными, позднее их содержание христианизируется. Внешне буколика проста; ее темы могут быть самые разные: поэзия о поэзии, любовная страсть, историческая и даже политическая ситуация, сельская жизнь. Эпический гекзаметр – размер, художественно оформленный Гомером и введенный в буколическую поэзию Феокритом, был воспринят Вергилием и через многие столетия использован Гумилевским.

Нашему анализу подлежат три уровня текста Михаила Гумилевского – лексико-цитатный, композиционный и тематический.

Гумилевский явно знаком с *Эклогами* Вергилия и местами цитирует строки из них:

Vesper adit... Curre domum grex, currite oues ad ouile quietum
(MH 64–65).

Ite domum saturae, uenit Hesperus, ite capellae
(Ecl. X, 77. Ср. Ecl. VI, 86)

Однажды прямое заимствование приводит к грамматической путанице. Так, безупречная реплика Вергилия

Triste lupus stabulis, maturis frugibus imbres (Ecl. III, 80)

переходит у Гумилевского в

Spernite triste lupum (MH 47),

где вместо прилагательного *tristem* (Acc.) стоит наречие, которое синтаксически не может быть согласовано с именем существительным. Но такое место всего одно в идиллии; ему можно противопоставить очень удачное заимствование Гумилевского у античного поэта:

⁷ Идиллия, эклога и буколика являются синонимами; в нашей работе мы называем эклогами произведения Вергилия и идиллией стихотворение Гумилевского, строки из которого в тексте заметки обозначены MH.

Incipe ei cantum, me respondere parato (MH 6).

Et cantare pares et respondere parati (*Ecl.* VII, 7)

Эта фраза изящно вписывается в новое, созданное Гумилевским, грамматическое окружение. В идиллии есть и другие заимствования, как прямые, так и косвенные (см. *ниже*, а также примеч. 13). Таким образом, возможно говорить о зависимости идиллии Гумилевского от *Эклог* Вергилия. В то же время, Гумилевский прибегает к местоимениям *is / ea / id*, которые не принято было использовать в эпическом гекзаметре, за исключением формы прямых падежей единственного числа. Помимо этого, у него встречается существительное *modulamen* (MH 61), отсутствующее в поэзии классической эпохи, но имеющее место в Вульгате:

Incipe Domino in tympanis cantate Deo in cymbalis
Modulamini illi psalmum nouum exaltate et inuocate nomen eius
(*Judith*, XVI, 2, 2).

Что касается композиции, то стихотворение Гумилевского напоминает V эклогу Вергилия: встречаются два пастуха и начинают воспевать некоего бога. У Вергилия Меналк и Мопс воспевают Дафниса, у Гумилевского Мелибей⁸ и Коридон – Феба. Ниже приводятся эклоги, оказавшие в композиционном отношении наибольшее влияние на Гумилевского; под «поэтическим обращением» понимается реплика героя, в которой четко видна авторская позиция.

<i>Ecl.</i> I	<i>Ecl.</i> IV	<i>Ecl.</i> V	<i>Idillium</i>
Встреча пастухов.	Введение.	Встреча пастухов.	Встреча пастухов.
Разговор.		Разговор.	Разговор.
Титир воспевает бога.	Рождение и воспевание младенца.	Мопс воспевает Дафниса.	Коридон воспевает Феба.
	Золотой Век.	Меналк воспевает Дафниса.	Золотой Век
Разговор (противопоставление позиций Титира и Мелибея).	Поэтическое обращение (лишь бы я смог воспеть...).		Поэтическое обращение к Титиру.
Завершение: приходит вечер.	Завершение: мудрая сентенция.	Завершение: обмен подарками.	Завершение: приходит вечер.

М. Гумилевский берет за основу своего стихотворного поздравления композицию V и I вергилиевых эклог, включая эле-

⁸ Отметим, что Мелибей является действующим лицом в I и VII эклогах Вергилия.

менты из IV. Заметим, у Вергилия пастухи встречаются и, как правило, состязаются в импровизации песен, выбрав кого-нибудь третьего судьей; у Кальпурния⁹ они, хотя и начинают состязаться, быстро переходят к обычному разговору; у Гумилевского (что, впрочем, было у Вергилия в V эклоге) пастухи мирно беседуют безо всякого спора.

Одна из важных тем идиллии Гумилевского – наступившее счастливое время – Золотой Век, под покровительством бога. В этом отношении его произведение близко IV эклоге Вергилия, в которой поэт, говоря о рождении мальчика – будущего справедливого правителя, рисует картину счастливого века, который должен наступить на земле в самое ближайшее время. Использование Гумилевским (МН 3 и 15) цитат из I эклоги (1 и 6) Поэта (см. примеч. 13), в которой воспеваеющийся оказывающий покровительство бог, также указывает как на тематическое, так и текстуральное сходства. Кроме того, на Гумилевского (МН 25-26; 28), вероятно, могли оказать влияние и *Метаморфозы* Овидия (*Met.* I, 107; V, 309; XI, 602), и IV эклога Кальпурния (*Ecl.* IV, 2 – см. примеч. 13). Фразой

Tytire, tu sortem cessa celebrare beatam

Desine ferre tuum Numen prope sidus aena (МН 56-57),

Гумилевский, с одной стороны, отсылает читателя к тексту вергилиевой эклоги (*Ecl.* I, 6-10), в которой Титир (т. е. сам Поэт) говорит о своем боге (имея в виду Октавиана Августа). Но, с другой стороны, эта фраза может быть реминисценцией упомянутой IV эклоги Вергилия, в которой поэт поет хвалу богу (под которым, по наиболее распространенной версии, подразумевается Гай Клавдий Марцелл). Гумилевский же воспеваемым античными поэтами богам противопоставляет своего Феба и, следуя традиции, сопоставляет его с архиепископом Московским Платоном.

Все это позволяет предположить, что Гумилевский должен был очень хорошо знать Вергилия, чтобы понять скрытый подтекст его эклоги (впрочем, здесь может иметь место обычный литературный прием.) Вероятно, Гумилевский читал Кальпурния, из текстов которого (хотя и не только¹⁰)

Magna petis Corydon, si Tityrus esse laboras (*Ecl.* IV, 64) –

Многого хочешь, Коридон, если метишь в Титиры,

⁹ О возможном знании Гумилевским стихов Кальпурния см. ниже.

¹⁰ Ср.: *Servius*, in *Vergilii Bucolicon librum commentarius*. *Ecloga Prima* I, 3-5: Tityrum respexisset iacentem, ita locutus est. et hoc loco Tityri sub persona Vergilium debemus accipere... Такова была общая точка зрения античного литературоведения.

он мог узнать о литературном прозвище Вергилия. Знакомство Гумилевского с Кальпурнием подтверждается и текстуально близкой реминисценцией:

Nos patulae, Coridon, fagi recubemus in umbra (MH 3)

Per te secreta saturi recubamus in umbra (*Ecl.* IV, 37) –

Благодаря тебе мы, сытые, отдыхаем в тени,

а также общей мыслью, ср.:

An nescis diuos, non carmen, cernere, corda (MH 9);

и

Sed quid ego? non tuba canens modulamine flectit
Coelicolas, nec opimum thus, sed candida corda (MH 61–62).

Nunc mea rusticitas, si non ualet arte polita
Carminis, at certe ualeat pietate probari (*Ecl.* IV, 14–15);

И ныне я, из-за сельской простоты, если и не силен

в отточенном мастерстве песнопения,

то уж, во всяком случае, заслуживаю одобрения за благочестие.

В то же время у Гумилевского присутствуют места, которых не было у Вергилия. Прежде всего, это фраза

Incipe tu, Meliboee; meam tua fistula uincit (MH 11)

в которой пастух признается в том, что уступает другому в мастерстве. У Вергилия, напротив, каждый из участников доказывает собственное превосходство. Здесь, на наш взгляд, в стихотворении Гумилевского проявляется христианский мотив смирения: сознательное принижение собственных достоинств, чуждое Античности.

Другую строку

Vellera ferte Deo, fient ea uictima Phoebos (MH 51)

возможно понять как указание на один из элементов таинства крещения, когда у обращаемого к Господу отстригают прядь волос и запечатывают в воск¹¹. Однако христианский мотив бескровной жертвы не берет верх над языческой формой:

Imbuet agnus, eis redimitus, Apollinis aras (MH 54).

Ср. у Вергилия:

Namque erit ille mihi semper deus, illius aram
Saepe tener nostris ab ouilibus imbuet agnus (*Ecl.* I, 7-8)

Ибо он бог для меня, и навек, – алтарь его часто

Кровью будет поить ягненок из наших овчарен (пер. С.Шервинского).

Все обозначенные элементы тесно связаны с литургической символикой, которая, несомненно, была близка Гумилевскому.

Итак, мы показали зависимость идиллии Гумилевского от

¹¹ "Vellus" означает шерсть овцы. Поскольку овцы и пастырь – типично христианские образы, данная аналогия, на наш взгляд, вполне уместна.

Эклог Вергилия. Эта зависимость проявляется на трех уровнях: текстуальном, композиционном и тематическом. Мы также выявили христианские элементы у Гумилевского, невозможные для Вергилия. Тем не менее, несмотря на последнее, перед нами произведение, сохраняющее сколько возможно античную форму и тематику, выдержанное в прежней жанровой тональности и не без изящества решающее сложную и внутренне противоречивую задачу – восхваление православного архиепископа в образе языческого бога Феба. Заметим, что по части поэтического таланта Михаила Гумилевского вряд ли следует сравнивать с Вергилием. Однако его образованность и тот факт, что он смог написать стихи на неродном и к тому же древнем языке, передать форму и проникнуть в тематические тонкости, несомненно, восхищают.

Ниже приводится перевод с латинского языка рассмотренного здесь стихотворения¹².

Высочайшему Господину Платону
 Достойнейшему Члену Священного Русского Синода,
 Архиепископу Московскому и Калужскому,
 А также Священно Архимандриту Троице-Сергиевой Лавры;
 Лучшему Директору и Протектору Московской Академии,
 С днем покровителя Св. Платона с преданнейшей душой поздравляет Московская Академия. Года 1777 Ноября Дня 18. Московская Университетская Типография.

Муза смерти не даст славы достойному:
 К небу Муза ведет!
 Гораций Книга IV Ода VIII

(пер. Г. Ф. Церетели).

ИДИЛЛИЯ

ФЕБ, МЕЛИБЕЙ И КОРИДОН

М[елибей]. Идите, скачущие по лугам, мои коровы.

К[оридон]. Идите также и вы через кустарники,

¹² Латинский текст и нумерация строк приводятся по изданию: Eminētissimō Domino Platoni Sacrosanctae Synodi Russicae Membro Dignissimo, Dioecēs Mosquensis et Kalugensis Archiepiscopo, eidemque Laurae SS. Trinitatis Sanctique Sergii Hiero-Archimandritaе; Academiae Mosquensis Directori Protectorique optimo, Patroni sui S. Platonis diē feliciter reuersum deuotissimo animo gratulatur Academia Mosquensis Anno 1777 die 18. Nouembris. Typis Vniuersitatis Caesareae Mosquensis. // *Dignum laude uirum Musa uetat mori; Caelo Musa beat (Hor. lib. IV. od. VIII) // IDILLIVM. PHOEBVS MELIBOEVVS ET CORIDON // M. Ite meae saltantes hic per prata iuuencae. (Ср.: Verg. Ecl. VII, 11 Huc ipsi potum uenient per prata iuuencai.) // Cor. Ite meae tenerae quocue per uirgulta*

МОИ НЕЖНЫЕ КОЗОЧКИ.

М. Ну а мы, Коридон, давай отдохнем в тени развесистого бука.

Давно ведь Феб не насыщал слух песнью^{1*},

capellae. // M. Nos patulae, Coridon, fagi recubemus in umbra. (Cp.: Verg. Ecl. I, 1 *Tityre, tu patulae recubans sub tegmine fagi.*) // Et, quia iam tacitae fuerant nostrae sat aenae, // 5 lamque melos dudum Phoebus non auribus hausit, // Incipe ei cantum, me respondere parato. (Cp.: Verg. Ecl. VII, 7, см. выше) // Cor. O Meliboee, leui par ludere arundine laudes // Eius, inaequales Maro queis, et diuus Homerus? // M. An nescis diuos, non carmen, cernere, corda? // 10 *Mente pia flectuntur ii, non carmine docto.* // C. Incipe tu, Meliboee; meam tua fistula uincit. // M. Incipe; nostra suos cantus tibi iunget arundo. // C. O Diui! colitis quicumque cacumen Olympi, // Inuoco uos, testes nostri nunc carminis este. // 15 *Vos scitis, Phoebus nobis quanta otia fecit.* (Cp.: Verg. Ecl. I, 6 *Meliboee, deus nobis haec otia fecit.*) // Quocunque adspicimus, sunt illius omnia plena (Cp.: Verg. Ecl. III, 60 *Ab loue principium Musae: louis omnia plena; Georg. II, 4 Huc, pater o Lenae: tuis hic omnia plena // Muneribus, tibi pampino grauidus autumnno.*) // Muneribus; pratis, nemorique his gratia quanta! // Ille terit uobiscum celsa cacumina coeli, // Dextra potens tamen hic illius cuncta gubernat. // 20 *Ter finiuit iter sol per conuexa polorum.* // Ter solum siccata, carina queiuit ab undis, // Curat ut is pastores, pastorumque capellas, // Haecque suo cordi suscepit prata tuenda. // Omne sed effect simile hic coelestibus aruis. // 25 *Perpetuum dominatur uer per pascua nostra.* (Cp.: Ov. Met. V, 390 *Frigora dant rami, Tyrios humus umida flores; // Perpetuum uer est; Met. I, 107 Ver erat aeternum, placidique tepentibus auris // Mulcebant zephyri natos sine semine flores; // Mox etiam fruges tellus inarata ferebat, // Nec renouatus ager grauidis canebat aristis; // Flumina iam lactis, iam flumina nectaris ibant, // Flauaque de uiridi stillabant ilice mella.*) // Non exterret hyems agnas, tenerosque gemellos. (Cp.: Verg. Ecl. I, 14 *Hic inter densas corylos modo namque gemellos.*) // Gramina non marcent canis adopena pruinis. // En per prata scatens nitidis fons garrulus undis, (Cp.: Calp. Ecl. IV, 2 *Quidve sub hac platano, quam garrulus adstrepit umor.*) // Dat gregibus potum, nobis at murmure somnos (Cp.: Ov. Met. XI, 602 *Muta quies habitat; saxo tamen exit ab imo // Riuus aquae Lethes, per quem cum murmure labens // Inuitat somnos crepitantibus unda lapillis.*) // 30 *Inducit gratos, glacie nec fringitur unquam.* // Hocque nemus sacrum, uestit quod culmina Pindi, // Illius officiis aeterna aestate fruendo, // Tempora non patitur diuersa; nec acta procellis. // Prata tegit pomus folio de fronde cadente. // 35 *Sponte sua placido zephyro crescentia poma // Mitia facta cadunt, Aganippes litora spargunt. // Colligite haec pueri, sinibusque reponite uestri!* (Cp.: Verg. Ecl. I, 45 *Pascite ut ante boves, pueri; summittite tauros.*) // Nostra magis retinent procerae corda cupressi (Cp.: Hor. Carm. II, 14, 23 *Inuisas cupressos; Verg. Ecl. I, 25 quantum lenta solent inter uiburna cupressi.*) // Grata quies molli fessis artubus in herba: // 40 *Dulcius illarum nobis quirescendo sub umbra, // carmine arundineo meditari munera Phoebi.* // M. Ite meae tuto tenerae per prata iuuencae; // Per alles saltetis oues quoque; Numine Phoebos // Gramen et arbores coelesti rore rigatae // 45 *Pascua sunt uobis, requies, et tegmen ab aestu.* // Non trepidate; minax iam non latet anguis in herba; (Cp.: Verg. Ecl. III, 93 *Frigidus, o pueri*

- 5 Ибо довольно молчали наши свирели.
Начни петь ему, я готов отвечать.
К. О Молибей, можешь ли ты игрой на легкой
тростниковой дудочке достойно хвалить того
[Кого] не удалось достойно восхвалить божественному Гомеру [и]
Марону?
М. А разве ты не знаешь, что боги различают не песни, а сердца?
- 10 Их можно склонить благочестивым умом, а не искусной песней.
К. Начни ты, Мелибей: твоя свирель превосходит мою.
М. Начни; наш тростник подпоет тебе.
К. О боги! Вы все, кто населяет вершину Олимпа,
Призываю вас, будьте ныне свидетелями наших песен.
- 15 Вы знаете, сколь безмятежный покой принес нам Феб.
Куда бы мы ни взглянули, все исполнено его дарами;
Какая благодать в этих лугах и в этой роще!
Феб ступает с вами по вершине Олимпа^{2*},
Здесь всем управляет его могучая десница.
- 20 Трижды солнце завершило путь через небесный свод,

(*fugite hinc!*), *latet anguis in herba.*) // Spernite triste lupum; seruat uos summus Apollo (Cp.: Verg. Ecl. III, 80, см. выше) // Gramina carpatis; non sunt infecta ueneno. (Cp.: Verg. Ecl. IV, 24 *Occidet et serpens, et fallax herba ueneni* // *Occidet, Assyrium uulgo nascetur amomum.*) // Melle fluunt fontes, illorum haurite liquores (см. примеч. к строке 25 лат. текста). // 50 Nectare prata sacro spirant, plenum omne salute. // Vellera ferte Deo, fient ea uictima Phoebo. // C. Currite Naiades huc, uos Dryadesque puellae; // Ferte crocos nobis, quos uestra alit ubere Flora, // Imbuet agnus, eis redimitus, Apollinis aras. (Cp.: Verg. Ecl. I, 7-8, см. выше) // 55 En altaria iam fumant! en pinguis et agnus! // M. Tytire, tu sortem cessa celebrare beatam, // Desine ferre tuum Numen prope sidus auena; // Grandior est noster, maioraque munera Phoebi. // O mihi si clamans Homericam tuba daretur: // 60 Cantarem nomen Phoebi noctesque diesque; // Sed quid ego? non tuba canens modulamine flectit // Coelicolas, nec opimum thus, sed candida corda. // Nos sumus, atque greges nostri, tibi Victima, Phoebe! // C. Vesper adit; Meliboeae, trahunt iam sidera somnos! (Cp.: Verg. Ecl. VI, 86 *lussit et inuito processit Vesper Olympo*; Ecl. X, 77, см. выше. Также cp.: Verg. Aen. II, 8-9 *Et iam nox umida caelo* // *Praecipitat suadentque cadentia sidera somnos.*) // 65 Curre domum grex, currite oues ad ouile quietum. // COMP. HEBR. GRAECAEQUE LINGUAE MAGISTER Michael Humileusky.

Примечания к переводу

^{1*} "Melos" в значении «песнь» не встречается в латинском гекзаметре классического периода.

^{2*} Слово "casumen" в классической латинской литературе обозначает вершину горы или холма, но не небес. С учетом глагола "terit" – «тереть, попирать, ступать», мы переводим "casumen" как «Олимп».

- Лишь трижды отдыхал от волн вытасканный на сушу корабль^{3*},
 С тех пор, как Феб заботится о пастухах и пастушьих козах,
 И эти луга принял к сердцу для покровительства.
 Сделав здесь [на земле] все таким же, как на небесных полях.
- 25 Вечная весна господствует на наших пастбищах.
 Зима не устрашает агнцев и нежных козлят^{4*}.
 Здесь не вянут травы, покрытые седым инеем.
 И через луга бьет ключом говорливый родник
 с блестящими волнами,
 Дающий стадам питье, [а] нам наводящий приятные сны
 журчанием
- 30 И никогда [он] не сковывается льдом.
 И эта священная роща, покрывающая вершины Пинда,
 В наслаждении вечным летом по его милости,
 Не знает смены времен года; и фруктовое дерево,
 Неподверженное бурям, [никогда] не покрывает
 опадающими листьями луга.
- 35 Сами собой под воздействием нежного Зефира растущие плоды,
 Вызревая, падают и осыпают аганиппские берега.
 Собирайте их, мальчики, и кладите за пазуху^{5*}!
 Наши же сердца больше тянутся к высоким кипарисам^{6*}.
 Мил покой усталым членам^{7*} в мягкой траве:
- 40 Сладко нам, отдыхая в тени,
 Наигрывать на дудочке дары Фебу.
 М. Идите спокойно через луга, мои нежные коровы;
 И вы тоже бегите вприпрыжку по долинам, овцы;
 Для вас пастбища – трава и деревья,
 Орошенные небесной росой по воле Феба,
- 45 [для вас] отдых и укрытие от зноя.
 Не бойтесь, грозный змей уже не скрывается в траве.
 Прозрите опасного волка^{8*}; вас спасет вышний Аполлон.

^{3*} В античности корабли каждый год вытаскивали на сушу.

^{4*} "Gemellos", дословно, «козлята-близнецы».

^{5*} Отметим, в оригинальном тексте у Вергилия (*Ecl.* I, 45) имеет место схожее оформление строки: имя существительное в вокативе (*pueri*) обрамляется двумя глаголами в повелительном наклонении. См. примеч. 13, строка 37.

^{6*} Ср. Ног. *Carm.* II, 14, 23; Verg. *Ecl.* I, 25. Оригинальный текст см. в примеч. 13, строка 38.

^{7*} В оригинальном тексте имеет место метрическая ошибка: по законам гекзаметра нужно было бы читать "artūbus" вместо правильного "artubus". См. примеч. 13, строка 39.

^{8*} Об этом см. *выше*.

Щиплите же траву, она не отравлена ядом.

Текут ручьи медом; черпайте их влагу.

50 Дышат луга священным нектаром, все полно здоровьем.

Принесите богу шерсть, это будет жертва Фебу.

К. Бегите сюда, Наяды, и вы, девы дриады,

Несите нам шафран, каковой питает плодородием ваша Флора,

Убранный для жертвы агнец насытит своей кровью

алтари Аполлона.

55 Вот дымятся уже алтари! Вот жирный агнец!

М. Титир, прекрати прославлять счастливый жребий,

Прекрати возносить до небес свое божество [напевом] свирели;

Наш Феб более велик, и дары его больше.

О если бы мне досталась в удел дарующая славу

гомерова труба:

60 Я бы воспевал имя Феба днем и ночью!

Но что я? Ни поющая труба своей музыкой, ни обильный ладан

не преклоняет

Небесных жителей, но лишь честное сердце.

Мы и наши стада жертва тебе, Феб!

К. Приходит вечер; Мелибей, уже звезды зовут ко сну!

65 Стадо, беги домой, бегите, овцы, в овчарню на отдых.

Сочинил учитель языков греческого и еврейского

МИХАИЛ ГУМИЛЕВСКИЙ

В.Л. Керов

ЖАК ЛЕ ГОФФ О СРЕДНЕВЕКОВОМ ЧЕЛОВЕКЕ И О ВОСПРИЯТИИ ИМ РЕЛИГИИ И ЦЕРКВИ

В трудах знаменитого французского историка уделяется большое внимание указанной проблеме, решению ее методами исторической антропологии и истории ментальностей¹. В статье «Ментальности: двусмысленная история» Ле Гофф отмечает, что история ментальностей не просто занимается тем, чему не нашлось места в других науках; она находится «на перекрестке» между индивидуальным и коллективным, долговременным и сиюминутным, неосознанным и осознаваемым, структурированным и текучим, маргинальным и универсальным. Историк ментальности, подчеркивает Ле Гофф, должен научиться различать в культуре модели поведения, конденсирующие в себе определенные представления и выступающие как своего рода духовные полюса. В эпоху Средневековья центрами, в которых «выковывались менталитеты», были монастыри и замки, школы, мельницы, кузницы, трактиры. Перед историей ментальностей, делает вывод Ле Гофф, много трудных проблем. Но, может быть, именно ей суждено стать той, «иной» историей, которая отважится заглянуть за зеркало².

Однако, как считает другой французский историк Андре Бюргер (в статье 1983 г.), история ментальностей и, тем более, вытесняющая ее историческая антропология пошли по иному пути – эмпирического описания свойственных различным социальным группам полуавтоматических логик восприятия и поведения, не слишком интересуясь сознанием и волей отдельных людей³.

---

¹ Отметим, что историки, занимающиеся этими проблемами, как, например, немецкий историк Ульрих Раульф, подчеркивают, что история ментальностей развивается не иначе «как историческая феноменология форм веры в христианской Европе». См.: История ментальностей. Историческая антропология. Зарубежные исследования в обзорах и рефератах. М., 1996. С. 8, 38–40.

² Там же. С. 40–43.

³ Там же. С. 45.

Отметим еще одно интересное и важное для нас замечание. Карлос Вальверде пишет, что важную роль в истории философской антропологии сыграли последователи Гегеля – но в то же время его критики и соперники – Людвиг Фейербах и Карл Маркс. Главным предметом размышлений Фейербаха была философия религии. В своей работе «Сущность христианства», опубликованной в 1841 г., он стремился показать: то, что мы называем теологией, в действительности есть антропологическая реальность. Иначе говоря, мы приписываем, считает Фейербах (в изложении Вальверде), вымышленному высшему существу, именуемому Богом, те качества и свойства, которые принадлежат собственно человеку. Отсюда заключительный лозунг Фейербаха: *homo homini deus* («человек человеку Бог», подразумевая под ним не отдельного человека, а человечество в целом). Маркс, который, как и все младогегельянцы, был одно время последователем Фейербаха, видел в человеке не индивидуальную личность, а представителя вида, общественное и общинное существо. Оно способно к самореализации только в качестве родового существа, и человеческий род в целом имеет большую ценность, чем отдельная личность. Общество выступает посредующим звеном между человеком и природой. Путем к освобождению человека является практика, то есть деятельность, обращенная на природу. Речь шла о производстве материальных благ либо о революционной деятельности, направленной на создание бесклассового общества⁴.

Но вернемся к Ле Гоффу и попытаемся применить его концепцию к конкретной, интересующей нас проблеме⁵. Поставим при этом вопрос, часто привлекающий внимание исследователей: каков взгляд этого историка на отношение средневекового человека к христианской религии. Ле Гофф считает, что единственный путь выяснения ответа на этот вопрос находится в рамках концепции «человеческой истории». Но что такое человеческая история – тут же ставит он новый вопрос: это история одного человека (*de l'homme*) или людей, т.е. многих (*des hommes*)? Отвечает он на этот вопрос словами Люсьена Февра, относящимися к 50-м гг. XX в., как бы приглашая его к себе в союзники. Февр отмечает социальную сущность людей, которые всегда представляют собой часть обществ, членами которых они являются. Жизнь – это ком-

⁴ Вальверде Карлос. Философская антропология: Пер. с исп. М., 2000. С. 81–84.

⁵ См.: Le Goff, Jacques. *L'homme médiéval // L'homme médiéval. Sous la direction de Jacques Le Goff. Paris, 1989. P. 7–43.*

промиссный мир – *modus vivendi*, – который люди заключают между собой, делает вывод Февр. Ле Гофф подчеркивает в качестве вывода к этим рассуждениям, что, например, «монах», в сущности, является коллективным персонажем, который «отделяется от социальной массы, чтобы жить с помощью привилегированных отношений с Богом». В эпоху Средневековья, подчеркивает Ле Гофф, господствовало убеждение в существовании всеобщей и вечной модели человека, доминирующей в обществе, пропитанной религией до своих самых интимных клеток и определяемой религией и, прежде всего, ее высшим выражением – теологией. Неверующие (не христиане, что то же самое) – евреи, язычники и прочие – были настолько редки в Средние века, что не входили даже в число маргиналов.

Кем же был человек для средневековой христианской антропологии? – ставит вопрос Ле Гофф. И отвечает на него следующим образом. Человек, согласно Книге Бытия Ветхого Завета, был Божьим творением, произведенным в Шестой день Создания и получившим от Бога господство над десакрализованной природой – землей и животными.

Но Адам по наущению Евы поддался соблазну Змия. Отныне в нем живут (обитают) два существа – одно то, которое представляет «образ и подобие» Бога, другое – то, которое впало в первородный грех и было изгнано из земного рая и осуждено на страдания в виде ручного (физического) труда мужчин и родовых мук женщин, а также в стыде, символизирующем табу на обнаженность половых органов, и в смерти. Но, подчеркивает Ле Гофф, средневековое христианство все же в первую очередь создавало позитивный образ человека, Божественного существа, созданного Богом по своему подобию и объединившегося со своим созданием. И, тем не менее, в целом – это был пессимистический взгляд на человека – слабого, порочного, униженного перед Богом существа. Этот взгляд существовал в течение всех Средних веков, но был более характерным для Высокого Средневековья. С XII–XIII вв. постепенно стал брать верх антимистический образ человека, отражающий Божественный образ, способный продолжить на земле процесс Создания и спастись.

Что касается осуждения Книгой Бытия физического труда, то Ле Гофф поясняет, что в эпоху Средневековья шла борьба между двумя концепциями труда. С одной стороны, делался упор на проклятие и наказание трудом (это т.н. пессимистический гуманизм), с другой – на возможность искупления и спасения (т.н. оптимистический гуманизм). Первый вид гуманизма, утверждает Ле Гофф, постепенно превращался во второй. Скорее утверждался образ

Адама, способного к созидательной работе, чем Адама, раздавленного трудом – наказанием и проклятием. Превосходству оптимистического гуманизма способствовала и новая роль искусства, особенно начиная с конца XIII в. Именно благодаря искусству, пишет Ле Гофф, люди стали различать портреты могущественных людей с их реалистическими чертами, принадлежавших к различным слоям общества, – папы, императора, короля, прелата, сеньора, богатого горожанина и т.д. Напротив, страдающий человек – это больше не человек, а сам Господь Иисус.

Западное христианство еще в Каролингскую эпоху сделало великий выбор. Он избрал изображения, откинув абстрактное искусство евреев и мусульман, а также иконоборчество греко-византийского христианства. Этот существенный выбор ввел на престол средневековый христианский антропоморфизм. Установились такие взаимоотношения между человеком и Богом, когда Бог смог предстать с человеческими чертами, получившими неизгладимый отпечаток. Бог, который к тому же, хотя и неделим, но троичен. Если Святой Дух, изображаемый в виде животного анимализма (голубя), избежал антропоморфизма, то две первые ипостаси играют на дополнительном противопоставлении старости и юности, монархии и страдания, божественности и человечности. Ссылаясь на помещенные в том же сборнике, что и его вступительная статья, работы Джованни Микколи («Монахи») и Андре Воше («Святой»), Ле Гофф отмечает, что, начиная с XII–XIII вв., Иисус – это Страсти Христовы, находившие свое выражение, добавим, в идеологии и деятельности различных сект (Ле Гофф упоминает флагеллантов), в определенных церковно-изобразительных образах (например, «Скорбящей матери»). Бога Воплощения, т.е. Христа, Понтий Пилат, согласно Евангелию от Иоанна, показал толпе и сказал: «Се человек». Этот человек исключительного момента человеческой истории стал отныне символической фигурой человека страдающего, униженного, но божественного. Главным вопросом, великой тайной истории всего средневековья, на который пыталась ответить теология, был вопрос о том, почему Бог решил сделаться человеком, воплотиться в Христе. «*Cur Deus homo*» («Почему богочеловек») – таков заголовок одного из самых прекрасных трактатов, подчеркивает Ле Гофф, св. Ансельма Кентерберийского.

Ле Гофф показывает также живописную картину представлений средневековой эпохи о борьбе за душу «маленького человека», которая является, по образному выражению Ле Гоффа, мячом в ожесточенной футбольной партии между двумя командами – ангельской и дьявольской, успехи которой приводят к по-

явлению ересей манихейства (катаров) и прочих. В конечном итоге эта борьба завершается на весах Страшного Суда – Сатана и св. Петр от имени Бога борются за душу средневекового человека. Ле Гофф определяет указанные представления как христианскую антропологию, на которой покоятся две средневековые концепции человека, стремившиеся к выяснению его подлинной сущности. Это, во-первых, концепция *homo viator*, «человека-путешественника», который постоянно находится в пути на этой земле и в этой жизни. Они являются для него лишь эфемерным пространством – временем его судьбы, по которой он бредет в соответствии со своим выбором либо к жизни, либо к смерти – к вечности. Такими же путешественниками в Средние века, по мысли Ле Гоффа, являлись и монахи, особенно нищенствующих орденов. В XIII в. братья ордена, созданного Франциском Ассизским, чаще находились в пути (*in via*), чем в своих монастырях. Человек Средневековья по существу, по своему призванию был паломником, странником, во всяком случае потенциальным или символическим. В XII–XIII вв. это стремление проявлялось в самой высокой и самой опасной форме у участников Крестовых походов. Добавим – не так ли и пастушки в 1251 г., имитировавшие Крестовый поход, двигались из Южных Нидерландов и Северной Франции в южном направлении? Но в то же время, замечает Ле Гофф, этот призыв к пути, к движению мог сбить с толку средневекового человека, ибо угрожал ему потерей стабильности, которая являлась условием христианской нравственности и Спасения. Паломничество могло повернуть к блужданию, к бродяжничеству. Особенно опасной была эта тенденция для клириков, для монахов.

Согласно другой концепции, человек – это кающийся грешник. Даже если он не монах, преимущественно кающийся; даже если он не одержим идеей, что труд – это наказание, средневековый человек, пронизанный идеей греха, которая ему внушена, ищет в наказании средство быть уверенным в своем спасении. Даже если он не доходит до крайних форм покаяния, которые принимают вид самобичевания (группы флагеллантов были на слуху во Франции в 60-х гг. XIII в.), средневековый человек всегда был готов ответить на бедствие, на шок происходивших событий каким-то исключительным наказанием, являвшимся покаянием виновного. Согласно решению IV Латеранского собора 1215 г., каждый христианин обязан был исповедоваться не реже одного раза в год, что включало – в случае необходимости – и покаяние в совершенных грехах.

Идея (и практика) покаяния предполагала наличие – в сущности антагонистического – союза души и тела. Тело человека, подчеркивает Ле Гофф, считалось средневековым христианством пре-

зренной, отвратительной одеждой души. Душа вынуждена встречать свою судьбу с помощью тела. Посмертное воскресение, согласно христианскому учению, представляет собой воскресение тела. Но средневековый человек не ограничивается противопоставлением души и тела. В его представлениях большое место занимает третья ипостась Троицы – Святой Дух, который раскрывает широкий веер человеческих чувств и образов, включая высокие идеи античной и христианской философии. В качестве примера значения образа человека и его тела для понимания сущности человеческого общества Ле Гофф использует идеи, высказанные в 50-е гг. XII в. представителем Шартрской теолого-философской школы Иоанном Солсберийским⁶. Иоанн считал, что человеческое тело – это метафорический образ общества, в котором король (или папа) является головой, а ремесленники и крестьяне исполняют роль ног. Единичность человеческого организма сочетается с общесоциальным. В целом, подчеркивает Ле Гофф, начиная с Шартрской школы XII в., в трудах многих философов человек предстает как миниатюризованная природа, естественно созданная Богом и подчиняющаяся законам, которые он сам ей дал.

Вместе с тем Ле Гофф подчеркивает, что, согласно концепциям средневековых мыслителей, конкретный человек (с его телом) – не только часть природы и не просто метафорический образ общества, но и неразрывная часть этого общества. В подтверждение своей точки зрения Ле Гофф ссылается на российского исследователя А. Гуревича, одного из авторов цитируемого сборника. Российский историк, пишет Ле Гофф, выделил у францисканского проповедника XIII в. Бертольда де Ратисбона концепцию личности, включающей в свой облик и социальный характер, социальную функцию человека. Поддерживая этот вывод Гуревича, Ле Гофф высказывает весьма оригинальную мысль, касающуюся идеологии средневекового общества, которое, по его мнению, в своей основе являлось пространством, где существовали сталкивающиеся между собой противоречия. В области идеологии, пронизанной религиозными представлениями, Ле Гофф выделяет концепции манихейства (аналогом этой восточной ереси в жизни французского общества были идеи катаров). Напрямую, т.е. в доктринальном, теоретическом плане, эти концепции были осуждены, но на практике, в области конкретных идеологических представлений они оказались крайне живучими. Речь идет у Ле Гоффа о противопоставлении

---

⁶ См.: Шишков А.М. Средневековая интеллектуальная культура. М., 2003. С. 61 и след.

добра и зла (высшего и низшего), переходящем в противопоставление клириков и мирян, что является обычным для общества, в котором доминируют религия и духовенство. Но в то же время в сознании основной массы населения отражались и экономические процессы. В эпоху Высокого Средневековья доминировало противопоставление могущественный – бедный (*potens – pauper*). Однако, отмечает Ле Гофф, экономические изменения привели к изменению и сознания людей: прежнее противопоставление, начиная с XIII в., оказалось замененным новым: богатый – бедный. Причем – это очень интересное и глубокое замечание французского историка – между феодальной аристократией, мирской (светской) и церковной, с одной стороны, и массой крестьян и простых горожан, с другой, находятся, как промежуточная сила; промежуточный фактор; буржуа (богатые, зажиточные горожане). Еще в XI в. епископ Адальберон из Лаона провозгласил три составляющих элемента, слоя (класса – *ordre*) христианского общества: *oratores*, *bellatores* и *laboratores* – тех, кто молится, тех, кто воюет (в особенности верхом на лошадах – шевалье), и тех, кто трудится (т.е. все производит и поставляет продукты своего труда двум другим сословиям).

В обществе, внешне гармоничном, где одни сословия как бы дополняют другие, трудящиеся слои («работники») приходят в движения социального характера (что свидетельствует об их недовольстве своим положением). Ле Гофф напоминает также, что, с точки зрения Ж. Дюмезиля, трехфункциональная схема является фундаментальной структурой индоевропейской культуры в целом. При этом Ле Гофф делает интересный вывод о том, что в идеологическом плане трехчленное (трехфункциональное) деление оправдывалось в глазах населения, прежде всего «работников» (естественно, с помощью духовных, церковных наставников), с помощью библейского рассказа о Ное и его трех сыновьях. Хам, самый непочтительный; по мнению отца, сын, сделался слугой двух других своих братьев – Сима и Иафета. Таким образом, отмечает Ле Гофф, идеологическая схема, внешне показывающая равенство, усиливает социальное неравенство между тремя сыновьями, т.е. иносказательными группами.

Ле Гофф отмечает изменение роли религии и церкви (ее представителей) в эпоху Средневековья, их расцвет по сравнению со временем первоначального христианства (имеется в виду Западная Европа). В качестве примера он сравнивает древнего отшельника со средневековым монахом. Отшельник посвящал себя поиску Бога в молитве и одиночестве, находясь в то же время в поисках спокойствия и мира. Он молился за спасение других людей, но прежде всего имел в виду свое собственное совершен-

ство и свое личное спасение. Монах же стал жить под господством Статута (Устава) и воплощал идеалы (путем принесения обетов) повиновения и дисциплины. Монастырь рассматривался одновременно и как остров, оазис, и как город, святой город. Монастырь являлся преддверием рая, а монах считался наиболее подходящим лицом для того, чтобы сделаться святым, оруженосцем (шевалье) Христа. Ле Гофф цитирует точку зрения одного из авторов редактируемого им сборника Дж. Микколи, который подчеркивает претензии монахов на социальную гегемонию и гегемонию (элитность) в области ментальности. Христианизация старых варварских обычаев вручения оружия создала основной обычай христианской эпохи – торжественное посвящение юного воина в рыцари. В XII в. св. Бернар (Клервосский) благословляет рождение новой «шевалерии»: монахов-шевалье, героев духовной битвы (*pugna spiritualis*) с Дьяволом. Эти шевалье также стали заниматься религиозными поисками. Однако некоторые из образов, в которых отразилась деятельность шевалье («шевальеризма»), например, рыцарские турниры, вызывали протест церкви.

Ж. Ле Гофф ссылается также на роль в формировании духовного облика средневекового человека описанных в главе этого же сборника известным специалистом Андре Воше епископа, приходского священника и появившихся в XIII в. нищенствующих орденов – проповедников или доминиканцев, миноритов или францисканцев, августинцев, кармелитов.

Особенное беспокойство церкви и ее иерархов, ее теоретиков, подчеркивает Ле Гофф, вызывали богословские ереси. Еретик был человеком, в наибольшей степени ненавидимым церковью, ибо он находился одновременно и внутри и вне нее. Еретик угрожал идеологическим, институциональным и социальным основам господствующей церкви, ее религиозной монополии и авторитету, христианской вере в целом.

На полюсах средневекового общества находились два противоположных человеческих типа: святой, происходивший от древних мучеников, и маргинал (маргиналам посвящена в сборнике глава Ст. Геремека). Ле Гофф подчеркивает, ссылаясь на Дж. Микколи, который не выходит хронологически далее XIII в., что в этом столетии монах в общей форме уступает первое место членам (братьям) нищенствующих орденов.

Средневековый человек жил, как и поэт Бодлер, в «лесу символов» – Ле Гофф тут же цитирует Блаженного Августина, утверждавшего, что именно в Библии заключена структура символов. Каждому персонажу, каждому событию Ветхого Завета соответствует персонаж, событие Нового Завета. Религиозный символизм

господствовал в искусстве (как и в литературе), в частности в архитектуре, средневековья, внедрялся в политическую жизнь, в облик государя, начиная с коронавания. Религиозная символика была в средневековом обществе тесно связана с символикой цифр. Средневековый человек, отмечает Ле Гофф, был гипнотизирован цифрами (числом). Три – число ипостасей Троицы, четыре – число евангелистов (авторов Евангелия), а также число рек в Раю, число основных добродетелей; семь – число различных явлений, имеющих отношение к религии (христианству): семь Божьих даров, семь таинств, семь смертных грехов и т.д. Десять – число Заповедей, двенадцать – число апостолов и месяцев в году и т.д. Наконец, Апокалипсис упоминает о *Millenium'e*, о тысячелетнем царстве на земле. С этим связано и мистическое отношение к 1000 году и т.д.⁷

Августин Блаженный утверждал, что в Апокалипсисе речь идет лишь о символическом смысле высказанных идей. Град Божий, царство Божие, упоминаемые в указанном сочинении, – это христианская церковь, без приобщения к которой нет спасения⁸.

Разумеется, взгляды известного историка по интересующему нас вопросу были им высказаны не только в предисловии к анализируемому сборнику. Так, о трехчленной структуре средневекового общества Ле Гофф пространно рассуждает в своей работе «Другое средневековье»⁹, упоминая прежде всего формулировку Адальберона Лаонского (в начале XI в.) о трех составляющих современного ему общества: *oratores, bellatores, laboratores*, т.е. о служителях церкви, воинах и рабочих. Ле Гофф показывает связь этой идеологической формулы с развитием общества в целом. Если тема, поясняет историк, отсутствовавшая ранее в христианской литературе, возникает в IX–XI вв., стало быть, она отвечает каким-либо потребностям. Такая концептуальная картина общества соответствовала новым социальным и политическим структурам. Вместе с тем эта схема также была инструментом

---

⁷ Русский философ и теолог В.В. Розанов подчеркивал, что идея Апокалипсиса о тысячелетнем царстве не является христианской, а потому само это произведение является «противохристианским». Ибо установление Божьего царства на земле провозглашается лишь в Ветхом Завете, и Апокалипсис, таким образом, «выпадает» из Нового Завета. – *Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени*. М., 1990. С. 11–13.

⁸ Эту мысль Августина выделил еще один видный русский теолог С.Н. Булгаков в кн.: *Православие. Очерки учения православной церкви*. М., 1991. С. 372.

⁹ *Ле Гофф Ж. Другое средневековье. Время, труд и культура Запада*: Пер. с фр. Екатеринбург, 2000. С. 58 и след.

воздействия на это новое общество. Ле Гофф отмечает рост, усиление влияния христианства, укрепление «христианского мира» в период между X и XIV вв. в Западной Европе. Одновременно происходит и внешняя экспансия христианства – в двух направлениях: на севере и на востоке Европы против языческих народов (напомним о беспощадном уничтожении пруссов), а также Крестовые походы в мусульманские страны. В Европе, справедливо пишет французский историк, смешались религиозные, демографические, экономические и национальные мотивы. В результате доминирующим аспектом этого движения стало противоборство немцев и славян, в котором религиозные мотивы отступили на второй план, поскольку немцы без колебаний вступали в борьбу даже с теми соседями, которые приняли христианство. Еще в IX в. моравский государь Ростислав призвал Кирилла и Мефодия в свое государство, чтобы сбалансировать влияние немецких миссионеров¹⁰.

И, наконец, последнее обстоятельство, значение которого Ле Гофф особенно подчеркивает. Речь идет о роли воображения в восприятии действительности средневековым человеком (и одновременно – о задаче историков отметить эту роль). При этом историк отмечает различия, существующие между воображаемым, с одной стороны, представлением и идеологией, с другой. Воображаемое тем более нуждается в дефинициях, пишет он, поскольку не имеет четких границ, его часто трудно отделить от близких по значению терминов, однако сделать это совершенно необходимо. Прежде всего, надо разграничить воображаемое явление и представление. Данный, достаточно общий термин обозначает преобразование воспринятой индивидом внешней реальности в ментальный образ. Представление связано с процессом абстрагирования. Представление о соборе – это идея собора. Воображаемое же занимает лишь часть поля представления. Однако эта часть относится не к репродуктивной области, или, иначе говоря, к простому преобразованию в мысленный образ, а к области изначально креативной, поэтической. Чтобы создать образ воображаемого собора, надо прибегнуть к помощи литературного искусства.

Далее следует понятие символического. О символическом значении можно говорить лишь в том случае, когда рассматриваемый объект вписывается в определенную систему ценностей, исторически сложившуюся или идеальную. Скульптурные изображения французских королей на порталах королевских соборов являются материальным воплощением представлений о древних

---

¹⁰ Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада: Пер. с фр. М., 1992. С. 58 и след.

царях Иудеи (или наоборот).

Также необходимо провести границу между воображаемым и идеологическим. Идеологическое является носителем мировоззрения, стремящегося навязать представлению смысл, искажающий реальность, как фактическую, так и воображаемую. Идеологическое силой воздействует на «реальность», заставляя ее втискиваться в рамки предвзятых представлений, и это «силовое воздействие» отчасти роднит его с воображаемым. Стремясь создать наглядный образец структуры общественной власти, средневековые клирики изображают два меча, один из которых символизирует светскую власть короля, другой — духовную власть папы; при этом они исходят не из общественных реалий, а навязывают обществу свой образ, дабы разделить клириков и мирян и установить между ними подобающую иерархию, располагая меч духовной власти поверх меча власти мирской. Когда те же самые клирики вычленяют из множества человеческих поступков семь и приравнивают их к смертным грехам, они делают это не для того, чтобы предостеречь людей от дурных дел, а создают специальный инструмент, предназначенный разить пороки во имя процветания христианской идеологии. Какова бы ни была доля вымысла, совершенно осознанно присутствующего в идеологических системах, системы эти, выкованные правящими ортодоксами (или их противниками) для организации общества, не являются в полном смысле воображаемыми. Провести границу между сферой воображаемого и сферой идеологического зачастую бывает крайне сложно.

Ле Гофф подчеркивает еще одно важное обстоятельство: любые документы, с которыми работает историк, без сомнения, содержат частицу воображаемого. Даже самую что ни на есть прозаическую грамоту, ее форму и содержание, можно истолковать с позиций воображаемого. Пергамент, чернила, почерк, печати и т.д. являются не просто атрибутами документа, в них воплощено представление о канцелярии, администрации власти. Воображаемый мир письменного текста иной, нежели мир сказанного слова, архитектурного сооружения, визуального образа. Начальные формулы протокола, заключительные выводы, датировка, список свидетелей, не говоря уж о самом тексте, отражают — наравне с представленной в документе конкретной ситуацией — образ власти, общества, времени, правосудия и т.д.

Ле Гофф отмечает роль агиографии, которая стала рассматриваться как специфический жанр, порожденный народным восприятием христианского вероучения и его обрядовой стороны, а также тактикой Церкви по отношению к главному и многоликому персонажу христианства — святому.

Бесспорно, история воображаемого имеет и собственные

источники, созданные человеческим воображением: это произведения литературы и искусства. При этом Ле Гофф поясняет, что историк обязан использовать данные источники, но с учетом их специфики, понимая, что из них можно почерпнуть только то, ради чего они были созданы. Произведения литературы и искусства сами по себе являются исторической реальностью¹¹. Ле Гофф подчеркивает, что в воображаемом присутствует образ. Это еще одно основание для отделения области воображаемого от области представлений и идеологии, где зачастую можно ограничиться умозрительными построениями. Подлинные образы конкретны и вот уже долгое время являются предметом изучения специальной науки: иконографии. И, наконец, большую часть воображаемого мира Средневековья – и на земле, и в потустороннем царстве, и в природе, и в мире людей, животных и предметов, и в географии, и в истории – вбирает в себя чудесное.

«В сфере чудесного, – пишет Ле Гофф, – меня прежде всего интересует система интерпретации сверхъестественного, в лоне которого чудесное функционировало с конца XII в. и до XVI в. Это *чудесное* является своеобразным “нейтральным”, “естественным” сверхъестественным, расположенным между сверхъестественным божественным (*чудным*, зависящим только от благой воли Господа) и сверхъестественным дьявольским (*магическим*, в котором преобладает разрушительное влияние Сатаны). Начиная с XIII в. чудесное, на мой взгляд, энергично устремляется отвоевывать территорию у чудного и магического, при этом чаще побеждая первое и в основном получая поражение от второго. Так не рискнуть ли высказать предположение об “обмирщении” сверхъестественного?». И далее: «От чудесного, занимающего центральное место в средневековом мире воображаемого, я обратился к проблемам пространства и времени, этим главным параметрам истории. Перспективность исследований данных параметров обусловлена их концептуальными рамками, являющимися одновременно границами и “реальности”, и воображаемого»¹².

Итак, мы видели всю сложность восприятия человеком западноевропейского средневековья проблем христианской религии и ее носительницы – церкви. В трудах выдающегося представителя школы «Анналов» Жака Ле Гоффа эта сложность находит адекватное отражение.

---

¹¹ В этом месте своих рассуждений Ле Гофф ссылается на своего коллегу, выдающегося французского историка: «Нужно подняться до уровня Жоржа Дюби, чтобы отважиться написать “Время соборов” и блистательно справиться с этой задачей».

¹² *Ле Гофф Ж.* Средневековый мир воображаемого. Пер. с фр. М., 2001. С. 5–20 и след.

Рец.: Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. – СПб.: Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Алетейя, 2003. – 268 с. – (Серия «Современные направления в исторической науке: серия переводов»).

Рецензируемый сборник, изданный под редакцией М. Крома, Т. Зоколлы и Ю. Шлюмбома, стал первым из серии переводов работ ведущих западных исследователей, работающих в актуальных областях гуманитарного знания. Серия задумана и осуществляется учеными Европейского Университета Санкт-Петербурга и Института Истории общества Макса Планка (Геттинген). Создатели проекта поставили перед собой задачу познакомить молодых российских исследователей с такими современными направлениями в исторической науке, как микроистория, историческая антропология, история семьи, история науки и техники и экологическая история.

Микроистория стала известна широкому кругу российских читателей в середине 1990-х годов, благодаря публикации переводов программных и полемических статей К. Гинзбурга, Ж. Ревеля, Дж. Леви, Х. Медика. Неоценимую роль в популяризации этого направления сыграл семинар по истории частной жизни, который проводился в Институте всеобщей истории РАН под руководством Ю.Л. Бессмертного. Однако конкретно-исторические микроаналитические исследования, полезные для тех, кто только начинает свой научный путь, до сих пор практически не переводились.

В сборник, который в определенной степени восполняет эту лауну, включены переводы статей ряда ведущих западных специалистов – Черутти, Д.У. Сэбиана, К.Ульбрих, Ю. Шлюмбома, Х. Медика и Т. Зоколлы. Кроме того, представлена аннотированная библиография основных работ, написанных в области микроистории с указанием их русских переводов.

Член редколлегии журнала *Quaderni Storici*, профессор Высшей школы социальных исследований в Париже Симона Черутти является одним из наиболее авторитетных исследователей Франции, работающих в области микроистории. Включенная в

рецензируемое издание работа¹ является авторской версией статьи, опубликованной в 1996 г. в сборнике, вышедшем под редакцией Ж. Ревеля². В ней С. Черутти возвращается к темам, которым была посвящена ее монография «Город и его ремесла: рождение корпоративного языка. Турин в XVII-XVIII вв.»³. В настоящей работе рассматривается проблема превращения профессиональной принадлежности в городе раннего Нового времени в критерий социальной стратификации. С. Черутти предложила подробное теоретическое обоснование исследования социальной стратификации, как многоуровневого процесса, одновременно демонстрируя, каким образом ею был дан ответ на вопрос, почему в Турине долгое время ремесленные корпорации, вне зависимости от экономического развития города, не были социально значимыми объединениями, а деление по профессиональному признаку – критерием социальной идентификации.

С. Черутти меняет перспективу исследования социальной стратификации, предлагая изучение того, как социальные отношения создают общности. В свою очередь, отношения должны быть «извлечены» из жизненного опыта индивида и реконструированы на основе изучения тех возможностей, которыми последний обладал в формировании социальной идентичности. Такой подход позволил автору увидеть, как влияли на формирование групп внеэкономические интересы.

«Длительное молчание [туринских] корпораций на протяжении всего XVII века заставляет исследовать имевшиеся у них возможности, их отношения с другими организациями, другие формы представления интересов торговцев и ремесленников»⁴. С. Черутти для осуществления этой цели использовала биографический метод. Ею было исследовано социальное поведение жителей двух кварталов Турина в конце XVI в. и начале XVIII в. Выяснилось, что изучаемые семьи, жившие в городе, который долгое время существовал в условиях конфликта между городским советом и герцогом Савойским, стремились сосредоточить

¹ Социальный процесс и жизненный опыт: индивиды, группы и идентичности в Турине XVII века // Прошлое – крупным планом... С. 27-57.

² Cerutti S. Processus et expérience: individus, groupes et identités à Turin, au XVIIe siècle // Jeux d'échelles. La micro-analyse à l'expérience. Textes rassemblés et présentés par J. Revel. Paris, 1996. P. 161-186.

³ La ville et les métiers: naissance d'un langage corporatif, Turin 17e –18e siècle. Paris, 1990.

⁴ Социальный процесс и жизненный опыт: индивиды, группы и идентичности в Турине XVII века // Указ. соч. С. 46.

такую совокупность профессий, которая обеспечивала бы обладание одновременно городскими и герцогскими привилегиями. Наличие в городе особых групп, основанных на общности имеющих возможностей объясняет слабость корпораций, делая их не только ненужными, но и угрожающими единству этих групп.

Возникновение корпораций в Турине было связано с политической герцогов Савойских, заключавшейся в раздаче привилегий отдельным городским группам. Введение корпоративной системы нарушало единство объединенной родственными связями городской элиты, что объясняет долгое сопротивление последней внедрению и развитию корпораций. Значение последних возрастало только по мере исключения торговой верхушки из участия в городском совете.

Американский исследователь Д. У. Сэбиан более 30-ти лет занимается небольшим приходом Неккерхаузен (герцогство Вюртемберг). Вошедшая в сборник статья⁵ представляет собой «первую попытку изучения нарративных аспектов», относящихся к середине XVIII в. протоколов церковной консистории Неккерхаузена, своего рода суда по вопросам нравственности. Зафиксированные в протоколах инциденты представляют собой «банальные примеры будничных склок или бесчинств».

Д. Сэбиан провел нарративный анализ нескольких протоколов на предмет «образования сюжета, линий повествования, нарративных стилей, стратегий выстраивания дискурса и воспоминаний, иерархий репортажного контекста, заговорщических объединений, стратегий мести и расширения своего могущества и благосостояния, а также способов заставить других замолчать или направить дискурс в нужное русло»⁶. Автора интересует в первую очередь методологический вопрос – каким образом извлечь «голоса крестьян» из «текстов бюрократов».

Протокол, сжатая запись слушаний, проходивших в консистории, представляет собой сложный, многоуровневый текст, в выстраивании которого принимали участие тяжущиеся стороны, свидетели и члены консистории, рассматривавшие дело. Проблема нарративного анализа текста, как замечает автор, заключается в том, чтобы определить вклад каждого из участников слушаний в его создание. Так, например, пастор, который вел протокол, обладал большой свободой в конструировании сюжета. Как правило,

⁵ Голоса крестьян и тексты бюрократов: нарративная структура в немецких протоколах начала Нового времени // Там же. С. 58-89.

⁶ Там же. С. 59-60.

он заранее определял природу инцидента. Во многих случаях он создавал свой рассказ на основе predetermined сценариев. Каждое действие, фиксированное протоколом, соотносилось с определенным на начальной стадии его составления типом характера, который закреплялся за «действующим лицом». Это лишало девиантное поведение «действующего лица» рациональной мотивации («тот или иной негодяй делает то, что он делает, потому что он грубиян, или пьяница, или сквернослов»⁷).

Хотя, как замечает автор, нарративный анализ говорит больше о техниках доминирования «бюрократов», нежели о «голосах крестьян», сами техники доминирования, фиксированные в протоколах «могут рассказать нам о том, о чем [протоколы] молчат, что они искажают или проглатывают»⁸.

Авторами двух статей, включенных в сборник, являются участники известного проекта по изучению истории protoиндустриализации, осуществленного в Институте истории общества Макса Планка в Геттингене – Х. Медик и Ю. Шлюмбом. Участники проекта исследовали роль сельского ремесленного товарного производства в Европе раннего Нового времени. Итогом проекта стала опубликованная в 1977 г. работа «Индустриализация до индустриализации. Товарное ремесленное производство в деревне в период становления капитализма»⁹. В дальнейшем участники проекта провели проверку своих выводов на конкретном материале.

Ю. Шлюмбом для этой цели избрал приход Бельм в княжестве Оснабрюк (восточная Вестфалия). Представленная в сборнике статья¹⁰ посвящена проблеме интеграции в деревенское общество, где ведущую роль играли землевладельцы, безземельных жителей прихода.

Последние, число которых к началу XIX века достигло двух третей от всей численности населения, представляли в течение долгого времени серьезную проблему для общины Бельма. Однако, после продолжительного периода конфликтов, был найден способ, позволявший безземельным жителям деревни сохранять статус членов деревенской общины. Они переходили в категорию арендаторов, плативших за аренду участка земли как деньгами,

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же.

⁹ *Industrialisierung vor der Industrialisierung. Gewerbliche Warenproduktion auf dem Land in der Formationsperiode des Kapitalismus*. Göttingen, 1977.

¹⁰ Социальные узы между имущими и неимущими: микроистория одного сельского сообщества // *Прошлое – крупным планом...* С. 143-180.

так и работой. Такая система батрачества, распространенная в этот период в восточной Вестфалии и Нижней Саксонии, «не вписывается в категории, которыми оперирует социально-экономическая история», поскольку неясно, можно ли считать батраков свободными наемными работниками, или их положение граничило с крепостным состоянием¹¹. Микроисторический анализ, как замечает автор, дает возможность определить место батраков в деревенской общине, позволяя исследовать различные виды отношений, складывавшиеся между батраками и их хозяевами – экономические, родственные и клиентелльные связи.

Х. Медик, известен российскому читателю по статье «Микроистория»¹². Его работа, опубликованная в сборнике¹³ написана на основе одной из глав монографии «Ткацкое ремесло и борьба за выживание в Лайхингене, 1650-1900. Локальная история как история всеобщая»¹⁴ (в рамках того же проекта по истории протоиндустриализации) и посвящена исследованию круга чтения жителей Лайхингена (Вюртемберг), проведенному на основе анализа сохранившихся инвентарных описей имущества.

Лайхинген, значительных размеров поселение ткачей, не относился ни к категории города, ни к категории типичного крестьянского поселения, и, таким образом, с точки зрения автора, представляет собой тот случай «нормального исключения», который позволяет характеризовать культуру, распространенную в это время в сельской местности Вюртемберга. Работа демонстрирует, что «владение книгами и до конца XIX в. уже могло быть явлением более распространенным, нежели обычно предполагается»¹⁵. Однако тип «грамотности» лайхингенцев является порождением «специфического лютеранского пиетизма», о чем свидетельствует изучение реестров книг, находящихся во владении жителей поселения. Домашние библиотеки в основном состояли из духовной и нравоучительной литературы. Увеличение в течение изучаемого периода процента светских книг в домашних библиотеках обнаруживается только в тех семьях, которые были

¹¹ Там же. С. 148-149.

¹² Медик Х. Микроистория // THESIS: Теория и история экономических и социальных институтов и систем. М., 1994. Т. 2. Вып. 4. С. 193-202.

¹³ Народ с книгами. Домашние библиотеки и книжная культура в сельской местности в конце раннего Нового времени. Лайхинген (1748-1820) // Прошлое – крупным планом... С. 181-222.

¹⁴ Medik H. Weben und Überleben in Laichingen 1650-1900. Lokalgeschichte als Allgemeine Geschichte. Göttingen, 1996.

¹⁵ Народ с книгами... // Указ. соч. С. 184.

частью лайхингенской элиты или стремились стать таковой. Эта группа одновременно демонстрирует вкус к «буржуазному» стилю жизни, о чем свидетельствуют описи имущества подобных семей. Большая же часть жителей Лайхингена оставалась в стороне от распространяемого просвещением типа «грамотности», который подавлялся культурой пиетистской набожности.

Работа К. Ульбрих «Переплетения: христианско-иудейские отношения в одном сельском сообществе XVIII века»¹⁶ представляет собой одну из глав монографии «Суламифь и Маргарета. Власть, пол и религия в сельском сообществе XVIII в.»¹⁷. В деревне Штайнбидерсдорф (на границе Франции и Германии) фактически существовали две общины – католическая и иудейская. Автор интересуется взаимоотношениями между представителями этих двух вероисповеданий. Особое внимание уделено «зоне возникновения конфликтов», показано, каким образом община их порождала и находила способы их преодоления. Исследование обнаруживает, что католики и иудеи, жившие в постоянном контакте, вынуждены были выработать сложную систему правил, адаптируя существующие нормы к своей ситуации. Подразумеваемая асимметрия социальных отношений часто оказывалась нарушенной или даже перевернутой в общине, которая нередко выступала сплоченно.

Статья английского историка Т. Зоколла¹⁸, который в течение долгого времени занимался социальной историей бедности в Англии, основана на комплексе прошений о вспомоществовании, сохранившихся в документах управления по осуществлению законодательства о вспомоществовании бедным в графстве Эссекс. Предметом анализа стали стратегии выживания лондонских бедняков, в данном случае то, каким образом податели прошений использовали описание своего положения для того, чтобы добыть пособие.

Одним из ресурсов, к которым вынуждены были прибегать бедняки для добычи средств на пропитание, было получение денежной помощи, предусмотренной английским законодательством о бедных. Последнее вменяло в обязанность всем приходам Англии оказывать помощь своим неимущим жителям. Хотя предос-

---

¹⁶ Прошлое – крупным планом... С. 90-142.

¹⁷ Ulbrich C. Shulamit und Margarete. Macht, Geschlecht und Religion in einer ländlichen Gesellschaft des 18. Jahrhunderts. Wiem, 1999.

¹⁸ Добыча пропитания путем переговоров: прошения о вспомоществовании от эссекских бедняков из Лондона (1800-1834) // Прошлое – крупным планом... С. 223-259.

тавление помощи жителям, переселившимся в другой приход, требовало водворения ходатая домой, в ряде случаев (их и рассматривает автор) это было невыгодно приходу, который предпочитал выдачу пособия на новом месте проживания бедняка. Этот факт стал основным «стратегическим аргументом», используемым в прошениях. Аргумент выдвигался в различных формах: как невозможность вернуться домой в связи с ожиданием в скором времени получения работы, как упоминание о трудностях, связанных с переселением, или даже как угроза вернуться домой.

Т. Зоколл приходит к выводу, что «бедняки располагали значительным простором для стратегического маневра. Старый Закон о бедных... создавал... институциональную платформу, на которой трудящаяся беднота могла эффективно заявлять свои потребности, преследовать свои интересы и обосновывать свои претензии»¹⁹.

В заключение можно заметить, что работы подобраны таким образом, чтобы охватить значительный временной период – с XVI по XIX вв., ряд регионов Европы (Северная Италия, Германия, Англия), широкий круг тем (их теоретическую постановку и эмпирическое решение) и продемонстрировать разнообразные методы работы с различными видами источников.

Н. Иванова

¹⁹ Добыча пропитания путем переговоров: прошения о вспомоществовании от эссекских бедняков из Лондона (1800-1834) // Указ. соч. С. 259.

Рец.: Галин В.В. *Война и революция. (Серия: Тенденции).*
– М.: Алгоритм, 2004. – 592 с.

Среди потока новых книг по отечественной истории, практически еженедельно поступающих на прилавки книжных магазинов, объемная книга В. Галина «Война и революция» сразу же обращает на себя внимание. Большая книга, состоящая из 592 страниц текста, содержащего 1793 сноски, является всего лишь первым томом, открывающим новую серию книг под общим названием «Тенденции». Серия посвящена политической и экономической истории России в XX веке и претендует на то, чтобы выявить исторические закономерности и заглянуть в будущее. Обширное теоретическое предисловие, помещенное не только в книге, но и на сайте автора в Интернете, подводит солидный базис под предлагаемый вниманию читателей труд. Амбициозность этого масштабного исследовательского проекта вызывает невольное уважение: возникают ассоциации с «Капиталом» Маркса и «Человеческой комедией» Бальзака. Эти ассоциации нельзя назвать случайными, ибо книга В. Галина написана хорошим русским языком, свободна от псевдонаучных умозаключений и легко читается.

Хронологические рамки первого тома ограничены февральской революцией 1917 года, с одной стороны, и Брестским миром 1918 года – с другой. Однако автор не считает нужным ограничивать свое повествование этими формальными границами. Он довольно подробно рассказывает как о закулисных событиях Первой мировой войны, так и об интервенции союзников на Севере России. Внимательный читатель откроет для себя множество выразительных деталей, о которых обстоятельно пишет автор.

В. Галин рассказывает о неудачном летнем наступлении русской армии в 1917 г. В материальном отношении армия была подготовлена великолепно. За все предшествующие три года ведения военных действий русская армия не имела такого перевеса над противником по числу штыков и материальным средствам. Автор дает слово генералу Деникину: «Никогда еще обстановка не сулила таких блестящих перспектив: на 19-верстном фронте у меня было *184 батальона против 29 вражеских*, 900 орудий против 300 немецких; 138 моих батальонов введены были в бой против перволинейных 17 немецких». Однако все эти материальные преимущества русской армии были сведены на нет ее нежелани-

ем воевать. Армия была полностью разложена «демократизацией» предшествующих месяцев. Через два-три дня после начала наступления солдаты сначала отказались идти в бой и повернули обратно, а затем панически бежали под давлением неприятеля, который был в пять раз слабее. Началось массовое дезертирство. «Только артиллерия сохранила почти полную боеспособность до последних дней, да казачьи части не знали дезертирства» (С. 139).

Что же офицерский корпус? На этот риторический вопрос В.Галин отвечает с обезоруживающей прямоотой: «Офицерский состав, практически отстраненный солдатской массой от командования, находил утешение в пьянстве и в спорах-разговорах о будущем России» (С. 141).

Сказано сильно, но сюжет автором не исчерпан. В это время в тылу полным ходом шел передел земельной собственности. Самовольными захватами крестьянами помещичьих земель и поджогами «дворянских гнезд» дело не ограничилось. Как только закончилась помещичья земля, крестьяне стали *раскулачивать* хуторян и арендаторов. Затем настала очередь казаков. Временное правительство достойно «наградило» казаков за их доблесть и верность долгу. На Всероссийском крестьянском съезде министр земледелия эсер Чернов дал толчок к *расказачиванию*, заявив, что казаки имеют большие земельные наделы, и что им следует поступиться частью своих земель в пользу лиц, не принадлежащих к казачьему сословию. Чернова активно поддерживали меньшевики и эсеры. Началась массированная агитация за расказачивание. «Таким образом, раскулачивание и расказачивание, инициативу которых обычно приписывают большевикам, были начаты задолго до их прихода к власти» (С. 152).

Раскулачивание и расказачивание происходили на фоне нарастающей эмиссии бумажных денег. Бумажный рубль накануне Февральской революции реально стоил на внутреннем рынке 27 копеек, к октябрю 1917 г. покупательная способность рубля понизилась до 6-7 копеек. В итоге к 1 ноября 1917 г. в обороте находилось в 12 раз больше денежных знаков, чем на момент начала Первой мировой войны. «Денежная система России практически рассыпалась, над страной нависла угроза финансового краха» (С. 164). Автор книги приводит множество политэкономических данных и мемуарных свидетельств, неопровержимо доказывающих следующую мысль: к октябрю 1917 г. в России государство больше не существовало. Эта мысль стала аксиомой как для активных, так и для пассивных граждан (С. 200). Государство Российское оказалось банкротом.

Требовалось ликвидировать неэффективное управление страной и создать условия для выхода из кризиса.

Подведя вдумчивого читателя к этому выводу, В. Галин формулирует главную мысль своей книги: большевики стали последним оплотом государственности в России. Автор дважды формулирует эту мысль (С. 156, 207), а затем в примечании специально указывает на некий «инстинкт государственности», присущий большевикам (С. 280). Но как же сочетается этот инстинкт с подписанием большевиками «похабного» Брестского мира, когда государство в одночасье лишилось огромных территорий, на приобретение которых потребовалось не одно столетие?! В. Галин не уходит от постановки и решения этого вопроса. «Брестский мир» был подписан задолго до появления большевиков кровью, голодом и разорением во время войны. Для нас важно знать не столько, кто зафиксировал этот факт, сколько кто его совершил» (С. 305).

Кто же виноват в том, что Россия была вынуждена заключить позорный мир? В. Галин обвиняет неблагодарных союзников России. Союзники признавали, что «чудом на Марне» они обязаны России. Они не скрывали, что в 1914 г. французскую армию от полного разгрома спас «русский паровой каток». Союзники восхищались кавалерийской лавиной казаков. Французские и английские газетные художники, находящиеся за тысячу километров от русского фронта, подробно рисовали в своих изданиях казачью лаву. Спустя сто лет после Заграничных походов русской армии казаки вновь стали «удивлением Европы». Однако все ограничилось одними восторгами, дальше дело не пошло. Стремительный экономический рост России накануне войны не остался незамеченным в Европе и оказал влияние на формирование недружественных по отношению к России тенденций европейской внешней политики. Во время Первой мировой войны союзники несколько раз в своих корыстных интересах пренебрегли интересами России. Это был не первый случай в истории государства Российского. По этому поводу генерал Скобелев с горькой иронией заметил, что «Россия — единственная страна в мире, позволяющая себе роскошь воевать из чувства сострадания» (С. 385). Если в начале Первой мировой войны Россия готова была жертвовать и жертвовала собой ради союзников, то через два года войны горькая обида и разочарование в союзниках сменили былую жертвенность.

Для этого у России были все основания: «Совокупная реальная мобилизационная нагрузка на экономику России за время участия в войне была минимум в 3-4 раза выше, чем у Франции и в 4-5 раз, чем у Великобритании» (С. 366). Экономика России бы-

ла перенапряжена войной. При такой непосильной для страны мобилизационной нагрузке революция в России была неизбежна. Как только мобилизационная нагрузка Германии приблизилась к нагрузке России и превысила допустимый для этой страны предел, в ней вспыхнула революция. Вот почему для истощенной войной России заключенный большевиками Брестский мир стал единственно возможной альтернативой самоуничтожения. Вывод автора очевиден: и Октябрьская революция, и Брестский мир стали закономерным следствием предшествующих событий, результатом естественного исторического процесса.

Поскольку сам В. Галин написал свою книгу с хорошо осознанной и четко сформулированной целью заглянуть в будущее, это дает нам право предположить, как книга будет воспринята читателями. Кто-то увидит в «Войне и революции» марксистское произведение и захлопнет книгу. Кто-то получит информационный повод для рассуждений о возможности применения марксистской методологии в начале XXI века. Кто-то заклеит автора за желание оправдать неизбежность революции. Кто-то за это же самое возведет его на пьедестал. Подобные споры неизбежны, но не очень продуктивны.

Мы приближаемся к тому рубежу, когда Октябрьская революция уже перестает восприниматься либо как знамя, либо как мишень. Октябрьская революция начинает рассматриваться в большом времени истории и изучаться без гнева и пристрастия. Если мы хотим не просто судить о революции, а стремимся понять смысл изучаемых событий, то мы не можем рассматривать эти события исключительно с точки зрения закономерностей исторического процесса. Однако в теоретических выкладках В. Галина нет ни слова о фундаментальной роли случая в истории. Исторический процесс для него есть процесс закономерный, а случайность рассматривается как нечто несущественное и малозначительное, как то, чем можно и должно пренебречь в историческом и философском исследовании. Это, с нашей точки зрения, наиболее уязвимый пункт его историософской концепции. В начале XXI века уже нельзя игнорировать существование синергетики и не замечать альтернативный характер исторического процесса. Мысль о том, что история не знает сослагательного наклонения, уже не является аксиомой, и контрфактическое моделирование сравнительно недавно стало рассматриваться в качестве серьезной научной проблемы.

Исторический процесс уже не рассматривается исключительно с точки зрения логики сменяющихся друг друга политических и экономических событий, с позиций взаимодействия базиса и

надстройки. Как бы сильно все эти события не вторгались в частную жизнь людей, как бы радикально они не меняли ее течение, эта частная жизнь всегда отстаивала и отстаивала свое право на существование. Изучение проблем частной жизни стало в последние десять лет не просто перспективным, но и исключительно продуктивным направлением развития исторической науки. Достаточно вспомнить ряд изданий, выпущенных Институтом всеобщей истории РАН. Но в первом томе «Тенденций» нет ни слова о простых людях, которым довелось жить в эпоху революционных перемен. И об этом, на наш взгляд, автору имеет смысл рассказать в одном из последующих томов «Тенденций». С нетерпением будем их ожидать.

С.А. Экштут

Рец.: Альтшулер Н.С., Ларионова А.Л. Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х годов XX века: История развития и научные достижения выпускников. Казань: Изд-во КГУ, 2002. – 150 с.

В последние годы предметом исследования науковедов все чаще становится опыт становления и оформления советских естественнонаучных школ. Одновременно с историками науки осмыслить и реконструировать процесс создания научных сообществ и академических центров пытаются сами представители естественных и точных наук (физики, химики, математики и т.д.).

Прекрасным примером такого исследования стала книга Н.С. Альтшулер и А.Л. Ларионова. Авторы впервые предприняли попытку описать один из самых трудных периодов в истории казанской физической школы и университета: 1920-40-е годы. Книга получилась яркой и интересной во многом благодаря тому, что в ней представлены уникальные документы. В качестве источников в книге использованы материалы государственных и личных архивов, мемуары и свидетельства очевидцев, редкие фотографические снимки. Впервые публикуемые фотографии тех лет (портреты ученых, групповые снимки студентов и преподавателей, аудиторий, учебных лабораторий, спортивных команд), а также рисунки профессора Б.М. Столбова и студентки Н. Ильясовой украшают эту книгу и делают её запоминающейся. Авторы не следуют традиционным нормам и правилам анализа источников, которые используют историки, в том числе и историки науки. Однако публикация неизвестных иллюстративных материалов этих десятилетий XX века и фрагментов воспоминаний непосредственных свидетелей тех событий, помогает представить облик профессоров, преподавателей и студентов того времени.

Тщательно прописаны исторические портреты плеяды казанских физиков, таких как Е.К. Завойский, С.А. Альтшулер, К.В. Костылев, М.Г. Матисон, А.З. Петров, И.М. Романов, Ш.Т. Хабибуллин. В книге повествуется не только о научных поисках и открытиях казанских физиков, но и сделана попытка, представить особый тип ученого тех лет. Почти голографическую объемность каждому портрету придает сочетание характеристик лекторского мастерства, специфической манеры общения со студентами, восприятия учениками и коллегами. Судьбы ученых и история научной школы вплетены в исторический контекст

20-40-х годов прошлого века. Сложная эпоха преломлялась в биографиях ученых подчас трагически. Пресловутого «черного воронка» не удалось избежать и сотрудникам университета. В книге рассматриваются только отдельные эпизоды взаимоотношений университета с властью и политикой. Горькие размышления вызывают страницы, посвященные судьбе талантливого ученого Ю.А. Лоцилова, репрессированного в 1938 г., в самом начале его научной карьеры. Авторы пытаются правдиво рассказать об утратах, которые были следствием недалековидной политики университетской администрации. Приводимые эпизоды университетской истории очень точно характеризуют стиль тоталитарного мышления.

В этом ряду совершенно особое место занимает трагикомическая ситуация по поводу назначения изобретателя А.Г. Садреева на должность заведующего кафедрой физики вместо профессора А.Д. Гольдгамера, который после многолетней травли был вынужден покинуть университет (он уехал работать в Ленинградский Физико-технический институт по приглашению академика А.Ф. Иоффе). В книге приводится воспоминание об этом событии его очевидца – профессора Е.К. Завойского. «Боже справедливый! – эмоционально восклицает Завойский, – Ведь великий изобрел только электрическую мышеловку и предложил проект использования энергии молний для энергетики первой пятiletки! ... Пусть эти молнии разразят меня и я провалюсь сквозь землю... он был искренне уверен, что его назначили заведовать кафедрой не физики, а физкультуры!!! Я помню: точно холодная сталь входила эта уверенность в мой мозг, и у меня начала кружиться голова, когда я начал разговор с Садреевым» (С.14). Вскоре Садреев, поняв бессмысленность своего положения, уволился из университета.

Таких «перегибов» было много. В их ряду можно рассматривать и назначение на должность заведующего кафедрой общей физики в конце 30-х гг. К.П. Ситникова – агронома по специальности(!). С 1937 г. он занимал пост ректора университета. С горькой иронией авторы книги описывают изобретение советской педагогической системы – «бригадный метод» и отказ от лекционного обучения. «Бригадой» сдавали зачеты и экзамены: «Сильный отвечал, средний поддакивал, слабые молчали, все получали положительную оценку» (С. 24).

Многие из представленных в книге документов заставляют размышлять о других особенностях организации учебного процесса. Авторы справедливо отмечают, что снижение качества образования было предопределено новой образовательной концепцией. Новые программы

цепцией. Новые программы предусматривали увеличение объема преподавания специальных дисциплин за счет сокращения общетеоретических, фундаментальных предметов. В перечне изучаемых предметов удивляет скудость гуманитарных курсов: их практически не было (см. копии дипломных приложений в книге). Квалификационные знания и навыки, приобретаемые будущими естественниками в стенах университета, подкреплялись необходимым усвоением обязательного идеологического суррогата, так называемого «политминимума». Его набор в разные годы варьировался: «Политэкономия», «Конституция СССР», «Экономическая политика», «Введение в историю и философию естествознания», «Основы государственного и хозяйственного права» (диплом Л.В. Грошева, 1929 г.). В дипломе 1934 г. указаны три изучаемых языка (английский, немецкий, татарский) и «диамат» (диплом Ю.Д. Калинина). В середине 30-х годов к прежнему списку добавились курсы: «Организация вузовской работы», «Ленинизм и история ВКП(б)» и «Основы марксистской педагогики» (диплом Ю.А. Лоцилова, 1936 г.). Искусственно созданный гуманитарный вакуум свидетельствовал о снижении уровня фундаментального классического образования, концепция которого предполагает, не только специальную подготовку, но и интеллектуальное развитие студентов, что достигается универсальным обучением, свободной циркуляцией мысли и личным общением. В складывавшейся в 1920-30-е гг. советской системе образования приоритетными считались знания, имевшие практическую пользу и прикладное применение.

В книге приведены примеры того, как студенты пытались самостоятельно компенсировать недостатки интеллектуального развития. В традициях тех лет была такая забытая сегодня форма, как организация публичных диспутов, поэтических вечеров на темы: «Маяковский или Есенин?», «Реальна ли фантастика в произведениях Беляева и Уэльса?», «Почему я не люблю Достоевского?». Сейчас трудно судить о том, насколько полно удавалось такими диспутами восстановить утраченную гармоничность классического образования. Эти формы «поиска истины», скорее всего, помогали студентам преодолевать догматические каноны идеологических курсов, существовавших учебных программ.

Небольшой раздел (всего четыре страницы) посвящен студенческим будням и праздникам, общественной и спортивной жизни. Повседневная жизнь университетской молодежи воссоздана по воспоминаниям свидетелей тех событий. Как и вся страна, студенты жили скромно и для того, чтобы свести концы с концами объединялись в «бытовые коллективы», совместное ведение об-

щего продовольственного хозяйства позволяло им сносно питаться и оставлять деньги ... на мыло и баню. Картины студенческого быта и форм проведения досуга, несомненно, оживляют повествование об официальной, публичной повседневности физико-математического факультета.

К сожалению, осталась «за кадром» непубличная жизнь преподавателей университета. Эта сторона жизни казанских ученых была бы интересна современному читателю, который все чаще обращает внимание к истории частной, индивидуализированной. Известно, что преподаватели также вели коммунальное существование: квартиры многих из них располагались внутри университетского двора. Эта «жизнь на просвет», по-видимому, и определяла ритм их повседневности и стиль интеллектуального общения. Вероятно, сохранилось недостаточно письменных свидетельств о том, как они коротали вечера, как общались между собой. Только в легендах сохранилась память о знаменитых университетских любителях преферанса, которые не только получали удовольствие от игры, но и наслаждались общением с духовно близкими людьми. На первый взгляд, при написании истории научного сообщества эта бытовая повседневность не имеет принципиального значения. Однако современные науковеды, изучающие социально-психологические факторы создания научных школ, рассматривают различные типы межличностных взаимоотношений как необходимое условие существования академической среды. Восстановить мельчайшие подробности нерегламентированного досуга в этом случае помогает особая форма коллективной памяти – «устная история».

Оформление научного сообщества казанских физиков происходило в том же ускоряющемся темпе, в каком развивалась вся физическая наука в XX веке: выдвигались оригинальные идеи, гипотезы, делались открытия; каждое из которых давало начало самостоятельному направлению, раздвигавшему безграничные горизонты этой области научного познания. Как всегда это происходило в России, великие замыслы ученых рождались, преодолевая недостатки финансирования, бытовую неустроенность, непонимание руководящих чиновников и т.д. Одно из крупнейших открытий прошлого столетия – открытие ядерного магнитного резонанса, сделанное Е.К. Завойским в 1941-44 гг., к сожалению, получило заслуженную оценку и признание только спустя несколько десятилетий. Тернист был научный путь и С.А. Альтшулера: его первые исследования в области ядерной физики не получали должной поддержки и понимания со стороны факультетского руководства, следовавшего принципу утили-

тарного прагматизма. Его удача – научное сотрудничество с Е.К. Завойским и Б.М. Козыревым, результатом которого было становление нового направления в физике – магнитной радиоскопии. Эти научные открытия и неформальные объединения исследователей положили начало созданию школы казанских физиков со всеми конституирующими признаками: научным лидером, общей темой, исследовательским методом, системой подготовки кадров, преемственностью поколений, установившимися традициями.

Университет – это не только научные школы, но и место взросления молодежи с «углубленным изучением ряда дисциплин». В 1920-40-е годы физико-математический факультет с несколькими отделениями и специализациями представлял собой особую корпорацию внутри университетского сообщества. И, тем не менее, трудно представить, что он развивался обособленно, вне связи с другими университетскими подразделениями.

В книге описаны такие исторические факты, которые заставляют вновь и вновь размышлять о проблемах истории университетской культуры как важнейшего компонента российской культуры. Это – проблема сохранения ценностей классического просветительства в эпоху «нового варварства», стремившегося беспощадно разрушить систему дореволюционного образования, не щадя и самих носителей этой ментальности – профессоров из «бывших». Парадокс заключался в том, что, несмотря на классовую ненависть, в студенческой среде сохранялось главное – необычайная тяга к знаниям, преклонение перед авторитетом ученых. Например, профессор В.А. Баранов сумел воспитать в своих студентах чувство благоговейного трепета перед храмом науки: «Студенты побаивались его, снимали шапки задолго до здания обсерватории, вытирая ноги. Чистота и порядок в «астрономичке» были безукоризненными» (С. 64). Вот такие мелочи формировали академизм поведения, который во все времена был важнейшим элементом университетской культуры.

По-видимому, университетский «столетний дух» борьбы знания с невежеством истребить так быстро было невозможно. Он был сохранен и законсервирован в старых преподавательских кадрах, вынужденных маскироваться под «красных профессоров», в книжной пыли библиотек, в самом здании, в аудиториях университета. Эти примеры университетской «микроистории» еще раз подтверждают закономерности «макроистории», сформулированные замечательным французским историком Фернаном Броделем. Он утверждал, что культурные миры не исчезают бесследно. Всегда приходили какие-то варвары, которые пытались

разрушить великие культуры, но «варвар торжествует ненадолго, а главное, ...ворота завоеванного мира постепенно захлопываются за варваром и он растворяется в более высокой культуре». Этот всеобщий культурно-исторический закон проявляется и в конкретных фактах локальной истории.

Авторы книги Н.С. Альтшулер и А.Л. Ларионов проделали колоссальную работу, собрав богатейший материал по истории одной из самых известных научных школ Казанского университета. Думается, что сам процесс поиска биографических сведений о прославленных учёных и тех, чьи имена были незаслуженно забыты – это сюжет для отдельного и, как нам представляется, увлекательного рассказа. Такой очерк мог бы стать заключительным аккордом новой книги об истории физической школы второй половины XX века.

Несомненно, физики и математики описывают историю своей науки иначе, чем это сделали бы историки. В этом опыте прочтения истории физической школы Казанского университета много поучительного для современных студентов и преподавателей. Непосредственным участникам событий ретроспективный взгляд на собственное прошлое позволяет по-новому осмыслить все пережитое. Эту книгу будет интересно читать и специалистам, изучающим феномен становления советских естественнонаучных школ XX столетия, среди которых казанская физическая школа занимает не последнее место.

Л.А. Свеченкова

SUMMARIES

N.I. Devyataikina (Saratov)

**War and peace in the dialogues of the treatise
'On the means against reverses of fate'**

The article deals with social and political views of Francesco Petrarca as they were presented in the dialogues of his treatise 'On the means against the reverses of fortune'. This treatise was written in the period when war was an important theme in philosophical and political writings and fiction. The article analyses the arguments of the Italian humanist, which were used in order to defy the idea of war and warfare, and the arguments supporting the necessity of peace between the subjects of one ruler as well as between states. The author demonstrates that Petrarca pays a good deal of attention to tyranny that, in his view, would lead not only to rebellions but also to just wars against tyrants.

O.V. Shnyrova (Ivanovo)

Cultural representations of suffragette movement

The article analyses the ways of representation used by the English suffragette organizations in the early 20th c.: marches, flags, cards, posters, stamps, performances, fiction. It also deals with conflicts between suffragettes and their opponents in the field of visual representation.

I.A. Shkol'nikov (Ivanovo)

Suffragists in Great Britain: rhetorics and representation

The article analyses the specific of suffragist identity in England in the late 19th – early 20th cc., as well as the role of their subculture in the final victory of the movement for English women's rights.

A.Yu. Kotylev (Syktyvkar)

Poetics of pseudo-history

"The New Plutarkh" by D. L. Andreev, V.V.Parin, L.L.Rakov is a unique book and at the same time a universal one. It is unique according to the circumstances of creation, the number of authors, the concept and its realization. It's universal judging by the degree of reflection of European cultural traditions of the New Time. It's unique in its form. The poet, the biologist and the historian wrote this book at the end of the 40's of the XX century in the prison of Vladimir. This book is a kind of a pseudo-biographic dictionary that contains invented biographies of world culture workers. According to its characteristics, this literary work belongs to several spheres of culture and doesn't belong to any of them fully. According to the form (main method of combining the elements of the text, inner structure of these elements, style) this book is a scientific work; according to the meth-

ods of creation – it's a work of art. It's remarkable that the dictionary is genetically connected not only with the past (with the works of the Northern humanitarians, philosophers, romanticists), but also with the future, because it definitely precedes such hyper textual work as "Chazar Dictionary" by M. Pavich.

The authors of the dictionary choose the new European elite culture as the main subject to criticism and analysis, revealing weak points and system defects very precisely. Using different methods of classification and interpretation of the text, it is possible to characterize the genre specifications of this work, to identify the place it takes in the creative work of the authors and in the culture system, the specific features of the creative concept and methods of its carrying out. Perhaps the authors of this book in their "experimental project" have approached to disclosing the methods of creation and mechanisms of influence of quasi-scientific works on the human's consciousness, but this problem requires further investigation.

S.E. Fedorov (S. Petersburg)

From Aristotle to Montesquieu: semantics of concepts of 'aristocracy' in the early Stuart England

The author of the article studies the evolution of the concept of 'aristocracy' in the context of Late Antiquity and of the Early Modern Period. He uses English dictionaries of the 16-17th cc. to show the specific of this period in social and cultural developments of English society.

G.G. Pikov (Novosibirsk)

Don Guan and Don Juan: a historian's view on perceptions of Spanish culture in the early 19th century Russia

The author analyses A.S. Pushkin's poem and concludes that although the names and situations were 'borrowed', Pushkin's Don Juan is not just one more version of a well-known legend but an original text. Its specific depends not on the legends but on the emotions of the poet and on the cultural process that were taking place in Russia in the first half of the 19th century.

T.V. Mozghukhina

'Dialogue of cultures' within the framework of the West German visual culture of postmodernism

The article deals with the problem of the 'dialogue of cultures' in humanities. The author says of the two versions of its interpretation and analyses works by A. Kifer and J. Immendorf who belong to the post-war generation of German artists. The article demonstrates new perspective for the interpretation of postmodern culture.

A.V. Sveshnikov (Omsk)

Travels to Italy in the texts by Russian historians of the 19th – early 20th cc.

The author studies various texts (letters, memoirs, reports etc.) writ-

ten by I.M. Grevs, his students and other Russian scholars who described their travels to Italy. The author reconstructs an idealized image of Italy that existed in the minds of Russian scholars of the late 19th – early 20th cc., and shows main features of their 'Italian travels'.

A.V. Antoschenko (Petrozavodsk)
Appreciation in historical narratives

The article deals with the possibility of making correct appreciation of historical sources. Is it possible for historical studies to be objective and impartial and at the same time claim the status of a practical discipline that establish moral norms and values? The author analyses the study by V.O. Klyuchevsky on the Schism. He suggests the criteria using which a scholar can make appreciation of the events and developments of the past without violating the meanings of a historical source.

L.V. Taran (Ukraine)
New trends in the world and Ukrainian historiography

The article studies the evolution of theoretical, methodological and epistemological principles in the world and Ukrainian historiography. Up to 1930s they were based on positivism, Marxism and Kantian philosophy. In the early 1930s, after the first Congress of Marxist historians, in the USSR and in Ukraine the vulgarized and simplified Marxism had been established. From the late 1970s world historiography has undergone serious transformations; traditional views on historical processes and the means of their cognition have been destructed. The contemporary Ukrainian historiography faces the crisis of Marxist paradigm, assimilates modernist and postmodernist approaches to history, and reinterprets the traditional scheme of Ukrainian history that had been created by M.S. Grushevsky.

N.A. Selunskaya
**'The Autumn of the Middle Ages' and the 'ate Antiquity':
 how classicists and medievalists divided the past between them**

The article tells a story of how the idea of Late Antiquity as a specific period was created and accepted by Western and Russian scholars. The author shifts the focus on the ways to assimilate this idea in Russia where this process started later than in the West. The author pays a great deal of attention to the ideas of Peter Brown and other scholars who had created this paradigm.

D.A. Scheglov (S. Petersburg)
**The table of *climata* by Hipparchus: an evaluation
 of completeness and authenticity of the information by Strabo**

The article demonstrates the system of climates – key latitudes that form a geographical map, one of basic concepts of ancient mathematical geography. The author suggests that Strabo's account of Hipparchus' table of *climata* is only a brief extract from it, often distorting its data and mixing them with the data from Eratosthenes' geography.

T.V. Chumakova (S. Petersburg)
Medicine in medieval Russia

The article is dedicated to the evolution of medicine in medieval Russia. The author concludes that its development was defined not only by the reforms by Peter the Great but also by the experience of monastic doctors and popular healers, as well as by the experience of Western medicine.

P.I. Osipyants
Principles and values of the political culture
of the new Whigs in the late 18th – early 19th cc.

The author analyses the views of C. Fox that influenced the formation of the new Whigs' political culture. The article is focused on his political views, moral principles and features of Fox's character. It is shown that Fox's followers created the political culture that had anticipated the ideas of the 19th-century liberals.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо Предисловия

Л.П. Репина

Профессиональное историческое образование в России..... 5

К 700-летию Франческо Петрарки

Н.И. Девятайкина (Саратов)

Проблема войны и мира в диалогах трактата
«О средствах против превратностей судьбы»..... 16

Франческо Петрарка

Диалоги из трактата «О средствах против превратностей судьбы»..... 27

Диалог культур в историческом контексте

К.А. Агирре Рохас (Мексика)

Господствующие культуры и культуры подчиненные:
диалог и конфликт..... 41

О.В. Шнырова (Иваново)

Культурные репрезентации суфражизма..... 63

И.А. Школьников (Иваново)

Мужской суфражизм в Великобритании:
риторика и репрезентации..... 81

А.Ю. Котылев (Сыктывкар)

Поэтика псевдоистории..... 98

С.Е. Федоров (Санкт-Петербург)

От Аристотеля до Монтескье: семантика значений
понятия «аристократия» в раннеюэртонской Англии..... 122

Г.Г. Пиков (Новосибирск)

Дон Гуан И Дон Хуан: взгляд историка на проблему
восприятия испанской культуры в России начала XIX века..... 138

А.В. Свешников (Омск)

Итальянские путешествия в текстах русских историков
конца XIX – начала XX в..... 172

Т.В. Мозжухина

«Диалог культур» в координатах западногерманской
визуальной культуры постмодернизма..... 187

Теория, методология, историография

А.В. Антощенко (Петрозаводск)

Об оценочных суждениях в исторических повествованиях..... 200

Л.В. Таран (Украина)

Новые тенденции в мировой и украинской историографии..... 211

Н.А. Селунская

Осень Средневековья и Поздняя Античность:
как антиковеды с медиевистами историю делили..... 232

Из истории науки

Д.А. Щеглов (Санкт-Петербург) Таблица климатов Гиппарха: оценка полноты и достоверности сведений Страбона.....	247
Т.В. Чумакова (Санкт-Петербург) Медицина в средневековой Руси.....	272

Власть, политика, культура

П.И. Осипьянц Принципы и ценностные ориентиры политической культуры новых вигов на рубеже XVIII и XIX вв.....	286
---	-----

Публикации

М.Р. Ненарокова Вандальберт Прюмский: столкновение двух традиций.....	304
Вандальберт Прюмский Житие Святого Гоара (пер. с лат., примеч. М.Р. Ненароковой).....	309

Notulae eruditae

В.В. Петров ‘ <i>Ἀρταύμος</i> и <i>ἄρταυμα</i> . Критические замечания к статье о Павла Флоренского « <i>Не восхищение непщева</i> (Флп 2:6-8)».....	327
С.В. Беспалова (Саратов) Социально-нравственная проблематика в «Выбранных местах из переписки с друзьями».....	335
А.Е. Беликов О Михаиле Гумилевском и его подражании Вергилию.....	343

Читая книги

В.Л. Керов Жак Ле Гофф о средневековом человеке и о восприятии им религии и церкви.....	354
[Рец.]: Прошлое – крупным планом: Современные исследования по микроистории. СПб.: Европейский Университет в Санкт- Петербурге, Алетейя, 2003. 268 с. Серия «Современные направ- ления в исторической науке: серия переводов». (Н. Иванова).....	366
[Рец.]: Галин В.В. Война и революция. М.: Алгоритм, 2004. 592 с. Серия: Тенденции. (С.А. Экштут).....	373
[Рец.]: Альтшулер Н.С., Ларионова А.Л. Физическая школа Казанского университета с конца 20-х до 40-х годов XX века: История развития и научные достижения выпускников. Казань: Изд-во КГУ, 2002. 150 с. (Л.А. Сыченкова).....	378
Summaries	384
Содержание	388
Contents	390

CONTENTS

Editorial

L.P. Repina

Professional education of a historian in Russia..... 5

700th anniversary of Francesco Patriarch

N.I. Devyataikina (Saratov)

War and peace in the dialogues of the treatise

'On the means against reverses of fate'..... 16

Francesco Petrarcha

Dialogues from the treatise

'On the means against reverses of fate'..... 27

Dialogue of cultures in historical context

C.A. Aguirre Rojas (Mexico)

Dominant and subaltern cultures: dialogue and conflict..... 41

O.V. Shnyreva (Ivanovo)

Cultural representations of suffragette movement..... 63

I.A. Shkol'nikov (Ivanovo)

Suffragists in Great Britain: rhetoric and representation..... 81

A.Yu. Kotylev (Syktyvkar)

Poetics of pseudo-history..... 98

S.E. Fedorov (S. Petersburg)

From Aristotle to Montescieux: semantics of concepts of 'aristocracy'
in the early Stuart England..... 122

G.G. Pikov (Novosibirsk)

Don Guan and don Juan: a historian's view on perceptions
of Spanish culture in the early 19th century Russia..... 138

A.V. Sveshnikov (Omsk)

Travels to Italy in the texts by Russian historians
of the 19th – early 20th cc..... 172

T.V. Mozghukhina

'Dialogue of cultures' within the framework
of West German visual culture of postmodernism..... 187

Theory, Methodology, Historiography

A.V. Antoschenko (Petrozavodsk)

Appreciation in historical narratives..... 200

L.V. Taran (Ukraine)

New trends in the world and Ukrainian historiography..... 211

N. A. Selunskaya

'The Autumn of the Middle Ages' and the 'ate Antiquity':
how classicists and medievalists divided the past between them..... 232

Contents

History of science

- D.A. Scheglov (S. Petersburg)
The table of climats by Hypparchus: an evaluation of completeness
and authenticity of the information by Strabo..... 247
- T.V. Chumakova (S. Petersburg)
Medicine in medieval Russia..... 272

Power, Politics, Culture

- P.I. Osipyants
Principles and values of the pilotocal culture of new Wigs
in the late 18th – early 19th cc..... 286

Publications

- M.R. Nenarokova
Wandalbert of Prume: a conflict of the two traditions..... 304
- Wandalbert of Prume
The Life of St. Goar (trans. from Latin, notes by M.R. Nenarokova)..... 309

Notulae eruditae

- V.V. Petroff
‘Ἀρπαγμός and ἄρπαγμα’. Critical Comments to Fr Pavel Florensky’s Article
«Who Did Not Consider It Rapture (Phil 2:6-8)»..... 327
- S.V. Bespavova (Saratov)
Social and moral issues in ‘Selection from letters to friends’..... 335
- A.E. Belikov
Mikhail Gumilevsky and his imitation of Vergil..... 343

Reading Books

- V.L. Kerov
Jacques Le Goff on people of the Middle Age and their persepction
of religion and the Church 354
- [Rev.]: The past in close-up: Recent microhistorical studies (St. Petersburg:
European University in St. Petersburg, Aletheia, 2003. Series ‘Contem-
porary trends in historical studies: translations’) (N. Ivanova)..... 366
- [Rev.]: Galin V.V., War and Revolution (Moscow, 2004) (S.A. Ekshtut)..... 373
- [Rev.]: Altshuller N.S., Larionova A.L., School of Physics in Kazan’
University in late 1920s-40s: a History of its Delelopment and achieve-
ments by its graduates (Kazan’, 2002) (L.A. Sychenkova)..... 378
- Summaries**..... 384
- Contents**..... 390

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений. Мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания: от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди вышедших и готовящихся к изданию книг мы предлагаем Вам следующие:

Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 1–12. Ред. Репина Л. П.

Зинченко А. В. История России (IX–XX вв.) в таблицах и схемах.

Ельянов Е. М. Иван Грозный — созидатель или разрушитель?

Ильичев А. Г. Справочник по русской истории. Киевская Русь.

Очерки феодальной России. Вып. 1–8. Под ред. Кистерева С. Н.

Зубов В. П. Русские проповедники: Очерки по истории русской проповеди.

Рудницкая Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию. Конец XV — начало XVI вв.

Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного.

Юртаева Е. А. Государственный совет в России (1906–1917 гг.).

Реввоенсовет Республики. 1920–1923. Под ред. Михалевой В. М. и др.

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала — середины 1920-х годов). Ред. Гришина Р. П.

Трудовые конфликты в Советской России 1918–1929 гг. Под ред. Кирьянова Ю. И. и др.

Сенин А. С. Московский железнодорожный узел. 1917–1922 гг.

Бузгалин А. В., Колганов А. И. Сталин и распад СССР.

Мазаев А. И. Искусство и большевизм (1920–1930-е гг.).

Дьяконов И. М. Архаические мифы Востока и Запада.

Старшая Эдда. Песнь о богах. Под ред. Свириденко С.

Афасижев М. Н. Изображение и слово в эволюции художественной культуры.

Ольденбург С. Ф. Культура Индии.

Майданов А. С. Тайны великой «Ригведы».

Голоса индийского средневековья. Под ред. Серебрякова И. Д., Ваниной Е. Ю.

Преображенский П. Ф. В мире античных образов.

Преображенский П. Ф. Тертуллиан и Рим.

Преображенский П. Ф. Курс этнологии.

Французский ежегодник. 2000–2003. Вып. 1–4. Под ред. Чудинова А. В.

Генифе П. Политика революционного террора 1789–1794.

Строганов А. И. Страницы истории Латинской Америки. XX век.

Шапова Ю. Л. Археологическая эпоха (хронология, теория, модель).

Рыбин А. И. В поисках Атлантиды: исследование мифов и легенд.

Варьяш И. И. Правовое пространство Ислама в христианской Испании XIII–XV вв.

Журавлев И. В. Подготовка воинов Аллаха (VI–XIII вв.).

Бароха Х. Каро. Баски.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135–42–16, 135–42–46
или **электронной почтой URSS@URSS.ru**
Полный каталог изданий представлен
в **Интернет-магазине:** <http://URSS.ru>

Издательство УРСС

*Научная и учебная
литература*